

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

АНАТОМИЯ ПРИЗРАКОВ

КНИГА ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Annotation

Богатая и знатная меценатка, патронирующая один из элитных колледжей в Кембридже, нанимает Джона Холдсворта, автора популярной книги о призраках, провести частное расследование. Джон должен выяснить, почему ее сын Фрэнк, студент того же колледжа, внезапно тронулся рассудком. Считается, что причиной умопомешательства стало привидение, которое Фрэнк увидел в университетском саду. Холдсворт допускает существование нечистой силы, однако, попав в стены Кембриджа, он задумывается, так ли уж виноваты в беде Фрэнка местные призраки. Его подозрения в том, что здесь не обошлось без человеческого участия, крепнут, когда Джон узнает, что в колледже действует некое тайное общество, известное под названием Клуб Святого Духа, а Фрэнк являлся его активным участником...

- [Эндрю Тейлор](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

o [42](#)

Эндрю Тейлор

Анатомия призраков

Памяти Дона

Поразительно, но за пять тысяч лет, прошедших после сотворения мира, так и не удалось решить, можно ли считать доказанным хотя бы один случай явления духа человека после смерти. Все факты свидетельствуют против этого, но вера говорит нам: «Да».

*Д-р Джонсон, 31
марта 1778 года*

*(«Жизнь Сэмюэла
Джонсона»
Босуэлла)*

Поздним вечером 16 февраля 1786 года Тайная вечеря близилась к концу. Новый апостол принес клятвы, расписался в книге членов и под аккомпанемент гиканья, аплодисментов и свиста проглотил содержимое священного бокала, дара покойного Мортон Фростуика. Настало время тостов, предшествовавших грандиозной кульминации церемонии.

— Пьем до дна, джентльмены, — приказал Иисус, сидевший во главе стола. — Всем встать! Здоровье Его Королевского Величества!

Апостолы, шаркая, встали; многие не без труда. Четыре стула упали, и кто-то уронил бутылку со стола.

Иисус поднял бокал.

— За короля, благослови его Боже.

— За короля, благослови его Боже, — промычал хор голосов, поскольку апостолы гордились патриотизмом и преданностью трону.

Все осушили бокалы.

— Благослови его Боже! — повторил святой Матфей в дальнем конце стола и завершил страстную проповедь икотой.

Иисус и апостолы сели, и гул беседы возобновился. Длинная комната с высокими потолками была залита светом свечей. Над столом висела изменчивая пелена дыма. Под мраморной каминной доской пылал яркий огонь. Занавеси были задернуты. Зеркала между окнами отражали языки пламени, сверкание серебра и хрусталя и блеск пуговиц. Все апостолы носили одинаковую ливрею — ярко-зеленые сюртуки, отороченные буланым шелком и украшенные выпуклыми позолоченными пуговицами спереди и на обшлагах.

— Долго мне еще ждать? — спросил юноша по правую руку от Иисуса.

— Терпение, Фрэнк. Всему свое время.

Иисус возвысил голос:

— Наполните бокалы, джентльмены!

Он налил вино в бокал соседа и свой, наблюдая, как остальные мужчины повинуются ему, подобно овцы.

— Еще один тост, — пробормотал он на ухо Фрэнку. — Потом — церемония. А после — жертвоприношение.

— Умоляю, ответьте, — Фрэнк положил локоть на стол и повернулся к Иисусу. — Миссис Уичкот знает, что меня сегодня канонизируют?

— А почему вы спрашиваете?

Лицо Фрэнка густо покраснело.

— Я... просто интересуюсь. Подумал, может быть, она знает, ведь мне предстоит провести здесь всю ночь.

— Она не знает, — ответил Иисус. — Она ничего не знает. И вы не должны ей ничего говорить. Это не женское дело.

— Да, конечно. Напрасно я спросил, — локоть Фрэнка соскользнул, и он упал бы со стула, не поддержи его Иисус. — Тысяча извинений. Ну и везунчик же вы, знаете ли! Она просто прелесть... черт побери, только не обижайтесь, Филипп, мне не следовало этого говорить.

— Я не слушал, — Иисус встал, не обращая внимания на желание Фрэнка продолжить приносить извинения. — Джентльмены, настало время для очередного тоста. Всем встать! Будь проклята великая блудница вавилонская, его низейшество папа римский Пий VI, да гниет он вечно в аду со своими присными папистами!

Апостолы осушили бокалы и разразились аплодисментами. Тост был традиционным и уходил корнями к самым истокам клуба Святого Духа. Сам Иисус враждебности к папистам не питал. По правде говоря, его собственная мать была воспитана в лоне римско-католической церкви, хотя и отказалась от родного вероисповедания, обвенчавшись, и приняла вероисповедание мужа, как и подобает доброй жене.

Иисус подождал, пока хлопки и возгласы стихнут.

— Садитесь, джентльмены.

Стулья заскребли по полированным половицам. Святой Иаков опустился на самый краешек стула и неизбежно растянулся на полу. Святой Иоанн метнулся за ширму в дальнем конце комнаты, где, судя по звукам, его вывернуло наизнанку. Святой Фома отвернулся от общества, расстегнул штаны и помочился в один из передвижных стульчаков, удобно расположенный по соседству.

В дверь за спиной Иисуса осторожно постучали. Услышал только Иисус. Он встал и приоткрыл дверь на несколько дюймов. На пороге

стоял мальчик-слуга со свечой в руке и широко распахнутыми от страха глазами.

— Что еще? — рявкнул Иисус.

— Если ваша честь не против, леди внизу была бы вам крайне признательна за возможность перемолвиться с нею словечком.

Иисус захлопнул дверь перед носом мальчишки. Улыбаясь, он профланировал обратно к столу, положил руку на спинку стула святого Петра, сидевшего слева от него, наклонился и зашептал на ухо:

— Я скоро вернусь... надо проверить, все ли готово. Если начнут проявлять нетерпение, велите им пить за здоровье любовниц.

— Уже пора? — спросил Фрэнк. — Пора?

— Почти, — ответил Иисус. — Не сомневайтесь, это стоит ожидания.

Он выпрямился. Святой Андрей задал Фрэнку вопрос о достоинствах водяных спаниелей в качестве подружейных собак, благодаря чему успешно завладел его вниманием, хотя и не надолго. Иисус вышел из комнаты, затворив за собой дверь из красного дерева. Воздух сразу стал намного прохладнее. Он стоял на квадратной лестничной площадке, освещенной двумя свечами, горевшими на полочке рядом с незанавешенным оконцем. На мгновение Иисус приблизил голову к запотевшему стеклу и протер на нем кружок. Было слишком темно, чтобы многое разглядеть, но в дальнем конце сада мерцала лампа над боковой дверью Ламборн-хауса.

Он поспешно спустился. Павильон стоял в глубине сада. Его планировка была крайне проста: гостиная наверху занимала весь второй этаж; лестница в конце гостиной соединяла ее с прихожей на первом этаже, откуда выходили две двери. Одна вела наружу, в сад, другая — в узкий коридор, тянувшийся вдоль всего здания, из которого можно было проникнуть на крытую террасу у реки и в несколько маленьких комнат. Мальчик-слуга, носивший нелепое имя Огастес, сидел на скамейке в прихожей. Он немедленно вскочил и поклонился. Иисус кивнул, и мальчик открыл дверь в коридор. Иисус прошел мимо него, не удостоив ни словом, и захлопнул дверь перед его носом.

Свечи парами горели на полочках вдоль стен — шары света в сумраке. Иисус постучал во вторую по счету дверь, и она отворилась изнутри.

Миссис Фиар втощила его в комнату, встала на цыпочки и пробормотала ему на ухо:

— Маленькая неженка нас подвела.

Небольшая комнатка была выкрашена в белый цвет и напоминала тюремную камеру. Но в ней было довольно уютно, поскольку в камине рдел уголь, занавеси задернуты, а ставни закрыты. Комната была обставлена просто: узкая кровать с белым пологом, стол и два стула. На столе бутылка вина, бутылка фруктового ликера, два бокала и миска с орехами. На камине горела свеча, единственный источник света, не считая огня.

— Подвела? — переспросил Иисус.

— Сами посмотрите. — На миссис Фиар было монашеское одеяние с черным платом, который обрамлял и затенял ее лицо. — Поднесите свет.

Иисус взял свечу и подошел к кровати. Полог был подвязан. Девушка лежала на спине, ее светлые волосы разметались по подушке. Запястья и лодыжки привязаны белыми шнурами к четырем столбикам кровати. Белая ночная рубашка со свободным воротом. Наверное, при жизни она была красива, подумал Иисус — из тех красавиц, что, того и гляди, разлетятся на мириады осколков, если сдавить их покрепче.

Он наклонился ниже. Она была совсем молоденькой... лет тринадцати или четырнадцати. Кожа от природы очень бледная, но щеки горели алым, почти пурпурным. Глаза открыты, а губы широко разошлись.

Он поднес свечу ближе. На губах виднелась пена, а в уголке рта — струйка рвоты. Глаза девушки вылезли из орбит.

— Черт побери.

— Такое расточительство, — сказала миссис Фиар. — К тому же я уверена, что она и вправду была девицей.

— Маленькая сучка. Уж не везет, так не везет. Что случилось?

Женщина пожала плечами:

— Я подготовила ее для него. Пошла в дом, чтобы принести еще свечей, но перед этим она попросила положить ей в рот орешек-другой. А когда я вернулась... сами видите. Она еще теплая.

Иисус выпрямился, но взгляд его задержался на лице девушки.

— Похоже, ее кто-то задушил. — Он быстро огляделся по сторонам.

— Я заперла за собой дверь, — спокойно ответила миссис Фиар. — Она подавилась орехом, вот и все. Мальчик не выходил из прихожей и никого не видел. Ему можно доверять?

— Он всего лишь ребенок. Он ничего не слышал?

— Стены толстые.

Со свечой в руке, Иисус принялся расхаживать по комнате. Миссис Фиар ждала, сложив руки и опустив глаза.

Он указал на потолок, на гостиную наверху.

— Я не могу себе позволить разочаровать Фрэнка Олдершоу. Только не его.

— Полагаю, в таком виде девица его не устроит?

— Что? Мертвая? — Он уставился на миссис Фиар.

— Я же сказала, она еще теплая.

— Ну конечно, не устроит.

— А он заметит?

— Господь всемогущий, мэм, да... наверняка заметит. Он не настолько далеко зашел. К тому же для них все веселье — в борьбе. Поверьте, именно этим они потом хвастают навеселе. Этим, да еще кровью на простыне.

— А вы уверены, что тут никак не изловчиться?

Иисус покачал головой.

— Борьбу изобразить невозможно. Да еще с таким-то лицом. Уверяю вас, ничего не выйдет.

Миссис Фиар потеревала кайму своей накидки.

— И что, вы скажете ему подождать?

— Ему нейдет, мэм. Он не привык, чтобы ему прекословили. Его пыл не остудить барнуэлловской шлюхой, даже подвернись она нам в такой час. Когда вы отыщете замену?

— Через месяц, быть может. И все равно мне придется нелегко. Это не скоро забудут.

— Он стоит больше всех остальных, вместе взятых. Но я не могу ему сказать, что она умерла. Придется объявить, что она испугалась предстоящего и растворилась в ночи.

— Есть еще одно затруднение, — заметила миссис Фиар. — Что нам делать с... этим?

Иисус обернулся и снова посмотрел на белое тело на белой кровати.

Внезапно время помчалось вскачь. События принялись наступать друг другу на пятки в беспорядочной спешке. Снаружи раздался громкий голос и шаги. Ручка двери повернулась. Иисус рванулся к двери, чтобы удержать ее закрытой, но путь ему преградила кровать и мертвая девушка. Миссис Фиар с поразительной скоростью повернулась к источнику звука, но ее юбка зацепилась за угол стола, и дверь уже распахнулась, прежде чем она успела освободиться.

Фрэнк Олдершоу покачивался на пороге. Лицо его было красным, жилет — расстегнут.

— А, вот вы где, Филипп, — произнес он. — Я весь горю, ей-богу, не могу больше ждать.

Он заметил миссис Фиар, и ее неожиданное присутствие заставило его запнуться. Но он был слишком пьян, чтобы вовремя остановиться, и договорил умирающим шепотом:

— Ну и где же вы спрятали мою сладкую невинную крошку?

Тело было найдено в колледже Иерусалима утром в пятницу 17 февраля. Солнце еще только вставало. Сады колледжа были погружены в серый полумрак, который позволял различать общие очертания предметов, но скрывал подробности.

Мужчину, обнаружившего тело, звали Джон Флойд. Но все — порой даже собственная жена — именовали его Том Говнар. Он был таким же бурым, как его прозвание, искатель ненужных безделушек, выброшенных воспоминаний и извергнутых секретов.

Колледж Иерусалима занимал восемь или девять акров земли. С трех сторон его окружала высокая кирпичная стена на средневековом фундаменте из бутового и тесаного камня, с четвертой — основные здания. Стены были увенчаны рядами шипов. Длинный пруд позади часовни изгибался к юго-востоку. Его питал ручей, который монахи много лет назад пропустили под стенами, задолго до того как возникла сама мысль о колледже Иерусалима. На дальней стороне пруда были разбиты Сад членов совета и Директорский сад. Большая часть города располагалась на некотором отдалении от беспорядочного нагромождения зданий колледжа.

Тишину нарушал лишь топот деревянных паттенов^[1] Тома, надетых поверх башмаков, да перестук обитых железом колес его тачки по мощенной плитами дорожке. Он посещал четыре колледжа:

Иисуса, Сиднея Сассекса, Иерусалима и Эммануила. Предпочитал трудиться зимой, поскольку ему платили за объем, а не время, а летом запах вынуждал его наносить визиты чаще. Том работал на отставного хлеботорговца, которого студенты называли торговцем дерьмом. Его хозяин извлекал скромный доход из продажи ученого навоза земледельцам и садоводам.

Этим утром Том успел так замерзнуть, что почти не чувствовал рук. Он только что опустошил уборную директора, что всегда было не самым приятным делом, и покати тачку по мощеной дорожке вдоль задворок Директорского дома, оказавшегося на удивление продуктивным. Дорожка вела к калитке, которую главный привратник, мистер Мепал, только что отпер для Тома, а затем пересекала Длинный пруд по замысловатому деревянному мостику. Колеса тачки грохотали по деревянным планкам, как приглушенный гром. Том повернул налево к маленькой кабинке для домработниц, которая скромно приткнулась на дальней стороне садов колледжа.

Тропинка бежала рядом с прудом в тени огромного дерева. В сгустившемся мраке под ветвями Том поскользнулся на замерзшей луже. Он упал, растянувшись на камнях во весь рост. Тачка перевернулась на покрытую инеем траву и вывалила на берег, по меньшей мере, половину своего вонючего груза. Лопата, которая балансировала наверху кучи, соскользнула в воду.

Задышавшись от холода, Том выправил тележку. Ему придется по возможности убрать грязь и надеяться на чудо — что дождь смоем остальное, прежде чем кто-либо заметит. Но лопата утонула в пруду, а без нее он ничего не мог поделать. Несомненно, вода у берега не слишком глубокая? Он снял свое коричневое пальто, закатал рукава рубашки выше тощих заостренных локтей и уже собирался погрузить руку в воду, когда заметил большой темный предмет, который плавал среди осколков тонкого льда в ярде или двух от берега.

Сначала Том решил, что в пруд упала простыня или рубашка, поскольку восточный ветер разгулялся в последние дни и его порывы часто были свирепыми. В следующее мгновение ему в голову пришла более интересная мысль, а именно, что плавающий предмет — плащ или мантия, сброшенная гулякой во время какой-нибудь пьяной выходки прошлым вечером. Он не раз выуживал шапочки и мантии из

выгребных ям и либо возвращал их владельцам, либо продавал торговцу подержанной университетской формой.

Том Говнарь сунул правую руку в ледяную воду. Захныкал, когда холод обжег его. К счастью, пальцы сомкнулись на черенке лопаты. Все это время мысли были отчасти заняты риском столкнуться с мстительной злобой Мепала, если тот обнаружит, что случилось; риском, который рос с каждой минутой промедления.

Небо постепенно бледнело, но проклятое дерево загораживало свет. Том выпрямился и уставился на предмет в воде. Если это плащ или мантия, в нем таится возможность неплохо заработать.

Он взял лопату в другую руку, низко наклонился над прудом и протянул руку к предмету, который лежал сразу под колеблющейся поверхностью. Вода перехлестнула через край паттена и просочилась в потрескавшийся башмак под ним. Том попытался подцепить тень лопатой, но она ускользнула. Он наклонился чуть дальше. Паттен поехал по илу.

Том Говнарь с визгом шлепнулся навзничь. Холод ударил его, точно ломом. Он открыл рот, чтобы заорать, и наглотался прудовой воды. Его ноги трепыхались в поисках дна. Водоросли обвили лодыжки. Он не мог дышать. Он молотил руками во все стороны. Ему позарез нужно было удержаться на плаву, за что-нибудь уцепиться. Когда он снова начал тонуть, пальцы правой руки сомкнулись на пучке гнилых веточек, внутри которых еще прощупывалась жесткая сердцевина. В тот же миг ноги погрузились в ил, который принял его в объятия, затягивая все глубже и глубже.

Он не сознавал, что вопит. К этому моменту Том Говнарь уже ни о чем не думал и почти ничего не чувствовал. Но задолго до того, как обнаружил, что именно держит, он понял: в том, что обвилось вокруг его пальцев, нет ни капли жизни. Он знал, что коснулся мертвечины.

Другой город, другая водная гладь.

Лучше всего дом на Темзе запомнился Джону Холдсворту светом. Бледный и мерцающий, он заполнял выходящие на реку комнаты с утра и до вечера. Дом был пятой стихией, повисшей где-то между воздухом, водой и неярким огнем.

Джорджи считал, что это вовсе не свет, а призрачная вода, и порой ему мерещились тени, которые колебались и мерцали на стенах. Однажды он поднял весь дом дикими криками, утверждая, что утонувший матрос лихтера^[2] с близлежащей Козьей пристани явился, чтобы утащить его на дно реки. Позже Холдсворт решил, что утопленник был провозвестником будущего, своего рода прелюдией, ведь утопление пронизывало водянистой нитью всю эту печальную историю.

В ноябре 1785-го Джорджи поскользнулся на замерзшей луже, когда играл у Козьей пристани. Пытаясь встать, он споткнулся о канат, привязанный к швартовой тумбе. Мария, его мать, все видела; видела, как мальчик свалился с пристани. Только что он был здесь, бойкий верещащий малыш. И вот он исчез.

Был прилив, и он упал в воду, ударившись головой о борт угольной баржи. Возможно, его убил именно удар по голове. Но погода в тот день стояла суровая. Тяжело нагруженная баржа покачивалась и вздымалась у края пристани, и прошло не менее десяти минут, прежде чем ребенка достали из воды. Так что сложно было сказать, отчего он умер. Его тело размолото между пристанью и баржей. Оно было ужасно изуродовано. Но вполне возможно, что Джорджи утонул до этого. Узнать точно невозможно.

Холдсворт предпочитал думать, что сын умер мгновенно, что само падение убило его, возможно, одним из ударов по голове. Он до самого конца не знал о случившемся, пока за ним не пришли в магазин на Лиденхолл-стрит. Он испытывал чувство вины и недостойную благодарность за то, что, по крайней мере, был избавлен от зрелища смертельного падения сына.

После этого все пошло наперекосяк. А разве могло быть иначе? Мария замкнулась в своем горе. Она отказалась ставить надгробие,

утверждая, что это неправильно, ведь Джорджи не может быть совсем мертв. Большую часть времени она молилась в доме или рядом с невысоким холмиком на кладбище. Все свои деньги она отдала женщине, которая якобы могла видеть призраков. Женщина сказала, что видела Джорджи, говорила с ним; сказала, что он счастлив и передает маме, как любит ее. Она сказала, что Джорджи ныне играет с ягнятами и другими детьми на широком, зеленом, залитом солнцем лугу, и воздух полнится музыкой божественного хора.

Одно за другим Мария продала свои кольца, большую часть платьев и лучшие предметы мебелировки. Деньги она отдавала все той же женщине. В ответ Мария повторяла вновь и вновь, что Джорджи все время думает о своей маме и посылает ей поцелуи и нежные слова, и что скоро они воссоединятся и Господь никогда больше не позволит им разлучиться.

Порой Холдсворт не знал, скорбит ли он по Джорджи или же злится на Марию. Два чувства сплелись в одно. Он был вправе запретить супруге встречаться с той женщиной и побить ее в случае неповиновения. Но ему не хватило духу. Он уже достаточно страдал от чувства вины, поскольку не смог спасти сына. Мария сказала, что Джорджи передает папе свою любовь и обещает, что скоро они будут на небесах вместе с ангелами. Тот обругал жену, и больше она ему ничего не рассказывала.

Холдсворт излил свою злобу, сочинив небольшую книжицу, в которой рассмотрел истории о привидениях, старинные и современные, почерпнутые у модных и классических авторов. Все лучше, чем бить Марию. Он начал с истории о призраке Джорджи — разумеется, не называя имен, — и описал, как мать поверила в посмертную жизнь сына, поскольку нуждалась в этой вере, и как безнравственная женщина жестоко воспользовалась ее наивностью и горем. Лейтмотивом книги было то, что истории о мертвых, посещающих живых, нельзя принимать за чистую монету. Некоторые из них, писал он, всего лишь ребяческие предрассудки, в которые склонны верить исключительно дети и необразованные женщины. Другие же — добросовестные заблуждения и недоразумения, которые становится все легче объяснять, по мере того как естественные науки все глубже проникают в истинное устройство Вселенной Господа нашего. Он признал, что некоторые истории о привидениях обладают

полезным назидательным или религиозным воздействием на умы детей, дикарей или серой массы необразованных простых людей; и в данном отношении они имеют ограниченную ценность в качестве притч. Но их не следует рассматривать как свидетельство божественного или даже демонического вмешательства. Он заключил, что не встретил ни одной истории о привидениях, которую можно было бы рассматривать как свидетельство научного феномена, заслуживающего серьезного внимания образованных мужчин.

Он назвал книгу «Анатомия призраков» и напечатал ее в собственной небольшой типографии на Мэйд-лейн в Суррей-Сайде. Затем дал рекламу в газетах и отвез тираж в магазин на Лиденхолл-стрит. Книга вызвала некоторый ажиотаж. Анонимный обозреватель из «Джентлменз мэгэзин» обвинил автора в том, что он без пяти минут атеист. Два священника-диссидента объявили сочинение нечестивым. Приходский священник церкви святой Этельбурги в Бишопсгейте прочел исключительно враждебную проповедь, выдержки из которой были напечатаны в «Дейли юниверсал реджистер» и затем обсуждались в частных гостиных и общественных местах по всей стране. В результате книга хорошо продавалась, что было весьма кстати, поскольку после смерти Джорджи мало что приносило доход.

Магазин торговал старыми и новыми книгами, брошюрами, письменными принадлежностями и рядом патентованных лекарств. К несчастью, за два месяца до смерти Джорджи Холдсворт взял две крупные ссуды: одну — чтобы расширить помещение, другую — чтобы приобрести библиотеку частного коллекционера, наследники которого не усматривали в чтении пользы. После смерти сына он редко заходил в магазин. Беспечный помощник сложил новоприобретенную коллекцию в подвал, где сырая зима уничтожила две трети книг. Тем временем управляющий типографией заболел и уволился; Холдсворт передал предприятие его заместителю, но тот оказался негодяем и пьяницей и выжал из дела все соки. Однажды ночью небрежность заместителя оказалась даже более вредоносной, чем его криминальные склонности: он отправился домой, не потушив свечу, и к утру типография сгорела дотла, включая все ее содержимое. В огне Холдсворт также потерял все книги, которые перенес с Лиденхолл-стрит, в том числе почти все нераспроданные экземпляры «Анатомии призраков».

Марии, казалось, не было дела до этих несчастий. Не считая визитов в часовню, она не выходила из дома на Банксайд у Козьей пристани. Большую часть дня Мария проводила либо на коленях, либо запершись с женщиной, которая умела говорить с призраками и передавала утешительные послания от Джорджи.

В марте Холдсворту наконец удалось пробиться сквозь ее сосредоточенность, хотя он предпочел бы сделать это другим способом. Срок аренды дома истекал в День середины лета^[3], и он был вынужден признаться жене, что они не смогут продлить ее даже на квартал. Он сказал, что еще не обанкротился, но опасно близок к этому. Им придется съехать из дома у Козьей пристани.

— Я не могу отсюда уехать, — сказала Мария.

— Мне очень жаль, но у нас нет выбора.

— Но, сэр, я не могу покинуть Джорджи.

— Дорогая, он больше не живет в этом доме.

Она яростно затрясла головой.

— Нет, живет. Его земное присутствие сохранилось в месте, где он был рожден, где он жил. Его душа смотрит на нас с небес. Если мы съедем отсюда, он не сможет нас найти.

— Умоляю, не надо расстраиваться. Мы заберем его с собой, в наших сердцах.

— Нет, мистер Холдсворт.

Мария сложила руки на коленях. Она была маленькой спокойной женщиной, очень опрятной и самодостаточной.

— Я должна остаться со своим сыном.

Холдсворт взял ее холодные руки, безучастно лежавшие на коленях. Она даже не взглянула на него. Ему было все равно, что типография погибла, что остатки магазина на Лиденхолл-стрит в течение недели пойдут с молотка и что вырученных денег, возможно, не хватит даже на покрытие долгов. Но ему было не все равно, что его жена стала возлюбленной незнакомкой.

— Мария, у нас впереди еще несколько недель, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Мы все обговорим, решим, когда и как вернемся сюда, если ты этого хочешь. В конце концов, мы можем ходить мимо дома, когда пожелаем, хотя и не заходя внутрь. Постепенно мы вполне свыкнемся с этой мыслью.

— Джорджи передает папе свою самую горячую любовь, — Мария лепетала, как ребенок. — Он говорит, что мама и папа не должны покидать его обожаемый дом.

Холдсворт ударил жену, и она скорчилась в углу гостиной. Он сломал стул и высунул кулак в окно, которое выходило на реку.

Он никогда раньше не бил Марию и никогда больше не ударит. После стоял в гостиной, и кровь бежала по руке — он ободрал костяшки пальцев о зубы жены. Он плакал, впервые с тех пор, как был ребенком. Мария глядела на него с пола; ее глаза были полны боли и удивления. Она коснулась головы и уставилась на кровь на своих пальцах. На ее губах тоже кровь, которая запачкала голые доски пола. Кто бы мог подумать, что один удар причинит столько вреда?

Холдсворт поднял жену, принялся целовать и обнимать ее и говорить, что, конечно же, скоро они воссоединятся на небесах, все трое. Но было уже слишком поздно.

Той ночью они легли спать рано. К своему облегчению, Холдсворт крепко уснул. Сон был последним прибежищем, которое у него оставалось, и, кувырнувшись в него, он жадно распахнул ему объятия. Утром он проснулся от громкого стука во входную дверь. Мария больше не лежала рядом с ним на кровати, где Джорджи был зачат и рожден. Она утонула у Козьей пристани.

Поразительно, как быстро может рухнуть жизнь, если убрать ее опоры. В миг того резкого пробуждения Холдсворту показалось, что он потерял всяческую материальность. Он по-прежнему перемещался в реальном трехмерном мире, мире, существующем во времени и населенном людьми из плоти и крови, но сам более не состоял из упомянутых веществ. Словно тело претерпело химическую метаморфозу, которая изменила его состав. Он стал аморфным, как туман над рекой.

В отличие от Джорджи, тело Марии осталось нетронутым, не считая разбитой губы и ранки, немногим серьезнее царапины, на левом виске — цвета тернослива, размером с пенни. Мария была полностью одета.

На суде Холдсворт и два его соседа показали, что Мария часто выходила подышать рано утром и имела обыкновение прогуливаться по Банксайд, время от времени задерживаясь у Козьей пристани, где в

прошлом ноябре в результате несчастного случая погиб ее сын. Большое значение было придано факту, что утро выдалось туманным. Два лодочника, которые в означенное время находились поблизости, заявили, что ничего не видели уже в паре ярдов от собственного носа, не говоря уже о куполе собора Святого Павла за рекой. К тому же сама пристань пребывала в прискорбном состоянии — ветхая, сплошь покрытая зеленой тиной и оттого скользкая. Коронер, человек гуманный, не раздумывая, вынес вердикт; смерть вследствие несчастного случая в отсутствие свидетельств противоположного.

Через несколько дней Холдсворт наблюдал, как его жену опускают в кладбищенскую землю. Ее положили в одну могилу с сыном. Холдсворт отводил глаза, чтобы случайно не увидеть маленького гробика Джорджи.

На похоронах Нед Фармер стоял рядом с Холдсвортом, а миссис Фармер вместе с немногочисленными родственниками и друзьями — за их спинами. В юности Холдсворт и Фармер вместе учились. Нед был крупным, неуклюжим, добродушным мальчишкой, а теперь стал крупным, неуклюжим, добродушным мужчиной. Единственным дальновидным решением в его жизни стал брак с дочерью богатого печатника из Бристоля, хотя и это решение принял не он, а упомянутая леди. Теперь ее отец умер, и его единственная наследница решила, что настала пора перебраться в Лондон и развернуть дело здесь, ведь именно в столице можно сколотить состояние на издании и продаже книг. Она уговорила Неда предложить выкупить остатки дела, которое Холдсворт созидал годами. Предложение было не слишком щедрым, но зато верным, в то время как план пустить все с молотка содержал в себе немалую долю риска. Более того, Нед сказал, что аренду дома на Банксайд они тоже переведут на себя.

— Бетси прямо влюбилась в него, из-за реки и удобства, — пояснил он. — А над магазином она жить не желает. Впрочем, прости меня, Джон, наверное, я затронул мучительную тему.

— Меня мучает не река, — ответил Холдсворт. — И не дом.

— Да-да, конечно. Но скажи-ка мне вот что... где ты собираешься жить?

— Я еще не решил.

— Тогда, если не против, оставайся с нами, пока не встанешь на ноги.

— Ты очень добр. Но что, если миссис Фармер?..

— Пф! Бетси сделает, как я попрошу, — ответил школьный товарищ. Оптимизм оставался еще одной чертой, которая сохранилась у Неда нетронутой с детства. — Считаю, это дело решенное.

Остаться в доме у реки, жить с Фармерами — не самая веселая перспектива. Зато удобная, и кроме того, так можно отложить принятие решения.

Холдсворт знал, что долго это не продлится. В былые времена Мария часто говорила, что он спит мертвецким сном. Но в свою первую ночь в доме на Банксайд в роли гостя Фармеров он не спал — ему снились мертвецы.

Приснилось, что на похоронах Марии он заметил крошечный гробик Джорджи в глубине разверстой могилы. Крышка откинута, а дерево расщеплено, как будто кто-то пытался выбраться наружу. Священник говорил без остановки. Из гроба поднялся черный прилив. Он накатывал волнами, прибывал и отступал под звуки молитвы священника, а откатывался только для того, чтобы нахлынуть еще дальше.

Холдсворт проснулся, но прилив продолжил подниматься, карабкаясь по его ногам, словно патока. Он взбирался все выше и выше, пропитав его ночную рубашку. В груди стучал кузнечный молот. Холдсворт не мог дышать, и боль была такой невыносимой, что он не мог даже кричать.

Скоро черный прилив достигнет его рта. Затем ноздрей. И тогда он утонет.

Утром вторника 23 мая 1786 года Джон Холдсворт проснулся, когда еще не рассвело. Он слушал скрип дерева, вздохи ветра в оконном переплете и гнусавый храп слуги по ту сторону перегородки. Глядел, как первые проблески света проникают сквозь ставни и постепенно наливаются силой. Вскоре после рассвета он оделся, спустился вниз с башмаками в руках и выскользнул из дома еще до того, как проснулась горничная. Прошлым вечером он подслушал, как Фармеры ссорились из-за его присутствия в доме. Он знал, что жена обладает более сильной волей, и торжество ее точки зрения — всего лишь вопрос времени.

Утро оказалось прекрасным: огромный купол собора Святого Павла ослепительно белел за рекой, его силуэт четко выделялся на фоне синего неба, и стайка облаков выстроилась на восточной стороне горизонта, словно караван парусов. Сама река уже была забита яликами и баржами. Стоял отлив, и мусорщики бродили по обоим берегам. Чайки кружили, кричали и ныряли за добычей между ними. Было более ясно, чем обычно, и дым, который натужно поднимался из бесчисленных труб, казалось, нарисовали чернилами.

Холдсворт прогулялся вдоль Темзы до Лондонского моста. Похоже, в этот час бодрствовали исключительно бедняки. Бедность, говорил себе Джон, пробираясь вдоль реки, это состояние, которое благоприятствует познанию прихотей и слабостей человеческой природы. Он никогда по-настоящему не замечал бедняков в дни своего процветания, разве что в качестве раздражающих мелочей, наподобие вшей; или, в лучшем случае, зрителей великой драмы существования, в которой роли со словами играли их более успешные сородичи. Джон пробормотал это вслух, и случайный прохожий обошел его стороной. Единственное стоящее знание — то, что от голода мутится в голове.

На Лиденхолл-стрит один из учеников уже снимал ставни. Холдсворт хранил свою тачку и остатки книг в маленьком кирпичном флигеле на заднем дворе. В былые времена здесь работал переплетчик, но Нед Фармер поручил его часть работы субподрядчику, поскольку миссис Фармер полагала (возможно, справедливо), что это более выгодно.

Холдсворт снял покрывало с тачки, медленно выкатил ее со двора и пошел на запад по Лиденхолл-стрит. Бывали дни, когда он доходил до самой Пикадилли, никогда не оставаясь на одном месте подолгу. Лабиринт улиц представлял большой магазин, и каждый уличный торговец ревниво охранял свою территорию от посягательств. Книги в его тачке стоили гроши. И все же с их помощью можно было заработать больше, чем ничего; благодаря им он пока не впал в абсолютную нищету и полную зависимость от доброты Неда.

В тот день Джон скудно пообедал хлебом, сыром и элем в убогой маленькой таверне на Комптон-стрит. Затем потихоньку вернулся в Сити. На углу Лиденхолл-стрит торговец певчими птицами собирался домой. Холдсворт опустил ручки тачки на землю. Наклон был удобен для торговли, и он использовал его при малейшей возможности.

Вечер был приятным — опять же хорошо для торговли. Вскоре книги Холдсворта ворошили уже трое или четверо мужчин. Большинство книг являлись сборниками проповедей и другими благочестивыми трудами, но имелись также стихи, несколько переплетенных номеров «Рэмблера» и разрозненные издания классических авторов, которые значительно потеряли в цене, покрывшись пятнами сырости или прокоптившись в дыму. Среди прохожих, листавших книги, имелся сгорбленный человечек в сюртуке табачного цвета. Лицо — темное и кожистое — поразительно напоминало переплет книги, которую он изучал — «Од» Горация в пол-листа. Холдсворт наблюдал за ним, но незаметно. Мужчина выглядел уважаемым... возможно, аптекарь; в нем ощущался человек интеллектуального труда... как и в том парне на прошлой неделе, которого Джон принял за сельского священника и который стащил Лонгина в двенадцатую долю листа, когда Холдсворт отвлекся на другого покупателя.

Человечек почесал шею правой рукой; его пальцы скользили под толстым не по сезону шарфом, словно голодные зверушки. Он посмотрел Холдсворту в глаза. Отдернул руку. Быстро кивнул и придвинулся чуть ближе.

— Я имею честь говорить с мистером Холдсвортом? — спросил он сильным голосом, почти шепотом.

— Да, сэр.

Прежние клиенты нередко узнавали его в изменившихся обстоятельствах и желали перебраться парой слов — из любопытства, быть может, или из жалости. Он им не препятствовал, поскольку порой они покупали книги, а он не мог больше позволить себе быть гордым.

— Превосходно, — ответил человек.

В беседе наступило затишье, воспользовавшись которым, юноша с печальными глазами приобрел «Серьезный призыв» Лоу. Человек отошел в сторону на время совершения покупки, листая страницы Горация. Когда покупатель удалился, он поднял взгляд от книги.

— Я заглянул с визитом к мистеру Фармеру, — он прочистил горло и поморщился, как будто от боли. — Надеюсь, я не слишком неделикатен?

— Вы всего лишь правдивы, сэр. Заведение принадлежит ему.

— Верно. И... как бы то ни было, он сказал, что я могу найти вас здесь.

— Чем могу помочь, сэр? Вам нужна какая-то конкретная книга?

— Нет, мистер Холдсворт. Мне нужна не книга. Мне нужны вы.

— В таком случае, сэр, я к вашим услугам. И зачем же я вам понадобился?

— Прошу прощения. Я не представился. Меня зовут Кросс, сэр, Лоуренс Кросс.

Они поклонились друг другу, стоя по разные стороны тачки с книгами. Другие потенциальные покупатели уже разошлись.

— Я хотел бы сделать вам предложение.

— Конечно, пожалуйста.

— Этот вопрос не подлежит обсуждению на улице. Когда вы освободитесь?

Холдсворт взглянул на солнце.

— Через полчаса, вероятно. Тогда мне останется только отвезти свою тачку к мистеру Фармеру.

Мистер Кросс снова потер шею.

— Замечательно. Вы не изволите составить мне компанию в кофейне святого Павла? Скажем, через сорок минут.

Холдсворт согласился, и человек поспешно удалился.

Через двадцать минут Холдсворт покатыл тележку по улице и оставил ее на ночь на заднем дворе. Он надеялся уйти незамеченным,

но Нед Фармер выбежал из магазина и положил ему руку на плечо.

— Джон, это чертовски неучтиво — убегать, не обменявшись и словом, — он хлопнул товарища по плечу. — Где ты был сегодня утром? Должно быть, выскользнул из дома еще на рассвете.

— Я рано встал. Не мог уснуть.

— Ну, хорошо, а сейчас?

Холдсворт объяснил, что у него назначена встреча. Он не мог привести другую причину, а именно, что находит бодрую трескотню Неда почти такой же докучливой, как его неизменная доброта. Вдали от дома, вдали от миссис Фармер он выказывал ее без ограничений, что тяготило сильнее, чем можно вообразить.

— Да, кстати, о тебе кто-то спрашивал, — поспешно добавил Нед, поскольку вовсе не был бесчувственным. — Высохший человечек, похожий на коричневую обезьянку с жестокой простудой. Я сказал, что можно отыскать тебя на углу.

Его широкое красное лицо на мгновение омрачилось.

— Надеюсь, он прилично себя вел.

— Вполне.

— Так, значит, он тебя нашел? И что?

— Вот он-то и назначил мне встречу.

— Я же говорил! Человек с твоей репутацией должен привлекать предложения со всех сторон. Это просто вопрос времени, Джон. Не сдавайся, и жизнь снова наладится, — Нед покраснел еще гуще. — Черт бы побрал мой длиннющий язык, вечно он бежит впереди меня. Извини. Я имел в виду только деньги, разумеется.

Холдсворт улыбнулся ему.

— Я пока не знаю, чего он хочет.

— Возможно, он хочет купить книги, — предположил Нед. — И нуждается в твоём совете.

— Он не похож на человека, у которого есть лишние средства для приобретения предметов роскоши.

— Пф-ф, — громогласно фыркнул Нед. — Книги — это не предметы роскоши. Это пища и вода для рассудка.

Хотя Джон пришел слишком рано, мистер Кросс уже ждал в кофейне, сидя за одним из маленьких столиков у двери.

— Я заказал херес, — пробормотал он. — Надеюсь, вы не откажетесь?

Холдсворт сел. Мистер Кросс не выказывал склонности немедленно перейти к делу, которое привело его сюда.

— А вы высокий, — заметил он. — И к тому же широкоплечий. Я издали заметил вас в толпе. Думал, окажетесь старше, но вы еще довольно молодой человек.

— Но опытный, сэр.

— Не сомневаюсь.

Во время ожидания хереса Кросс упорно говорил о теплой погоде, переполненных улицах и нестерпимом зловонии реки. Официант пришел довольно скоро, и Холдсворт с удовольствием отметил, что он также принес печенье. Первый глоток вина, казалось, одновременно скользнул жаркой струйкой в желудок и поднялся не менее жарким паром прямо в мозг.

Мистер Кросс поставил рюмку и достал роговую табакерку. Постучал по крышке, но открывать не стал.

— Должно быть, вам приходится нелегко.

— Простите, сэр?

— Нет, это вы меня простите, ради бога, за мою дерзость, но сегодня я наблюдал за вами. Вы переносите невзгоды с превеликим терпением.

Холдсворт наклонил голову, размышляя о том, что этот человек сделал весьма далеко идущие выводы из столь поверхностного знакомства.

Мистер Кросс взял понюшку табаку, закрыл глаза и вдохнул. Через несколько секунд он чихнул с таким взрывным звуком, что разговоры за соседними столиками на мгновение утихли. Он достал носовой платок в пятнах, вытер слезящиеся глаза и высморкался.

— Ради бога, поверьте, сэр, я не хотел вас оскорбить. Скажите, у вас сейчас достаточно свободного времени, чтобы выполнить одно поручение?

— Это зависит от его характера.

— У вас репутация великолепного букиниста. Говорят, вы разбираетесь в ценности книг.

Холдсворт промолчал.

— К примеру, вы составили каталог библиотеки Митчелла, — продолжил мистер Кросс, — и осуществили ее продажу. Насколько я понял, сэра Уильяма остался весьма доволен результатом. И, конечно же, собрание архидиакона Картера!

Джон кивнул. Кросс провел неплохое расследование. Его договоренность с сэром Уильямом Митчеллом не становилась достоянием общественности.

Пожилой мужчина ослабил шарф на шее.

— Таким образом, я не погрешу против истины, если скажу, что каталогизация и оценка подобных библиотек лежит в пределах вашей компетенции?

— Разумеется.

— И вы также способны дать совет касательно заботы и ухода за ценными книгами?

— Естественно. Книгопечатание и переплетное дело — часть моего ремесла. Я правильно понимаю, что в то поручение, о котором вы упомянули, входит составление каталога библиотеки?

— Возможно, в числе прочего.

— И это ваша личная библиотека, сэра?

— В настоящее время она принадлежит моему нанимателю.

— И что именно вы хотели бы поручить мне от его лица?

— Мой наниматель — леди, сэра, — мистер Кросс заново наполнил рюмку Холдсворта. — Скажите, имя Олдершоу вам о чем-нибудь говорит?

— Покойный епископ Розингтонский?

— Именно. Вы были знакомы?

— Нет, сэра. Я не имел чести служить его светлости. Знал его лишь по рассказам. Выходит, его библиотека еще не распродана?

— Пока нет. Она принадлежит его вдове. Его светлость всецело доверял суждению леди Анны. Я полагаю коллекцию весьма значительной, как по объему, так и по стоимости.

— Несомненно, это совпадает с общим мнением.

Мистер Кросс поскреб щетину на подбородке.

— Что ж, сэра. Вы сказали, что в настоящее время свободны и можете выполнить поручение подобного рода. Насколько могу судить, вы кажетесь вполне сведущим для предстоящей задачи. Но, разумеется, решение должна принять сама леди Анна.

Холдсворт склонил голову.

— Разумеется.

Кросс устроил пышное представление вокруг очередной понюшки табаку, за которой последовал тот же взрывной ритуал, что и в прошлый раз. Он быстро поднял глаза, как будто осознал, что Холдсворт наблюдает за ним.

— Осталось только договориться о времени, когда вы нанесете визит ее светлости.

— Минуточку, сэръ! Почему ваш выбор пал на меня? Есть множество не менее компетентных особ, которые могли бы выполнить подобное поручение. И это только мягко говоря.

— Увы, я не могу вам сказать, — ответил мистер Кросс нарочито двусмысленно. — Ее светлость полагает, что ваш визит будет уместен завтра до полудня.

— Прекрасно. Смею предположить, ее светлость находится в городе?

— Да. Я дам вам адрес.

Джон пригубил херес и откусил от очередного печенья, стараясь не проглотить его целиком. Кросс тем временем достал потрепанную записную книжку, вырвал лист, нацарапал пару слов карандашом и протянул через стол.

— Голден-сквер, тридцать пять, — вслух прочел Холдсворт. — Одиннадцать утра.

— Дом стоит на северной стороне.

Кросс отодвинул стул и встал, махнув рукой официанту. Он отвернулся, чтобы заплатить по счету. Казалось, внезапно заторопился. Затем снова повернулся к Холдсворту и кивнул.

— Весьма обязан вам, сэръ, — прошептал он. — Да, обязан. Желаю приятного дня.

Джон кивнул в ответ и проследил, как человек тенью скользит через битком набитый зал на улицу. Потом он съел оставшиеся два печенья и допил херес, находясь в приподнятом расположении духа от перспективы получить работу. Но когда он отодвинул пустую рюмку, ему пришло в голову, что благодарность мистера Кросса кажется поистине не соизмеримой с природой соглашения, которое они только что заключили. Более того, на мгновение черты его лица сложились в выражение, которое поразительно походило на облегчение.

На Голден-сквер леди Анна Олдершоу сидела в низком кресле красного дерева у мраморного камина в задней гостиной. Несмотря на теплый день, в стальном очаге пылал огонь. На леди Анне был траур; лицо ее, как всегда, оставалось безупречно белым, монохромным вторжением в цветной мир. На ее коленях лежала раскрытая книга; горничная штопала белье за столом у окна. Леди Анна вошла в этот дом невестой, поскольку он был частью ее брачного контракта вместе со всем содержимым. В этой комнате мало что переменялось с тех пор. Тяжелые бархатные занавеси выцвели до пыльно-янтарного цвета, а на крашенных стенах появились бледные пятна в тех местах, где поколение слуг стирало свечную копоть.

Элино́р Карбери присела в реверансе в дверях. С безмерной снисходительностью леди Анна протянула ей руку и даже дала знак, что Элино́р может поцеловать ее в щеку.

— Как мило, что вы приехали в такую даль, — заметила она, — и к тому же в общественном экипаже. Я непременно отправлю вас обратно в своей личной карете. Но вы, надеюсь, не слишком торопитесь?

— Я должна вернуться в четверг, — ответила Карбери. — Доктор уверяет, что не сможет обойтись без меня сколь-либо дольше. Он сейчас не похож на самого себя. Теплая погода выбивает его из колеи.

С машинальной любезностью потомственной аристократки леди Анна методично удовлетворила свое любопытство касательно путешествия Элино́р, погоды и здоровья доктора Карбери. Существует правильный способ что-либо делать — и неправильный. Леди Анна знала Элино́р с тех пор, как та была девочкой, и после смерти своего отца она месяцами проживала под крышей Олдершоу. Хозяйка, вероятно, любила Элино́р, как и все прочие живые существа, не считая собственного сына; и скучала по ней почти как по дочери, когда не видела сколь-либо продолжительное время. Но та стояла ниже по социальной лестнице, и она никогда об этом не забывала.

Наконец слуги оставили их наедине, и вскоре после этого обмен любезностями был завершен.

Леди Анна сложила руки на коленях и уставилась на огонь.

— Есть новости о Фрэнке?

— Доктор Карбери осведомлялся о нем не далее как вчера, мадам, и я счастлива сообщить, что новости хорошие. Его тело идет на поправку, и дух намного спокойнее, чем прежде. Доктор Джермин приложил для вас письмо; вот оно.

Она протянула письмо леди Анне, которая отложила его в сторону и спросила, не желает ли Элино́р подкрепиться после путешествия. Но взгляд ее то и дело падал на конверт, и Элино́р намекнула, что ей и самой не терпится узнать, как дела у мистера Фрэнка, и громко поинтересовалась, не содержится ли в послании доктора Джермина более развернутой версии его словесного сообщения доктору Карбери, по необходимости столь краткого. В ответ на это леди Анна отыскала очки, взяла конверт, сломала печать, быстро просмотрела письмо и подняла глаза.

— Доктор Джермин пишет, что дела у Фрэнка идут на лад. Но нам не следует надеяться на скорое исцеление, — она поджала губы. — Что ж, моя дорогая, за этим мы проследим.

— Говорят, доктор Джермин весьма способный врач.

— Несомненно. Но разве мистер Ричардсон не несет определенной ответственности за то, что случилось? В конце концов, он тьютор^[4] Фрэнка. Надеюсь, я не поступила необдуманно, поместив Фрэнка под его опеку. В то время я испытывала некоторые сомнения насчет своего выбора, но он понравился Фрэнку, и сын надавил на меня. Скажите, дорогая, он не говорил чего-либо, способного пролить свет на поведение Фрэнка? Я постоянно спрашиваю себя, нельзя ли было этого избежать, если бы он внимательнее следил за своим учеником.

— Тьютору не всегда легко надзирать за подопечными, мадам, особенно... — Элино́р искала слово, которое не оскорбило бы слух леди Анны, — особенно когда его ученики обладают таким твердым характером, как мистер Фрэнк.

— Верно, даже мальчиком он всегда стремился верховодить, — согласилась леди Анна. — Он — Воден до мозга костей. Но Фрэнк еще очень молод... он нуждается в руководстве более зрелых и мудрых умов.

В дверь постучали, и на пороге вырос лакей. Он объявил, что явился мистер Кросс и просит о чести переговорить с хозяйкой.

— Впустите его. Нет-нет, дорогая, вы можете остаться, — велела она Элино́р, которая привстала со стула. — Я хочу, чтобы вы тоже выслушали мистера Кросса. Он помогает мне в одном маленьком предприятии.

Мистер Кросс проскользнул в комнату, очень низко склонился перед леди Анной и намного менее низко — перед Элино́р. Он был дворецким Олдершоу, но в действительности знал леди Анну намного дольше, чем кто-либо в доме, поскольку вырос в поместье графа Водена рядом с Лидмутом и сделал первые шаги на выбранном поприще под руководством тамошнего дворецкого.

— Ну? — поторопила леди Анна. — Вы можете свободно говорить при миссис Карбери.

— Я виделся с мистером Холдсвортом, миледи. Он нанесет визит вашей светлости завтра утром.

— И что вы ему сказали?

— Я упомянул лишь о предполагаемом составлении каталога и оценке собрания его светлости — и, возможно, необходимости советов по его сохранению. Хотя он никогда не имел чести вести дела с его светлостью, он, разумеется, прекрасно осведомлен о репутации коллекции.

— Но больше вы ничего не сказали?

— Нет, мадам. Я в точности следовал вашим указаниям. — Он прочистил горло. — Он, однако, спросил, почему я обратился именно к нему, а не другому специалисту его квалификации. Мне пришлось сказать, что я не могу ответить на этот вопрос. Надеюсь, я поступил правильно.

— Совершенно правильно, мистер Кросс, — милостиво уронила леди Анна. — Как он вам показался?

— Боюсь, он находится в весьма стесненных обстоятельствах, и невзгоды изрядно его тяготят. Но он, несомненно, способен справиться с библиотекой... как вы и наказали, я навел обширные справки на этот счет, прежде чем обратиться к нему. Что до него самого, то он моложе, чем я ожидал. Обладает приятной внешностью, энергичен и физически развит.

— Очко в его пользу, — заметила леди Анна. — Продолжайте.

— Он мало говорил, но исключительно по делу, мадам. Я бы сказал, что он обладает благоразумием и изрядной решительностью. В

целом, мое первое впечатление оказалось благоприятным.

Леди Анна поблагодарила его, и дворецкий удалился. Когда дамы снова остались одни, она повернулась к Элинор:

— Вот видишь, моя дорогая. Я воспользовалась твоей подсказкой.

— Дражайшая мадам, молю бога, чтобы наш план не сорвался. Я бы ни за что...

— Тогда давайте надеяться, что он не сорвется, — перебила леди Анна неожиданно резким тоном. — Завтра мы узнаем, считает ли автор «Анатомии призраков» себя способным применить на практике то, что проповедует.

Здесь водились деньги, но не расточительность. У торговцев развивается особое чутье в подобных вопросах. Дом на Голден-сквер был новым и фешенебельным в начале столетия, но пора его расцвета давно миновала. Однако в нем царила атмосфера спокойного уюта, отметил Холдсворт, столь редкая в домах нуворишей или любителей жить на широкую ногу, погрязших в долгах.

Лакей провел Джона по коридору, через переднюю и, наконец, в длинную запущенную комнату в задней части дома. Книги громоздились повсюду: стояли на полках вдоль стен, лежали на столах и полу, переполняли чулан в конце комнаты.

— Мистер Холдсворт, миледи, — объявил лакей.

Леди Анна Олдершоу сидела у ближайшего из двух окон, и на столе перед ней лежал раскрытый том. Она жестом подозвала Холдсворта. Леди Анна была маленькой и худенькой, с лицом таким резким и тонким, будто его вырезали бритвой из воска. Ей можно было дать любой возраст от сорока до семидесяти лет. Лицо ее толстым слоем покрывали белила, так что кожа под ними, вероятно, была испещрена оспинами; ведь от оного зла не способны уберечь ни богатство, ни порода.

— Мистер Холдсворт, — произнесла она сухо и отстранение. — Доброе утро.

— Мадам, — он низко поклонился. — Служить вашей светлости — честь для меня.

— Пока что вы мне не служите. Это еще предстоит решить.

— Да, миледи.

Джон ожидал, что она скажет, чего хочет, но леди оставалась безмолвной, изучая его без малейшего смущения. Через мгновение он отвернулся от ее белого лица. Холдсворт подумал, что, несмотря на содержимое комнаты, это всего лишь временная библиотека. Книги расставлены человеком, который не знал или не пекся об их несомненной ценности. Его взгляд упал на шаткую стопку книг на открытом секретере между окнами; их не следовало так оставлять. Такая же стопка висилась на столе позади секретера, рядом с креслом...

В комнате был кто-то еще. Кресло у второго окна стояло спинкой к комнате. Холдсворт заметил женский чепец над креслом и, на одном из подлокотников, раскрытую книгу, на страницах которой покоилась длинная ладонь.

Леди Анна прищелкнула языком о небо и взглянула мимо Холдсворта на лакея.

— Я позвоню, если вы мне понадобится, Джеймс.

Лакей поклонился и молча вышел.

— Мистер Кросс сказал вам, что я хочу избавиться от библиотеки своего покойного мужа, — произнесла леди Анна. — Часть ее находится в этой комнате. Есть и другие книги, но они пока остались в деревне. Насколько я понимаю, вы знакомы с собранием?

— Только по слухам, мадам.

— Я решила избавиться от большей части библиотеки. Но сначала я хочу узнать, что в ней содержится и, разумеется, сколько это стоит.

— Вы хотите продать библиотеку целиком или по...

— Я не собираюсь ничего продавать. В любом случае, мне нужен ваш совет не только и не столько насчет книг.

— Боюсь, я не вполне вас понимаю, мадам.

— Это потому, что я еще не высказала свое пожелание, — Анна подождала томительные полминуты, подчеркивая свою власть над темпом и направлением беседы. — Я хочу посоветоваться с вами насчет призраков.

— Прошу прощения, миледи. Я не вполне расслышал, что вы сказали?

— Уверена, что вы прекрасно расслышали. Хочу посоветоваться с вами насчет призраков. Насчет одного конкретного призрака.

После этого в комнате повисла тишина. Ее нарушил лишь шелест страницы, которую перевернула женщина в кресле. Леди Анна втянула щеки, и на мгновение Джону померещилось, что вместо существа из плоти и крови на него смотрит голый череп в кружевном чепце.

— Мое ремесло — торговля книгами, мадам. Я не какой-нибудь охотник за привидениями. Вашей светлости лучше поискать в другом месте.

— Я не согласна. Я прочла вашу... ваш памфлет. Вы кажетесь более чем компетентным, чтобы дать совет на данную тему.

Холдсворт широко раскинул руки.

— Я писал в приступе злобы. Пытаясь облегчить боль.

— Несомненно, сэр. Но дело не в этом. Насколько я поняла, вашу покойную супругу терзала некая особа, которая облыжно заявляла, будто способна общаться с потусторонним миром. Вы собирались вскрыть обман, но совершили намного больше. Вы обнаружили, что утверждения тех, кто верит в привидения, лишены оснований. За возможным исключением непосредственного божественного вмешательства, все подобные истории можно свести к распространенным суевериям, завладевшим необразованными умами, или проказам и шуткам над легковерными людьми, часто в надежде получить материальную выгоду. Таковы были ваши аргументы, которые вы отстаивали с величайшим усердием.

— Тем не менее я не могу объявить себя авторитетом.

— Вам и не придется. — Ее голос стал скучающим. — Я хочу сделать вам предложение.

— Насчет библиотеки его светлости?

— Я же сказала, что хочу посоветоваться с вами насчет призрака. Так называемого призрака. Но вышло так, что упомянутый призрак неразрывно связан с книгами его светлости и их будущим. Поэтому я предлагаю вам два поручения, и если вы примете одно, вы обязаны принять и второе.

— Мадам, я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Все очень просто. Вы показали, что те, кто терзает легковерных своими рассказами о призраках, — мошенники. Вы начали с конкретного случая, это верно, но после перешли к рассуждениям в целом. Инструменты, которые подобные люди используют в своем порочном ремесле, — это духи, видения, призраки и суеверия; но они применяют их во снах, мистер Холдсворт, применяют их в чужих снах. Вы привлекли силы разума, чтобы коснуться их бесчестных приемов и показать истинную сущность: ловушки, чтобы дурачить глупцов, силки, чтобы запутывать боязливых. Они всего лишь пиявки, которые питаются горестями невинных. Благодаря вам это ясно как день.

— Не много же радости это мне принесло. Или кому-либо другому.

Джон заметил движение уголком глаза. Женщина у дальнего окна выглянула из-за спинки кресла и смотрела на него. У него сложилось

мимолетное впечатление длинного лица с густыми темными бровями и челкой, выбивающейся из-под чепца.

— Вы сделали это однажды, — сказала леди Анна. — Вы сделаете это снова. Я щедро вознагражу вас, поскольку у меня есть особая причина просить об этом. И к тому же вам предстоит немало потрудиться над библиотекой епископа. Я предлагаю вам возможность поправить свои дела и оказать мне весьма существенную услугу. Более того, тем самым вы поможете спасти человеческую душу от отчаяния, если не от вечных мук. Несомненно, своекорыстие и христианский долг требуют от вас одного и того же?

Холдсворт промолчал. Из-за белил ее лицо выглядело мертвенно-бледным. В самом конце Мария была такого же цвета и без преимуществ свинцовых белил. Интересно, откуда леди Анна столько знает о его судьбе? И еще интереснее, чего именно она от него хочет?

Она побарабанила пальцами по столешнице.

— Что скажете, сэр?

— Мадам, я... я не могу решить.

— Это весьма простое решение, мистер Холдсворт.

— Но я многого не понимаю.

— Тогда я постараюсь вас просветить.

Леди Анна умолкла. Она повернула голову к окну, которое выходило на узкий двор, окруженный высокими кирпичными стенами. Двор пересекала пополам гравийная дорожка, обсаженная кустами в пятнах сажу.

— Давайте начнем с библиотеки. Вам знаком колледж Иерусалима?

— Иерусалима? — На мгновение ему показалось, что он ослышался. — А... вы, наверное, имеете в виду колледж в Кембридже, мадам?

— Именно. — Она снова взглянула на него. — Моя семья тесно связана с ним. Точнее говоря, один из моих предков был его основателем, а епископ некогда учился в его стенах. Поэтому мне пришло в голову пожертвовать его книги колледжу. Но прежде чем решить окончательно, я хотела бы ознакомиться с настоящим состоянием библиотеки колледжа. Я бы не хотела, чтобы собрание моего мужа попало в недостойные руки.

— Ваша светлость желает, чтобы я отправился в Кембридж по вашему поручению?

Она проигнорировала вопрос.

— Кроме того, необходимо разобраться с самой коллекцией, составить каталог и произвести оценку, прежде чем я приму решение. Возможно, захочу оставить некоторые книги себе. Кроме того, часть коллекции может оказаться непригодной для библиотеки колледжа.

Холдсворт счел это весьма вероятным. Он видел библиотеки слишком многих мужчин, как живых, так и мертвых, чтобы их содержимое могло его удивить. Библиотека мужчины подобна его разуму: часть ее содержимого может не годиться для юных джентльменов из университета, не говоря уже о скорбящей вдове или осиротевших детях.

— Есть еще одна причина, — продолжила леди Анна, — по которой я хочу, чтобы вы отправились в Кембридж. Это связано с моим сыном, Фрэнком. В прошлом году его приняли в Иерусалим сотрапезником начальства^[5]. Он нездоров. Я хотела бы, чтобы вы расследовали обстоятельства, которые привели к ухудшению его здоровья, и привезли его домой.

— Мадам, я не врач и не нянька, — Джон гадал, когда дело, наконец, дойдет до привидения. — Боюсь, я вынужден отказаться, по меньшей мере, от этой части поручения, поскольку не окажу вашему сыну ни малейшей мирской пользы.

— Мирской пользы? — повторила Анна и оскалила три желтоватых зуба в блестящих розовых деснах среди белизны лица. — Мирской пользы? Есть мнение, что ему нужно совершенно иное. Мистер Холдсворт, мой сын слаб. Нет, тело его вполне крепко, но разум... вот где кроется немощь. Сейчас он находится на попечении врача в Барнуэлле, деревне неподалеку от Кембриджа. Я буду с вами откровенна, но сначала должна потребовать, чтобы вы сохранили мой рассказ в тайне. Он не должен покинуть стен этой комнаты.

Глаза Холдсворта невольно метнулись к молодой женщине у дальнего окна.

— Если вы решите оказать мне честь своим доверием, можете рассчитывать на то, что я сохраню вашу тайну.

Анна молчала. Холдсворт слушал собственное дыхание, внезапно ставшее неестественно громким. Кресло молодой леди скрипнуло.

— Короче говоря, мой сын считает, будто видел призрака, — резко сообщила леди Анна. Она взглянула на него, как будто ожидала, что он оспорит это заявление. — Он очень впечатлительный юноша, и это дикое недоразумение, которое, несомненно, обострила юношеская жизнерадостность и неумеренное употребление вина, и есть непосредственная причина его нездоровья. Теперь вы понимаете, почему ваша квалификация особенно интересует меня. Я верю, что мой сын еще способен прислушаться к доводам разума. Поручаю вам расследовать его мнимую встречу. Вы продемонстрируете ему, что он был введен в заблуждение. Верю, что это может стать первым шагом к его исцелению. Более того, возможно, это все, что ему необходимо.

Леди Анна умолкла и уставилась прямо перед собой. Это было устрашающее зрелище, как будто она внезапно превратилась в статую.

— Заблуждение, мадам? Оно было вызвано простым стечением обстоятельств? Или... — Холдсворт помедлил, вспомнив случай с несчастной Марией, — в деле замешан некто посторонний, а значит, не обошлось без умысла или хитрости?

— Увы, я не могу вам сказать. Очень многое покрыто мраком. Это не так уж и важно, пока вы не откроете правду и не сможете доказать ее миру.

— Известно, что юноши в университете любят остроумно подшутить друг над другом.

— Поступок, вызвавший столь пагубные последствия, нельзя расценивать как обычную шалость. Если это случилось преднамеренно, уверена, что за ним стоит злая воля.

— Есть ли у призрака имя, миледи? — спросил Холдсворт.

— Мой сын уверен, что встретил покойную жену своего знакомого, миссис Уичкот. Обстоятельства ее смерти могут оказаться тесно связаны с этим делом. Если потребуется, вы расследуете их.

— Гарантии успеха быть не может, учитывая природу вашего поручения.

— Но успех будет вам сопутствовать. И когда это случится, я ссужу вам деньги, необходимые, чтобы покрыть все ваши долги, причем на условиях, которые вы найдете весьма выгодными. Более того, я прикажу мистеру Кроссу выплатить гонорар за порученное вам дело и возместить издержки, которые вы понесете в процессе, будь

они связаны с моим сыном или же с составлением каталога и передачей библиотеки моего покойного мужа.

— Я потрясен добротой вашей светлости, — произнес Холдсворт. — Но я еще не решил...

Анна подняла крошечную ладонь.

— Подождите минутку, сэр. Я не хочу, чтобы вы решали, прежде чем узнаете всю подноготную того, с чем именно столкнетесь в Кембридже. Я не позволю этому отяготить мою совесть. Будьте добры позвонить в колокольчик.

Джон повиновался. Через мгновение в комнату вошел лакей.

— Пригласите мистера Кросса.

Слуга удалился так же бесшумно, как вошел. Холдсворт услышал шорох в дальнем конце комнаты. Леди у окна, наконец, покинула свое кресло и направилась к нему. Она была почти такой же высокой, как он, просто одета и безупречно выдержанна. Ее худое лицо с тяжелыми чертами не позволяло считать ее красивой, но она производила поистине неизгладимое впечатление.

Леди Анна улыбнулась ей.

— Да, Элинора?

— Я хочу увидеть, как дела у мистера Кросса. И к тому же, возможно, мне следует представиться мистеру Холдсворту. В конце концов, не исключено, что мы еще встретимся.

Леди Анна кивнула.

— Элинора, позвольте представить вам мистера Холдсворта. Мистер Холдсворт, это миссис Карбери, моя крестница.

Джон низко поклонился. В ответ она почти незаметно присела, разглядывая, как будто оценивая его стоимость в фунтах, шиллингах и пенсах. Ее глаза были голубыми, с очень яркими и чистыми белками, и окаймленными длинными темными ресницами. Холдсворт решил, что глаза и безукоризненную кожу, пожалуй, можно считать главным ее украшением. В ней чувствовалось что-то знакомое, но вряд ли он встречал ее прежде.

— Если вы отправитесь в Кембридж, — сказала леди Анна, — то будете порой встречать миссис Карбери. Ее муж — глава колледжа Иерусалима.

В дверь постучали, и вошел мистер Кросс, одетый в тот же коричневый сюртук и шарф, что и прежде. Его правая рука запачкана

чернилами, как будто он был занят письмом, когда получил вызов леди Анны.

— Я изложила свое предложение мистеру Холдсворту. По крайней мере, в общих чертах. Однако я не могу с чистой совестью позволить ему двигаться дальше, не показав, отчего он должен действовать осторожно, если хочет избежать каких-либо... каких-либо неприятностей.

Мистер Кросс взглянул на Джона и затем снова на нее.

— Как я уже говорил, мистер Холдсворт силен, — шепотом заметил он. — Это его преимущество.

— Несомненно. Снимите, пожалуйста, шарф.

Миссис Карбери шагнула ближе.

Мистер Кросс распустил свободный узел шарфа и распутал его складки на шее.

Холдсворт неотрывно глядел на то, что открылось его взору. Миссис Карбери вздохнула.

— Мистер Кросс не станет возражать, если вы присмотритесь внимательнее, — добавила леди Анна. — Разумеется, подобные вещи выглядят хуже всего, когда начинают заживать.

Холдсворт подошел к человечку и осмотрел его шею. Мистер Кросс послушно наклонял голову в разные стороны. Шею над адамовым яблоком охватывал размазанный и опухший пурпурно-синий обод. Человечек сглотнул, и его лицо исказила гримаса, как если бы даже это движение причиняло ему неудобство.

— Вам следует быть настороже, если вы увидите с моим сыном, сэр, — сказала леди Анна. — Он пытался задушить мистера Кросса.

Покинув Голден-сквер в то утро, Холдсворт не знал, возьмется ли за поручение леди Анны. Он не мог вычеркнуть из памяти лицо Элинор Карбери. Джон медленно шел к реке. Только дойдя до Стрэнда, он осознал, что миссис Карбери неким не вполне ясным образом напомнила ему Марию. Мария была светлокожей и миниатюрной, а миссис Карбери — смуглой и высокой. Но обе женщины обладали схожим телосложением и схожей манерой смотреть прямо на собеседника.

На Стрэнде было полно шума. Джон медленно пошел в сторону Сити. После всего, что случилось, он очень устал. Ему пришлось остановиться на Ладгейт-хилл, где три пары портшезов и их носильщики переплелись друг с другом; портшезы опасно раскачивались, носильщики ругались, а обитатели портшезов стучали по стеклу, причем один из них еще и вопил. Сквозь шум Холдсворт услышал за спиной свое имя. Он обернулся и увидел миссис Фармер с двумя корзинами на локтях. Лицо ее было розовым, кожа влажной от жары.

— Мадам... добрый день, — Холдсворт попытался поклониться, но толпа ему воспрепятствовала.

— Я искала вас сегодня утром, сэр, — сообщила она, — но вы выскользнули из дома, когда я еще не проснулась.

— Я привык рано вставать. Позвольте поднести ваши корзины?

Она сунула ему покупки.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Холдсворт. Здесь не место для этого разговора. Давайте перейдем дорогу — я направляюсь домой.

Миссис Фармер просочилась мимо неподвижной повозки и экипажа и невредимой очутилась на противоположной стороне дороги. От природы она была невысокой полной женщиной с похожим на клюв носом и крошечным подбородком. Благодаря скромной помощи Неда она стала еще более полной, чем обычно, поскольку носила их первого ребенка и должна была разрешиться через месяц или около того. Холдсворт последовал за ней, восхищаясь тем, как женщина шагает среди пешеходов по безупречно прямой линии, как будто они

были Красным морем и небесный глас заверил ее, что они расступятся перед ней. Ведя за собой Холдсворта, она свернула на Ньюбридж-стрит, уводя его в сторону... если он куда-то и направлялся, то на Лиденхолл-стрит.

Когда они проходили мимо тюрьмы Брайдуэлл, миссис Фармер остановилась так резко, что Холдсворт едва не налетел на нее.

— Вы видели сегодня мистера Фармера, сэр?

— Да... видел.

— Ему представилась возможность упомянуть, что вскоре нам понадобится ваша комната?

— Нет, мадам.

— Нам обоим жаль, что так вышло, — небрежно бросила миссис Фармер. — Но когда родится ребенок, комната понадобится няне. К тому же я уверена, что вы и сами мечтаете перебраться в более удобное место.

Холдсворт не стал спрашивать, чем или для кого более удобное. Вместо этого он слушал заунывный грохот и лязг ступальных колес и глядел сквозь тюремные ворота на кучку бродяг, которые щипали паклю под сводами галереи. Он не хотел стать одним из них. И в рабочий дом тоже не хотел.

— Вы очень скоро найдете новое жилье, — заверила его или даже себя миссис Фармер. — Нед непременно окажет вам всяческую поддержку... то есть, в пределах его скромных возможностей, ведь его средства в настоящее время весьма ограничены. Но, возможно, вам найдется место на Лиденхолл-стрит.

Джон поклонился. Угол в подвале, быть может, или скамейка в мастерской, где он ставил свою тележку? Миссис Фармер, вероятно, даже рассчитала, что от него будет польза — ночной сторож, которому не надо платить.

Они пересекли мост Блэкфрайарз-бридж и повернули на Банксайд. Оба молчали. Впереди показался дом и Козья пристань за ним. Холдсворт внимательно смотрел на стертые плиты мостовой под ногами, чтобы не видеть саму пристань и воду, плещущую и шелестящую у ее подножия. Чайки взвились в воздух, быстро и неровно молотя крыльями. Джон увидел на земле голову и хвост мертвой рыбы, лежащей среди своих собственных внутренностей. Птицы вились над ними и яростно вопили в надежде вернуться к

остаткам пиршества. Они кружились в воздухе, как хлопья обугленной бумаги над костром.

Чайки едят все. Холдсворт видел мужчин и женщин, которых доставали из воды с выклеванными глазами и объеденными до костей лицами. Хорошо, что Марию нашли так быстро — ее тело заклинило канатом в нескольких ярдах ниже по течению, — не то ее могла постигнуть такая же участь. Внезапно на Джона снизошло поистине божественное откровение, что он больше не хочет здесь оставаться. Не хочет жить рядом с рекой. Не хочет жить на Лиденхолл-стрит. Он не станет призраком своей прошлой жизни.

— Что вы сказали? — переспросила миссис Фармер, поскольку прекрасно слышала, когда сама того хотела, а он пробормотал последние слова вслух.

— Ничего, мадам.

Через мгновение они вошли в прохладную темную прихожую дома на Банксайд. Холдсворт оставил корзины на кухонном столе.

— Я не хочу быть негостеприимной, сэр, — миссис Фармер сложила руки на своем огромном животе.

— Вы сама доброта, — сказал Холдсворт и смотрел на нее, пока она не отвернулась.

Могила располагалась у западной стены. Земля больше не выглядела взрыленной, вопиюще голой, как гноящаяся рана. Природа затянула ее коркой спутанной травы и сорняков. Деревянная табличка покосилась, и Холдсворт оставил попытки ее выпрямить. Вокруг нее вырос пышный воротник герани Роберта, а Мария любила все зеленое и живое. Она пробовала разводить растения в кадках на темном сыром дворе за домом, но эксперимент потерпел неудачу.

Когда каменотес на Квин-стрит закончит работу и когда Холдсворт заплатит ему, здесь, по крайней мере, появится приличная могильная плита. Сам камень ждал во дворе. Если Холдсворт не сможет внести остаток денег, на нем скоро появится новое посвящение. Но пока что он не может наскрести даже на добрый обед и новую рубашку.

Первое время он беспокоился, что однажды придет на могилу и увидит, что та разграблена. Он не верил в честность сторожа, и, в любом случае, ограда кладбища разрушилась в нескольких местах.

Несмотря на попытки отвадить похитителей трупов, они не раз занимались здесь своим гнусным ремеслом. Несколько недель назад Холдсворт встретил старую женщину, которая безутешно рыдала над пустой могилой своего покойного мужа.

Когда Холдсворт вышел из ворот на углу Ред-Кросс-стрит, он увидел знакомый силуэт, который чистил ногти карманным ножиком, опершись о подставку для посадки на лошадь.

— Джон, — произнес Нед Фармер. — Так и думал, что найду тебя здесь.

— Ты мог бы не утруждать и найти меня дома.

Фармер сдвинул на затылок парик и шляпу и почесал голову.

— Я хотел поговорить с тобой вдали от дома.

— Тогда давай вернемся вместе и поговорим по пути.

Фармер взял его под руку, и они вместе отправились к реке.

— Для начала, я приказываю тебе явиться на ужин.

Холдсворт покосился на него.

— Я не хочу мешать.

— Миссис Фармер не потерпит возражений. Все уже готово. Я видел стряпню Сэл не далее как двадцать минут назад, и сейчас она наносит последние штрихи. Телячьи отбивные самого аппетитного вида, завернутые в капустные листья, в сопровождении вкуснейшего ломтика ветчины. Ты не должен нас разочаровывать.

Нед выглядел таким обеспокоенным, что Холдсворт ответил, что с радостью принимает приглашение. Обычно он не ел за одним столом с хозяевами — миссис Фармер сумела дать понять, что он не принадлежит к числу ее домочадцев, хотя и проживает под одной с ними крышей.

— Весьма обязан, — сказал Нед, как будто это его пригласили на ужин. — И вот что, Джон... я знаю, что порой Бетси кажется грубой, но на самом деле она добрая женщина и искренне заботится обо всех нас.

— Несомненно.

— К тому же, у нее есть голова на плечах... и... она удивительно набожна. Порой мне кажется, что она слишком строга к себе на этот счет, и самое неприятное, что порой это проявляется в ее отношении к другим людям. И все же ничего не поделаешь, Джон, и как я уже говорил, у нее самые благие намерения.

Холдсворт коснулся его плеча.

— Ни к чему столько слов. Я совершенно уверен, что миссис Фармер достойна всяческого восхищения. Слова не способны выразить мою благодарность вам обоим за то, что так долго предоставляли мне кров.

Нед зашагал дальше. Он был добрым человеком, и Холдсворт отдавал миссис Фармер должное за то, что она это разглядела. Но она также разглядела, что Нед податлив и может стать глиной в ее руках. Она принесла в их брак не только деньги: она принесла решимость и целеустремленность.

— Я хотел бы сделать больше, — не вытерпел Нед. — Ты и сам знаешь. Но что я могу поделаться, оказавшись между вами? Ты упрям, как испанский идалго, а миссис Фармер... знаешь, она проверяет книги каждый вечер. Она следит за каждым пенни. Ей-богу, она лучше разбирается в делах, чем у меня когда-либо получится.

Джон заметил, что и не сомневался в этом, на что Нед рассмеялся, и товарищ засмеялся в ответ.

— Вот, — сказал Нед. — Так-то лучше. Кажется, я лет сто не слышал твоего смеха. Похоже, твое настроение улучшилось? Тот похожий на обезьянку человечек сделал тебе предложение?

— Да. Я полагаю, он поверенный или что-то вроде того. Возможно, дворецкий. Как бы то ни было, он представляет интересы леди Анны Олдершоу.

— Вдовы покойного епископа? А! Я начинаю понимать, к чему идет дело.

— Думаю, не вполне. Ее светлость попросила меня составить каталог и оценить библиотеку епископа. Но потом стало ясно, что библиотека — лишь часть той причины, по которой она меня позвала. Она хочет, чтобы я отправился в Кембридж ее эмиссаром. Ей пришла в голову мысль пожертвовать часть книг или даже всю библиотеку колледжу Иерусалима.

— Замечательно. Ты именно тот, кто ей нужен. И все это займет недели или даже месяцы.

Они дошли до Мэйд-лейн, где толпа была гуще и шум громче. Оба молчали, пока не перешли улицу и не нырнули в проход, который вел на Банксайд. Переулок был таким узким, что им пришлось идти гуськом.

— Есть еще одна причина, по которой она хочет, чтобы я отправился в Кембридж, — бросил Холдсворт через плечо. — Ее светлость желает, чтобы я подстерег привидение.

— Что? Ты бредишь?

Джон остановился и повернулся к нему.

— Это истинная правда. Она прочла мою книжку и убеждена, что я окажусь превосходным охотником на привидений.

— Ты меня разыгрываешь.

— Честное слово, нет. Смотри под ноги, — Холдсворт поднял руку как раз вовремя, чтобы Фармер не наступил на аккуратную кучку человеческих экскрементов посреди дороги. — Ее сын учится в университете, и он уверен, что видел призрака.

Они вышли из зловонного переулка на относительно свежий воздух Банксайд. Холдсворт взглянул вверх по течению на Козью пристань. Чайки продолжали ссориться, на этот раз из-за чего-то в воде.

— Ты поедешь? — спросил Фармер.

— Я пока не решил. Разумеется, матери нет ни малейшего дела до книг. Ее заботит только мальчишка.

Фармер хрюкнул.

— Дело пахнет деньгами. К тому же, она Воден в девичестве — стало быть, пользуется благосклонностью тех, в чьем распоряжении имеется нечто большее, чем просто деньги.

— Во время приступа мальчишка впадает в ярость, — сказал Холдсворт. — Он пытался задушить человека-обезьянку. Я видел синяки.

— А! Это уже хуже.

— Скорее всего, я ничем не смогу помочь парню. А значит, его мать доставит мне немало неприятностей.

Фармер положил руку на плечо Холдсворта.

— Кто бы это мог быть?

Он указал на высокого, просто одетого мужчину в тридцати ярдах впереди. Тот стучал в дверь Фармеров. Когда Сэл открыла, Фармер и Холдсворт подошли к дому. Услышав их шаги, незнакомец обернулся. Это был лакей с Голден-сквер. Он протянул Джону конверт.

— Ее светлость велела мне дождаться ответа, сэр.

Холдсворт сломал печать и развернул письмо.

Сэр,

ее светлость надеется, что вы сможете отправиться в Кембридж в пятницу. Все необходимые распоряжения будут отданы. Пожалуйста, зайдите на Голден-сквер завтра в одиннадцать, чтобы предварительно осмотреть коллекцию его светлости и получить указания, буде таковые найдутся. Она велела мне вложить в конверт пятифунтовую банкноту, чтобы покрыть ваши расходы. Пожалуйста, подпишите приложенную бумагу, чтобы подтвердить получение денег, и передайте посыльному. Ваш смиренный и покорный слуга,

Л. Кросс.

Миссис Фармер вышла в прихожую, чтобы посмотреть, из-за чего переполох. Она с любопытством уставилась на банкноту. Ее лицо стало мягким, почти девичьим. «Деньги — могущественная вещь, — подумал Холдсворт, — подлинный философский камень, способный трансмутировать мечты».

Дальше по Банксайд чайки взлетели злобной, ссорящейся стаей, их крики становились все громче и яростнее. Есть ли в Кембридже чайки? Если и есть, то немного, и не такие хищные, как эти.

Джон протянул письмо Неду и вошел в дом. Свернул в малую гостиную. Здесь Мария и ее друзья молились и причитали, здесь они беседовали с призраками. Он нашел ручку и чернила на столе у окна и нацарапал свое имя на расписке. Посыпал бумагу песком, сложил ее и вернул лакею, ожидавшему у двери. У него кружилась голова, как будто он осушил бокал рома.

Лакей поклонился и вышел. Миссис Фармер и Сэл вернулись на кухню, где ужин приближался к последней стадии приготовления. Вечер был приятным, и Джон и Фармер отправились бродить вдоль реки. Холдсворт наблюдал за чайками, которые немного притихли, но продолжали пикировать и скользить над водой у Козьей пристани. Такого спокойствия он не испытывал много месяцев.

— Что ж, — произнес Фармер. — Она уже решила, что ты едешь, — значит, так тому и быть. Колесо Фортуны повернулось, а?

Холдсворт похлопал себя по карману, в котором лежала банкнота.

— Это подкуп.

— Но весьма тактичный. При том, что деньги вовсе не нуждаются в тактичности.

— Загляну утром к каменотесу, — сказал Холдсворт.

— Чтобы уладить дело с надгробием? Разве эта трата не может немного подождать?

— Двадцать семь шиллингов и шесть пенсов. Это все, что ему нужно. У меня останется довольно.

— И все же я думаю, что это может немного подождать.

— Нет, я должен сделать для Марии хотя бы это. Я задолжал ей кусок камня, — Джон помедлил, продолжая глядеть вниз по течению на Козью пристань. — Быть может, тогда она оставит меня в покое.

Нед нахмурился.

— Ты сегодня говоришь загадками. Что ты имеешь в виду?

Холдсворт обвел рукой реку и Сити за ней.

— Иногда я... ну, нет... не вижу призраков, нет, конечно, вовсе нет. Но порой разум подводит меня, всего на долю секунды, мгновение ока. Мне кажется, будто я вижу изгиб плеча на той стороне дороги, слышу ее голос в толпе или... или... даже плач ребенка.

Он глядел, как два ученика гребут по реке, сражаясь с приливом, и думал о черной патоке, которая поднялась из общей могилы Марии и Джорджи, чтобы поглотить его.

— Возможно, надгробие все уладит, — тихо сказал он.

— Это голос горя, — ответил Нед. — И ничего более. Естественное последствие чрезмерно развитого воображения, невыносимо обостренного меланхолией...

— Довольно болтать. Лучше дай мне совет. Купить завтра рубашку? Новую шляпу? В конце концов, мне предстоит нанести визит знати. Я должен побриться... причесаться. Миссис Фармер и Сэл будут ослеплены моим блеском.

Фармер покачал головой.

— Не забывай об осторожности.

— Внезапно ты стал очень серьезен.

— Деньги все изменили. Ее светлость вручила тебе немалую сумму, хотя ты еще палец о палец для нее не ударил. Она потребует ответной услуги. Все богатые так поступают.

Холдсворт улыбнулся ему.

— Вот потому они и богаты.

В четверг Элино́р позавтракала в одиночестве. Леди Анна поздно вставала и редко спускалась вниз раньше середины утра. Карета была заказана на половину двенадцатого. Миссис Карбери вернется в Кембридж на почтовых, с большим комфортом, чем в общественном экипаже, и путешествие займет на два или три часа меньше.

После завтрака она имела краткую беседу с леди Анной, которая была не в духе, поскольку Элино́р отказалась остаться еще на день.

По дороге вниз она заглянула в свою комнату, где горничная собирала вещи. Сьюзен была пухленькой брюнеткой с карими глазами и толстыми лодыжками. Она просияла при виде хозяйки.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, мадам? Хоть чем-нибудь?

— Постарайся не помять шелк на этот раз.

Улыбка горничной даже не дрогнула. Как правило, Сьюзен склонна к угрюмости, но несколько месяцев назад Элино́р отдала ей ненужный плащ, и горничная так и сочилась лестью и патокой, поскольку надеялась получить новый подарок. Чтобы избавиться от этой преждевременной благодарности, Элино́р сбежала в длинную комнату с книгами епископа. Она села в кресло у окна и взяла томик, который просматривала вчера утром. Это был экземпляр «Анатомии призраков» мистера Холдсворта, принадлежавший лично леди Анне. Та приобрела его по совету Элино́р, когда Фрэнк постигло несчастье. Теперь, перечитывая первую главу, она обратила особое внимание на прискорбный случай, который мистер Холдсворт описывал довольно подробно, поскольку именно он пробудил его интерес к феномену призраков. По его словам, безнравственная мошенница наживалась на «одной его знакомой леди», которая недавно потеряла своего единственного ребенка вследствие трагической случайности.

Незадолго до одиннадцати Элино́р услышала то, чего ожидала — стук в переднюю дверь и сиплый голос привратника, впустившего гостя в прихожую. Лакей, Джеймс, проводил мистера Холдсворта в комнату. Элино́р положила книжицу на ближайшую полку и встала.

— Мадам, — поклонился он. — Прошу прощения. Я вернусь в другой...

— Пожалуйста, не уходите, сэръ. Я надеялась поговорить с вами до своего отъезда. Скажите, ваш приход означает, что вы решились отправиться в Кембридж?

— Да, мадам.

— Задача может оказаться нелегкой.

— Трудности меня не удивят.

Она взглянула на него, почувствовав в его словах нотку дерзости.

— В таком случае, я хочу предупредить вас еще об одном обстоятельстве, которое, возможно, облегчит выполнение ваших новых обязанностей.

Холдсворт снова поклонился, но промолчал. Этот мужчина упрям и горд, внезапно решила она. И настолько ординарен, что почти некрасив. И зачем только он так высок? Это дает ему несправедливое преимущество. И все же, у нее не было выбора: придется работать с тем, что под рукой.

— Я хочу сообщить вам некоторые сведения, прежде чем вы уйдете.

— Весьма признателен, мадам.

Элино́р нахмурилась, глядя на него и вновь подозревая, что он дерзит.

— Это касается леди, призрак которой мистер Олдершоу якобы видел.

— Миссис Уичкот?

— Да. Она внезапно умерла в феврале.

Элино́р выглянула в окно. Стекло казалось затуманенным, как будто во время дождя. Подоконник был испачкан завитками и мазками сажи.

— Отчего она умерла? — спросил Холдсворт.

Элино́р повернула голову.

— Миссис Уичкот утонула в Длинном пруду колледжа Иерусалима.

— Утонула? — На мгновение его лицо сморщилось, как будто смятое в невидимом кулаке. — Утонула? Она упала в воду?

— Говорят, оступилась в темноте.

— Вы намекаете, что это не так?

— Нет, сэръ. Но кое-кто намекает... ну, это неважно... всегда есть те, кто хочет подбросить дров в огонь.

— И они говорят, что это было самоубийство?

Она кивнула.

— Полагаю, они считают, что одно подтверждает другое, — заметил он.

— Что?

— Они считают, что явление духа миссис Уичкот подтверждает версию самоубийства. И наоборот — поскольку она совершила самоубийство, ее призрак должен бродить по земле. Это типичный замкнутый круг догадок, который невозможно разрушить доводами.

— Имя миссис Уичкот мало кому известно, — тихо сказала Элинора. — Я не хочу привлекать к нему повышенное внимание.

Джон ухватился за подробность.

— Вы сказали, было темно... в каком часу произошел несчастный случай?

— Ночью. Точного часа мы не знаем. Ее нашел золотарь рано утром.

— Но что она делала в колледже в такое время? Несомненно, леди обычно не бродят по садам в одиночестве, безо всякой защиты глухой ночью?

Элинора ощутила, что краснеет.

— По-видимому, миссис Уичкот время от времени страдала приступами лунатизма. Она часто навещала меня в Директорском доме, и у нее был собственный ключ от сада. Нам обеим было удобно, что она могла приходить и уходить, минуя сам колледж.

— Так вы считаете, что она ходила во сне? Что она решила во сне нанести вам визит?

— Это наиболее вероятное объяснение. Коронера оно удовлетворило.

Помолчав, Холдсворт заметил:

— Ее светлость очень беспокоится о сыне.

— После того, как она овдовела, он стал ей особенно дорог. Он ее единственное выжившее дитя.

— Тогда почему она сама не отправится к нему на выручку?

— Здоровье не позволяет ей путешествовать, — ответила Элинора. — Она упала... теперь ее приходится носить повсюду, как ребенка. Она устала этим утром всего лишь от того усилия, которое приложила вчера.

— Странно, что леди Анна не поручила вам представлять ее интересы. Она явно ценит ваше мнение. Вы уже в Кембридже, вы знакомы с ее сыном...

— Вы забыли, сэр. Я всего лишь женщина. Леди Анна придерживается твердых взглядов на права и обязанности полов.

— Но в таком случае, почему ее светлость не обратилась к доктору Карбери? Вероятно, есть и другие мужчины, почти столь же сведущие, которые могли бы исполнить сие деликатное поручение, в том числе тьютор мистера Фрэнка.

— Она решила, что они не подходят... она предпочитает послать вас.

— Потому что может меня нанять?

Элинор мгновение молча смотрела на него.

— И потому, что вам известно кое-что о привидениях. Можно теперь я задам вам вопрос?

Джон кивнул.

— Я не хочу совать нос в вашу личную жизнь. И вы можете не отвечать. Поступайте, как знаете. Но поверьте, я спрашиваю не из пустого любопытства... у меня есть цель. Мистер Кросс рассказал, что вы недавно пережили потерю жены и что многие считают, будто она и есть та неизвестная леди, которую вы с неподдельным жаром описали в своей книге... леди, невинной доверчивостью которой воспользовались с такими ужасными последствиями.

Холдсворт кивнул, но промолчал.

— Я искренне сожалею, что не ошиблась. Так, значит, привидение?..

— Было привидением нашего сына, — он посмотрел на нее. — Однако это не имеет отношения к делу. Я пришел, чтобы помочь мистеру Фрэнку Олдершоу. — Джон обвел взглядом комнату. — И ознакомиться с книгами.

— Но это имеет отношение к делу, сэр. Привидения, как подлинные, так и мнимые, обычно обладают личностью, и это важно само по себе.

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

— Надеюсь, я не задену ваши чувства, если выскажусь прямо. Как ваше привидение важно для вас, так и это важно для меня. Я не хочу, чтобы репутацию миссис Уичкот еще больше вымазали грязью.

— Ваши чувства делают вам честь, мадам. Заверяю вас, что буду вести расследование как можно более осмотрительно.

— Смерть простой женщины в результате простого несчастного случая как таковая не вызывает любопытства сплетников. Если только... — Элино́р осеклась и вздохнула. — Полагаю, вы меня понимаете. Нам повезло, что этот слух о самоубийстве не попал в кембриджские газеты, не говоря уже о лондонских. Доктор Карбери приложил все усилия, и проректор тоже. Эта глупая история с привидением также не получила широкого распространения. Но если она станет известной...

— Самоубийство и привидение? Леди, бродящая по кембриджскому колледжу глухой ночью? И, конечно, мистер Фрэнк Олдершоу, — Джон говорил и загибал пальцы на вытянутой правой руке после каждого пункта. — Да, вы правы. Подобное сочетание развяжет языки болтунам по всей стране. Не пройдет и недели, как о ней начнут распевать песенки в пивных.

— С миссис Уичкот довольно страданий. Умоляю, окажите мне услугу. Я прошу вас о доброжелательности, сэ́р, и ни о чем более... вашей помощи в сохранении репутации леди.

— Мадам, — голос Холдсворта внезапно стал резким. — Меня наняла ее светлость. Невозможно служить двум господам одновременно.

Элино́р отмахнулась от его слов. Ей хотелось вlepить ему пощечину той же рукой.

— Я не прошу вас предать доверие нанимателя. Мне не нужно, чтобы вы работали на меня.

— Могу я узнать, почему репутация этой леди так дорога вам?

— Потому что миссис Уичкот была моей подругой, — она заговорила резче, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Я не из тех, кто с легкостью предаёт дружеские узы. Смерть не властна разрубить их.

Вскоре после часа дня лакей вошел в библиотеку с легким полдником из хлеба, сыра и слабого пива на подносе. Он также доставил наилучшие пожелания от мистера Кросса, который надеялся, что мистер Холдсворт отобедает с ним несколько позже. В четыре часа слуга вернулся и провел Холдсворта в небольшую темную комнату, обставленную как кабинет.

Мистер Кросс стоял у стола, подсчитывая колонки цифр. Его шея все еще была замотана шарфом, но он выглядел более счастливым, чем прежде. Он снял очки и живо поприветствовал Холдсворта, сказав, что они немедленно отобедают. Во время еды мистер Кросс методично излагал распоряжения, отданные в связи с путешествием Холдсворта и его пребыванием в Кембридже.

— Очень жаль, что вы не смогли отправиться в Кембридж вместе с миссис Карбери сегодня, — заметил он. — Или что она не смогла вас подождать. Но она торопилась домой, что и понятно.

Для Холдсворта было заказано внутреннее сиденье в дилижансе, который уходил от «Зеленого дракона» на Бишопсгейт-стрит. Оказавшись в Кембридже, он должен был отправиться в Иерусалим и остановиться у четы Карбери в Директорском доме.

— Помните, что вы едете в качестве эмиссара леди Анны, — произнес Кросс тихим сиплым голосом. — Вы должны изучить библиотеку колледжа, но никто не удивится, если вы проведаете несчастного мистера Фрэнка в Барнуэлле от лица его матери. У меня есть письмо для мистера Ричардсона — это старший член совета колледжа; он не только библиотекарь, но и тьютор мистера Фрэнка. Ее светлость просит его оказывать вам всяческое посильное содействие.

— Он знает, насколько далеко простирается мое поручение?

— Не считая четы Карбери, никто не знает, что вам доверена задача расследовать мнимое явление призрака миссис Уичкот.

— Что именно произошло?

— Увы, я не знаю подробностей. Вы должны обратиться за ними к доктору Карбери. И, возможно, даже миссис Карбери.

Мистер Кросс продолжил инструктаж, подчеркнув, что леди Анна ожидает регулярных отчетов. Если обстоятельства не потребуют иного, Холдсворту предстоит провести в Кембридже не более двух недель. Он должен вернуться вместе с мистером Фрэнком.

— Ее светлость желает жить под одной крышей с сыном, что вполне естественно для матери, — пробормотал Кросс. — И, конечно, она надеется, что к тому времени его здоровье значительно улучшится.

— А если нет?

Мистер Кросс чуть покачал головой.

— Оно, несомненно, улучшится. Леди Анна совершенно уверена...

Он поспешно сменил тему и почти развеселился, перейдя к вопросу денег. Он вручил Холдсворту пятнадцать фунтов на покрытие расходов и выдал ему кредитное письмо, адресованное поверенному на Сейнт-Джонс-лейн, к которому Холдсворт должен был обратиться в случае нехватки средств. В этот момент мистер Кросс стал весьма серьезен и сообщил, что ее светлость рассчитывает увидеть подробные обоснования всех расходов, вплоть до последнего фартинга.

Когда трапеза подошла к концу, мистер Кросс смягчился и принял почти доверительный тон.

— Должен признаться, я рад, что мне не придется возвращаться в Кембридж самому. Поведение мистера Фрэнка стало для меня ужасным потрясением. Я уже не так молод.

— Для него не было оснований?

— Нет, насколько я могу судить. Я только сказал, что собираюсь отвезти его домой, к ее светлости, и она быстро все уладит. И тогда он дико завопил и набросился на меня. Я уже видел этого юного джентльмена в бешенстве — обычное дело для большинства юных джентльменов — но никогда в таком состоянии. Я воспринял это очень тяжело, сэр, да, очень тяжело. Когда он бегал в коротких штанишках, я качал его на колене.

— Можете не вдаваться в подробности, сэр. Он явно не в себе.

Мистер Кросс покачал головой.

— Я не знаю, кто он теперь. Это все Кембридж виноват. Он стал другим человеком, с тех пор как уехал туда. Скажите, вы знакомы с этим городом?

— Никогда там не был.

— Тогда соблюдайте осторожность, сэр, — прошептал мистер Кросс. — Он должен давать молодым мужчинам образование — но, по мне, он их губит. И вы должны быть постоянно настороже в Иерусалиме. Леди Анна обладает в нем немалым влиянием, но не все ее любят... — Он внезапно осекся, как будто понял, что затронул опасную тему. — Иначе говоря, колледж защищает собственные интересы, что вполне естественно. — Кросс выудил часы. — Однако я заговорился. Уверен, у вас много дел, которые необходимо завершить до завтрашнего утра.

— В чем состоит интерес колледжа в этом деле? Как он отличается от интереса ее светлости?

— О... это... — Мистер Кросс засунул часы обратно в один жилетный карман и достал табакерку из другого. — Ну, понимаете, это дело... оно им совсем не на пользу.

— Потому что ее светлость может обернуться против них?

— Не совсем. Хотя это тоже важно. Дело в том, что скандалы, связанные с миссис Уичкот и мистером Фрэнком, могут существенно повлиять на них сразу в нескольких отношениях. Колледж привлекает знатных и богатых юношей не за один день. Иерусалиму понадобились годы, чтобы заработать репутацию достойного учебного заведения. Насколько я понимаю, здесь, как и во всем, существует своя мода. То, что созидалось годами, может испариться за несколько дней. Нет, сэр, когда вы окажетесь в Иерусалиме, вы не должны забывать, что для многих местных джентльменов это не просто пустячный случай с привидением, самоубийством и невезучим юношей: это еще и вопрос денег.

В пятницу 26 мая после привычного ужина в одиночестве Элино́р Карбери села в гостиной за стол у окна, которое выходило на Директорский сад. Сад до сих пор следовал старомодному стилю, с цветниками, кустами и деревьями, разбитыми с механической регулярностью полка солдат на площади для парадов. Большую его часть обнимал широкий изгиб Длинного пруда, за которым простирались другие сады колледжа.

На столе перед ней лежал «Расселас» доктора Джонсона, роман, который она уже несколько раз читала. Внизу раздался приглушенный стук в дверь прихожей. Элино́р перевернула страницу и сделала вид, что погружена в чтение, когда Сьюзен, переминаясь с ноги на ногу от волнения, объявила о приходе мистера Холдсворта.

Он поклонился в дверях. Элино́р ответила вежливым кивком, закрыла книгу и встала.

— Доктор Карбери надеялся, что сможет встретить вас, сэ́р, но, к сожалению, его вызвали в город. Надеюсь, ваша поездка обошлась без происшествий?

— Да, мадам, — ответил Холдсворт.

— Быть может, вы хотите подкрепиться?

— Нет, спасибо.

Элино́р не нравился его взгляд, почти так же, как немногословность. Он неотесан, решила она, настоящий медведь. Наверняка он запугал свою несчастную жену. Горничная задержалась в комнате, разглядывая гостя с плохо скрытым интересом. Элино́р велела ей выйти.

— Насколько я понимаю, мистер Кросс сообщил вам все необходимые сведения, — сказала она, когда они остались наедине. — Поэтому...

— Очень жаль, что это не так.

— Сэ́р? Вы, верно, шутите?

— Нет, мадам, я всего лишь говорю правду. К примеру, мистер Кросс почти ничего не рассказал мне о встрече мистера Олдершоу с призраком. Когда я спросил его напрямую, он посоветовал мне обратиться к вам и доктору Карбери.

Элино́р предложи́ла ему́ стул, отчасти́ чтобы́ выгадать́ время́ и вернуть́ себе́ контро́ль над бесе́дой. Сама́ она́ верну́лась за стол и сурово́ устави́лась на гостя́.

— Здесь́ нечего́ особо́ рассказы́вать. Мисте́р Олдершо́у уже́ был в уны́нии; не знаю́, поче́му. Одна́жды́ вече́ром, пре́жде чем он уви́дел... что бы́ он ни уви́дел... он выпил́ немало́ вина́, и его́ джи́п говори́т, что он также́ при́нял дозу́ лауданума́, пре́жде чем отпра́виться в посте́ль.

— Его́ джи́п?

— Джи́пы — это́ разновидно́сть университе́тских слуг... они́ снисходи́т то́лько до тех студе́нтов, кото́рые могу́т себе́ позво́лить их грабительские́ расце́нки.

— Он наде́жный свиде́тель?

— Я с ним не зна́кома. Его́ фами́лия Малгре́йв. До́ктор Карбе́ри говори́т, что он па́рень не прома́х и впло́не трезво́мысля́щ. Когда́ Малгре́йв поки́нул мисте́ра Олдершо́у в конце́ вече́ра, он полага́л, что тот спи́т. Остальное́ — ли́шь домы́слы, впло́ть до того́ момен́та, как дежу́рный привра́тник услы́шал громкие́ крики́ и плесќ у Длинно́го пруда́. Если́ хоте́те, може́те взгляну́ть на это́ место́ отсю́да.

Холдсво́рт присоеди́нился к ней́ у окна́. Старомо́дно большо́й обшла́г его́ поноше́нного черно́го сюрту́ка косну́лся ее́ плеча́.

— Видите́ воду́, сэ́р? — спроси́ла она́. — И о́громный пла́тан на том бе́регу? Там его́ и нашли́. Он рыда́л, как дитя́.

— В кото́ром часу́ это́ было́?

— Чу́ть позже́ двух. Привра́тник подня́л трево́гу и вытащи́л мисте́ра Олдершо́у из воды́. Он упал в обмо́рок, и жизнь́ его́ несколько́ часо́в находи́лась в опасно́сти, поско́льку он продро́г до костей. Когда́ очну́лся, уже́ после́ заката́, оказа́лось, что рассу́док поки́нул его́, и он спосо́бен то́лько бормо́тать о приви́дениях. — Она́ чу́ть помолча́ла. — Или́, то́чнее говори́я, о приви́дении мисси́с Уичко́т. Через де́нь-друго́й стало́ ясно́, что рассу́док не верну́лся, хотя́ в остальны́х отноше́ниях он попра́вился. До́ктор Карбе́ри сообщи́л о случи́вшемся ле́ди А́нне, и она́ прика́зала пере́везти несчастно́го к до́ктору Дже́рмину.

— Скажи́те, ма́дам, поче́му...

Его́ прерва́л стуќ в две́рь. Сью́зен объя́вила о при́ходе мисте́ра Рича́рдсона. Элино́р наде́ялась, что суме́ла скры́ть раздра́жение. Не́высокий худо́щавый свяще́нник подо́шел к ней́, при́нял протяну́тую руку́ и низко́ покло́нился.

— К вашим услугам, мадам, — тихо произнес он. — Тысяча извинений... я не догадывался, что у вас гость.

— К сожалению, доктор вышел после обеда, сэр, — сообщила она ему. — Кажется, он собирался нанести визит в Тринити.

— Ничего страшного. Наверное, я увижу его вечером.

Элино́р повернулась к Джону:

— Прошу прощения, сэр. Позвольте представить мистера Ричардсона. Сэр, это мистер Холдсворт, который приехал сегодня из Лондона.

Мужчины поклонились друг другу. Ричардсону было около пятидесяти лет; он обладал приятной внешностью и хорошими манерами. Изящные, тонкие черты лица и блестящие глаза, похожие на осколки стекла.

— Мистер Ричардсон — старший член совета колледжа, — продолжила Элино́р, когда все расселись по местам. — Доктор Карбери говорит, что в нашем университете найдется не много ученых с равно широкими познаниями и пронизательным интеллектом.

— Директор слишком добр, — улыбнулся Ричардсон. — Но, возможно, ушам незнакомца сия похвала кажется более почетной, чем есть на самом деле.

Он обратил улыбку к Холдсворту:

— Увы, в университете ныне так мало ученых, что труды немногих оставшихся сияют блеском, коего порой не заслуживают. А вы, вероятно, эмиссар леди Анны, сэр? Доктор Карбери говорил, что вы приедете сегодня или завтра.

Холдсворт вновь поклонился. Он достал записную книжку и вынул конверт из-под внутреннего клапана обложки.

— Ее светлость просила передать вам это, сэр.

Ричардсон поблагодарил намного более тепло, чем дело того заслуживало. Он положил письмо в карман, не вскрывая, и снова повернулся к Элино́р:

— Насколько я понимаю, вы только что вернулись от леди Анны. Надеюсь, здоровье ее светлости улучшилось?

— По крайней мере, не ухудшилось.

— Я рад и этому. Мистер Холдсворт, прошу вас оказать мне честь отобедать со мной до вашего отъезда. Где вы остановились?

— Что... разумеется, здесь! — воскликнула Элино́р в надежде дать обоим мужчинам понять, кому должны принадлежать симпатии.

— В таком случае, мистеру Холдсворту очень повезло.

Ричардсон снова повернулся к Джону:

— Колледж — подлинная пустыня мужественности. Но Директорский дом, — он поклонился Элино́р, — благодаря этой очаровательной леди стал оазисом женственности. И все же, поскольку вы приехали, чтобы взглянуть на библиотеку, надеюсь, я смогу оказаться вам полезным. Вы тоже ученый?

— Нет, сэ́р, — ответил Холдсворт. — Я издатель и книготорговец.

— Тогда мне особенно интересно узнать ваше мнение о нашем собрании, — учтиво отозвался Ричардсон. — Я лишь недавно принял на себя руководство библиотекой. Ею прискорбно пренебрегали, по меньшей мере, поколение. В целом, наши книги не отвечают моим упованиям.

Джон снова улыбнулся:

— Можете не сомневаться, сэ́р, я допрошу вас с пристрастием.

Элино́р спросила, не желают ли они выпить чаю. Мистер Ричардсон отклонил предложение, сославшись на то, что обещал коллеге просмотреть конспект его лекции перед ужином, и попрощался, еще раз извинившись за беспокойство. У двери он обернулся, чуть приподнялся на носках и снова поклонился.

— Итак, сэ́р, — сказала Элино́р, когда они снова остались наедине. — Как вам понравился мистер Ричардсон?

— Не думаю, что мое мнение имеет значение.

— Он пришел лишь для того, чтобы взглянуть на вас.

— Мне казалось, он зашел к доктору Карбери.

— Это всего лишь *façon de parler*^[6], — возразила Элино́р. — Мистер Ричардсон знал, что увидится с Карбери вечером, и наверняка ему известно, что доктора нет в колледже. Мистеру Ричардсону известно об Иерусалиме все. Или почти все. Он не мог не узнать о вашем приезде. Отсюда и его любопытство.

— Тогда, надеюсь, он удовлетворен тем, что увидел.

— Вы должны быть с ним настороже, сэ́р, — тихо посоветовала Элино́р.

— Насколько я понял, он тьютор мистера Олдершоу?

— О да... и всячески обихаживал юношу, поскольку тот был сыном леди Анны. Но, к сожалению, его мнение порой расходилось с мнением ее светлости.

— Все это мне непонятно, — резко сказал Холдсворт.

— Что именно?

— Это место. Эти разговоры о директорах, тьюторах и членах совета.

— Дело в том, что Иерусалим — это замкнутый мирок. Как и любой другой колледж Кембриджа, а может, и любого университета. Колледж — это замкнутый мирок со своими обычаями и законами.

— У меня создалось впечатление, что этот мирок населен дикарями.

Элинор подавила совершенно неподобающее леди желание рассмеяться и превратила бурлящее веселье в кашель.

— Я испытывала то же, что и вы, когда впервые попала сюда. Даже хуже, поскольку я женщина, а колледж населен исключительно мужчинами. Словно высадилась на неведомом острове на другой стороне земли, но по счастливому стечению обстоятельств его обитатели говорили по-английски.

На его лице отразилось удивление. Затем он улыбнулся.

— Предположим, мадам, что я тоже высадился на этом острове. Предположим, что я моряк, потерпевший кораблекрушение, новый Крузо. Но мне повезло встретить вас на том неведомом берегу, куда меня выбросило волнами; и вы оказались достаточно любезны, чтобы просветить меня насчет места, где мы оба оказались.

Улыбка Джона застала ее врасплох после его угрюмого, почти грубого поведения.

— Во-первых, сэр, вы должны принять во внимание, что Иерусалим — это в некотором роде государство в миниатюре. Им управляет горстка джентльменов, которые обязаны следовать — по крайней мере, теоретически — порядку, определенному основателем колледжа и навеки заключенному в уставе. Иерусалим был основан одним из предков леди Анны во время правления королевы Елизаветы. Здесь принято уделять особое внимание родственникам нашего основателя, поскольку они не только обладают некоторым влиянием на то, как мы толкуем устав, но и имеют право назначать двух из наших

членов совета, а также являются источником бесчисленных благодеяний. Так что, сами видите...

На лестнице неразборчиво зарокотал низкий голос. Раздались шаги, медленные и тяжелые. Через мгновение Сьюзен распахнула дверь, и в комнату вошел крупный пожилой мужчина, сложением напоминавший бочонок.

— Доктор Карбери! — воскликнула Элинор. — Какая... какая радость! Я не смела ожидать вас так рано.

— К вашим услугам, мадам, — голос был копией самого мужчины: густой, медленный, глубокий и едва заметно дрожащий. — Я вырвался, как только смог. Не хотелось откладывать удовольствие поприветствовать нашего гостя.

Ужинать сели, когда уже пробило девять. Свечи на столах и в настенных канделябрах были окружены дрожащими, изменчивыми лужицами света; в углах сгущались тени. В мерцании огней портреты покойных директоров на стенах обрели тусклое и иллюзорное подобие жизни. Балкона над ширмами в дальнем конце комнаты почти не было видно.

Стол начальства стоял на возвышении в восточном конце, окаймленный двумя высокими эркерами. Десять или двенадцать мужчин сидели тут и там за гигантской дубовой столешницей, и доктор Карбери по праву восседал посередине. Ниже, в самом зале, стояло несколько длинных столов. Только один из них был занят. Он располагался в дальнем конце, рядом с кладовой и кухней. За ним сидело около дюжины юношей. Они ели поразительно быстро, как будто их жизни зависели от скорости поглощения пищи.

— Я ожидал увидеть больше студентов, сэр, — заметил Холдсворт доктору Карбери, который сражался со здоровенным куском пирога с бараниной.

— А? В наши дни большинство ужинают в комнатах у себя или у друзей. Те, что сидят внизу — беднейшие из них... в основном сайзары, иначе говоря, студенты, которых поддерживает фонд колледжа.

— Как хорошо, что им выпал подобный шанс добиться успеха.

— О да. Жаль только, что это банда висельников и оборванцев.

Мистер Ричардсон, сидевший напротив, наклонился к ним.

— Что до этого, доктор Карбери, то ваши доводы можно повернуть двояко. Если вы оглянитесь по сторонам, то увидите, что, по меньшей мере, половина сидящих за этим столом прежде была сайзарами, в этом или ином колледже. Большинство наших прочих студентов не слишком утруждают себя работой. Многие не получают степени. Так что сайзары нужны колледжу не меньше нас. Большинство наших ученых — выходцы из их рядов.

— Знаете, сэр, вполне естественно, что именно вы...

В этот миг во дворе за большим окном слева от Холдсворта раздался взрыв пьяного смеха. Доктор Карбери осекся и резко глянул в сторону звука.

— А! — ласково воскликнул Ричардсон. — Узнаю веселые интонации мистера Аркдейла. По крайней мере, наши сайзары ведут себя тихо. Вы не можете этого отрицать.

Карбери выковырял кусочек мяса, застрявший между зубов.

— Этот юноша становится буйным.

— Увы, директор. *Dulce est desipere in loco*^[7].

Высокий молодой мужчина, сидящий в конце стола, произнес, задыхаясь от плохо скрытого веселья:

— Вероятно, он пообедал с мистером Уичкотом, сэр. Полагаю, в данном случае причина именно в этом.

— Несомненно, мистер Доу, — Карбери сердито уставился на него. — Надеюсь, вы не ищете оправданий для мистера Аркдейла? Вы не станете смотреть на его поведение сквозь пальцы?

— Ну что вы, директор. Добродетельный ум вкупе с развитым чутьем непременно должны...

— Будьте уверены, я завтра же поговорю с мистером Аркдейлом, — учтиво вставил Ричардсон. — Как говорится, вовремя сказанное слово дороже золота. В конце концов, рецепт Горация предполагает всего лишь щепотку глупости в котле мудрости, а мистер Аркдейл, похоже, перепутал пропорции в своей моральной стряпне.

Непритязательная острота вызвала общий смех за столом, однако Холдсворт заметил, что Карбери не присоединился к веселью. По завершении трапезы общество перебралось в профессорскую, которая располагалась непосредственно за возвышением. В комнате были накрыты два стола, на каждом — собственный чайник под рукой; один

стол — для любителей чая, другой — для поклонников пунша. Часть собравшихся продолжила пить вино.

Мистер Ричардсон оказался среди любителей чая. Он с улыбкой повернулся к Холдсворту и предложил ему стул слева от себя. Доктор Карбери занял место во главе стола, с графином у локтя. Он наклонился к Джону и собирался было заговорить, когда его прервал взрыв смеха за соседним столом, где сидело большинство молодых членов совета.

— Что такое? — рявкнул Карбери; его толстые губы были фиолетовыми от вина. — Какого черта они так шумят?

— Мистер Мискин предложил очередное пари, директор, — ответил Ричардсон. — Несомненно, мы скоро узнаем его суть.

Не прошло и пяти минут, как за плечом Ричардсона появился слуга и пробормотал, что мистер Мискин просит соизволения внести пари в книгу. Ричардсон любезно разрешил.

— Наши младшие товарищи извлекают немало удовольствия из своей книги пари, — пояснил он. — Боюсь, что и некоторые старшие тоже. Мы скоро узнаем, в чем состоит пари... прежде чем оно официально вступит в силу, необходимо мое одобрение; а для этого я должен поставить свои инициалы под записью. Видите ли, в силу своего звания старшего члена совета колледжа я также являюсь председателем этой профессорской.

— Ни к чему беспокоить гостя мелочами нашего быта, — перебил Карбери. — Его время слишком ценно. Мистер Холдсворт, сэр, не желаете ли выпить со мной вина?

Джон не мог вежливо отклонить предложение. Ричардсон наблюдал за ними, и на мгновение розовый влажный кончик его языка мелькнул между губами.

— А теперь расскажите, чем я могу быть вам полезен, — произнес Карбери, осушив бокал. — Я всецело в вашем распоряжении.

— Да, — протянул Ричардсон. — В конце концов, мистер Холдсворт прибыл от лица леди Анны, а вы любите угождать ее светлости. Как и все мы.

Слова казались безобидными, но Карбери покраснел еще гуще.

Ричардсон повернулся к Холдсворту:

— Скажите, сэр, когда вам будет удобно осмотреть нашу библиотеку? Завтра утром я совершенно свободен.

— Увы, утром я буду занят, — Джон заметил, как на лице Ричардсона мелькнула и тут же исчезла легкая тень, обострение интереса. — Быть может, после обеда, если вы сможете уделить мне час-другой?

— С удовольствием. В шесть вечера вас устроит? Я поговорю со своим библиотечным клерком... обращайтесь к нему за помощью, пока находитесь в наших краях.

— В котором часу вы обедаете?

— В три пополудни, — ответил Ричардсон. — Увы, мы прискорбно неотесанны. Более того, еще несколько лет назад мы обедали в час дня, как наши отцы и деды. В Кембридже обедать в три часа считается почти постыдно. Быть может, вы присоединитесь к нам завтра, мистер Холдсворт? Я очень на это рассчитываю.

— К сожалению, пока не могу сказать точно. Мое время мне не принадлежит.

Рядом замаячил слуга с подносом, на котором лежали перо, чернила и книга в четверть листа, переплетенная в кожу. Ричардсон велел положить ее перед собой на стол.

— Ну-с, посмотрим, что они придумали на этот раз. — Он открыл книгу и пролистал страницы. — А! Мистер Мискин бьется с мистером Краули об заклад на две бутылки вина, что...

Он осекся, слегка нахмурившись; но через мгновение взял перо и поставил свои инициалы под записью.

Ричардсон взглянул через стол на Карбери. Он открыл предыдущую страницу и наклонил книгу, чтобы Холдсворту было лучше видно.

— Некоторые пари — тривиальные пустяки, которые никому, кроме нас, не интересны, но другие касаются университетских дел или даже вопросов государственной значимости. Вот, видите? Пари касательно изменений, которые мистер Питт произведет в правительстве; а вот другое, посвященное платану^[8] из Геродота. А вот... боже праведный... мистер Мискин поспорил с мистером Уичкотом, что сумеет выстроить членов совета в порядке увеличения их веса. Мистер Мискин принадлежит к числу наших самых веселых молодых людей. Неловко признаваться, но в данном случае нам пришлось воспользоваться весами в кладовой, чтобы определить победителя.

— Вы сказали, мистер Уичкот? — невинно переспросил Холдсворт. — Джентльмен, которого недавно упоминали; тот, что обедал с мистером Аркдейлом? Он тоже член совета колледжа?

— О нет. Но он весьма известен в Иерусалиме. И часто появляется на страницах книги пари.

Голова Ричардсона находилась совсем рядом с головой Холдсворта. Сразу за спиной Ричардсона на столе стоял канделябр, пламя которого погружало его лицо во тьму и освещало лицо Холдсворта.

— Не мог ли я слышать его имени ранее? — осторожно спросил Джон. — Оно кажется знакомым.

— Не исключено. Или же вы встречали других членов его семьи. Основная ветвь проживает в Нортумберленде. Наш мистер Уичкот принадлежит к младшей. Он поступил в колледж в качестве пансионера лет десять или двенадцать назад, но степени не получил. Как и многих из наших молодых людей, его нельзя назвать заядлым книголюбом. Однако он до сих пор проживает в Кембридже, и у него здесь много друзей.

Он сказал бы больше, но доктор Карбери закашлялся, брызгая слюной во все стороны. Слуга мгновенно подлетел к нему со стаканом воды. Доктор выпил глоток и жестом отпустил слугу. Лицо его покрылось пятнами, он вспотел. Отодвинул стул и встал.

— Прощу меня извинить, — сказал он. — Мне нужно кое-что прочитать перед сном. Мой слуга будет ждать вас в Директорском доме. Несомненно, мы еще встретимся за завтраком.

Пожелав собравшимся доброй ночи, Карбери поспешил прочь из комнаты. Разговоры вокруг возобновились и стали громче.

Холдсворт взглянул на книгу на столе и перевернул страницу. А вот и пари, которое только что было заключено: «Преподобный мистер Мискин бьется об заклад с мистером Краули на две бутылки вина, что привидение больше не появится до конца семестра».

— Так, значит, в колледже есть привидение? — спросил он.

— Нет, сэр; только глупая история, — Ричардсон закрыл книгу и вернул ее слуге. — Студенты выдумывают сказки, чтобы напугать друг друга.

Сады Ламборн-хауса спускались к северному берегу реки Кем. Предыдущий владелец, двоюродный дедушка мистера Уичкота, воздвиг в них элегантный павильон, из высоких окон которого открывался прекрасный вид на реку и парки Джесус-Грин и Мидсаммер-Коммон за ней. На первом этаже располагалась крытая галерея, где в ясную погоду можно было сидеть и наслаждаться свежим воздухом. Павильон казался удаленным от суматохи Кембриджа, однако в действительности до моста Грейт-бридж мистера Эссекса было всего несколько сотен ярдов в одну сторону, а до тюрьмы в крепостной сторожке — несколько сотен ярдов в другую.

Главный зал располагался на втором этаже: большая выходящая на южную сторону комната в форме удвоенного куба. Двоюродный дедушка мистера Уичкота использовал ее в качестве галереи для демонстрации своей коллекции старинной скульптуры; он также предавался в ней основному занятию на склоне дней: биографическому и критическому исследованию архиепископа Ашшера. Комната полностью отделена от остального дома, вот почему Филипп Уичкот обычно устраивал холостяцкие вечеринки именно в ней. Иные его гости предпочитали не афишировать своих передвижений, и для этих склонных к уединению душ участок между домом и водой казался весьма соблазнительным, особенно в теплую погоду.

В пятницу 26 мая после обеда Уичкот сел играть в карты со своими молодыми друзьями, как из Иерусалима, так и из других колледжей. Несмотря на благородные пропорции, в безжалостном свете раннего вечера комната выглядела не лучшим образом. Наиболее выгодно она смотрелась ближе к ночи, когда пламя свечей окутывало великодушным сиянием обветшавшие занавеси, вытертые турецкие ковры, испещренные шрамами ожогов, и стены со следами сажи и зимней сырости.

К настоящему времени большинство гостей разошлись. Остался только Гарри Аркдейл. Он сидел вместе с хозяином дома за столом у окна. Гарри был пухлым юношей с большими влажными губами и маленьким подбородком. Когда и если он достигнет возраста двадцати

пяти лет, он обретет полный контроль над состоянием, оцениваемым в три тысячи фунтов в год. Гарри играл с Уичкотом в пикет и был необычайно взволнован, поскольку выиграл предыдущую игру. Это отвлекло его от того факта, что он проиграл не только предыдущие пять, но и всю партию целиком.

Огастес, мальчик-слуга, проскользнул в комнату и прокрался вдоль стены к стулу хозяина. Он прошептал мистеру Уичкоту на ухо, что мистер Малгрейв ожидает его в доме.

— Ну что, обратился я вас в бегство? — спросил Аркдейл. Он сиял, потел и казался еще более пухлым, чем обычно, словно кто-то надувал его газом. — Вы не можете этого отрицать... лучше приберите свой выигрыш! Еще партию?

Уичкот улыбнулся гостю.

— К сожалению, придется отложить. У меня появилось одно неотложное дельце.

Оживление покинуло лицо Аркдейла.

— Филипп, — поспешно заговорил он, — я ездил вчера в Барнуэлл и пытался увидаться с Фрэнком. Но меня не пустили. С ним точно все в порядке? Разве вы не говорили, что он идет на поправку?

— Ну конечно, идет. Ваши чувства делают вам честь, Гарри, но напрасно вы себя утруждаете. Я из самого надежного источника знаю, что его здоровье улучшается день ото дня. Да что там, я уверен, что скоро он сможет перебраться в Лондон к своей матери. Разве ему разрешили бы путешествовать, не будь он в добром здравии?

— Наверное, нет. Но что с ним случилось? Я не понимаю.

— Все просто. Его воображение совершенно расстроилось. Вы видели, каким он был в тот последний день, когда вы с ним обедали в «Хупе». Сплошные тревоги и страхи. Как вы знаете, я ужинал с ним в колледже в тот вечер, и он пребывал в донельзя подавленном состоянии, которое с легкостью можно принять за манию. Бедняга! Я уже видел подобное прежде... он жил слишком ярко; одни мужчины способны с этим справиться, другие — нет. Боюсь, Фрэнк не такой сильный, как вы.

— Я всегда был крепким.

— Не то слово! Но не всем повезло иметь подобное телосложение. В нервном истощении Фрэнка нет ничего необычного. Ему надо немного побыть вдали от мира, только и всего. В девяти

случаях из десяти покой — лучшее лекарство. Если он помог однажды, поможет и в другой раз. Можете не сомневаться, после летних каникул Фрэнк снова будет среди нас, такой же, как прежде.

— И все же жаль, что меня к нему не пустили.

— Уверен, что скоро пустят, — улыбнулся Уичкот. — А теперь... Как бы мне ни хотелось, чтобы вы остались, разве вы не говорили, что пригласили компанию друзей на ужин?

— Ужин? — Аркдейл выудил часы французской работы, отделанные красивой эмалью. — Боже праведный, неужели так поздно? Черт побери, я должен был поработать над заданием для мистера Ричардсона перед ужином.

— Рикки подождет, я уверен.

— Вы не понимаете. Это не просто задание, а заявка на медаль Водена. И мой опекун хочет увидеть ее перед подачей. Он обедает в воскресенье в Иерусалиме и питает особый интерес к этой медали, поскольку его брат завоевал ее.

— Несомненно, это не повод утруждать себя?

— Повод, если я хочу, чтобы он повысил мое содержание. Я должен, по крайней мере, подать заявку. Нет, мне определенно пора. Нельзя терять ни минуты.

Уичкот вызвал Огастеса. Аркдейл отодвинул стул и встал. Почти в тот же миг он потерял равновесие и был вынужден схватиться за стол, перевернуть свой бокал и разлить остатки вина. Мальчик поддержал его. Аркдейл оттолкнул руку слуги.

— Неуклюжий мальчишка! — воскликнул он. — Посмотри, что я из-за тебя натворил.

Уичкот пересек комнату и подошел к письменному столу.

— Если хотите, подпишите это прямо сейчас, — предложил он. — Тогда мы будем в расчете до следующего раза.

Аркдейл, шатаясь, подошел к письменному столу и нацарапал свою подпись под долговой распиской на шестьдесят четыре гинеи. Затем Уичкот провел гостя к плоскодонке, пришвартованной у маленькой пристани на берегу реки. Огастес последовал за ними, держа шапочку и мантию Аркдейла не без некоторого благоговения. Гарри был сотрапезником начальства, так что шапочка была бархатной с золотой кисточкой, а мантия богато отделана золотым кружевом. Уичкот и мальчик помогли ему покинуть твердую землю.

Ругаясь и отдуваясь, Аркдейл устроился на подушках. Наконец он лег на спину, раскинув ноги и подергиваясь, как перевернутая черепаха. Расставание с шестьюдесятью четырьмя гинеями вновь подняло ему настроение. Он наставил палец на Уичкота на берегу и покачал им.

— Я обратил вас в бегство, а? — крикнул он. — Скоро нас ждет новая партия, и на этот раз я буду беспощаден.

По знаку хозяина Огастес вынул шест из ила и ловко направил неповоротливое судно на середину потока. Уичкот поднял руку, прощаясь, и медленно направился через сад к боковой двери дома.

Малгрейв сидел на скамейке в прихожей. Как только Уичкот открыл дверь, джип вскочил и поклонился, немного неуклюже из-за перекошенных плеч. Мужчины знали друг друга с тех пор, как Уичкот прибыл в Иерусалим в возрасте семнадцати лет.

— Я решил сообщить вам как можно скорее, сэр, — сказал Малгрейв. — Человек ее светлости прибыл в экипаже сегодня после полудня.

— Как его зовут?

— Холдсворт. Говорят, он книготорговец из Лондона.

— Книготорговец? — изумленно повторил Уичкот. — Я ожидал врача или юриста. Где он остановился?

— У директора, сэр.

— Как он вам показался?

— Холдсворт? — Малгрейв бесхитростно взглянул на Уичкота. — Высокий. Выше несчастного мистера Кросса и моложе. Тем лучше. — Он мгновение помолчал. — Непохоже, что он часто улыбается.

Тем же вечером мистер Филипп Уичкот нанес визит миссис Фиар. Упомянутая леди жила на восточной стороне Трампингтон-стрит, напротив колледжа святого Петра, в небольшом доме с веерообразным окном и фонарем над передней дверью, расположенной посередине фасада. Крыльцо каждое утро начищала долговязая служанка по имени Доркас, ученица из работного дома, которая боялась миссис Фиар больше, чем Господа Всемогущего, поскольку его, по крайней мере, считали милосердным.

Уичкот прибыл в портшезе. Он заплатил носильщикам и постучал рукояткой трости в переднюю дверь. Увидев, кто стоит на пороге,

Доркас присела в реверансе и отступила.

— Мадам в гостиной, сэр.

Уичкот нашел миссис Фиар в обществе нитки и иголки в кресле у окна. Солнце еще не совсем село, но на рабочем столе горели две свечи. Миссис Фиар уже несколько недель работала над небольшим гобеленом с изображением разрушения Содома или, быть может, Гоморры; что не суть важно. Гобелен предназначался в качестве учебного пособия небольшой школе при госпитале Магдалины в Лондоне, исправительном заведении для падших женщин. Когда объявили о приходе мистера Уичкота, миссис Фиар отложила вышивание и начала вставать.

— Пожалуйста, не утруждайтесь, мадам, — Филипп направился к ней. — К чему церемонии?

Однако она пропустила его слова мимо ушей, встала и присела в реверансе. Он поклонился в ответ, улыбаясь, поскольку прекрасно понимал суть игры.

— Мистер Уичкот, рада вас видеть. Надеюсь, у вас все хорошо?

Минуту или две они посвятили тому, что миссис Фиар в своих наставлениях кое-кому из тех, кто оплачивал ее услуги в иных сферах, называла «любезностями благородной беседы». Миссис Фиар была невысокой, коренастой женщиной, обладавшей низко натянутым вдовьим чепцом и невыразительным лицом. Уичкот знал ее с тех пор, когда ему было пять лет и она поступила гувернанткой к его сестре; позже она вышла замуж за соседского священника, который вскоре умер.

Служанка, явившись на вызов, принесла все необходимое для приготовления чая и поставила рядом со стулом миссис Фиар.

— Доркас, — произнесла та, — отправляйся на кухню и начисти ножи. Немедленно. Они прискорбно нуждаются в этом.

Когда они остались наедине, миссис Фиар открыла чайницу, помешала листья в воде и вгляделась в водоворот кружащихся черных крупинок. Затем откинулась на спинку стула и посмотрела на Уичкота.

— Итак?

Филипп медленно побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Ну что вы, моя драгоценная мадам, застыли, как надгробная Покорность?^[9] Я пришел узнать, все ли готово к среде.

— Пожалуйста, говорите тише. Да... все готово. Хорошенькая пухлая птичка. Довольно молоденькая.

Он промолчал, но поднял брови.

— Будьте уверены, она вполне созрела для ошипывания, — продолжила миссис Фиар. — И это будет не впервые, хотя она знает, как создать видимость. Кто на этот раз?

— Молодой Аркдейл. И он тоже созрел для ошипывания, в своем роде. Вы уверены, что девушка не подведет?

— Можете не беспокоиться на этот счет.

— Но я беспокоюсь, — заметил он. — Учитывая, что случилось в прошлый раз.

— Тогда нам не повезло, дорогой, — она протянула чашку. Его рука задрожала, и чай выплеснулся на блюдец.

— Не повезло? Вот как вы это называете?

— Откуда нам было знать, что случится? Что сделано, то сделано. По крайней мере, мы вернули Табиту Скиннер сюда, и коронер не стал чинить препятствий в связи с обеими смертями.

— Это была худшая ночь моей жизни. Сначала она, — Уичкот уставился на вышивку. — Затем Сильвия.

— На этот раз обойдется без неприятностей. По крайней мере, с девушкой.

— Что бы я без вас делал, мадам? — кисло спросил он.

— Ни к чему тратить на меня любезные слова, дорогой.

Филипп расхохотался, и она улыбнулась ему. Затем, вновь посерьезнев, он спросил:

— Как по-вашему, я не слишком тороплюсь с новым ужином, новой встречей? Если вкратце, мне нужны наличные, а это единственный оставшийся у меня источник, не считая карт.

— Это частная вечеринка, Филипп, а не светский прием. К тому же, какое дело вашему клубу до приличий? Ваши мальчики станут восхищаться еще больше. Вы подтвердите репутацию сорвиголовы, человека, которого не волнуют мелкие условности.

— Я вынужден повергнуть к вашим стопам еще одну неприятность, мадам.

— Вы имеете в виду тот пустячный случай с привидением?

Уичкот кивнул.

— И... хуже того, намного хуже... Фрэнка Олдершоу. Я словно хожу под грозовой тучей и в любой момент ожидаю кары небес.

Она пригубила чай.

— Рассудок к нему вернулся? У него случаются периоды просветления?

— По-видимому, нет. Мне бы непременно сообщили. Но дело тронулось с места — ее светлость послала своего шпиона. Он прибыл в Иерусалим сегодня.

— А! Ее светлость... Полагаю, корень неприятности именно в ней.

— Нет, мадам, — рявкнул Уичкот. — Корень неприятности в Сильвии. Как она посмела так со мной поступить? Как она посмела, мадам?

— А я предупреждала, что жениться на дочери деревенского поверенного без гроша за душой — не лучшая идея.

Уичкот встал и принялся беспокойно расхаживать по комнате.

— Она словно преследует меня, даже сейчас находит способы изводить. Знаете, сегодня мне показалось, что я ее видел. Она сидела в кондитерской на Петти-Кери. Конечно, это был кто-то другой...

— Что за ребяческие речи, Филипп! Не хотите присесть?

Он сверкнул глазами, но через мгновение вернулся на место.

— Вот, так-то лучше, — миссис Фиар улыбнулась ему. — Хорошо, если вам от этого легче, я согласна, Сильвия сама виновата.

— Я не совсем это имел в виду, я...

— Сильвия мертва, дорогой. Это главное. Теперь вы должны начать жизнь с чистого листа. Вы еще молоды. И как только разберетесь с пустячным делом мистера Фрэнка, должны забыть, что Сильвия вообще существовала.

Воздух в профессорской был густым от табачного дыма и испарений пунша. Голова Холдсворта болела, а глазницы словно посыпали мелким песком. Он попросил разрешения удалиться. Ричардсон немедленно вскочил с места и предложил проводить его.

— Спасибо, но я вряд ли заблужусь.

— Уверен, что не заблудитесь, но, может, сделаем круг или два по саду, прежде чем вы ляжете спать? На мой взгляд, капелька свежего воздуха и укрепляющая ходьба прочищают голову и способствуют сну.

Холдсворт принял приглашение. Ричардсон вывел его во двор, окруженный строениями с облицовкой из бледно мерцающего тесаного камня. По правую руку располагались высокие эркеры профессорской и зала. Ричардсон кивнул на ближайшее окно. Оно было не занавешено, и мужчины, которых они только что покинули, сидели за двумя столами, окутанные дымкой братства.

— Весьма общительные ребята, в общем и целом, — заметил Ричардсон. — Их невозможно осуждать за продолжительные возлияния. Но некоторые из них завтра утром проснутся с головной болью.

Он взял Джона под руку, и они пошли по сводчатой галерее перед часовней. В здании на другой стороне двора, напротив зала и профессорской, горели огни. Из окна на втором этаже донесся залп смеха и приглушенный стук, как будто множество кулаков колотило по столу.

— Мистер Аркдейл продолжает наслаждаться радостями общества, — вздохнул Ричардсон.

Кто-то запел, сперва неуверенно, но затем все точнее и громче. Присоединились и другие голоса. Звуки были не слишком мелодичными, но, несомненно, энергичными. Стук продолжался, отбивая ритм песни. Холдсворт и Ричардсон притаились в тени галереи. Стихи были короткими, и многие певцы, по-видимому, не знали слов песни. Однако все они подхватили припев с превеликим усердием:

Джерри Карбери всю веселится —
Решил до зеленых чертей он напиться.
Велите слуге, чтоб со шляпой пришел,
Не то он извергнет свой ужин под стол!

— Некоторые из наших молодых людей относятся к директору с меньшим уважением, чем он того заслуживает, — прошептал Ричардсон. — Эта вульгарная песенка приобрела среди них прискорбную популярность. Весьма жестоко... у доктора Карбери слабый желудок, и однажды он был вынужден извергнуть его содержимое публично.

Чуть дальше по ряду домов отворилась дверь, и фонарь, висящий под аркой, на мгновение осветил мужчину в мантии. Взглянув в сторону поющих, он быстро направился к ширмам на западной стороне зала.

— Мистер Соресби? — окликнул Ричардсон. — Уделите нам минутку внимания.

Мужчина повернулся. Он был высоким и тощим и не столько шел, сколько поспешал. Сняв шляпу, он неуклюже поклонился мистеру Ричардсону, затем взглянул на Холдсворта, стоявшего в тени галереи. Ричардсон не представил Джона.

— Мистер Соресби, — кротко произнес он. — Вы не окажете мне любезность подняться к мистеру Аркдейлу? Пожалуйста, передайте ему мое восхищение и уведомите, что я буду крайне признателен, если он закроет окна и умерит громкость своего пения.

— Я... мне кажется, привратник у себя, сэр. Возможно, уместнее будет...

— Я буду очень благодарен, мистер Соресби.

— Да, сэр. Разумеется, сэр.

Мужчина скользнул в дверь, ведущую в подъезд Аркдейла. Ричардсон положил руку на плечо Холдсворта, удерживая его на месте. Фонарь над дверью вновь осветил сутулую фигуру и поношенную мантию Соресби. Пение продолжалось еще несколько минут, затем стихло. К удивлению Холдсворта, Ричардсон не пошевелился. Настала тишина, вскоре нарушенная громким залпом смеха. Через мгновение оба подъемных окна комнаты были закрыты и ставни опущены. После

этого немедленно раздался тяжелый удар, как будто кто-то упал с лестницы, и возглас боли. Ричардсон дал знак Холдсворту, и мужчины ушли.

Галерея, которая тянулась вдоль всего восточного ряда домов, посередине примыкала к часовне, но имела по бокам по два пролета, которые выходили на сады за ней. На юг от галереи простирался еще один ряд домов, который тьютор назвал Новым зданием.

Мистер Ричардсон подвел Джона к дорожке, которая бежала на восток в сгущающуюся темноту. Глаза уже привыкли к сумраку. Перед ними мерцала вымощенная плитами дорожка. Появились первые звезды. Слева от мужчин находилась часовня, а за ней — полоска воды, через которую был перекинут горбатый деревянный мостик.

— Судя по звуку, мистеру Соресби досталось незавидное поручение, — заметил Холдсворт.

— Он сайзар, — откликнулся Ричардсон. — Незавидная доля.

— Это самые бедные студенты?

— О да. Согласно уставу, частично их содержит фонд, но они также обязаны выполнять черную работу. Счастлив сказать, что это положение в значительной мере изменилось. Однако, когда я поступил в этот колледж шестнадцатилетним юношей, сайзары все еще ждали, пока члены совета и сотрапезники начальства поедят, после чего подбирали объедки. Некоторые из них даже становились личными слугами членов совета. И даже сейчас многие из них — бедолаги, которые откладывают каждый грош, чтобы получить степень, и, смилив гордость, выполняют мелкие поручения, лишь бы свести концы с концами. И все же можно не сомневаться, что иные из них добьются уважения как в университете, так и в большом мире. Собственно говоря, я и сам был когда-то сайзаром.

Ночь выдалась удивительно тихой. Пирушка в Церковном дворе затихла, и они словно очутились в сельской глуши. Большинство окон Нового здания были погружены во тьму. Мужчины нырнули в тень гигантского дерева.

— Соресби служит у меня библиотечным клерком... вы с ним еще встретитесь завтра, — Ричардсон обвел рукой тени над головой и вокруг. — Кстати, мы находимся под восточным платаном Основателя. Мы им очень гордимся. Сэр Вальтер Воден посадил его собственными

руками. Иные говорят, что это самое огромное дерево в Кембридже, и, несомненно, ему нет равных.

— В книге было пари о платане.

Ричардсон хихикнул.

— Члены совета нашего колледжа не в состоянии равнодушно пройти мимо дерева. Упомянутый платан — из Геродота. Император Ксеркс восхитился им и приказал украсить золотом.

— Это Длинный пруд? — спросил Холдсворт.

— Да.

Джон подождал, но Ричардсон не упомянул о теле, которое нашли в нем в начале года.

Пруд изогнулся влево, и дорожка привела их к калитке в ширме из кованого железа. Ричардсон отпер замок, и они вошли.

— Это Сад членов совета, — пояснил он. — Древние называли бы его *hortus conclusus*.

— Огороженный сад?

— Именно. Огороженный и укрытый. — Голос Ричардсона стал таким тихим, что собеседнику приходилось напряженно прислушиваться. — Колледж сам становится крепостью по ночам, когда запирают ворота. Но здесь, в Саду членов совета, мы огорожены дважды, и оттого дважды защищены. Посмотрите налево, дражайший сэр, сквозь то отверстие среди ветвей на противоположном берегу. Это личный сад доктора Карбери. Он тянется отсюда до самого Директорского дома.

Холдсворт взглянул в прореху на дальнем берегу. Прямо перед ним светилось окно на втором этаже. Оно было открыто, и звуки взвинченных мужских голосов слабо доносились сквозь недвижный ночной воздух. Ричардсон застыл, как пес, почуявший дичь.

Пока они наблюдали, у окна появилась фигура. Холдсворт разглядел лишь неясный силуэт, окутанный сиянием свечей, но фигура почти наверняка принадлежала доктору Карбери. Рама неохотно поползла вниз и ударилась о подоконник со звуком, похожим на стук молотка.

Карбери задернул занавеси. Свет погас.

— А! — Ричардсон медленно выпустил воздух. — Теперь вокруг совсем темно.

— Джорджи? Джорджи?

Голос привел Холдсворта в чувство. Мария. Первая мысль, мгновенно подавленная.

Еще не рассвело. Я сплю? Было слишком жарко, тело запуталось в постельных принадлежностях. Во рту пересохло, что неудивительно после такого обилия вина за ужином. И к тому же Джон прекрасно ощущал еще один источник неудобства, столь же постыдный, сколь и настоящий. Твердый, как камень.

— Джорджи? Иди к маме.

«Надо мыслить аналитически, — подумал он, — ведь я не животное».

В последнее время жена возвращалась к нему во сне чаще, чем сразу после смерти. Иногда в воздухе висело только эхо ее голоса или запах... или даже болезненно зияющая полость, как будто она только что была здесь. Или не здесь, смотря как посмотреть. В том-то и суть: это не она была или не была здесь, а олицетворенная пустота... нечто вроде замкнутого ничто, тоски по тому, чего более не существовало, по крайней мере, в этом мире.

И все же... имя можно дать всему, даже иррациональному чувству. Почему бы не назвать его Марией? Пусть это будет чем-то вроде философского обозначения.

Холдсворт попытался повернуться в кровати, но одеяла по-прежнему крепко удерживали его. Безуспешные попытки вырваться только оказывали сладостно неловкое давление на его *membrum virile*^[10].

Любимая, прости мое отвратительное поведение.

Где-то между явью и сном Джон почувствовал присутствие Марии. Ему показалось, что он увидел ее силуэт, всего на мгновение, тень среди теней между кроватью и окном, но чуть темнее, чем окружающие тени.

Холдсворт дышал слишком часто и не мог вдохнуть достаточно воздуха. Он попытался замедлить дыхание, но нечто более сильное, чем его воля, напротив, лишь ускорило темп. Вскоре его ночная рубашка промокла от пота. Он никак не мог унять дрожь.

Сон, если это был он, медленно наполнился серым светом, своего рода светящейся дымкой, которая скрывала столько же, сколько обнажала. Джон больше не лежал в своей кровати, но стоял в Саду

членов совета и смотрел на Длинный пруд, совсем как несколько часов назад с Ричардсоном. Перемещение не показалось ему сколь-либо странным. Он опустил глаза и увидел Марию; она плавала лицом вверх у самой поверхности воды, погрузившись лишь на дюйм или два. Несмотря на эту явную преграду, жена говорила, или, скорее, он вполне отчетливо слышал ее голос.

— Джорджи, — звала она. — Джорджи, я здесь. Иди ко мне, малыш.

Мария, утонувшая в Темзе, теперь тонула в Длинном пруду. Согласно логике сна, вода была той же самой, и, возможно, все времена и места текли одной и той же нерушимой цепью событий, и то, что представало взору — в данном случае, Длинный пруд в Иерусалиме в мае или Темза у Банксайд в марте — зависело от точки зрения. Во сне данное размышление казалось совершенно разумным, и Джон удивился, что прежде оно не приходило ему в голову.

— Выходи! — крикнул он. — Ты утонешь. Хватай мою руку. Скорее.

Но Мария не слышала. Она продолжала звать Джорджи и уверять его, что мама любит своего мальчика, что он мамин сладенький пирожок.

Джон кричал на нее, растеряв все слова.

— Джорджи, Джорджи, — ее голос слабел. — Мамин маленький мальчик...

Ее тело исчезло. Ничего не осталось, кроме вязкой черной воды Длинного пруда, которая поднималась все выше и выше.

— Джорджи? — Чуть слышный шепот на грани безмолвия. — Джорджи?

Холдсворт застонал. Его уши болели, и было странное чувство, будто кожу содрали с кровоточащей плоти. Руки покалывало. И глубоко внутри по-прежнему таилось отвратительное нестерпимое желание совокупиться.

Твердый, как камень.

— Мария? — прошептал он.

Его что-то озадачило, но он никак не мог понять, что именно; какая-то чудовищная и невыразимая неправильность.

— Мария? Мария?

Лишь произнеся ее имя в третий раз, Джон понял, что это за неправильность. Поистине необъяснимо, что он не заметил этого сразу. Искаженное рябью лицо не принадлежало Марии. Голос был ее. Но лицо принадлежало Элинор Карбери.

Боль пронзила грудь. Железный обруч стянул ребра, выдавливая воздух из легких. Холдсворт открыл рот, чтобы завопить, но черный прилив уже поднялся выше рта. Когда он сомкнул губы, темнота потекла внутрь. Его тело содрогнулось.

Он вывернулся из одеял. Он падал. Затем последовал удар.

Джон очнулся и понял, что находится в спальне Директорского дома; лежит на голых половицах между каркасом кровати и балдахинном. Левый локоть, на который пришелся основной удар, сильно болел. Джон замолотил руками и сумел найти брешь в балдахине. Прохладный сквозняк коснулся щеки. Еще было немного света... тусклая вертикальная полоска в том месте, где ставни окна сходились неплотно.

Боже праведный... Элинор Карбери? Холдсворт отогнал мысль о ней. Он презирал себя и свое вероломное, одолеваемое греховными желаниями тело.

Соседние часы с непривычным боем возвестили три четверти. Холдсворт встал, ухватившись за столбик кровати, сорвал ночной колпак и протер сонные глаза. Шаркая, подошел к окну и открыл ставни. Его тело болело. Небо на востоке бледнело, тьма расступалась. Слава богу, скоро рассвет. Эрекция медленно увяла.

Воздух был зябким. На подоконнике лежала подушка. Джон взгромоздился на нее, подтянув ноги, подоткнув подол ночной рубашки под ступни и обняв колени, как великовозрастное дитя.

За окном свет украдкой возвращался в сады Иерусалима. Джон мерз все сильнее. Он принял иррациональное решение, подобно ребенку, который придумывает цель, потому что даже придуманная лучше, чем ее отсутствие: он позволит себе вернуться в кровать, как только увидит или услышит другое человеческое существо, неопровержимое свидетельство того, что в мир вернулись жизнь и рассудок.

Ждать долго не пришлось. Сквозь оконное стекло донесся грохот обитых железом колес о камень. Джон вытянул голову и заметил сгорбленную фигуру, которая катила маленькую тачку по вымощенной

плитами дорожке позади Директорского дома. То был мужчина в длинном темном пальто и мягкой шляпе. Он направлялся к группе служебных построек с левой стороны, рядом с северной границей колледжа.

Золотарь. Кто же еще? Тот самый, что нашел Сильвию Уичкот в Длинном пруду.

Золотарь. Никого больше не было видно. Ни Марии. Ни Элиноор Карбери.

После завтрака Бен, слуга директора, проводил Холдсворта в писчебумажную лавку, где тот приобрел карту города и его окрестностей. Руководствуясь картой, он отыскал дорогу на Барнуэлл, которая бежала на восток от города по направлению к Ньюмаркету. Барнуэлл был ни деревней, ни пригородом Кембриджа, а чем-то средним. Карбери предупредил, что в округе есть не самые благопристойные места, как то: сомнительные таверны и дома, пользующиеся дурной славой, которые привлекают подонков из города и университета.

Утром субботы дорога была запружена — в основном повозками, направляющимися к городскому рынку и магазинам. Нужный Холдсворту дом располагался на восточной оконечности Барнуэлла, где здания стояли реже и ландшафт выглядел более сельским.

Ходьба и утреннее солнце позволили увидеть ночные кошмары в истинном свете. Джон напомнил себе, что разумный человек не должен попрекать себя за сны, поскольку совершенно не властен над ними, и они по своей природе полны нелепых фантазий и ощущений. У него и наяву хватало трудностей, ни к чему нарочно городить новые.

Заведение доктора Джермина стояло в собственном саду. Участок окружала стена, почти такая же высокая, как стена Иерусалима. Ворота были заперты. На правой стойке висел шнурок колокольчика и записка с просьбой посетителям звонить и ждать. Холдсворт дернул шнурок. Через тридцать секунд передняя дверь отворилась, по дорожке неспешно приблизился слуга и вполне учтиво осведомился, что гостю угодно.

— Мое имя Холдсворт. Полагаю, доктор Джермин меня ожидает.

Слуга поклонился и достал ключ от ворот.

— Вы неплохо защищены от мира.

— Это не только чтобы никого не впускать, сэр, — слуга снова запер ворота за спиной Джона и пошел по дорожке, указывая путь. — Это чтобы никого не выпускать.

Пока они шли, Холдсворт заметил в саду трех или четырех мужчин. Один из них, по-видимому, подрезал куст; другой рыхлил клумбу. В этом не было ничего необычного, за исключением того, что

они были одеты как джентльмены, а не садовники. Даже издали Холдсворт разглядел черные сюртуки, черные шелковые бриджи и белые жилеты; и, по меньшей мере, у двоих волосы были напудрены и уложены, как будто им предстояло вскорости нанести утренний визит леди.

У двери дома слуга позвонил в колокольчик, как будто сам был гостем. Другой слуга впустил их и провел Холдсворта в небольшую гостиную, сообщив, что доктор Джермин не замедлит присоединиться к нему.

Джон прошелся по комнате. Приблизился к окну и взглянул на залитую солнцем лужайку вдоль боковой стороны дома и густые заросли кустарников за ней. В этот миг дверь отворилась и вошел доктор Джермин.

— Мистер Холдсворт, к вашим услугам, сэр, — оживленно произнес он. — Мистер Кросс написал, что вы можете оказать нам честь своим визитом сегодня утром.

Мужчины обменялись поклонами. Джермин оказался молодым мужчиной, слегка за тридцать, с приятным, открытым лицом. Одет скромно и аккуратно, парика не носил.

— Смотрю, вы изучали наши окна, сэр, — сказал он. — Ожидали увидеть на них решетки?

— Я и сам не знаю, чего ожидал. Те люди в саду — ваши... пациенты?

— Разумеется. Честный труд на свежем воздухе — лучшее лекарство. Я очень рад, что некоторые из наших джентльменов снизошли до помощи нам.

Холдсворт пошарил в кармане.

— У меня для вас рекомендательное письмо от ее светлости.

Доктор предложил Холдсворту стул и, пробормотав извинение, сломал печать и медленно прочел письмо. Наконец он поднял глаза.

— Подобные вопросы всегда щекотливы. И я опасаясь, что случай с мистером Олдершоу щекотлив сразу в нескольких отношениях. Ее светлость пишет, что полностью доверяет вам, и велит оказывать всяческое посильное содействие.

— Как поживает мистер Олдершоу?

— С точки зрения продвижения к окончательному исцелению, я возлагаю на него большие надежды. Он крепко сложен и от природы

обладает сангвиническим темпераментом. Его друзья и родные желают ему только добра. Недостатка в средствах нет. Короче говоря, я видел множество пациентов в намного более печальных обстоятельствах. Более того, некоторые из них проживают под этой самой крышей.

— Не сомневаюсь, — согласился Холдсворт.

— С другой стороны, его случай нельзя назвать исключительным. Многие молодые мужчины приезжают в университет не подготовленными к встрече с его искушениями и испытаниями. Некоторые из них никогда прежде не покидали дома. Без твердого руководства или, зачастую, опоры на тщательно привитые моральные принципы они объединяют недомыслие юности с возможностями независимости и постепенно скользят к катастрофе.

— Вы говорите в целом, сэр, — заметил Холдсворт. — Но что насчет мистера Олдершоу?

Доктор Джермин впервые помедлил.

— Сэр, позвольте узнать, что именно вам рассказали? Я не хотел бы, чтобы вы отправились к нему неподготовленным.

— Я видел шею мистера Кросса.

— А! Да, это весьма прискорбно.

— Ее светлость сообщила мне, что нрав ее сына с детства был мягким и добродушным.

Где-то над их головами раздался шум, далекий вой, за которым последовали торопливые шаги и хлопанье двери.

— Не забудьте сделать скидку на материнскую пристрастность, — посоветовал Джермин. — Прежде чем изложить свои наблюдения, я вынужден отметить, что некоторые аспекты случая мистера Олдершоу способны понять только другие врачи. Более того, сэр, я подозреваю, что даже большинство моих собратьев по профессии будут поставлены ими в тупик. Лишь врач, который особо изучал маниакальные расстройства, сумеет проникнуть в наиболее тонкие моменты.

— В таком случае я хотел бы разобраться хотя бы с наиболее грубыми, сэр. Почему его доставили именно к вам, а не другому местному врачу?

Джермин уставился на свои руки, маленькие, белые и очень чистые. Затем, вероятно, вспомнив, кто оплачивает счета, поднял взгляд и улыбнулся.

— Что до этого, весьма немногие специалисты в подобных вопросах практикуют неподалеку от Кембриджа. Я льщу себя надеждой, что мое имя пользуется в университете определенной известностью. Местные врачи, хотя многие из них достойны всяческого восхищения, не имеют времени или возможности для изучения подобных состояний, не говоря уже о современной науке нравственного управления, — Джермин кивнул, как бы в подтверждение своих слов. — Мы далеко ушли по сравнению с нашими дедами.

— И кто рекомендовал вас леди Анне?

— Тьютор юноши... мистер Ричардсон. По-видимому, мистер Олдершоу был не в себе уже несколько недель... с февраля. Жаль, меня не позвали раньше. Дождались, пока его состояние значительно ухудшилось. Это случилось в марте.

— И в чем именно заключалось его состояние?

Джермин соединил пальцы домиком.

— Проще говоря, в обывательских терминах, его меланхолия углубилась до такой степени, что жизнь стала для него невыносимой. Непосредственной причиной, по-видимому, послужил нервный коллапс внутри доли мозга, повлекший разновидность делирия. В настоящее время мы, врачи, склонны разграничивать меланхолию и манию. Иные считают, что упомянутые два состояния никак не связаны, но я согласен с профессором Калленом, что в действительности отличие между ними не качественное, но количественное. В его «Нозологии мании» данная теория изложена в мельчайших подробностях.

Холдсворт подумал о Марии; о воздействии на нее утраты Джорджи, а затем новости, что она должна покинуть дом, где он жил, куда принесли его истерзанное маленькое тело. По выражению Джермина, ее меланхолия превратилась в манию.

— Вам не кажется, что тому была особая внешняя причина? Некое потрясение для его организма?

— Точно сказать не могу. Я предпочитаю искать ответы в физиологии мозга, а не каких-либо событиях, реальных или воображаемых, которые могли иметь или не иметь место за его пределами.

— Так что там с привидением?

— А!.. привидение. — Джермин снова улыбнулся. — А я гадал, когда же мы доберемся до нашего мифического существа. Дражайший сэр, это симптом мании мистера Олдершоу, а не ее причина.

— Мне сообщили, что мистер Олдершоу гулял в саду Иерусалима поздней ночью и якобы увидел привидение леди, которая недавно умерла. Она была ему хорошо знакома, поскольку являлась супругой его друга. И именно это заставило его пытаться покончить с собственной жизнью.

— Вы ставите все с ног на голову, учитывая его ничем не вызванное нападение на мистера Кросса. Перед нами дворецкий его матери, старик, которого он знал с детства. Мистер Кросс едва успел войти в комнату, где сидел мистер Олдершоу, как юноша вскочил и набросился на него. Если бы мы со служителем не оказались рядом и не удержали его, последствия могли бы стать самыми плачевными. Нет никакой внешней причины, по которой мистер Олдершоу напал на него, точно так же, как нет причины, по которой он пытался свести счеты с жизнью в пруду колледжа. Нет, в обоих случаях он находился во власти делирия. Формально это называется *mania furibunda*; то есть мания, сопровождаемая насилием.

— Давайте на минуту оставим формальности, сэр, — предложил Холдсворт. — Не случилось ли чего-то, заставившего его счесть мистера Кросса врагом?

— Насколько мне известно, нет, — врач наклонился вперед. — Сэр, я пока что не могу полностью объяснить эти конкретные проявления мании, но полагаю, что мне известен основной феномен, который их порождает. Возможно, вам знаком «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка?

— Да, я его просматривал.

Джермин позволил себе еще одну улыбку.

— *Inter alia*^[11], в нем говорится о различении и других действиях ума. И мистер Локк делает весьма проницательные замечания касательно того, почему сумасшедшие не в состоянии правильно различать факты. *In fine*^[12], он утверждает, что сумасшедшие отнюдь не лишены способности к рациональному мышлению. Этим они в итоге и отличаются от идиотов, которые от природы не способны к умозаключениям. — Голос врача мало-помалу обрел переливы

проповедника. — Но для сумасшедших сложность проистекает из предпосылок, которыми они руководствуются, а не...

— Простите, сэра, но я не понимаю, как философская ошибка могла привести к мании мистера Олдершоу, — перебил Холдсворт. — И я также ломаю голову над тем, какое отношение к этому имеет его физиология.

— Вы забрели в епархию врача, сэра, и я опасаясь, что некоторое замешательство неизбежно. Как правило, в подобных вопросах можно смело избирать мистера Локка своим проводником. Поверьте, после того как увидишь столько несчастных юношей, сколько довелось увидеть мне, теории мистера Локка уже не кажутся такими неправдоподобными.

— И все же вы не можете назвать причину его мании? Суть именно в этом.

— Меня интересует факт галлюцинаций мистера Олдершоу, а не их содержание. В общем и целом, бред сумасшедшего значит не больше, чем блуждания болотного огонька, и следовать его прихотям точно так же глупо. Важно то, что он бредит. Как и все во Вселенной, от орбит планет до миграции ласточек, меланхолия и мания повинуются нерушимым законам. Они подобны отмычкам, которые позволяют нам проникать в тайны природы, в том числе и человеческого разума. Это все, что нам нужно.

— А все, что нужно мистеру Олдершоу, — прийти в чувство, — ответил Холдсворт. — Какое лечение вы для него избрали, сэра?

— Я практикую систему нравственного управления и почитаю ее единственным действенным методом. Врач должен достичь благотворного превосходства над пациентом, как в психологической, так и физической сфере. Как только это будет сделано, он сможет приступить к работе над дефектами понимания, которые лежат в корне недуга. Многое зависит от способности врача руководить пациентом. Это во многом похоже на воспитание ребенка.

— Нравственное управление, — повторил Холдсворт. — Вы добиваетесь от пациентов повиновения? Как от собак?

— В сущности, да. Это система повторного образования. Мы настаиваем на том, чтобы они придерживались должных мыслей, разговоров и поведения. Вынужден признаться, что с мистером Олдершоу я был чрезмерно оптимистичен. Посоветовал мистеру

Кроссу сказать, что он скоро заберет его домой, к ее светлости, и что поскольку его здоровье столь улучшилось, вполне допустимо устроить у нас скромный ужин. Мистер Олдершоу выступит в роли хозяина, а гостями станем не только мы, но и некоторые его кембриджские знакомые.

— Кто именно? — спросил Холдсворт.

— О, всего трое мужчин. Разумеется, его тьютор, мистер Ричардсон. Мистер Уичкот, весьма почтенный и состоятельный джентльмен, светский лев; он недавно овдовел, но все же посещает скромные частные ужины. Мистер Олдершоу был его любимцем. И еще один господин по фамилии Аркдейл, сотрапезник начальства из Иерусалима... они с Олдершоу были — не разлей вода. Я надеялся, что скромный ужин с близкими друзьями станет первым шагом к возвращению в общество. Но мои надежды не оправдались. Он волновался все сильнее; и когда я, к несчастью, на секунду отвлекся, он, как вам известно, утратил контроль над собой и попытался наброситься на мистера Кросса. Весьма характерно для *mania furibunda*... предсказать ее приступ невозможно, словно вспышку летней молнии.

— Если позволите, я хотел бы увидеться с ним.

— Я бы не советовал, сэр. Это может спровоцировать...

— Я настаиваю. Ее светлость наказала мне увидеть его.

С очередной улыбкой доктор Джермин поднялся на ноги и придержал дверь открытой. «В нем есть что-то блестящее и непроницаемое, — подумал Холдсворт, — как будто он покрыт тонким слоем смолы». Ни резкие слова, ни аргументы, казалось, не достигали его сердцевины, а оставались снаружи и высыхали, не причиняя вреда.

— Конечно, — сказал Джермин. — Даже врач вынужден склониться перед кротким любопытством матери.

Филипп Уичкот стоял в дверном проеме и грыз указательный палец. Ему не нравилось смотреть на кровать, но он не мог отвести от нее глаз. Кровать была уродливой и старомодной, слишком большой для комнаты; мать Сильвии, непомерно гордившаяся этой кроватью, подарила ее новобрачным на свадьбу. Голый матрас лежал на деревянной раме. Четыре резных столбика по углам поддерживали балдахин, который всегда напоминал Филиппу верх катафалка.

Здесь Сильвия лежала каждую ночь. Здесь он лежал с ней. Ее теплое тело прижималось к этому матрасу, а он прижимался к ней. Ночь за ночью.

Застывшая, безмолвная комната угнетала его по несчетному множеству причин, но кровать была хуже всего. Ему хотелось приказать слугам разбить ее, отнести вниз на огород и сжечь вместе с матрасом. А вместо этого ее придется продать, чтобы выручить хоть сколько-нибудь денег.

Уичкот вошел в следующую дверь, ведущую в гостиную Сильвии, быстро подошел к ближайшему окну и поднял штору. Полуденное солнце хлынуло в комнату. В воздухе танцевали пылинки. Филипп сдернул чехлы с мебели. Книжный шкаф-бюро, унаследованный от двоюродного дедушки, был весьма красив. Он наверняка немало стоит. Филипп наугад вынул с полок несколько томиков. Ее книги тоже принесут, по меньшей мере, несколько гиней. Надо заглянуть в «Мериллс» или «Луннс» и выяснить, что они могут предложить.

Он открыл бюро и запустил пальцы в его укромные уголки и отделения, в надежде, что пропустил что-то ценное, когда искал в прошлый раз. В бюро лежали только ржавые перья, бумага, засохшие чернила, сургуч и шпагат. Сильвия оставила после себя поразительно мало следов, как будто и вовсе не существовала. Половину жизни она провела за сочинением писем другим женщинам — своей матери в деревню, Элинор Карбери в Иерусалим... Но она не сохранила писем, которые получала. Она даже дневника не вела. От нее ничего не осталось.

Мертва. Мертва. Мертва.

Филипп захлопнул откидной стол. За спиной раздался писк — это Огастес прочистил горло. Мальчик намеревался тактично кашлянуть, как полагается вышколенному слуге, извещающему хозяина о своем присутствии. Но природа рассудила иначе.

— Что еще?

— Прошу прощения, ваша честь, мистер Малгрейв пришел.

— Отправь его ко мне в кабинет.

Уичкот запер дверь в комнаты Сильвии и спустился вниз. Почти сразу Огастес объявил о приходе Малгрейва. Джип медленно вошел в комнату; его тело, как всегда, клонилось влево, поскольку его левая нога была короче правой.

— Ну? — спросил Уичкот.

Малгрейв пожал плечами:

— Особых перемен нет, сэр. Говорят, что мистер Олдершоу ведет себя достаточно тихо. Ему дают снотворное, так что большую часть времени он спит. Ест он как лошадь. Но жизни в нем нет — не больше, чем в вашем диване.

— Служители заведения доктора Джермина верят, что их хозяин его исцелит?

— Они говорят, что доктор многим помог ему, — Малгрейв улыбнулся. — По крайней мере, заработал на этом порядочно денег. Но с мистером Олдершоу, похоже, он не слишком продвинулся. Он кричит на него, как на остальных... говорит, сделай то, сделай это, поцелуй меня в зад... но мистер Олдершоу в основном просто сидит. Или начинает кричать и плакать навзрыд.

— Попридержи язык. Это все?

— У него по-прежнему случаются приступы ярости, сэр, если вы об этом. Не слишком часто, но он крупный парень, наш Фрэнк, и лучше не заступать ему дорогу, когда на него находит.

— Когда ты собираешься к нему в следующий раз?

— Во вторник, сэр, если не будет иных приказаний. Как обычно... побрею его, причешу, почищу одежду, позабочусь о белье. Вот только... говорят, мистер Холдсворт тоже побывал в Барнуэлле.

— Человек ее светлости?

— Да, — Малгрейв нахмурился. — Он темная лошадка.

— Я хочу узнать о нем больше. Загляни ко мне после того, как снова побываешь в Барнуэлле... или раньше, если что-нибудь

выяснишь, особенно о Холдсворте.

— Как угодно вашей чести.

Уичкот отвернулся и уставился в закопченное окно.

— Можешь идти.

Малгрейв кашлянул.

— Прошу прощения, сэра, но как обстоят дела с моим счетом?

— Не сейчас.

— Он растет, сэра.

— Я же давал тебе денег на днях! — рявкнул Уичкот.

— Пару гиней в счет погашения долга в конце марта, сэра, — Малгрейв достал и раскрыл записную книжку. — Двадцать девятого марта, сэра, если говорить точнее. На тот момент долг достиг тринадцати фунтов, восьми шиллингов и четырех пенсов. Сейчас, боюсь, он несколько вырос и составляет почти двадцать фунтов.

— Черт побери, ты их получишь. Но не сейчас.

Малгрейв стоял на своем:

— Прошу прощения, сэра, но я невольно заметил, что в последние несколько месяцев вы уже не так щедры, как прежде. Разве вы не рассчитали лакеев? Вам прислуживают только мальчишка и женщины.

— Мои домашние дела тебя не касаются, и я не собираюсь их обсуждать. Уходи.

— А еще тот случай с вашей долговой распиской, сэра. Я имею в виду неприятности на платной конюшне.

Уичкот сдержал гнев.

— Срок твоего счета еще не подошел. В любом случае, твои деньги в безопасности, все равно, что в Банке Англии. Просто в доме сейчас временная нехватка наличных.

— О да, сэра, не сомневаюсь. Осмелюсь заметить, что вы можете начать все с чистого листа, если заложите или даже продадите дом, ведь он, верно...

— Пошел к черту, Малгрейв.

— Вот что, сэра, я не хочу быть нелюбезным, и мы с вами, сэра, знаем друг друга уже очень давно. Но человеку нужно на что-то жить. На моем попечении есть иждивенцы, как и на вашем, — Малгрейв высоко поднял брови. — Пожалуй, мне следует обратиться к ее светлости.

— Какой еще светлости? — произнес Уичкот почти шепотом, зная ответ еще до того, как спросил.

— К леди Анне, разумеется, сэр. Учítывая, сколько я сделал для мистера Олдершоу с тех пор, как он поступил в Иерусалим, и особенно теперь, у доктора Джермина. Я еще не представил свой счет. В любом случае, ее светлость может немного утешить беседа о его здоровье, — он похлопал себя по жилету. — Мне так жаль ее, сэр. Я ведь тоже родитель.

— Ни к чему ее беспокоить, — ответил Уичкот. — Что касается счета, если хочешь, я немедленно займусь этим делом и попробую частично погасить долг.

— Целиком, если позволите, сэр. Считаю долговую расписку, это составит чуть менее восьмидесяти фунтов, — Малгрейв снова открыл записную книжку. — У меня здесь точная цифра, сэр.

— Частично погасить, я сказал.

Словно сама земля уходила у него из-под ног. Однажды зимним днем, еще во времена студенчества, он охотился на Болотах^[13], и земля под ним проделала именно это: твердая на вид поверхность оказалась жидкой грязью, которая затягивала его все глубже, и глубже, и глубже. Если бы компания местных жителей не услышала его крики, он бы утонул. Они вытащили его дрожащее тело в промокшей, испачканной одежде. Стояли вокруг и смеялись.

— Да, сэр, — сказал Малгрейв. — Целиком. Вы можете выручить немалую сумму за дом, я уверен. Это несложно.

— Пошел вон, — рявкнул Уичкот. — Вон. Немедленно.

Малгрейв неспешно направился к двери. Прежде чем открыть ее, он остановился и оглядел комнату.

— Уверен, старый Дживонс не замедлит оказать вам услугу, сэр. Знаете его? Угол Слотерхаус-лейн. Даст самую справедливую цену, если учесть все обстоятельства. Всегда есть способ, ваша честь, всегда есть способ.

Они поднимались бок о бок по широкой лестнице с низкими ступенями. Часы тикали в прохладной темноте в глубине коридора. Воздух пах воском, лимонным соком и уксусом. Дом излучал нормальность так мощно и превосходно, что сама нормальность казалась зловещей.

На площадке Джермин остановился.

— Возможно, вам не много удастся добиться от бедняги, — пробормотал он. — Как врач, я не могу выразить словами, насколько важно продолжение лечения. Я имею в виду лечение здесь... перевозить его поистине преступно.

Частная лечебница — предприятие коммерческое. Холдсворт сомневался, что мотивы, которыми Джермин руководствовался при ее основании, были исключительно или хотя бы в первую очередь научными, не говоря уже о благотворительных. Любопытно, сколько леди Анна платит врачу за стол, проживание и лечение сына, а также всякие пустяки, которые неизбежно набегают вследствие пребывания в доме молодого джентльмена столь высокого ранга? Пять гиней в неделю? Шесть? Если у Джермина хотя бы полдюжины таких пациентов, они приносят ему изрядный доход. Если их, скажем, дюжина — его доход превышает таковой большинства землевладельцев.

На втором этаже двери, выходящие на площадку, были закрыты. Джермин без стука вошел в первую справа. Джон проследовал за ним в просторную спальню. В комнате были два окна, выходящие на площадку для игр за домом. Воздух приятно пах.

Широкоплечий, мускулистый мужчина поднялся со стула у двери. Джермин вздернул брови в молчаливом вопросе. Мужчина кивнул. Оба посмотрели на юношу, сидящего за карточным столиком в дальнем от двери углу. Юноша внимательно смотрел на что-то перед собой и не поднимал глаза.

Джермин направился к пациенту.

— Ну-с, Фрэнк? Как настроение?

Юноша не ответил. Холдсворт все еще не видел его лица. Он был одет в черное, просто, но хорошо. Как и многие молодые люди, парика он не носил.

Джермин кивком подозвал Холдсворта и снова обратился к пациенту:

— А, замечательно, Фрэнк, просто замечательно. Мне нравится, что вы заняты полезным делом.

Пересекая комнату, Холдсворт заметил крепкое деревянное кресло у стены рядом с камином. К его подлокотникам, ножкам и спинке были

приделаны широкие кожаные ремни. Ремни имели мягкий и эластичный вид, какой кожа приобретает от частого использования.

Женщина могла бы назвать лицо Фрэнка Олдершоу красивым. Он смотрел вниз, слегка хмурясь, точно ангел, размышляющий о несовершенстве человечества. На столе перед ним лежало несколько десятков маленьких деревянных кубиков. На каждой грани была вырезана маленькая картинка. Шесть кубиков стояли в ряд, их рисунки перетекали друг в друга, так что начала вырисовываться общая картина. Кубики показались неожиданно знакомыми, и внезапно Холдсворт узнал их. Подобные познавательные головоломки использовались в детских комнатах. Из кубиков можно было составить шесть разных картин. Засечки на миниатюрной резьбе гарантировали необходимость поворота всех кубиков нужной стороной. Одна картина изображала генеалогическое древо королей и королев Англии вплоть до короля Артура. Другие иллюстрировали эпизоды из Ветхого завета, с особым акцентом на пророков, выстроенных в хронологическом порядке. Фрэнк Олдершоу трудился над таблицей полезных знаний, представленных в логическом виде. Холдсворт несколько месяцев подряд торговал головоломкой в магазине на Лиденхолл-стрит, но она плохо продавалась.

— Фрэнк, вы должны на время прервать свое занятие. К вам гость.

Фрэнк очень медленно положил зажатый в руке кубик на стол и посмотрел сперва на Джермина, затем на Холдсворта.

— Встаньте, сэр, — потребовал Джермин. — Так принято поступать в порядочном обществе, когда вас кому-то представляют.

Фрэнк медленно встал. Он был крупным юношей, почти таким же высоким, как Холдсворт, хотя и менее широкоплечим; его движения все еще отдавали отроческой неуклюжестью, как будто он не вполне привык справляться с незнакомой длиной и тяжестью своих конечностей. Несмотря на красоту лица, в нем не было ни грамма женоподобности. Он стоял, округлив плечи и свесив голову. Холдсворт поклонился. Фрэнк в ответ дернул головой.

— Хорошо, — сказал Джермин. — Вполне прилично. Мы делаем огромные успехи, не правда ли?

Он сделал паузу, но никто ее не заполнил.

— Ее светлость послала мистера Холдсворта, чтобы увидиться с вами, — продолжил Джермин. — Кто знает, если вы продолжите в том же духе еще несколько недель, он может даже забрать вас в Лондон.

Фрэнк Олдершоу взвился, словно скрытая до времени пружина. Он обернулся, раскинув руки, и смахнул деревянные кубики со стола. Джермин с бесстрастным видом отступил. Не менее резко Фрэнк изменил направление движения на противоположное и швырнул столик в угол.

Приступ закончился почти так же быстро, как начался. Служитель ринулся через комнату и схватил Фрэнка так крепко, что тот не мог пошевелить руками. Юноша тяжело дышал, выгибался и топал ногами, но разорвать хватку не мог.

Джермин позвонил в колокольчик на стене у камина. Дверь открылась, и появились еще двое мужчин. Они силой усадили Фрэнка в кресло и затянули ремни. За все время никто не произнес ни слова. Как будто подобные случаи были настолько обыкновенными, что о них и сказать нечего.

Холдсворт поднял стол и поставил его на место, при этом наступив на один из кубиков. Он наклонился, поднял его и положил на стол. Сверху оказалось скотоводство. Он перевернул кубик и получил жертвоприношение Исаака. Резко поднял глаза. Фрэнк пристально смотрел на него.

— Вы поступили очень плохо, — строго сказал Джермин, наклонившись к лицу Фрэнка. — Вы не должны позволять приступам гнева овладевать вами.

Фрэнк широко раскрыл рот, высунул язык и поболтал им из стороны в сторону.

— Кря, — произнес он. — Кря.

— Вы должны извиниться, — продолжил Джермин. — Передо мной и, разумеется, перед мистером Холдсвортом, который, являясь эмиссаром вашей матери, заслуживает вашего особого внимания. И перед бедным Норкроссом, которому опять пришлось вас удерживать.

Фрэнк свесил голову, отгородившись от всех.

Джермин схватил пациента за волосы и вздернул его голову. Фрэнк взглянул в лицо доктора.

— Посмотрите на меня, Фрэнк, — приказал Джермин. — Посмотрите на меня и скажите, кто здесь хозяин.

Фрэнк плотно сжал веки, укрывшись в личной темноте.

Джермин кивнул Норкроссу, который вышел вперед, встал за креслом и насильно поднял веки Фрэнка большими пальцами. Он оттянул его голову назад, так что Фрэнк смотрел Джермину прямо в лицо, до которого оставалось не более шести дюймов.

— Посмотрите на меня, — повторил Джермин. — И скажите, кто здесь хозяин.

Глазные яблоки Фрэнка дергались и вращались, как будто с ним случился припадок. Он плюнул в Джермина. Врач отступил и осторожно ударил пациента два раза, левой ладонью по правой щеке, правой ладонью по левой. Затем достал носовой платок и вытер слюну с лица и рукава сюртука.

— Вы здесь ради вашего же блага, — произнес Джермин низким, гулким голосом, выговаривая слова медленно и размеренно. — Вы должны подчиняться мне во всем ради вашего же блага. Кто здесь хозяин?

Язык Фрэнка на мгновение мелькнул между его губами, как бы увлажняя их. Из глубины его горла поднялся клокочущий звук.

— Кто здесь хозяин? — повторил Джермин и посмотрел на служителя, который в ответ дернул голову Фрэнка еще дальше назад и вонзил большие пальцы еще глубже в глазницы.

— Вы, — выпалил Фрэнк хриплым шепотом.

— Повторяйте за мной, — велел Джермин. — «Вы здесь хозяин, сэр».

— Вы... вы здесь... вы здесь хозяин.

— Сэр! — проревел Джермин.

— Сэр, — пробормотал Фрэнк.

Джермин отошел от пациента, и Норкросс отпустил его. Доктор с улыбкой повернулся к Холдсворту.

— Вот видите, сэр, — жизнерадостно произнес он. — Современная система нравственного управления в действии. Рано или поздно она помогает даже в самых запущенных случаях. Но вы должны показать им, кто здесь хозяин. Все проистекает из этого.

Голова Фрэнка упала на грудь. Он закрыл глаза. На ресницах поблескивала влага.

— Я хочу поговорить с мистером Олдершоу, — сообщил Холдсворт.

— Конечно, пожалуйста, — Джермин махнул рукой в сторону своего безмолвного пациента. — Однако я опасаясь, что его реплики будут не слишком осмысленными.

— Я предпочел бы поговорить с ним наедине, сэр. Нам необходимо обсудить личные вопросы.

Джермин учтиво улыбнулся.

— Не сомневаюсь, сэр. Но я не могу этого позволить.

Норкросс взял кожаный кляп с каминной полки и посмотрел на Джермина в ожидании указаний.

Доктор покачал головой.

— Позже. Нашему гостю лучше понять, с чем мы имеем дело.

Фрэнк глубоко и прерывисто вздохнул, откинул голову назад и поволчьим завыл.

Когда вой стих, Джермин повернулся к Холдсворту.

— Ну как, сэр? — оживленно спросил он. — Теперь вы понимаете?

Гарри Аркдейл попытался встать, но едва он спустил ноги с кровати, как его охватило невыносимое головокружение; движение породило бурную внутреннюю активность, которая вынудила его стремительно вскочить с кровати, простирая руки к ночному горшку. Извергнув содержимое желудка, Гарри снова прилег, чтобы прийти в себя.

Он погрузился в неприятную дремоту, во время которой обрывки воспоминаний о событиях вчерашнего дня проплывали сквозь его полубессознательный разум подобно апатичным рыбам. Кажется, он проиграл чертовски много денег Филиппу Уичкоту — не вследствие нехватки мастерства, а из-за того, как легли проклятые карты. Если Уичкот будет докучать насчет долга, а он вполне на это способен, Аркдейлу придется обратиться к опекуну за очередным авансом в счет содержания за следующий квартал, что логически приведет к очередной отвратительной сцене, в результате которой он, возможно, не сможет посетить Париж во время летних каникул.

Воспоминание о существовании опекуна привело к другой, не менее неприятной мысли. Сегодня должна быть суббота. Сэр Чарльз, он же его дядя, прибудет вечером в Кембридж: остановится в «Синем вебре», а завтра посетит службу в Большой церкви Девы Марии и затем отобедает в Иерусалиме. Крайне важно ничем не рассердить старика. Но это будет непросто. Опекун намерен обсудить успехи своего подопечного с мистером Ричардсоном. А Аркдейл весь в долгах... конечно, дядя увидит только счета колледжа и лицензированных торговцев, которые поступают непосредственно к Ричардсону; но есть и другие — карточные, например, и разнообразные мелочи жизни. Мало того, сэр Чарльз еще и одержим навязчивой идеей подачи Аркдейлом заявки на медаль Водена.

Необходимо завтра все уладить самым осмотрительным и любовным образом, чтобы в наилучшем виде насладиться радостями клубной встречи вечером в среду. Аркдейл ни за что на свете не пропустил бы собрание, ведь ему предстояло стать апостолом. Клуб Святого Духа слыл самым закрытым обеденным клубом во всем Кембридже, и в его ряды принимались исключительно сливки

общества. Что может быть прекраснее, чем стать одним из двенадцати апостолов? Но его дядя совершенно не в состоянии оценить важность этого. Если скаредный старый мерзавец окажется в дурном настроении, он может забрать племянника из университета. Он пригрозил этим в своем последнем письме, если Аркдейл не научится довольствоваться содержанием и не посвятит себя учебе. Следовательно, необходимо что-то сделать, какой-нибудь скромный жест, *coup de théâtre*^[14], который превратит сэра Чарльза в образец доброжелательности.

Аркдейл привел себя в сидячее положение и громко застонал. В дверь постучали, и домработница осторожно просунула в комнату свою красную физиономию.

— Звали, сэр? — спросила она, шаря глазами по комнате, от развороченной постели к груде брошенной одежды на полу, от переполненного ночного горшка к мистеру Аркдейлу, свернувшись калачиком на кровати.

— Нет, — проблеял он. — То есть, да. Где Малгрейв? Мне нужен Малгрейв.

— Его нет в колледже сегодня утром, сэр.

— Какая досада. Я хочу... мне нужно... — У него кончились слова, и он молча пожевал нижнюю губу в ожидании, пока головная боль немного утихнет.

Домработница приняла решение самостоятельно.

— Вы хотите чаю, сэр, — сообщила она ему. — И я пошлю в кладовую за особой микстурой. Потерпите немного.

— Да... нет... ну ладно. Нет, стой. Еще кое-что. Я должен незамедлительно увидеть мистера Соресби. Ступай наверх и посмотри, на месте ли он. Они... о боже.

Аркдейл осекся и бросился к ночному горшку. Домработница выскользнула из комнаты.

Через некоторое время бурление в кишках утихло, однако головная боль осталась, как и гадкий привкус во рту. Домработница вернулась с чаем и пивной кружкой, в которой плескалось тошнотворное и невероятно дорогое укрепляющее средство, которое кладовая предоставляла студентам в положении Аркдейла. Служанка также принесла известие, что мистер Соресби сейчас спустится.

Укрепляющее средство стоило своих денег. Пройдут часы, прежде чем Аркдейл окончательно придет в себя, но вскоре он оправился достаточно, чтобы пить чай в кресле у окна. Он лениво наблюдал за укороченной перспективой и облаченными в черное фигурами в Церковном дворе внизу. Вид мистера Ричардсона, идущего через лужайку по диагонали к профессорской комнате, напомнил, что он снова пропустил утреннюю службу, не озаботившись предварительно получением *dormiat*^[15]; придется заплатить еще один штраф, а то и выдержать неприятный разговор со старым Рикки.

Внимание Аркдейла привлек одинокий незнакомец, который появился во дворе из прохода, ведущего в профессорскую и Директорский дом. Он повернул направо и пошел вдоль зала. Аркдейл решил, что он направляется к выходу на улицу. Незнакомец был высоким широкоплечим человеком в поношенной черной одежде, но не священником.

В этот миг в дверь постучали. Соресби, шаркая, вошел в комнату. Его сопровождал голос домработницы, требующей, чтобы он не забывал смотреть под ноги.

Соресби поклонился.

— Мистер Аркдейл, надеюсь, вы пребываете в...

— Да, да, — Аркдейл нетерпеливо хлопнул ладонью. — Послушайте, что это за парень внизу?

Соресби присоединился к нему у окна. Незнакомец беседовал с Мепалом, главным привратником.

— Я никогда его прежде не... — Соресби осекся. — Нет, кажется, я видел его вчера вечером. Он был с мистером Ричардсоном.

— Друг Рикки, вот как?

— Не знаю. Похоже, он спросил у Мепала, где находится библиотека. Пустая трата времени. Дверь заперта.

— Не представляю, зачем ему библиотека. Старое унылое место.

— Скажите, мистер Аркдейл, — голос Соресби стал резким. — Вы помните, как я заходил прошлым вечером?

— Не уверен, — Гарри глотнул чая и поморщился, обжегшись. — А должен?

— Да. Когда мистер Ричардсон послал меня наверх с сообщением. Аркдейл потер голову.

— Кажется, припоминаю, — он нахмурился и, приложив усилие, действительно сумел восстановить часть событий. — Да, один или двое парней, кажется, чересчур развеселились. Мы пели, да? Ладно, неважно... так что, этот парень внизу, он был с Рикки?

— По-моему, это он. Было темно, разумеется, и он оставался в тени. Кажется, его зовут Холдсворт.

Они наблюдали, как мужчина дергает дверь библиотеки. Затем он пошел обратно.

— Вы хотели меня видеть, мистер Аркдейл? — Соресби выгнул пальцы, и один из суставов хрустнул тихим тревожным взрывом, которого он, казалось, не заметил. — Должен признаться, что после вчерашнего вечера...

— Да, да, мне действительно жаль. Я же сказал, кое-кто из парней немного перебрал и увлекся. Тысяча извинений. Надеюсь, вы не пострадали? Кости не переломаны, а?

— Нет. Только синяки на руках и царапина на...

— Прекрасно, прекрасно... искренне рад это слышать. А теперь вот что, Соресби, забудьте об этом... вы просто обязаны протянуть мне руку помощи. У меня к вам две просьбы. Во-первых, вы должны сегодня забрать кое-что у Прантона... знаете такого? Портной на Грин-стрит... и подержать у себя до завтрашнего вечера. Видите ли, приезжает мой опекун, а он решительно против того, чтобы я время от времени покупал себе приличный костюм. И Рикки тоже не одобрит, потому что мы не должны ходить к Прантону, его нет в списке колледжа, вот почему покупку нужно забрать. Я бы попросил Малгрейва, но чертов мошенник куда-то подевался сегодня утром. Не правда ли, слуги совсем обнаглели? Вечно ошиваются рядом, когда в них нет необходимости, и наоборот. На чем я остановился? Да, а вот и вторая просьба, намного важнее. Видите ли, он вбил себе в голову, что я должен подать заявку на медаль Водена, и у меня будут серьезные проблемы, если я этого не сделаю.

— Прошу прощения... кто вбил себе в голову?

— Я же сказал... мой дядя, сэр Чарльз. Он совершенно уверен, что я прослаблю наше имя. Он завтра ужинает в колледже и пишет, что с нетерпением предвкушает удовольствие прочесть мою заявку на медаль Водена после ужина. Я собирался поговорить об этом с вами несколько недель назад, но как-то выскочило из головы. Все это

чертовски неловко, можете мне поверить. Я даже не приступал к проклятой работе. А мне сейчас особенно необходимо, чтобы старый джентльмен пришел в филантропическое расположение духа.

Соресби нахмурился, но промолчал, лишь разогнул свою длинную руку и смахнул прядь волос со лба.

— Вы ведь справитесь с этим даже во сне, дорогой друг, — поспешил добавить Аркдейл, почувствовав сопротивление. — Каждому свое, а? Не могли бы вы мне помочь? Если мы сядем бок о бок, то мигом что-нибудь состряпаем. Только надо поторопиться. Мне надо показать опекуну завтра хоть что-нибудь, иначе я не отвечаю за последствия.

— Очень жаль, но у меня мало времени, — медленно произнес Соресби.

— Но я на вас полагаюсь! Такой человек, как вы, вечно уткнувшийся носом в книгу... да что там, честное слово, держу пари, что вы могли написать вполне приличное стихотворение, даже когда бегали в коротких штанишках.

— Но мистер Аркдейл, не забывайте, у нас совсем мало времени, если вы должны показать что-нибудь уже завтра. Чтобы претендовать на медаль Водена, необходимо проделать большую предварительную работу. В вашем случае опекун, несомненно, может пожелать обсудить ваше творение, а значит, вам придется продемонстрировать хоть минимальное знакомство с материалом.

— Вы должны мне помочь, — вспылил Аркдейл. — Послушайте, для человека ваших способностей это должно быть сущей безделицей. Подумайте... нужна тема, конечно... по правилам, какая угодно, лишь бы она доказывала бытие Божие. Разве не вокруг этого все вертится? Вокруг Бога или вроде того. Надо только срифмовать пару строк на латыни. И я не стал бы слишком тревожиться из-за старика... дядя и сам не великий ученый, вот почему так чертовски нечестно, что он ожидает успехов в учении от меня. Обещаю, вы не пожалеете.

Внезапно ему в голову пришла мысль.

— О... или вы сами подали заявку на медаль? Не потому ли вы противитесь?

Соресби покачал головой.

— Я завоевал ее в прошлом году, мистер Аркдейл. По правилам, ее нельзя завоевать дважды.

— А! И что за приз вам достался?

— Гинея, мистер Аркдейл; и медаль, разумеется.

— Пф! И это все? Какая скупость! Вот что, я дам вам три гинеи, если вы поможете мне состряпать сносную заявку.

— Три гинеи? — Сустав пальца снова хрустнул. — Право слово, мистер Аркдейл, это изрядная сумма денег.

— С другой стороны, мне не нужна эта чертова медаль. Мне нужно стихотворение, без промедления. Или хотя бы черновик этого чертова стихотворения.

— Возможно, я смогу оказать вам посильную помощь.

— Я так и знал! Я говорил себе, что умный человек, такой, как Соресби, непременно найдет выход.

— Учтите, я не обещаю, что работа будет соответствовать критериям. Но у меня есть идея.

Аркдейл подскочил на сиденье.

— Какая же?

— В прошлом году я испробовал несколько тем, прежде чем остановить свой выбор на одной. — Соресби снова хрустнул суставам. — Полагаю, я сумею отыскать записи.

— Замечательная мысль. Но ради бога, прекратите хрустеть костяшками, мой дорогой, я каждый раз вздрагиваю.

Соресби покраснел:

— Нижайше прошу меня извинить.

— Пустяки, оставьте. Продолжайте.

— В моем распоряжении только канва проекта, мистер Аркдейл. Я очертил тему... вчерне набросал треть или половину стихов, но после счел их чрезмерно елейными.

— Какими?

— Елейными, мистер Аркдейл... то есть слащавыми и даже напыщенными, как Талли отзывался об азиатской риторике.

— Как скажете. В любом случае, этого более чем достаточно, чтобы мой дядя угомонился. Ему может даже понравиться... он и сам балансирует на грани елейности, — Аркдейл ощутил, как его похмелье уплывает прочь. — Немедленно сходите за ними. После обеда и визита к Прантону вы должны запихнуть их мне в голову, насколько получится, а остаток допишете, когда вам будет удобно. Обещаю, вы

не останетесь внакладе... Вы не могли бы позвонить в колокольчик? Я чувствую в себе силы справиться с маленьким тостом.

Мистер Ричардсон сидел за столом в гостиной. Рядом стоял дородный юноша. Оба повернулись к Джону, когда он вошел.

Тьютор встал.

— Мистер Холдсворт... какое неожиданное удовольствие.

— Но, судя по всему, вы заняты, сэр, — ответил тот. — Неважно... я буду иметь удовольствие видеть вас позже в библиотеке.

— Нет, прошу вас, останьтесь... мы закончили свои дела. Мистер Холдсворт, позвольте представить вам мистера Аркдейла, одного из наших сотрапезников начальства. Мистер Аркдейл, это мистер Холдсворт.

Гарри быстро заморгал и поклонился Холдсворту. У молодого человека было розовое круглое лицо, на котором заметно выделялись большие раскисшие губы, между которых, казалось, в любое мгновение мог мелькнуть язычок их обладателя.

— К вашим услугам, сэр, — пробормотал он. — Я в восхищении.

— Мистер Холдсворт уже слышал вас, хотя и не видел, — продолжил Ричардсон. — Мы прогуливались по Церковному двору прошлым вечером, когда вы всюду разошлись.

Аркдейл порозовел еще сильнее.

— Я... прошу прощения, сэр. Некоторые... некоторые ребята... чересчур развеселились.

— Уверен, подобного больше не произойдет, мистер Аркдейл, — улыбнулся ему Ричардсон. — Что ж, я рад, что вам есть что показать завтра сэру Чарльзу, и я сообщу ему приятную весть, когда нанесу визит сегодня вечером. А после встречи я хотел бы обсудить ваш круг чтения на ближайшее время и планы на летние каникулы. Надеюсь, вас не затруднит заглянуть ко мне в среду? Около семи часов?

Аркдейл остановился, уже коснувшись двери.

— Я совсем забыл, сэр, но у меня уже назначена встреча.

Ричардсон поднял брови.

— Вот как?

— Клуб СД, сэр. Меня избрали его членом.

— Ах да. — На изящном лице Ричардсона промелькнуло какое-то чувство. — Такое нельзя пропустить.

— Мистер Уичкот очень настаивал.

— В таком случае, давайте договоримся на четверг. В семь вечера. Приходите, я угощу вас чаем, — Ричардсон задумчиво посмотрел на подопечного. — Будьте поосторожнее в клубе СД. Он обладает определенной репутацией, насколько я понимаю.

— Да, сэр. Премного благодарен.

Аркдейл поклонился, сначала Ричардсону, затем Холдсворту. Дверь за ним затворилась.

Тьютор вздохнул.

— У нас слишком много подобных молодых людей, мистер Холдсворт. Он безобиден, но прискорбно распущен. Трагедия в том, что он не полный глупец и обладает некоторыми зачатками учености. Он мог бы неплохо справляться, если бы приложил усилия. Но мне не следует утомлять вас своими скромными заботами. Вы навестили мистера Олдершоу сегодня утром? Как он вам показался?

— Крепок телом, но не духом, — ответил Холдсворт.

— Так, значит, улучшения нет?

— По-видимому, нет. Доктор Джермин уверен в успехе, но только если мистер Олдершоу останется с ним. Врач истово верит в свою систему.

— Нравственное управление, — произнес Ричардсон. — Говорят, это переворот в лечении безумия.

— Не могу сказать, что мне нравится то, что я видел. Больше всего это похоже на запугивание.

— В любом случае, это милосерднее, чем приковывать бедолаг к постелям, как это принято, и оставлять их гнить в собственных испражнениях. Вы смогли поговорить с мистером Олдершоу?

Холдсворт покачал головой.

— Когда доктор Джермин меня представил, Фрэнк впал в ярость, и его пришлось укрощать. Кстати: мистер Аркдейл только что упомянул мистера Уичкота. Я слышал его имя и у доктора Джермина.

— Если не ошибаюсь, я вчера уже говорил, что мистер Уичкот обладает в Иерусалиме большим влиянием.

— Как и его покойная жена, полагаю.

Ричардсон поднял брови.

— А! Похоже, у нас нет секретов от вас. Хотя, конечно, смерть несчастной леди далеко не секрет. Некоторые говорят, что мистер

Уичкот бывает в обществе чаще, чем предполагает его столь недавняя утрата. Но, полагаю, нам следует быть снисходительными. Нельзя отказывать бедняге в утешении.

— Почему мистер Олдершоу считает, что видел привидение миссис Уичкот?

— Вот вы меня и подловили, дражайший сэръ! Действительно, почему? Конечно, он был знаком с леди. Но мозги у бедолаги не в порядке. Разве ему нужен повод для галлюцинаций?

— А до того имелись признаки, что его мозги не в порядке? — спросил Холдсворт. — Ее светлость желает знать все до мельчайших подробностей, так что, если вы не против, я задам вам еще несколько вопросов.

— Я могу рассказать не намного больше, чем вы уже знаете. Мистер Олдершоу был в Ламборн-хаусе в вечер перед смертью миссис Уичкот. Случившееся повлияло на него... я бы сказал, что он впал в некоторую меланхолию. Но ничего из ряда вон выходящего... молодые люди всегда найдут из-за чего повздыхать, не правда ли?

— Как он себя вел в день перед явлением призрака? И что он делал в саду среди ночи?

— Кажется, он пообедал в «Хупе» с мистером Аркдейлом и поужинал в колледже в обществе мистера Уичкота.

— Возможно, это заставило его вспомнить миссис Уичкот особенно живо.

— Возможно. Как бы то ни было, полагаю, он проснулся среди ночи и надумал выйти по нужде... уборные студентов находятся на другой стороне сада.

— Могу ли я взглянуть на комнаты мистера Олдершоу?

— Нет ничего проще. Они в том же состоянии, в каком он их оставил. Ее светлость не хочет понапрасну тревожить друзей мистера Олдершоу. Внезапное выздоровление казалось вполне вероятным во время его заключения, и даже сейчас мы живем с надеждой на подобный счастливый исход, — веки Ричардсона затрепетали. — Леди Анна объявила, что ее сын нездоров, что труды в университете расшатали его нервную систему.

— Когда вам будет удобно?

— Хоть сейчас, если пожелаете, — Ричардсон шагнул к окну, выходящему во двор, и взглянул на часы на фронтоне. — У нас есть

еще добрых полчаса до того, как позвонят к обеду.

Он натянул мантию, запер дверь и проводил Холдсворта наружу. Они подошли к двери в юго-восточном углу двора. Среди полудюжины имен, начертанных на табличке внизу подъезда, имелись имена Олдершоу и Аркдейла, занимавших по несколько комнат на втором этаже. Когда Ричардсон повернул ключ в тяжелой наружной двери Олдершоу, ничего не произошло. Он нахмурился и надавил сильнее. Ключ по-прежнему не двигался. Он повернул его в другую сторону, и замок немедленно и громко защелкнулся.

Ричардсон хмуро посмотрел на Холдсворта.

— Странно.

— Дверь была открыта?

Ричардсон снова крутанул ключ, потянул на себя наружную дверь и повернул ручку внутренней двери за ней. Последняя вела в просторную комнату, больше и выше, чем комната Ричардсона. Прямо перед ними стоял маленький человечек в темной одежде. Он держал стопку рубашек.

— Малгрейв! — воскликнул Ричардсон. — Какого черта ты здесь делаешь?

— Пришел за чистым бельем для мистера Олдершоу, сэр. И доктор Джермин попросил меня принести несколько его книг.

— Почему ты не зашел ко мне за ключом?

— Прошу прощения, сэр. Не хотелось вас беспокоить, и доктор Джермин дал мне ключ мистера Олдершоу.

— Это совершенно недопустимо, Малгрейв, как ты прекрасно знаешь. Мы не можем раздавать ключи кому попало.

— Да, сэр. Прошу прощения, сэр. Поскольку речь шла о мистере Олдершоу, я подумал, что вы сделаете исключение.

— Не сделаю, — отрезал Ричардсон. — Немедленно сдай мне ключ.

— Конечно, сэр. В следующий раз я увижу его во вторник, сэр. Полагаю, мне придется обратиться к вам чуть позже на неделе.

— Можешь не беспокоиться.

Малгрейв, хромая, вошел в комнату и бережно положил рубашки в открытый саквояж, который стоял на полу.

— Как часто ты навещаешь мистера Олдершоу? — спросил Ричардсон.

— Два или три раза в неделю, сэр. Доктор Джермин говорит мне, что принести и когда зайти. Я брею бедного джентльмена, причесываю и выполняю разные мелкие поручения доктора, — Малгрейв затянул ремни саквояжа и встал. — Это доктор Карбери велел мне его навещать. Но счета я подаю доктору Джермину, который оплачивает их из средств ее светлости.

— Счета должны проходить через меня, как тебе прекрасно известно. Я тьютор мистера Олдершоу.

— Да, сэр, но директор сказал, что это другое дело, поскольку юный джентльмен сейчас не проживает при университете.

— Понятно. Хорошо. Прошу не забывать, что мистер Олдершоу — мой ученик, и впредь я буду очень рад, если ты возьмешь на себя труд сообщать мне, как он поживает.

— Да, сэр.

— А теперь положи ключ на стол и уходи.

Малгрейв снова поклонился, поднял саквояж и захромал к двери.

Ричардсон подождал, пока дверь за Малгрейвом закроется. Его лицо побелело.

— Это невыносимо. Директор действовал за моей спиной, и Малгрейву, несомненно, хорошо заплатили, чтобы он держал язык за зубами. Вот уж воистину джип!

— Я не понимаю, — сказал Холдсворт.

— Э... а, слово «джип», говорят, происходит от греческого слова, означающего «стервятник». Чертовски похоже на правду! Подобные ему паразиты делают состояние на чаевых и взятках, — Ричардсон на мгновение умолк, тяжело дыша. — Видите ли, джип — не то, что обычный университетский слуга. Он работает только на себя и предлагает свои услуги, кому пожелает. Будь моя воля, я бы выгнал из Кембриджа все племя джипов.

— Вы говорите с таким пылом, сэр...

— Я говорю то, что думаю, мистер Холдсворт. Однако простите, я позволил своим чувствам излишне накалиться. Когда всю жизнь проводишь в колледже, видишь одних и тех же людей изо дня в день... подобные мелочи могут значить для нас очень многое. Страстишки разрастаются и приобретают монструозные очертания. — Он неискренне засмеялся. — Когда я сам был сайзаром, лет тридцать назад, джипы смотрели на нас, как на соперников, и обращались с

нами соответственно. Я помню Малгрейва по тем временам... он был совсем мальчишкой, разумеется... вечно хромал где-то рядом и унижал нас с большим удовольствием.

Холдсворт переместился к ближайшему окну, одному из двух, выходящих на лужайку, которая спускалась к Длинному пруду, со стеной часовни слева и величественной кроной восточного платана за ней. Возможно, Фрэнк Олдершоу стоял здесь в ночь, когда встретил призрака? И нечто выманило его на улицу?

Ричардсон окончательно справился с собой и улыбнулся.

— Позвольте мне быть вашим чичероне^[16]. Когда наш Основатель сочинял устав, он включил в него условие, что в колледже всегда должны найтись апартаменты для любого из его потомков, пожелавшего здесь учиться. Полагаю, можно без опасения утверждать, что лучшим жилищем обладает только директор. Это главная комната, гостиная или общая комната, как у нас принято говорить. Вон та дверь ведет в спальню, а соседняя с ней — в кабинет. Маленькая дверца за камином — в так называемую комнату джипа, владения Малгрейва и домработницы.

— Апартаменты превосходно обставлены.

— Леди Анна проследила за этим. Ее желание, чтобы сын проживал в условиях, достойных его положения и ожиданий, вполне естественно.

Холдсворт бродил по комнатам. Маленький кабинет выходил на крошечный залитый солнцем садик на южной стороне ряда домов. Сама комната была квадратной, с высокими потолками, почти идеальным кубом. В ней имелись некоторые свидетельства, что Фрэнк Олдершоу порой уделял время учебе — пара томиков Тацита, Вергилия и Тита Ливия и несколько математических работ, таких, как «*Meditationes analyticae*» Уоринга и «Конические сечения» Винса.

— Мистер Олдершоу корпел над книгами? — спросил Холдсворт.

— Редко. Ему не свойственно стремление к знаниям. Что его действительно интересовало, так это гонки на фаэтонах с Аркдейлом или количество бекасов, которое ему удавалось подстрелить на утренней охоте.

Холдсворт открыл дверь напротив окна и обнаружил за ней чулан с комодом и большим платяным шкафом. Дверь на противоположной стороне чулана сообщалась со спальней. Джон просмотрел одежду —

парики и сюртуки, бриджи и чулки, туфли, сапоги, шляпы, перчатки, пальто.

— Одежды хватило бы на целую деревню, — бросил он через плечо Ричардсону. — Деревню, населенную исключительно знатью.

— Ее светлость никогда не ограничивает сына в том, что может повисить его значимость. Ему предстоит занять важное место в мире, когда придет время, и присоединиться к самым сливкам общества. Вот почему настоящее его положение так унизительно для нее.

— Из-за гордыни?

— Без нее определенно не обошлось. Однако я не хочу сказать, что ее светлость не испытывает материнской любви к сыну. Но мало кто из нас способен похвастать простыми чувствами, не затронутыми своекорыстным интересом. Даже великие мира сего, — Ричардсон потянул рукав ярко-зеленого сюртука. — Это ливрея, которую мистер Аркдейл с такой гордостью наденет в среду. Клуб СД. На пуговицах выбит клубный девиз: «Sans souci»^[17]. Печальная ирония для мистера Олдершоу, не правда ли?

Холдсворт взглянул на обшлаг.

— Пуговицы не хватает.

Первоначально на обшлаге были три золоченые пуговицы в ряд. Теперь осталось только две.

— Она на туалетном столике, — Ричардсон выглянул в окно спальни. — Церковный служка собирается звонить к обеду. И вот еще что, прежде чем мы уйдем, сэр... — Он положил руку на рукав Холдсворта. — Прошу вас, будьте осторожнее.

— Что вы имеете в виду?

— Мне больно это говорить, но доктор Карбери служит только себе. Если он увидит возможность добиться преимущества у леди Анны за ваш счет, то без колебания ею воспользуется. Вы должны быть настороже.

Колокол начал бить.

— А теперь поспешим, — радостно и бодро сказал Ричардсон. — Если я не займу свое место за высоким столом до того, как прочтут молитву, мне придется уплатить штраф — две бутылки вина.

После ужина Элино́р Карбе́ри приказала горничной принести чайные принадлежности в гостиную. Не успела она толком устроиться, как услышала голоса в коридоре внизу и шаги на лестнице. Дверь распахнулась, и в комнату вошел доктор Карбе́ри. За ним проследовал мистер Холдсво́рт.

— А! Миссис Карбе́ри! — воскликнул ее муж, хватаясь за спинку стула в поисках поддержки. — И кипятильник! Как там у Купера? «Бурлящий и свистящий кипятильник плюется паром, и чаши, которые... которые...»

— «Бодрят, но не пьянят», сэ́р, если не ошибаюсь, — подсказала Элино́р, принимая поклон Джона.

— Да, да, — Карбе́ри плюхнулся в кресло с размаху, отчего его ноги подскочили на дюйм или два.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Холдсво́рт, — произнесла Элино́р. — Я собираюсь приготовить чай и уверена, что Сьюзен уже несет дополнительные чашки.

Она улыбнулась и увидела ответную улыбку, которая удивительно преобразила его лицо.

— Такое неожиданное удовольствие. Я думала, вы заняты с мистером Ричардсоном сегодня днем.

Карбе́ри подавил отрыжку.

— Позже. Епископ обедает в «Сейнт-Джонсе», и мистер Ричардсон хотел нанести визит его светлости. По обычным причинам, полагаю.

Элино́р все еще смотрела на Холдсво́рта.

— Доктор Карбе́ри имеет в виду, что епископ может продвинуть мистера Ричардсона по службе.

— Я не питаю особых надежд на этот счет, — заявил Карбе́ри. — Нам еще долго придется с ним мириться.

Элино́р помешала воду в заварочном чайнике с нехарактерной энергией, и звона ложечки хватило, чтобы ее муж прикусил язык, как она и надеялась. Он осекся и быстро сменил тему, спросив Холдсво́рта о здоровье Фрэ́нка Олдершо́у. Пока тот отвечал, Элино́р передала чашки мужчинам.

— А! Бедняга! — произнес Карбери. — Короче говоря, Джермин не добился успеха?

— Он верит, что успех — дело времени.

Карбери сделал глоток чая, сморщил нос и поставил чашку на блюдце, расплескав ее содержимое.

— Но что-то надо сделать немедленно! Это бросает тень на колледж и расстраивает ее светлость. — Он заговорил громче. — Так что там с привидением, мистер Холдсворт? Если вы сумеете доказать, что оно — всего лишь дикие фантазии мальчишки, это уже кое-что. Привидение означает сплетни, а их и без того слишком много. Да что там, я опасаюсь, что к нам поступит меньше студентов на следующий год, и все из-за этой скверной истории. Кому захочется отправить своего сына в заведение с призраком?

Он с долгим рокотом выпустил газы.

— Это решительно неблагородно. Если вы сумеете положить конец глупым слухам, мы будем бесконечно вам признательны.

— Для этого мне было бы полезно побольше узнать об обстоятельствах, при которых нашли тело миссис Уичкот.

— Это еще зачем? Сомнений в ее личности нет.

— На случай, если я смогу использовать какой-нибудь факт, чтобы подорвать хотя бы часть уверенности мистера Олдершоу, будто он столкнулся с призраком. Например, как она вошла?

— У нее был ключ, — ответил Карбери. — Она часто навещала нас в Директорском доме. Моя супруга вручила ей ключ от нашей личной калитки на Иерусалим-лейн, чтобы она могла приходить и уходить, не подвергая себя неприятному пребыванию под таким обилием мужских взглядов.

— Калитка была заперта, — возразила Элинон. — Ключ так и не нашли.

Муж хмуро посмотрел на нее.

— Несомненно, потому что он покоится в иле на дне пруда.

— Во что была одета леди, когда ее достали из воды? — спросил Холдсворт.

— В ночную рубашку, — ответила Элинон. — Обуви на ней не было, только чулки, порванные и грязные. Мы...

— Мы пытались скрыть это обстоятельство от вельможи широкой публики, — перебил Карбери. — Но слуги все разболтали.

Несомненно, туфли свалились в воде и уплыли в дренажную трубу, через которую вода отводится из пруда. Или, возможно, она потеряла их, когда бежала по улицам... в такую-то ночь!

Холдсворт потер глаза, налитые кровью и усталые.

— Но почему миссис Уичкот явилась в Иерусалим в такое время?

— Чтобы повидать миссис Карбери, разумеется. Лунатики, строго говоря, отнюдь не иррациональны в своих поступках. Я обсуждал этот вопрос с профессором Трилло, который выполнил нечто вроде исследования данного предмета через призму классической античности. В своих действиях лунатики часто руководствуются соображениями, которые могли бы показаться им разумными и наяву.

— И все же... простите, сэр, если я излишне дотошен... не впала ли миссис Уичкот в уныние? Отчаяние — злейший враг здравомыслия. Во власти отчаяния можно совершить поистине ужасные поступки.

Карбери поморщился.

— Миссис Уичкот не впала в отчаяние, сэр. Я буду весьма признателен, если вы не станете упоминать даже о возможности подобного на людях. Это может создать превратное впечатление. Ни к чему посмертно пятнать репутацию леди беспочвенным подозрением в самоубийстве.

Он подался вперед в своем кресле и неуверенно встал. Попытался поклониться Элинор, но сумел лишь неуклюже кивнуть.

— Я... я должен ненадолго удалиться. Прошу меня извинить.

Элинор выслушала его запинаящиеся шаги на лестнице и стук двери внизу. Повернулась к Холдсворту и обнаружила, что он смотрит прямо на нее. Она отвела глаза.

— Надеюсь, директор не заболел, — заметил Холдсворт.

— Нет... уверена, что нет. Он... ему иногда приходится выходить после обеда. Но вернемся к мистеру Фрэнку. Сегодня я должна написать леди Анне. Мне сказать, что он пребывает в добром здравии, что касается тела? Что же до слабости рассудка, по крайней мере, хуже не стало? Могу ли я сказать больше?

— Система доктора Джермина подразумевает, что он очень внимательно наблюдает за любыми контактами его пациентов с внешним миром. Я хотел бы поговорить с мистером Фрэнком наедине, если врач мне позволит. Поначалу он казался совершенно безмятежным. Затем врач сказал, что я явился по поручению ее

светлости и, возможно, смогу забрать его домой через несколько недель, если его здоровье в должной мере улучшится. После этого мистер Фрэнк впал в неистовство, и мне стало незачем оставаться. Я хотел бы посмотреть, что получится, если я поговорю с ним наедине, без врача или смотрителей. К тому же, это необходимо. Он верит, что видел привидение миссис Уичкот. Как я смогу попытаться разубедить его, если мне неизвестен точный характер его бреда? Только он может мне о нем рассказать.

— Разумеется, доктор Джермин в состоянии просветить вас?

— К несчастью, нет. Более того, он выказал полное отсутствие интереса к теме призрака. Видите ли, его не волнуют подобные вопросы. Он придерживается точки зрения, что его пациенты безумны, и потому их видения по определению не стоят разумного осмысления... а являются пустым вздором. Вместо этого он делает упор на лечении, которое, судя по всему, заключается в обучении делать выводы из правильных предпосылок. Он выглядел настоящим философом, когда объяснял это мне.

— Локк, — произнесла Элинора и насладилась вспышкой удивления на лице Холдсворта.

— Вы правы, мадам, — сказал он. — Доктор Джермин постоянно ссылался на него.

Она не ответила.

— Скажите, — продолжил он, — какой была миссис Уичкот?

Элинора встала и достала папку из ящика бюро. Положила на стол у окна и развязала ленточку. Затем повернулась к Холдсворту, который поднялся с места вслед за ней.

— Подойдите, и вы найдете ответ, сэр.

Элинора открыла папку и достала листок бумаги. Холдсворт стоял рядом; она остро ощущала его взгляд и привкус вина в его дыхании. Он посмотрел на листок, эскиз головы и плеч Сильвии Уичкот, небрежный по своей природе, поспешно нацарапанный пером и чернилами. Часы тикали на каминной полке. Дыхание Элиноры участилось. Джон морщил лоб. Ей хотелось протянуть руку и разгладить морщинки, подобно хорошей жене.

— Да, — наконец сказал он, отстраняясь. — Да, понятно. Она была очень красивой.

— Дело не только во внешности, сэр, — Элино́р охватило внезапное желание все ему объяснить. — Хотя, конечно, она была очень хороша собой. Но что более важно, намного более важно — очарование ее манер, ее речи... нечто неопределенное. Нечто непредсказуемое. Это привлекало людей. Господь всемогущий... это привлекло Филиппа Уичкота, и если ей удалось это, она могла привлечь любого. Одно время он был влюблен в нее по уши. Полагаю, он продолжал ее любить, в своем роде, хотя, боюсь, их брак не был счастливым.

Она захлопнула папку и завязала ленточку неожиданно непослушными пальцами.

— Я сочту за одолжение, если вы расскажете мне больше о ней, — сказал Джон.

— Мы с ней выросли вместе. Мой отец держал школу в Бате, а она была в ней пансионеркой. Мы стали близкими подругами и никогда не переставали ими быть. Когда я вышла замуж за доктора Карбери, она навестила меня в Кембридже и встретила мистера Уичкота. В то время это казалось подарком судьбы... возможностью сохранить нашу дружбу.

— Кто нарисовал тот портрет?

— Я.

— Вы одаренная художница, мадам. Это недавний портрет?

— Ему семь или восемь месяцев.

Элино́р подняла глаза. Холдсворт снова смотрел на нее.

Они услышали шаги доктора Карбери. Элино́р встала и вернула папку в ящик. Ее муж медленно и осторожно вошел в комнату, словно находился на палубе корабля, которая могла покачнуться в любой момент.

— Вы еще здесь, мистер Холдсворт? Это хорошо... я хотел шепнуть вам словечко. Словечко предостережения. Я надеялся, что это не потребуется, но тщетно. Миссис Карбери сказала, что вчера вы не успели прийти, как мистер Ричардсон заглянул, чтобы свести с вами знакомство. И с тех пор вам от него не избавиться, верно?

— Как вам известно, я видел его вчера вечером, сэр, — ответил Холдсворт. — И навестил сегодня утром, поскольку хотел осмотреть комнаты мистера Олдершоу. Он оказал мне любезность и сопровождал меня.

— Вот именно, — кивнул Карбери. — Оказал любезность, говорите? Оказал любезность себе самому, не сомневайтесь. Мне больно говорить такое об уважаемом члене нашего сообщества, но я нарушу свой долг, если не предостерегу вас. Он расточал при вас улыбки и лесть, да?

— Он произвел самое приятное впечатление.

— Ха! Так я и знал.

Элино́р встала, чтобы уйти, но муж жестом указал ей на кресло.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, дорогая. Я не отниму много времени, и к тому же вам уже известно все и даже более. — Он засунул большие пальцы в карманы жилета и встал, расставив ноги, спиной к пустому камину. — Когда мой предшественник на посту директора умер, мистер Холдсворт, мы устроили, как это принято в подобных случаях, выборы его преемника. Избиратели — члены совета колледжа. Согласно уставу, кандидатом можно выдвинуть любого, при условии, что он обладает степенью магистра гуманитарных наук и, разумеется, является причастником англиканской церкви. Очень часто кандидаты выбираются из самих членов совета, что вполне естественно. В этом и состояла загвоздка во время последних выборов. Кандидатами были я и мистер Ричардсон.

Элино́р кашлянула.

— Ни к чему утомлять мистера Холдсворта нашими пустяковыми делами, сэ́р. Он...

— Помолчите, миссис Карбери, и оставьте эти вопросы тем, кто в них разбирается.

Элино́р покраснела и отвернулась.

— Как я уже говорил, я позволил друзьям меня выдвинуть, но, по правде говоря, очень мало беспокоился о результате, — доктор Карбери уставился в потолок. — Мистер Ричардсон, напротив, очень сильно переживал из-за выборов. Так сильно, что методы, которыми он продвигал свою кандидатуру, были... ну, я бы не сказал, что они были по-настоящему безнравственными, хотя другие, увы, могли бы это предположить. Однако я считаю, что они определенно не были джентльменскими. И все же, как я говорил на днях миссис Карбери, кашу из топора не сваришь. Как вам известно, происхождение мистера Ричардсона самое скромное, и, несмотря на его несомненные способности, в нем чувствуется подлость, каковую не встретишь в

людях благородных. Не позволяйте приятным манерам заслонить его подлинную натуру, мистер Холдсворт. Мы были студентами в одно время, и его истинная натура проявилась уже тогда. Некоторые жестокие студенты называли его Грязным Диком. Они делали вид, будто вокруг него витает неприятный запах, поскольку его отец был подмастерьем дубильщика, а вы же знаете, как нелегко избавиться от зловония кож.

Карбери мгновение помолчал. Он посмотрел на Холдсворта, как будто в ожидании ответа.

— Да, сэр, прекрасно знаю, — произнес Холдсворт. — Видите ли, мой отец тоже был дубильщиком.

Соресби подрезал ногти перочинным ножом в западной галерее Церковного двора. Тоннель главного входа в колледж находился за его спиной, ворота рядом с привратницей были открыты. Наружная арка окаймляла вид на Сейнт-Эндрюс-стрит, суета которой вносила единственную диссонирующую ноту, нарушавшую величавое спокойствие Иерусалима.

При виде приближающегося Холдсворта сайзар некрасиво покраснел, сунул ножик в карман и снял шапочку.

— Сюда, сэр.

— Мистер Ричардсон сказал мне, что вы служите библиотечным клерком, мистер Соресби, — произнес Холдсворт, задержавшись снаружи. — В чем заключаются ваши обязанности?

— Я открываю библиотеку утром, сэр, и закрываю вечером. Возвращаю книги на полки в правильном порядке. И веду журнал выдачи книг.

— Немало дел.

— О, это не все, сэр. Еще я веду счета, под руководством мистера Ричардсона, и часто меня вызывают на помощь тем, кто хочет найти на полках определенную книгу.

— Все это, плюс вам приходится не забывать о собственной учебе?

— Разумеется, сэр. Если позволите, я попрошу вас подняться по лестнице. Мистер Ричардсон ждет.

Холдсворт прошел вперед, гадая, сколько Соресби получает за свои труды. Наверху обнаружилась открытая дверь, за которой располагалась длинная комната. Она была освещена двумя рядами окон. Вечерний свет, густой и золотистый, косо падал из правого ряда. Стены были заставлены полками и шкафами. Посередине комнаты стоял тяжелый дубовый стол, поверхность которого испачкана чернилами и покрыта порезами и царапинами.

Мистер Ричардсон приблизился с книгой в руке.

— Мистер Холдсворт, вы замечательно пунктуальны...

— Прошу прощения, сэр, — перебил Соресби. — Что-нибудь еще?

— Нет, полагаю, пока нет. Разве что мистер Холдсворт желает с вами побеседовать?

Холдсворт покачал головой.

— Впрочем, останьтесь... я хочу поговорить с вами о журнале выдачи, — продолжил Ричардсон, взглянув на открытый грессбух на столе. — Я не вполне уверен, что ваш метод записи книг — наилучший из возможных.

— Прошу прощения, сэр, но у меня неотложное дело.

— Хорошо... но мы обсудим это позже.

— Да, сэр, — Соресби низко поклонился и практически выбежал из комнаты. — Спасибо, сэр.

— Прошу простить меня, сэр, — Ричардсон обратился к Холдсворту. — Я должен неусыпно уделять внимание библиотечной рутине, если хочу, чтобы все было гладко. Я пытаюсь обеспечить неуклонное соблюдение моих методик в мельчайших подробностях. А теперь, чем могу служить?

— Прошу вас, вернитесь к работе, сэр, — Холдсворт предположил, что сцена с Соресби могла быть разыграна специально для него, чтобы создать впечатление компетентности и прилежания. — Я ни в коем случае не хочу вас беспокоить. Просто намеревался провести предварительный осмотр.

— Сообщите, если потребуется что-либо отпереть. Ключи здесь. Наиболее ценные книги хранятся в стенном шкафу слева от камина.

Ричардсон сел. Холдсворт медленно обошел комнату. В ней имелись также столы поменьше, для занятий, расставленные под правильными углами к окнам, чтобы воспользоваться преимуществами дневного света. Шкафы, очевидно, были сколочены специально для библиотеки, причем мастером своего дела. Книжные полки закрыты стеклянными дверцами. Под ними располагались открытые полки и ящики. Все дверцы и ящики для надежности снабжены замками. Содержимое шкафов, однако, на первый взгляд казалось менее впечатляющим. Переплеты обветшали. Многие книги освещали теологические вопросы, которые больше не считались существенными или даже желательными в обучении будущих священников государственной церкви. Классические авторы были представлены плохо, равно как и труды по математике и всем ветвям механики.

Обойдя помещение по кругу, Холдсворт вернулся к Ричардсону.

— Скажите, библиотека обладает средствами для приобретения новых книг и сохранения старых?

— Нет... как таковыми, нет, сэр. Время от времени члены совета жертвуют библиотеке некоторую сумму денег для конкретной цели. Иногда книги достаются нам в дар от авторов или даже по завещанию.

— Другими словами, пополнение библиотеки носит случайный характер?

— Да. Увы, это не идеальный вариант, и я хотел бы, чтобы средства поступали на регулярной основе. И все же мы находимся в лучшем положении, чем многие другие колледжи. И, разумеется, мы извлекли немалую пользу из щедрости покойного графа, отца ее светлости, который позволил нам обставить эту великолепную комнату.

— Комната действительно великолепна. Чего нельзя сказать о ее содержимом.

— Мы живем в несовершенном мире, — сухо произнес Ричардсон. — О недостатках библиотеки мне известно лучше, чем кому бы то ни было. Как и о недостатках мира.

Закончив осмотр, Холдсворт спустился вниз и медленно пошел по двору. Услышав шаги, он повернул голову. За ним шел Соресби, сжимая большой сверток. Сайзар тяжело дышал, и на его бледном челе блестели бисеринки пота.

— Мистер Соресби, — Холдсворт остановился и кивнул на сверток. — Вы что-то купили?

— О нет, сэр... это не для меня. Это костюм мистера Аркдейла. Он попросил забрать его у портного. Хотя одному богу известно...

Соресби осекся и покраснел.

— Одному богу известно что, мистер Соресби?

— Я... я просто хотел заметить, что костюм понадобится мистеру Аркдейлу только в среду, так что в подобной спешке нет нужды. И все же он очень торопил меня, очень настаивал. Костюм нужен для обеда в клубе СД. Это клубная ливрея, и, по-видимому, она очень важна для него.

Язык Соресби мелькнул между губами. Он говорил ровным и бесстрастным голосом, но кончик языка придавал его словам нотку злобы.

— Клуб СД... что же это такое? — спросил Холдсворт, отчасти из праздного любопытства, отчасти, чтобы поддержать беседу с Соресби, поскольку подозревал, что резкое прощание может того оскорбить; человек в положении сайзара должен быть особенно чувствителен к обидам.

— Он существует уже много лет, сэр, в том или ином виде. СД означает «Святой Дух».

Это представило молодого мистера Аркдейла в неожиданном свете.

— Так, значит, цель общества — религиозная? — спросил Холдсворт.

— Не совсем, — Соресби усмехнулся, и его длинное лицо преобразилось, став лукавым и привлекательным. — В Иерусалиме Святой Дух означает нечто иное. Это обеденный клуб. Насколько мне известно, его развлечения не имеют ничего общего с религией. Полноправные члены клуба получают привилегию носить ливрею. — Он взглянул на сверток в руках. — Это на редкость элегантная ливрея. Портной показал ее мне.

— Элегантная и, несомненно, дорогая.

— Да, сэр. И развлекаются они, по слухам, весьма расточительно.

— Они часто встречаются?

— С февраля — нет. Видите ли, обычно они встречаются у мистера Уичкота, председателя клуба, но он недавно овдовел. Однако в среду...

— Эй! Слушайте!

Соресби и Холдсворт посмотрели в сторону крика. Аркдейл собственной персоной стоял в дверях, ведущих в подъезд Фрэнка Олдершоу. Он нетерпеливо помахал Соресби.

— Ну что, забрали? — Он обратил внимание на Холдсворта. — Прошу прощения, сэр, я не хотел вам мешать.

И Гарри исчез, поспешно нырнув в здание.

— Я лучше пойду, — сказал Соресби. — Мистер Аркдейл не любит ждать.

Он поклонился.

— Минуточку, — попросил Холдсворт. — Я слышал, что мистер Фрэнк Олдершоу член этого клуба.

— О да, сэр, — Соресби, который уже направился прочь, остановился и обернулся. — Кажется, его приняли в члены как раз на последнем собрании. Весьма любезный джентльмен, весьма.

Он выгнул пальцы. Костяшки хрустнули.

— Это был последний клубный обед. А потом умерла миссис Уичкот. Ее тело нашли в Длинном пруду на следующее утро.

День был теплым и все более душным. Элинор спустилась вниз и вышла через боковую дверь в Директорский сад. Она бродила по гравийным дорожкам взад и вперед, бесцельно пересекала собственные следы, как будто заблудилась в лабиринте. Прямые как стрела гравийные дорожки пролегали между клумбами, в основном треугольной формы. Все дорожки были окаймлены низкими живыми изгородями из самшита и тиса в голландском стиле. Она ненавидела их жесткую, маскулинную одинаковость. Будь ее воля, Элинор превратила бы парк в царство травы и деревьев, диких и романтических зарослей и потайных уголков.

Ее взор то и дело обращался к деревьям в Саду членов совета и рядом с Длинным прудом, и в особенности к прохладному зеленому гроту под восточным платаном. Какую бы тропинку она ни выбирала, рано или поздно все они приводили к пруду, к месту прямо напротив платана. Здесь пруд был шире всего. Мепал однажды сказал ей, что в его мрачной зеленой глубине таятся здоровенные карпы и даже огромные щуки. Кувшинки собрались гофрированным воротником вокруг того места, где нашли тело Сильвии Уичкот.

Элинор заметила движение уголком глаза и испытала укол раздражения, когда поняла, что не одна. Нечто черное мелькало на противоположном берегу среди пятен тени и света, создаваемых нависшими ветвями платана. Она развернулась и пошла по тропинке вдоль Длинного пруда, время от времени поглядывая через воду на Сад членов совета на той стороне.

Она направилась по диагонали в противоположный угол сада, где водная гладь была отгорожена высокой густой изгородью, также из самшита. Дорожка вела к калитке из кованого железа, врезанной в изгородь, а за ней через пруд был перекинут маленький мостик Фростуик-бридж, ведущий в главный сад. Элинор мгновение постояла

у калитки, глядя сквозь решетку на зеленое и залитое солнцем пространство.

Холдсворт шел к Церковному двору. Его косая тень скользнула по траве на противоположной стороне моста. Элинон дернулась в сторону, но опоздала. Он заметил ее и поклонился, и ей пришлось присесть в реверансе в ответ. Он изменил направление движения и ступил на мостик.

— Ваш визит в библиотеку оказался плодотворным, сэр? — спросила она.

— Я только начал, мадам, не более. — Он пересек мост и подошел к калитке. — Я только что говорил с главным привратником.

— Мепалом? Вам что-то нужно?

— Я хотел спросить его о том, как было обнаружено тело миссис Уичкот.

Элинон дернула ручку калитки. Та не поддалась.

— Очень жаль, сэр, но калитка заперта. Мне кажется недружелюбным беседовать с вами подобным образом.

Джон улыбнулся, и она заметила, что у него все зубы на месте. Она подумала, что он хорошо сложен и ничуть не обрюзг. Интересно, какой была его покойная жена и какие чувства он в ней пробуждал?

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — произнес Джон. — Это неважно.

— Мепал помог вам?

— Он показал мне, где нашли тело, — Холдсворт помедлил. — Надеюсь, эта тема не слишком болезненна для вас.

Элинон покачала головой.

— Не более чем обычно. Мепал помог вытащить ее из воды.

— Да, он и золотарь, который поднял тревогу. Мепал сказал мне, где его искать.

— Сомневаюсь, что вы много от него узнаете. Доктор Карбери говорит, что он не в состоянии связать и двух слов.

— Я должен потянуть за все ниточки.

Элинон промолчала. На тыльной стороне его ладони росли темные волосы. Джон не побрился утром, и теперь его скулы окаймляла щетина.

— В конце концов, что еще я могу сделать? — продолжил Холдсворт с некоторым раздражением, как будто она возражала.

— Да, но что в этом проку, сэр? — Элино́р с ужасом ощутила, что ее глаза наполнились слезами. — Что нам всем в этом проку? Мы не можем повернуть время вспять. Мы не можем вернуть миссис Уичкот. Она мертва. Все кончено.

— Не все, — возразил Джон. — Думаю, что еще не все. Вы не могли бы помочь мне разрешить одну географическую проблему? Мепал утверждает, что миссис Уичкот нашли в воде вон там, как раз под огромным платаном.

— Да, насколько я понимаю.

— Но где ее тело упало в воду?

Элино́р уставилась на него.

— Откуда мне знать, сэр?

— Все считают, что миссис Уичкот упала в воду в Директорском саду, поскольку у нее был ключ от частной калитки на Иерусалим-лейн. Но — по крайней мере, теоретически — она точно так же могла упасть в Саду членов совета или главном саду колледжа.

— Несомненно, она упала в Директорском саду. Она бы не нашла дорогу в другие сады.

— Но мы ведь не знаем, как она умерла, — произнес Джон медленно и тихо. — Мы не знаем всех обстоятельств, не знаем, была ли она одна. Мы даже не знаем, был это несчастный случай, самоубийство или убийство.

Слезы брызнули из глаз Элино́р и покатались по щекам. Она ощутила ужасную слабость и схватилась за вертикальные прутья калитки, чтобы не упасть. Мрачное лицо Холдсворта на мгновение расплылось в ее глазах. Затем, на краткое, но потрясающее мгновение, она ощутила тепло его ладони на своей.

— Мадам, — настойчиво произнес он. — Вы нездоровы? Позвать вашу служанку? Принести воды?

Элино́р покачала головой, отвернулась, чтобы Джон больше не видел ее лица, и, не сказав ни слова на прощание, поспешно зашагала к садовой двери дома. Она презирала себя за то, что выказала подобную слабость. Ненавидела Холдсворта за то, что он стал свидетелем ее слабости. И презирала и ненавидела еще больше за странное, покалывающее тепло, которое разлилось по ее телу от прикосновения его ладони.

Элино́р не обернулась, но знала, что он еще стоит у калитки и смотрит сквозь решетку на ее удаляющийся силуэт.

Ворота все еще были открыты. Войдя в колледж, Уичкот заметил в привратницкой Мепала, который подставлял газету свету лампы. Уичкот пересек Церковный двор, подошел к подъезду в юго-восточном углу, поднялся на второй этаж и заколотил в дверь Аркдейла набалдашником трости.

— Пошел вон! — раздался голос из квартиры.

Уичкот повернул ручку и распахнул дверь. Комнаты были теснее, чем у Фрэнка Олдершоу на другой стороне лестничной площадки, и окон в них было меньше. Но планировка оставалась схожей. Аркдейл находился не в гостиной, а в маленьком кабинете за ней. Через открытую дверь было видно, как он сидит за столом у окна перед грудой книг, с пером в руке.

— Черт, я же сказал... — Он осекся, когда увидел, кто пришел. — Филипп! Что вы здесь делаете?

Уичкот стоял в дверном проеме и глядел на него сверху вниз.

— Радужное приветствие, ничего не скажешь. И что за чертовщина здесь творится?

Аркдейл был облачен лишь в рубашку и бриджи; вокруг головы он намотал влажное полотенце, наподобие грязного тюрбана. Его бриджи были расстегнуты на коленях и талии для лучшего доступа воздуха.

— Вы забыли, что мой дядя в Кембридже? — спросил он. — Он уже в «Синем вебре»... Рикки как раз наносит ему визит вежливости. Меня не пригласил... однако я уверен, старик что-то замышляет. У него пунктик насчет медали Водена.

— Он думает, что вы способны ее выиграть? — Уичкот так удивился, что не озаботился скрыть скептицизм в голосе.

— Почему бы и нет? — возразил Аркдейл.

— Я впервые вижу вас за книгами.

— В свое время я много читал, — отрезал Гарри. — Если мужчина предпочитает иные занятия, это еще не значит, что он никогда не открывает книгу. В любом случае, я не обязан выигрывать проклятую медаль, слава богу; к тому же один из сайзаров обещал мне помочь. Достаточно убедить дядю, что я пытаюсь ее получить. Беда в

том, что в противном случае он грозит забрать меня из университета. Он пришел в ярость от некоторых счетов, хотя и половины их не видел.

— Когда вы покажете ему работу?

— Завтра. Он обедает в колледже после церковной службы. А затем они с Рикки проверят мою готовность.

Уичкот прислонился к дверному косяку.

— Но вы не подведете нас в среду, надеюсь? Мы полагаемся на вас, Гарри. Однако если вы струсите, дайте знать. У меня список кандидатов длиной с руку.

— Нет, нет, — Аркдейл махнул рукой на книги и бумаги перед собой. — Честное слово, как только я от них избавлюсь, все мои мысли будут о среде. Костюм мне сегодня прислали. Я его уже примерил, и выглядит он превосходно. *Sans souci*, а? — он причмокнул. — Это по мне. Все готово? Э... жертва ждет?

— О да. Можете не беспокоиться на этот счет.

Аркдейл вытер лоб рукавом рубашки.

— Клянусь честью, становится все жарче.

— Не стану вам больше мешать, — Уичкот пошел прочь, но остановился, словно ему в голову пришла внезапная мысль. — Кстати, по секрету насчет Малгрейва. Я его уволил.

У Аркдейла отвисла челюсть.

— Я думал... в смысле, он работал на вас много лет.

— Больше не работает. Я поймал его на воровстве... я давно это подозревал. Советую вам весьма серьезно поразмыслить, хотите ли вы впредь пользоваться его услугами.

— Боже праведный, — Аркдейл откинулся на спинку кресла. — Удар прямо в сердце. Малгрейв — замечательно предупредительный слуга... всегда знает, где раздобыть то, что нужно...

— Но ему нельзя доверять, — возразил Уичкот. — Ничего не поделаешь.

Мысли Гарри текли другим путем.

— Любопытно... Рикки тоже об этом прослышал?

— Что?

— С тех пор, как Фрэнк уехал, Малгрейв постоянно заходил к нему в комнаты, забирал то да се. Наверное, Фрэнк дал ему ключ. Но сегодня перед самым обедом Рикки зашел к нему с человеком леди

Анны, и они обнаружили Малгрейва. Разразился скандал. Он забрал у Малгрейва ключ.

Уичкот нахмурился.

— С человеком леди Анны?

— Я встретил его в комнатах Рикки сегодня днем. Некто Холдсворт.

— Я знаю.

— Вероятно, он работает под началом того старого дворецкого... Как бишь его? Ну, знаете — тот, который выглядит так, как будто уже умер.

— Кросс, — сказал Уичкот. — Холдсворт навестил Фрэнка. Вам об этом известно?

Аркдейл взглянул на него.

— И? — В его глазах мелькнула тревога. — Как, по-вашему, они о чем-то прослышали?

Уичкот засмеялся, хотя втайне тревожился о том же; Гарри не знал и половины случившегося той февральской ночью.

— Откуда старой даме в Лондоне что-либо знать? Но хватит об этом... я не стану вам больше мешать. Так, значит, до среды. И постарайтесь явиться в боевом расположении духа. Робость неуместна, когда приносишь жертву богам.

Войти в «Энджелс-Ярд» можно с Зернового рынка. Холдсворт оказался в кафе, где официант направил его к привратнику, а тот, поощренный шестипенсовиком, охотно провел к отхожему месту за кухнями. Сарай вонял, как навозная куча на конюшне. В углу на груде мешков храпел мужчина.

— Сюда, сэр, — произнес привратник. — Том Говнарь к вашим услугам.

Он схватил спящего за плечо и встряхнул так сильно, что приподнял бы и мешок с углем. Золотарь застонал, открыл глаза, перекатился на бок и изверг содержимое желудка на пол.

— Как нажито, так и прожито, — заметил привратник. — Судя по запаху, он пообедал пивом и рюмкой-другой чего покрепче.

Он схватил Тома за ухо большим и указательным пальцем и привел его в сидячее положение.

— К тебе джентльмен. Гляди веселее.

— Спасибо, — поблагодарил Холдсворт привратника. — Этого достаточно.

Он подождал, пока мужчина уйдет, и снова повернулся к Тому Говнарю, вытиравшему рот рукавом.

— Меня прислал мистер Мепал из Иерусалима.

— Я ничего плохого не сделал, сэр. Я же говорил мистеру Мепалу, мне надо выполнять свою работу, и я не виноват, что колеса тележки гремят...

Холдсворт достал шиллинг из кармана жилета и поднял повыше. Воцарилась тишина, как будто окончание фразы обрубил топором. У Тома отвисла челюсть. Единым слитным движением рука метнулась к монете, схватила ее и засунула в карман бриджей. Шатаясь, он поднялся на ноги, при этом чуть не упал. Том был невысоким, сгорбленным мужчиной, лет на десять или двадцать младше, чем можно предположить по его виду. На нем красовалось все то же длинное коричневое пальто. Акцент уроженца Болот был густым и вязким, как ил, и поначалу Холдсворт разбирал от силы одно слово из трех.

Холдсворт вывел его во двор, где Том слегка оживился на свежем воздухе.

— Я ничего плохого не сделал, сэр, — повторил он, — только выполнял свою работу.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов о теле, которое ты нашел.

Том хитро посмотрел на него.

— Каком еще теле?

— Не шути со мной, если ценишь доброту мистера Мепала. Расскажи о леди в Иерусалиме. В пруду.

— Я подумал, что это простыня или мантия в воде, сэр.

— Почему? Было темно?

— Довольно темно. Перед самым рассветом. Я упал в воду. Господи боже, ну и холод! И... я коснулся ее руки... — Он снова осекся, кривя лицо. — Подумал, что это та, другая.

— Какая другая? — озадаченно спросил Холдсворт.

— Супруга его чести, сэр.

— Жена директора, миссис Карбери?

Том кивнул.

— Но это не она бродила на этот раз. А та, хорошенькая.

— Выходит, ты знал ее в лицо?

Золотарь беззубо усмехнулся.

— Таковую не забудешь, сэр, стоит хоть раз ее увидеть. Она часто навещала ту, другую. Я узнал ее, сразу как мы вытащили тело на берег. Лицо совершенно безумное, как будто она увидела призрака. Говорят, в Иерусалиме много привидений, и они ходят по ночам, как то, другое привидение...

— Вздор. Привидения существуют лишь в воображении глупцов и детей. Однако я не стану с тобой спорить, — Холдсворт подавил нарастающую ярость, сознавая ее абсурдность, обескураженный самим ее существованием. Что-то в его сознании на мгновение поднялось на поверхность и исчезло. Он попытался ухватить мелькнувшую мысль, но не успел. — Вернись к тому моменту, когда ты упал в воду и обнаружил, что перед тобой тело. Оно плавало лицом вверх?

— Не знаю, сэр.

— Что ты сделал?

Том закрыл глаза.

— Было холодно, сэр, смертельно холодно. Я заорал, и завопил, и решил, что тону. Но потом встал ногами на дно, а ил и водоросли цеплялись за меня, как будто хотели утянуть вниз.

— Прекрати молоть чушь. Даже если там были ил и водоросли, они не хотели утянуть тебя вниз. У них в любом случае нет чувств.

— Да, сэр. Прошу прощения, сэр. Я пытался вылезти на берег, когда прибежал мистер Мепал и вытащил меня из воды, — на лице мужчины появилось горделивое выражение. — И я упал в обморок от ужаса, сэр.

— Чертов глупец, — произнес Холдсворт.

— Да, сэр, но я тут же очнулся. Затем пришел мистер Ричардсон, и мы вытащили бедную леди из воды и положили на берег. Тогда я и увидел, кто это. Мистер Ричардсон велел мистеру Мепалу сходить за людьми и принести дверь, чтобы положить на нее тело, — мужчина умолк, опасливо поглядывая на Холдсворта. — Ее лицо было таким странным... Как будто она до смерти испугалась. Богом клянусь.

— Как, по-твоему, это случилось?

— Я подумал, что леди осталась у миссис Карбери, как порой делала. Вышла подышать и, быть может, споткнулась. Упала и ударилась головой, сэр, вот именно, и полетела в воду.

— Ударилась головой? С чего ты взял?

— Из-за раны, ваша честь.

Холдсворт уставился на него. Том Говнарь простодушно вернул взгляд. На мгновение повисла тишина.

— Раны? — небрежно переспросил Холдсворт. — И что же это была за рана?

— На голове, сэр.

Холдсворт поежился, несмотря на теплый вечер.

— Свежая рана?

— Да, сэр. Мы ждали дверь, чтобы положить на нее тело, и мистер Ричардсон решил проверить, может, в леди еще теплится жизнь. А я сидел на берегу рядом с ним. Он тоже видел рану.

— Но ты сказал, что дело было перед рассветом, — возразил Холдсворт. — Как тебе удалось все это заметить?

— Светлело с каждой минутой, — ответил Том с ноткой упрека. — Я видел рану так же ясно, как вижу вас.

— Синяк или рана? Кожа была разорвана?

— Наверное, и то, и другое, ваша честь. Кожа была разорвана, это точно.

— Рана кровоточила?

— Нет, сэр. Кровь, наверное, смыло.

Холдсворт смотрел на него и с тошнотворной ясностью видел маленькую гостиную на Банксайд, где Мария часто молилась и куда принесли ее сочащееся влагой тело. Никто не проронил ни слова насчет разбитого окна, выходящего на реку, сломанного стула или пятен крови на полу. Кто-то закрыл Марии глаза, и Джон был рад этому. Даже мертвые глаза способны обвинять. Ее голова была ободрана сбоку. Рана на левом виске, наполовину прикрытая прядями мокрых волос.

Цвета тернослива. Размером с пенни.

Джон молился о том, чтобы рану ей нанесла река. Ведь если это случилось не тогда, когда она упала в воду или сразу после; значит, это случилось раньше: когда он ударил ее, когда швырнул через комнату.

— В любом случае, это ничего не значит, — произнес Том. — Мистер Ричардсон сказал, что это неважно, было темно, и бедная леди упала в воду и утонула.

— Какого размера она была? — спросил Холдсворт.

— Кто, сэр?

— Рана на ее голове, черт тебя побери, — Холдсворт схватил Тома за лацкан пальто. — Ради Христа, скажи мне, какого размера?

Том поднял дрожащую руку. Соединил большой и указательный палец в кружок.

Размером с пенни.

Закончив с Томом Говнарем, Холдсворт дал коричневому человечку еще один шиллинг ее светлости и зашагал к рынку. Он не знал, чем заняться. Пить ему не хотелось, потому что голова и без того болела. Сидеть в профессорской комнате Иерусалима — тем более. Но больше всего он не желал думать о ранке размером с пенни на женском виске.

Казалось, атмосфера жарких суетливых улиц переместилась к нему в голову. Рынок был полон пьяных, которые спорили, играли в азартные игры, обнимались, пели, извергали содержимое желудков и спали. На углу Зернового рынка и Овощного рынка бушевала драка трех горожан с четырьмя студентами.

Холдсворт попытался представить лицо Марии, но не смог вспомнить, как она выглядела. Она усохла до болезненной пустоты, подобно ампутированной конечности. Но, по контрасту, представить Элинор Карбери было даже слишком легко. Сама мысль о жене директора казалась вероломством по отношению к несчастной утонувшей Марии.

Холдсворт свернул на темную и узкую улицу, ведущую на юг. По необходимости, продвигался он медленно. Людей и огней здесь было меньше, но здания напирали с обеих сторон, и воздух не казался прохладнее. Переулок вымощен булыжником, посередине пролегла канава. Вонь отвратительная. Груды мусора вытекали на дорогу. Скороговорке и возне крыс не было конца, и время от времени перед глазами мелькали их торопливые длиннохвостые тени.

Проблема в том, сказал себе Джон, что его послали в Кембридж, дабы воззвать к разуму Фрэнка Олдершоу, а вышло так, что он вообще не смог с ним поговорить. Также его просили найти привидение, а он нашел мертвую женщину с раной на голове.

Раной, как у Марии?

Но власти Иерусалима — и уж точно Ричардсон с Мепалом — решили не обнаруживать рану миссис Уичкот. Наиболее вероятное объяснение — своекорыстное, а именно, что ради сохранения репутации колледж решил по возможности предотвратить сплетни о смерти Сильвии Уичкот. Вовсе не обязательно, что за ее смертью

скрывается нечто иное, нежели самоубийство. Рана могла возникнуть в результате падения в пруд; например, женщина ударилась головой о камень. Или, возможно, во время своего продвижения к колледжу по плохо освещенным и плохо замощенным улицам она поскользнулась и упала; более того, странно было бы, если бы она не упала. К тому же, золотаря нельзя считать надежным свидетелем. Долго ли сообразить, что чем более сенсационна история, тем больше внимания привлекает ее рассказчик?

Рана размером с пенни.

Фраза крутилась у него в голове, как проклятие. Скорее благодаря удаче, чем здравому смыслу, Холдсворт обнаружил, что преодолел лабиринт узких улиц и вышел на свободное пространство в форме топора. Утренняя прогулка помогла ему узнать в нем Скотный рынок. Вдоль его южной стороны пролегал Берд-Болт-лейн. Если повернуть налево, через несколько минут он окажется в Иерусалиме.

Господь всемогущий, даже здесь странная жара не по сезону была невыносима. Она подрывала силу его духа, сметала укрепления разума. Джон не мог отогнать мысли о прохладной белой коже Элинор Карбери.

Размером с пенни, пробормотал он вслух, размером с пенни. Как будто эта чертова рана — неважно, Сильвии или Марии, — ключ. Ключ от двери внутри его, которую лучше бы не открывать до Страшного суда. Если он позволит двери открыться, бог знает что появится на свет.

Он хотел женщину, впервые за несколько месяцев, почти любую женщину, но лучше всего — Элинор. Она не была красавицей, по крайней мере, в общепризнанном смысле, но обладала чем-то более могущественным, нежели красота, свойственным столько же душе, сколько и телу. Да простит его господь, но он хотел ее, и не мог этого отрицать.

Холдсворт видел ладонь Элинор на калитке Директорского сада. Вспоминал, как она слегка задрожала от его прикосновения и как у нее перехватило дыхание, словно он уколол ее булавкой, в миг перед тем, как она повернулась и направилась прочь.

Но что, если бы она осталась? Если бы позволила его руке лежать на своей? И что, если они снова встретятся в саду, на этот раз ночью.

Сегодня ночью. Он подумал о гладких пальцах Элинон, скользящих по его руке и...

Реальные шаги разрушили сладостную иллюзию; видение мгновенно стало хрупким и мишурным, обнажив истинную подоплеку банальной похотливой фантазии.

Размером с пенни.

Ах, Мария, прости меня.

Кто-то шел по переулку со стороны Иерусалима. Холдсворт отступил в тень зарослей кустов и деревьев на углу рынка. В столь позднее время навстречу может попасться кто угодно. А здесь, на окраине города, самое подходящее место для грабежа. По ту сторону переулка начинается Лиз, полоса неогороженных полей и болотистой пустоши, окаймляющая город с юга.

Прости меня.

Лампа тускло мерцала над дверью здания на противоположном углу рынка, освещая несколько ярдов мощеного тротуара. Пока Холдсворт наблюдал, невысокий коренастый мужчина медленно шагнул в пятно света и замер. Он стоял, засунув руки в карманы и глядя в темноту на противоположной стороне дороги.

Или не глядя? А давая себя разглядеть?

Другие, более легкие шаги. Женщина пересекла дорогу, направляясь к мужчине. Похоже, пряталась в Лиз или рядом. Она подошла к мужчине, их головы почти соприкоснулись. Они обменялись парой тихих слов. Мужчина взял женщину за подбородок и приподнял ее лицо к свету. Холдсворт испытал укол зависти: совершенно ясно, о чем они договаривались. Звякнули монеты. Женщина нырнула в темноту. Мужчина ждал. Он смотрел вверх и вниз по переулку, крутя головой, что позволило Холдсворту разглядеть его профиль.

Это был молодой мистер Аркдейл. Зависть Холдсворта сменилась отвращением. Так вот как можно найти шлюху. Надо встать под фонарем на Скотном рынке и подождать, пока она прилетит, подобно мотыльку на огонь. Если остаться здесь и подождать на свету, возможно, ему тоже повезет. Неужели он дошел до того, чтобы искать подобных удовольствий? Безутешный вдовец, по крайней мере, обладает некоторым чувством собственного достоинства. Но не мужчина, который платит за совокупление в темноте.

Гарри Аркдейл быстро пересек дорогу. В жарком предвкушении обладания женщиной он нырнул в Лиз, погружаясь все глубже и глубже в темноту, которая уже поглотила его шлюху.

Прости меня.

Мало кто мирно спал в эту ночь. Надвигалась гроза.

Покинув сэра Чарльза Аркдейла в «Синем ведре» после ужина, мистер Ричардсон не вынес мысли о немедленном возвращении в колледж и принялся бесцельно бродить по улицам. Неестественная жара вызвала зуд, и он чесался на ходу, особенно под париком. Воздух был донельзя отвратительным... Ричардсон принюхался и уловил знакомый неприятный запах дубящихся кож.

Вечер выдался не самым приятным — сэр Чарльз от природы был властолюбив и наслаждался звуком собственного голоса. Кроме того, ему не нравились просочившиеся слухи о несчастном случае в Иерусалиме, и тьютору пришлось проявить максимум осторожности. Но и теперь, когда все закончилось, Ричардсон не мог расслабиться. Слишком многое занимало его мысли, и будущее было неясно.

Возле церкви святого Михаила Ричардсону показалось, что кто-то пробормотал его имя. Или, скорее, не его имя, а похожее. Риченда. Он сказал себе, что выпил слишком много вина, хотя внезапно ощутил себя до неприятного трезвым. И прибавил шагу.

Тобиас Соресби бродил по улицам, подобно мистеру Ричардсону, хотя, в отличие от тьютора, был совершенно трезв. Его размашистый шаг время от времени подчеркивался тихим треском, когда он разминал указательные пальцы. Сайзар с растущим отчаянием пытался взвесить все «за» и «против» решения столь сложного и столь весомого, что оно внушало ему страх. Сегодня он узнал, что мистер Мискин может вскоре отказаться от Розингтонского членства. Весьма неожиданно. Это может все изменить.

В своих блужданиях Соресби прошел мимо домика на Трампингтон-стрит, где миссис Фиар при свечах корпела над гобеленом с изображением разрушения Содома, а может, Гоморры. Когда ее глаза устали, она позвала Доркас, проверила замки и засовы на дверях и окнах и приготовилась ко сну. Однако, задув свечу, миссис

Фиар так и не уснула. Ей тоже не давали покоя важные размышления. Более всего она тревожилась за Филиппа Уичкота. Она не хотела о нем тревожиться, но давным-давно смирилась с тем, что это неизбежно. Если бы у нее был собственный ребенок, все могло оказаться иначе. Она винила Сильвию во всех бедах Филиппа.

Миссис Фиар думала, что после смерти этой женщины жизнь наладится, но на деле все пошло только хуже.

Этажом выше спальни хозяйки Доркас разделась и легла на кровать. Она была совершенно голой. Пот тек ручьями. Ее комната располагалась под самой крышей, и, казалось, здесь скопился весь жар дня.

Доркас прочла «Отче наш» как полагается, а потом еще раз, задом наперед, просто на всякий случай. В левой руке она сжимала головку чеснока. Цыганка на рынке сказала, что это верное средство от привидений.

В феврале они положили Табиту Скиннер на соседнюю кровать и накрыли с головой одеялом. Доркас провела бессонную ночь подле мертвой девушки. Всем известно, что душа бродит поблизости от своего земного вместилища, пока тело не предадут христианскому погребению. А в таких случаях, как с Табитой, когда обстоятельства смерти оказались греховными, душа может задержаться в том месте, где лежало ее тело, намного дольше.

И теперь Доркас порой снилось, что девушка сбрасывает одеяло, садится на кровати и говорит с ней. Иногда Скиннер говорила с Доркас наяву. Но та никак не могла разобрать ее слова. Однажды ей приснился кошмар, в котором Табита встала и забралась к ней в постель. Девушка с криком проснулась, и миссис Фиар поднялась по лестнице и высекла ее.

Доркас молилась, но это не помогало. Воспоминание о Скиннер, живой и мертвой, висело в воздухе подобно дурному запаху, равно как и жуткая жара. Доркас лежала, опустив правую руку между ног, и гадала, что именно они сделали с Табитой.

— Таб? — прошептала она в темноту. — Таб? Пожалуйста, уходи, будь душкой.

Малгрейв, живший неподалеку от Ламборн-хауса в домике, задворки которого выходили на крепостной ров, дремал в кресле после позднего ужина. Большую часть вечера он провел за подсчетами своих капиталов: дом, в котором он жил, несколько сотен фунтов в банке и примерно столько же в надежных ценных бумагах.

Он делал деньги на потакании прихотям богатых щенков, точно так же, как Том Говнарь делал деньги из дерьма. Работа утомительная, но прибыльная. На грани яви и сна у него возник план, как меньше работать и больше получать. В конце концов, у банкиров и юристов есть клерки, у торговцев — ученики, а у приходских священников — викарии. Чем джип хуже них?

В доме доктора Джермина в Барнуэлле Фрэнк Олдершоу лежал на спине в своей комнате. Он храпел. После утренней вспышки ярости Джермин приказал как следует напичкать его лауданумом. Каждый час привратник отпирал дверь и светил фонарем ему в лицо, чтобы убедиться, что он не сбежал и все еще дышит.

Гарри Аркдейл был в Лиз. После обеда он не выпил ни капли вина. Он закончил работать над своими заметками к медали Водена, а также над подробным комментарием Соресби. К некоторому своему удивлению, Гарри уверился, что усвоил их в должной мере, дабы достойно проявить себя под бдительным взором дяди Чарльза, ученостью которого все восхищались, но мало кто ее видел. Он сомневался, что результат обманет мистера Ричардсона, но это его не беспокоило. Рикки не захочет расстраивать сэра Чарльза больше, чем это удастся его племяннику.

Аркдейл обнаружил, что сочетание прилежания и непривычной трезвости весьма укрепило его силы. Девушка сказала, что ее зовут Хлоя — ага, как же! Но свое дело она знала хорошо. Гарри прижал ее к дереву и обошелся с ней по-мужски... он полагал, что она не скоро забудет энергичные удары его могучего *membrum virile*. Аркдейл не преминул воспользоваться защитой, поскольку был в своем роде осмотрительным юношей, хотя, конечно, защита умаляет удовольствие любовной схватки. Но в клубе Святого Духа защита ему не понадобится, поскольку жертва будет девственницей.

Для такого случая годится только девственница. В конце концов, это клуб Святого Духа, а Святой Дух настоял на девственнице. В том-то и соль.

В Директорском доме в Иерусалиме Бена отпустили на ночь. Он покинул колледж и отправился в свою комнату на Боден-Элли, у северной стены Иерусалима.

Служанка Элино́р Карбери, Сьюзен, единственная прислуга, которая спала в доме, поднялась в свою спальню на чердаке и задвинула засов. Открыла сундук. Достала особую одежду, которую носила в выходные, и разложила на кровати. Встала рядом на колени и подняла свечу повыше, чтобы лучше видеть.

Наконец она сделала выбор. Бархатный плащ, который ей подарила миссис Карбери. Это был ее любимый наряд, самая чудесная вещь, которой она обладала, и выглядел он таким опрятным и свежим, как будто его только вчера доставили из лавки мистера Троттера на Сейнт-Мэ́рис-лейн. Несмотря на теплый вечер, Сьюзен накинула плащ на плечи. Роскошные мягкие складки упали до пола, окутывая ее. Она глубоко вдохнула их запах, впитывая сущность плаща и пропуская ее через себя. Потом закрыла глаза, погладила ткань и подумала о Бене.

Элино́р Карбери тоже отправилась к себе в спальню и тоже не спала. Она сидела в темноте в кресле и прислушивалась к звукам вокруг. На лестничной площадке раздались шаги, и Элино́р сразу поняла, какие из них принадлежат Холдсворту. Она попыталась убедить себя, что бесполезно оглядываться на свои прошлые ошибки, как в браке, так и во всем остальном. Необходимо довольствоваться тем, что имеешь. В конце концов, грешно отчаиваться, если у тебя есть крыша над головой и кусок хлеба. Больше всего на свете она боялась бедности.

Интересно, что Сильвия Уичкот подумала бы о Холдсворте, и что — он о ней? Она очаровала бы его, как и столь многих мужчин? Холдсворт явно обладал божьей искрой и зачатками развитой личности. Но в нем ощущалась безжалостность, как будто ему было все равно, обойти преграду на жизненном пути или просто сбросить ее в пропасть. Возможно, смерть жены и сына сделала его угрюмым фанатиком. В целом, Элино́р было не по себе, оттого что он жил в ее

доме, как и вообще в Иерусалиме. Быть может, ей удастся убедить леди Анну сократить его пребывание в Директорском доме? С другой стороны, ей не хотелось, чтобы он уходил.

Время шло. Часы на зданиях колледжа и церквях отбивали четверти часа. Воздух становился все более жарким и душным. Лишь глубоко за полночь первые тяжелые капли дождя упали на нагретый свинец старых крыш, на пыльные вонючие улицы, на выжженные сады и на немногих людей, которые все еще оставались снаружи.

За рекой, в Ламборн-хаусе на Честертон-лейн, Филипп Уичкот до сих пор бодрствовал. Он сидел за столом в своем кабинете. Гора бумаг, казалось, стала еще выше и запутаннее, чем утром, как будто в его отсутствие счета с вялым энтузиазмом скрещивались между собой.

Дождь застучал в окно. Уичкот позвал мальчишку, который дремал на стуле в коридоре. Ребенок, спотыкаясь и протирая сонные глаза, вошел в комнату. Огастес! Какое значительное имя для столь незначительного мальчишки.

— Принеси еще свечей. Погоди минутку... сколько тебе лет?

— Тринадцать, ваша честь, — Огастес опустил глаза. — То есть, будет в сентябре.

— Иди сюда. Встань передо мной.

Огастес медленно приблизился к нему и остановился в четырех футах от хозяина. Уичкот развернул стул, чтобы оказаться лицом к лицу с мальчишкой. Он взглянул на костлявого ребенка перед собой. Парень едва заметно дрожал. Он ожидал удара.

— Как давно ты на меня работаешь?

— Почти девять месяцев, сэр.

— Хочешь оставаться у меня и дальше?

— О да, ваша честь. Если позволите. Понимаете, нас дома восемь человек, и мама не может всех прокормить. — В голосе мальчика появилась нотка паники. — Мне нравится мое место, правда, сэр. Надеюсь, вы мной довольны.

— Посмотрим. А теперь принеси свечи.

Когда мальчик вернулся, Уичкот приказал ему осветить дорогу вверх. На лестничной площадке он отпер дверь в комнаты Сильвии. Оказавшись внутри, приказал мальчику поставить свечи и уйти. Оставшись в одиночестве, принялся бродить из комнаты в комнату со

свечой в руке. Он выставит мебель Сильвии на аукцион в понедельник. Его кредиторы получают сигнал, что у него туго с деньгами, но тут уж ничего не поделаешь. По крайней мере, у него появится немного наличных, и ему больше не придется глядеть на этот чертов остов кровати.

У Сильвии были от него секреты. Теперь он это знал. Так что она могла спрятать от него ценности. Надо абсолютно точно убедиться, что он ничего не упустил... кольцо, быть может, или пару гиней; пригодится что угодно.

Уичкот открыл бюро и поставил подсвечник на крышку. Запустил руку в глубь ниши. Из-за тусклого освещения он неправильно оценил расстояние. Кончики его пальцев наткнулись на стойку, которая удерживала на месте маленькие ящички и полочки. Стойка слегка подалась при его прикосновении. Филипп вынул один из ящичков и потянул за стойку. Она легко выскользнула из глубины бюро.

Уичкот вынул ее и положил на пол. Посветил свечой в широкое и неглубокое отверстие за ней, провел по его поверхности пальцами. К своему разочарованию, он обнаружил лишь пыль. Затем пошарил в углу и нащупал очертания маленькой неглубокой ниши сбоку стола. В ней что-то лежало.

От нетерпения Филипп чуть не опрокинул свечу. Достал маленький сверток, завернутый в обрывок пожелтевшей бумаги. Господь всемогущий, подумал он, банкнота, пожалуйста, пусть это будет банкнота. Но когда Уичкот развернул бумагу дрожащими руками, что-то острое укололо его палец, и он закричал, равно от удивления и боли. К бумаге была приколотая ржавая булавка.

Поднеся сверток ближе к пламени свечи, Уичкот до конца развернул бумагу. Булавка удерживала на месте прядь темных жестких волос. Сильвия подписала ее «Мой драгоценный Филипп».

Уичкот в ужасе ощутил, как его глаза наполнились слезами. Как странно и неловко! Так вот что Сильвия хранила в своем главном тайнике, старательно завернув в ожидании будущего, которое уже никогда не наступит... Теперь он вспомнил, как в пору ухаживания встал на колени и попросил у нее прядь волос, а она покраснела и после долгих споров согласилась. И попросила прядь его волос в ответ.

Филипп осторожно свернул листок, засунул его в карман жилета и тихо позвал:

— Сильвия?

Пламя свечи дрогнуло. Из спальни донесся тихий звук. Вздох? Стон боли, мгновенно подавленный?

Чепуха. Это просто ветер и дождь в дымовой трубе, и шелест воды в водостоке за окном.

Уичкот пососал уколотый палец. Рана оказалась глубже, чем он думал. Кровь была соленой на вкус. Что он сделал с прядью волос, которую она ему подарила? Филипп понятия не имел.

Не вынимая пальца изо рта, Уичкот поднес свечу к двери спальни. Он стоял в дверях и смотрел на темные очертания огромной кровати.

Деревянная клетка, подумал Филипп, темница для теней и секретов.

— Сильвия? — прошептал он. — Сильвия? Это ты?

Когда Сьюзен ее разбудила, Элино́р Карбе́ри велела девушке открыть окно как можно шире. Небо было затянуто высокими серыми тучами. Прохладный воздух приятно пах сырой землей. Большую часть ночи лил дождь, но к рассвету почти прекратился. Элино́р спросила, где ее муж, и узнала, что доктор Карбе́ри еще не вставал.

Миссис Карбе́ри решила позавтракать внизу. Всего лишь из вежливости, сказала она себе, ведь иначе мистеру Холдсворту придется завтракать в одиночестве. Обычно она не отличалась тщеславием, но переменила чепец и ленты два раза, прежде чем выйти из комнаты.

Столовая Карбе́ри была небольшой квадратной комнатой с видом на открытый двор на западной стороне Директорского дома. Холдсворт уже сидел за столом с чашкой чая в руке. Когда Элино́р вошла, он встал и поклонился. Они спросили друг друга о здоровье и с вежливой неискренностью обсудили тот факт, что шум грозы помешал доктору Карбе́ри хорошо выспаться. Элино́р осведомилась о планах мистера Холдсворта на день, весьма осторожно, поскольку не хотела показаться чрезмерно любопытной.

— Пожалуй, мне стоит еще раз побывать в Барнуэлле, мадам.

— Вас пригласили?

— Нет.

С мрачным лицом Джон допил чай. Элино́р продолжила крошить булочку, которую никак не могла съесть; ее собственный чай оставался нетронутым.

Внезапно Холдсворт поднял глаза и увидел, что она смотрит на него. Он затаил дыхание и, похоже, принял решение.

— Чтобы понять природу заблуждения мистера Олдершоу, я должен поговорить с ним наедине, без каких-либо посредников, толкователей или соглядатаев. Если я собираюсь распутать это дело, необходимо начать с него, безумен он или нет. Но доктор Джермин противится этому. Несомненно, у него есть на то причины.

— Вряд ли вы найдете доктора Джермина в Барнуэлле.

— Откуда вы знаете?

— Он и миссис Джермин посещают церковь в Кембридже каждое воскресенье. Церковь Святой Троицы. Супруга доктора весьма благочестива, и она ни за что не пропустит сегодняшнюю службу, поскольку проповедь читает мистер Ревитт и все евангелисты явятся в полном составе. Затем обычно следует обед у родителей миссис Джермин на Грин-стрит.

Джон улыбнулся, сразу уловив намек.

— Я в долгу перед вами, мадам.

Элинор начала было улыбаться в ответ, но заставила себя принять серьезный вид. Поведение мистера Холдсворта ни в коем случае нельзя назвать игривым, и все же ей почти казалось, что он с ней заигрывает... или, скорее, пытается заигрывать. Элинор строго напомнила себе, что он недавно овдовел, что он гость в ее доме, но главное — он торговец в стесненных обстоятельствах. А затем она подумала о собственном абсурдном поведении вчера днем, когда смотрела на него сквозь калитку в Директорском саду, и он необъяснимо — и, несомненно, неслучайно — коснулся ее руки.

— Если вы увидите мистера Фрэнка сегодня утром и если... если он даст вам возможность, пожалуйста, передайте ему мои наилучшие пожелания.

— Можете на меня положиться, мадам. Разрешите заглянуть к вам попозже, после визита в Барнуэлл? Вдруг я узнаю что-то новое.

Элинор кивнула и принялась крошить вторую булочку.

— Конечно.

Холдсворт еще раз поблагодарил ее за доброту и покинул комнату с бесцеремонностью, которая граничила с грубостью. Элинор обнаружила, что ее тарелка почти сплошь засыпана крошками.

Улицы выглядели тихими и приятно пахли, поскольку дождь прибил пыль. Большинство встреченных Холдсвортом людей направлялись в церковь. Джон надвинул шляпу на глаза, отворачивая лицо от экипажей, которые громыхали мимо, расплескивая воду из луж, оставленных ночной грозой. Ему не хотелось встретить доктора и миссис Джермин по дороге в церковь Святой Троицы. Войдя в деревню, Холдсворт увидел и почти немедленно узнал невысокого человечка, который хромал впереди. Он прибавил скорости и поравнялся с ним.

— Мистер Малгрейв! Приятного дня.

Джип поклонился.

— И вам того же, сэр. — Он не выказал удивления при встрече.

— Вы направляетесь к мистеру Олдершоу? — осведомился Холдсворт.

— Нет, сэр. Полагаю, в следующий раз я увижу его во вторник. Но сегодня утром стало прохладнее после дождя, и я решил занести свой счет доктору Джермину.

— Я думал, он в церкви.

— Так и есть, сэр. — Темные глаза Малгрейва светились недобрым умом. — Я видел его с супругой по пути туда не далее как десять минут назад.

— Что происходит в доме доктора по воскресеньям? Люди ходят в церковь?

— Утром приходит священник и читает молитвы, сэр, а вечером доктор Джермин часто водит некоторых джентльменов в церковь. Наиболее здравомыслящих, сэр, если вы понимаете, о чем я.

Холдсворт кивнул. Они продолжили путь в тишине, и Холдсворт умерял свои шаги, чтобы подстроиться под скорость Малгрейва.

— Насколько я понимаю, вы работаете на многих?

— О да, сэр. Кручусь как могу, чтобы сводить концы с концами. А это не всегда просто, даже если трудиться что есть сил, ведь не все джентльмены платят вовремя. Иные даже набирают долгов, по которым не имеют надежды расплатиться.

Холдсворт взглянул на него.

— Когда у меня был магазин, я невольно заметил, что взгляды джентльменов на деньги весьма отличны от взглядов остальных людей. Более того, у некоторых из них, похоже, и вовсе нет никаких взглядов, равно как и денег. И все же это не мешает им тратить то, чего у них нет.

— Молодые джентльмены не так уж и плохи. Всегда можно переговорить с их тьюторами, а те обычно знают, что к чему. Беда с джентльменами постарше. Возьмем, к примеру, мистера Уичкота, — Малгрейв повернул голову и сплюнул на дорогу. — Пытаться выжать из него деньги — все равно, что пытаться выжать пинту крови из телячьей котлеты.

Снова воцарилось молчание. Они покрыли еще сотню ярдов дороги.

— Предпочитаю людей, живущих по средствам, — заметил Холдсворт, звеня мелочью в кармане сюртука. — Возможно, вы знаете, что я приехал по поручению леди Анны.

Малгрейв пристально взглянул на него.

— Она питает нежное материнское сочувствие к положению сына, — добавил Холдсворт.

— Вполне естественно, сэр.

— О да. Она хочет, чтобы я поговорил с ним как можно скорее, чтобы понять, как ему лучше помочь. Однако я обнаружил, что доктор Джермин одержим неким методом лечения, который не позволяет пациенту беседовать наедине с представителем его родной матери. Это весьма досадно.

Малгрейв торжественно покачал головой.

— Доктор Джермин может быть весьма упрямым, сэр.

— Разумеется, я напишу ее светлости и получу необходимое разрешение, — продолжил Холдсворт. — Но это потребует времени. У меня есть все основания верить, что я могу оказать мистеру Фрэнку весомую помощь, и мне бы не хотелось, чтобы его бедственное положение длилось хотя бы на минуту дольше возможного. Как и ее светлости, несомненно.

Мужчины шли бок о бок, и Холдсворт звенел монетами в кармане.

— Ее светлость не из тех, кто забывает услуги, — добавил он. — Как и я, между прочим.

До ворот дома доктора Джермина оставалось всего несколько сотен ярдов.

— Они хорошо меня знают, — сказал Малгрейв. — Я часто захожу к мистеру Фрэнку и бывал здесь уже много раз, навещая других молодых джентльменов.

— Значит, они не станут чинить вам препятствий, вздумай вы пройти через ворота сегодня утром?

— Благослови вас боже, сэр... с чего бы им чинить мне препятствия? Вам знаком мистер Норкросс?

— Кажется, так зовут служителя в комнате мистера Фрэнка.

— Вы абсолютно правы, сэр. Джордж Норкросс — мой зять. Он остается за главного, когда доктора Джермина нет дома. Замечательно

услужливый и здравомыслящий человек.

— Я был бы весьма признателен, если бы он позволил мне поговорить с мистером Фрэнком наедине, или хотя бы попытаться. Как и ее светлость, — Холдсворт перестал звенеть медью в кармане сюртука, запустил два пальца в жилетный карман и достал полугинею. — Надеюсь, это сможет помочь? И еще одна после того, как я увижусь с мистером Фрэнком.

Малгрейв остановился, и Холдсворт последовал его примеру. Джип посмотрел на монету в пальцах Холдсворта.

— Мистер Норкросс не хотел бы рисковать своим положением, сэр.

— Ну разумеется.

— Однако мужчина, который открывает ворота, увидев нас вместе и зная вас в лицо, может сделать логичные выводы. Если мы прибудем одновременно, он может предположить, что мы вместе.

— Вполне может.

— В этом мире нет ничего незыблемого, сэр, — ханжески произнес Малгрейв. — К примеру, я не могу говорить за мистера Норкросса. И даже если вы увидите мистера Фрэнка, бедный джентльмен может быть слишком расстроен, чтобы разумно объясниться с кем бы то ни было.

— Это легко понять. Но вот полугинея для вас и мистера Норкросса, которую вы получите в любом случае. Если я смогу поговорить с мистером Олдершоу наедине, вне зависимости от состояния его рассудка, вы получите еще полугинею.

Малгрейв кивнул.

— Весьма справедливо. И незамедлительно?

— Ее светлость не потерпела бы иного.

— Итого получается полугинея сейчас, — произнес Малгрейв тоном человека, сделавшего любопытное арифметическое открытие. — И еще полугинея потом, если все пройдет хорошо.

Мистер Норкросс отдыхал в небольшой гостиной рядом с буфетной. Он сидел в кресле с подлокотниками у открытого окна, с трубкой в руке и кувшином пива на подоконнике, сняв парик и сюртук, и расстегнул жилет. При виде Малгрейва в дверях он выпрямился и сделал вид, что встает.

— Пожалуйста, не беспокойся, Джордж, — быстро сказал Малгрейв. — Я привел с собой мистера Холдсворта, потому что ему нужно поговорить кое с кем наедине.

В этом месте Малгрейв лукаво подмигнул.

— Если ты не занят, конечно. Как тебе известно, он прибыл по делу ее светлости.

Холдсворт томился в коридоре, изучая большую корзину с овощами, которые только что принесли с огорода. Малгрейв таинственно шептал зятю на ухо. Мистер Норкросс кивнул и медленно поднялся. Его макушка поросла седой щетиной. Шеи не было видно, и весь его облик неуловимо напоминал Холдсворту грязную картофелину. Он лениво набросил сюртук, нахлобучил на голову парик с косичкой и подошел к Холдсворту, как будто только в сюртуке и парике впервые его заметил.

— Мистер Холдсворт, сэр, — произнес он. — Как поживаете?

— Неплохо, благодарю.

— Искренне рад услужить ее светлости, — продолжил Норкросс. — И такому джентльмену, как вы. Всегда можно что-нибудь придумать. — Он постучал себя по носу и кивнул. — По-моему, я вас не видел, сэр.

— Простите?

Норкросс как будто не расслышал.

— Когда мистер Малгрейв пришел сегодня утром, вы оказались у ворот в одно и то же время. Привратник знает мистера Малгрейва, разумеется; знает, что тот навещает меня и это разрешено, и потому он решает, что вы пришли с мистером Малгрейвом, поскольку вы обмениваетесь последними новостями. Вы вместе заходите в дом, что неудивительно; вы видите, как некий джентльмен работает на улице, и ускользаете до того, как попадаетесь мне на глаза. Вы хотите побеседовать с мистером Олдершоу наедине, и, несомненно, размышляете над этим и предполагаете, что он может работать в саду с остальными. Как нарочно, вы направляете свои стопы за конюшни, где расположены огороды. Если бы вы так поступили, я бы не удивился, если бы вы обнаружили мистера Олдершоу среди латука и тому подобного. Вы улавливаете ход моих мыслей, сэр?

— Вполне, — ответил Холдсворт. — За мистером Олдершоу будет приглядывать служитель?

— Да, сэр. Разумеется. Мы здесь очень внимательно приглядываем за джентльменами. Полагаю, служитель будет находиться на огороде все время. Вероятно, он будет сидеть на скамейке у двери или следить за одним-двумя работающими там джентльменами. Он увидит ваш черный сюртук и, возможно, решит, что вы — коллега доктора. В конце концов, вы приходили с ним только вчера, так что подобная ошибка вполне естественна.

— В каком настроении проснулся мистер Олдершоу?

— Спокойнее, чем вчера, это точно.

— Он способен на разумную беседу?

Норкросс пожал плечами и достал часы.

— Я как раз совершаю обход наверху, — сообщил он. — Вот почему я вас не заметил.

Не попрощавшись, он направился прочь; его тяжелое тело переваливалось с боку на бок, как будто бедра были высечены из гранита.

Малгрейв присоединился к Холдсворту в коридоре.

— Сюда, сэр. — Он направил Холдсворта через боковую дверь на гравийную дорожку. — Ступайте мимо конюшен, сэр. Огород находится за ними.

Конюх с любопытством посмотрел на Холдсворта, когда тот прошел мимо входа в стойло, однако остановить его не попытался. На краю лужайки пять или шесть элегантно одетых джентльменов подстригали траву вдоль полосы деревьев. Еще один мужчина стоял на лужайке для игры в шары и громко, с выражением читал томик Фукидида, как будто обращался к обширной, хоть и невидимой аудитории. Два смотрителя беседовали поблизости в тени.

Холдсворт открыл калитку в заборе огорода. Третий смотритель разлеся на скамейке рядом с дверью, развернув газету поверх коленей и положив рядом с собой трубку. Он посмотрел вверх и в сторону, как если бы удовлетворился тем фактом, что Холдсворт — не один из пациентов, отлынивающий от назначенной ему работы.

Трое мужчин трудились на грядках с овощами. Двое из них, средних лет, выпалывали сорняки. На дальнем конце огорода маячил Фрэнк Олдершоу — одинокая фигура на четвереньках.

Холдсворт пошел по кирпичной дорожке, которая пересекала огород пополам. Сюртук и жилет Фрэнка были выброшены на тачку.

Он стоял на коленях на свежевскопанной земле, облаченный в черные шелковые бриджи и изысканную белую рубашку. В руке он держал маленькую вилку, при помощи которой выкапывал редис. Должно быть, Фрэнк услышал шаги Холдсворта на дорожке, но взгляда не поднял.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Джон. — Позвольте с вами побеседовать.

Ответа не последовало.

— Мы мельком виделись вчера, — продолжил Холдсворт. — Даю слово, я не стану делать ничего против вашей воли.

Фрэнк перестал лихорадочно копать, но взгляда так и не поднял.

— Если что-то вам не понравится, достаточно будет позвать зрителя и сказать, что я вам докучаю. Доктор не знает о моем визите. Он запретил мне говорить с вами наедине.

Фрэнк впервые повернул голову и посмотрел на Холдсворта. Несмотря на превосходную одежду, сейчас он едва ли походил на джентльмена. Лицо было вымазано землей, руки грязные, ногти обломанные. Олдершоу по-прежнему стоял на четвереньках и слегка раскачивался взад и вперед, как будто на плечах лежала невыносимая тяжесть.

— Я должен закончить этот ряд, — пробормотал он, — и следующий. Не то меня оставят без обеда.

— Времени вполне достаточно, — возразил Холдсворт. — Давайте немного поговорим.

Фрэнк воткнул вилку в землю, перекатился и сел на корточки на кирпичной дорожке.

— Я так устал. Я мог бы проспать вечность.

— Это потому что вас пичкают снадобьями.

Фрэнк кивнул.

— Чтобы убить скорбь.

— Что? Вы скорбите? Почему?

Фрэнк покачал головой, но не ответил.

— Говорят, вы видели призрака, — небрежно произнес Холдсворт, как будто встреча с привидением представляла для него легкий интерес, но не более. — Вероятно, то был призрак миссис Уичкот?

Голова Фрэнка упала на грудь.

— Это так? Как вы узнали, что это она?

— А кто же еще? — пробормотал Фрэнк. — Куда еще Сильвия могла пойти?

— Почему? Потому что она там умерла?

Фрэнк нарисовал на земле указательным пальцем круг, или ноль.

— Пожалуйста, скажите... почему вы вышли из дома в ту ночь? Вам понадобилось в отхожее место?

Фрэнк покачал головой. Его лицо исполнилось трепещущей живости, мускулы дергались и танцевали под кожей.

— Не мог уснуть, — сказал он. — Хотел подышать. Остальное неважно.

— Вы вышли на улицу, — сказал Холдсворт. — Вы хотели подышать, а остальное неважно. Понимаю.

Фрэнк почти с маниакальной силой затряс головой.

— Не понимаете. Глупец. Я мог делать, что угодно. Разве вы не понимаете? Я был свободен. Я был Богом. Я был Святым Духом. — Он обхватил голову ладонями. — А теперь я безумец. В голове все путается, ясно? Я ничего не понимаю. И вы не понимаете. Вы настоящий болван.

Холдсворт встал. Беседа приняла неожиданный оборот. Фрэнк заговорил с ним, как разъяренный молодой джентльмен говорит с простолудином.

— Я — Святой Дух, — Фрэнк понизил голос. — И потому я видел привидение. Quod... quod erat demonstrandum^[18].

— Вы счастливы здесь? — спросил Холдсворт после паузы.

— Я ненавижу это место и всех, кто здесь живет.

— Если хотите, возможно, вам удастся его покинуть.

— Я не могу вернуться домой, — возразил Фрэнк. — Я не поеду домой.

— Вы потому напали на мистера Кросса? Чтобы вас не отослали домой?

Фрэнк опустил голову и нарисовал еще один кружок на земле, еще один ноль.

— Бедный Кросс. На меня нашло... я ничего не мог поделать. И сейчас не могу. Лучше бы я умер. Почему я не умер?

Холдсворт чувствовал то же самое, когда домой принесли сперва Джорджи, а затем Марию. Несчастливые люди говорят на одном языке. Он отдал бы жизнь ради Джорджи. Разве Мария этого не знала? Он

отдал бы жизнь и ради того, чтобы спасти ее, но вместо этого нанес ей рану размером с пенни и заставил мечтать о смерти.

Прости меня.

— Скажите, — обратился он к Фрэнку. — Что, если я смогу убедить ее светлость приказать доктору Джермину отпустить вас под мою опеку?

— Как я могу вам доверять? Вы отвезете меня домой к матери. Откуда мне знать, может, вы отвезете меня куда-то, где еще хуже, чем здесь.

— Я не могу заставить вас доверять. Так позвольте мне воззвать к разуму.

— У меня нет разума.

— Полагаю, для этого у вас достаточно разума, сэр. Во всяком случае, давайте предположим, что достаточно. Если я попрошу ее светлость отпустить вас под мою опеку и мы найдем уединенное место для жизни... разве там не будет лучше, чем здесь? Что касается доверия... обдумайте это с моей точки зрения. Я могу исполнить свое предложение лишь с согласия вашей матери. Если с вами что-то случится, если из-за переезда произойдет хоть что-нибудь нежелательное, ее светлость возложит всю ответственность на меня. Из простого эгоизма я не способен причинить вам что-либо, кроме добра. Даже если не смогу помочь вам исцелиться, по крайней мере, вы окажетесь подальше отсюда, от доктора Джермина и его управления нравственностью.

Фрэнк нарисовал еще один ноль на земле.

— Я не хочу видеть мать, или Кросса, или Уичкота, или Гарри Аркдейла, или своего тьютора, или кого-то еще. Я никого не хочу видеть.

— Это легко понять. Если вы позволите поднять этот вопрос в беседе с ее светлостью, я скажу, что мы с вами должны жить в уединении. Это будет обязательным условием.

Фрэнк резко вскинул взгляд.

— Что, если я не хочу исцелиться? Вы об этом подумали? Что тогда?

Прежде чем Холдсворт успел ответить, за спиной раздался внезапный шум. Холдсворт и Фрэнк обернулись. В огород вошли двое мужчин — Норкросс и сам Джермин. Норкросс держал на коротком

поводке мастифа. Второй змотритель вскочил на ноги, его газета полетела на землю. Невозмутимыми остались лишь двое пациентов средних лет, которые продолжили работать как ни в чем не бывало.

— Написать ее светлости? — вполголоса спросил Холдсворт. — Да или нет?

— Вы, сэр, — крикнул Джермин. — Немедленно идите сюда, не то я прикажу своему человеку спустить собаку.

— Да, — прошептал Фрэнк. — Скорее.

После богослужения море шапочек и мантий выплеснулось из дверей Большой церкви Девы Марии и постепенно рассеялось среди улиц, переулков и колледжей. Холдсворт остановился у ограды Сенат-хауса, чтобы насладиться зрелищем. Большинство прихожан были в университетской форме, их мантии и капюшоны изобиловали цветами и текстурами. Кто-то сутулился, кто-то вышагивал; некоторые прогуливались щебечущими стайками, другие молча, один или двое — уткнувшись носами в книгу. То был университет в воскресном облачении, и вид его был одновременно великолепным и неряшливым.

Джон не спешил вернуться в Иерусалим. На обратном пути из Барнуэлла он заглянул в Ламборн-хаус на Честертон-лейн, но открывший дверь мальчик-слуга сообщил, что мистера Уичкота нет дома. Холдсворт отказался назвать цель своего визита. Повернувшись, чтобы уйти, он заметил джентльмена с сухощавым красивым лицом, который смотрел на него из окна верхнего этажа. Уичкот, вероятно, принял его за назойливого торговца с неоплаченным счетом, и мальчик выпроводил его посредством вежливой лжи.

После Холдсворт бродил по городу, особо не разбирая дороги. Кембридж напоминал место, захваченное оккупационной армией. Улицы были запущенными и наводненными людьми, дома — маленькими и уродливыми, жмущимися друг к другу, как будто в поисках защиты. Местные жители с угрюмыми лицами сновали вокруг, словно не имели права здесь находиться — подлинными хозяевами города были фигуры, облаченные в мантии, которые обитали за воротами и стенами колледжей. Время от времени Джон замечал над крышами башенку, пинакль^[19] в вышине или сквозь внушительные каменные ворота тихий зеленый дворик, окруженный изящными зданиями, как современными, так и готическими и живописными. В Кембридже, подумал Холдсворт, внешний вид обманчив: это место ревниво хранит свои секреты и красоты. И, возможно, также свои привидения.

Когда толпа у Большой церкви Девы Марии рассеялась, Джон пересек дорогу и вошел в галерею Девы Марии, которая тянулась вдоль южной стороны церкви. В тридцати ярдах впереди он увидел

щеголеватую фигуру мистера Ричардсона; тьютор шел рядом с высоким величавым мужчиной, размахивающим тростью с золотым набалдашником. Другая фигура, поменьше, фланировала за ними, преувеличенно раскачиваясь из стороны в сторону и пародируя движения мужчины с тростью. То был молодой мистер Аркдейл, упражняющий чувство юмора.

Холдсворт проследовал за ними в Иерусалим. Когда небольшая компания проходила мимо привратницы, Мепал выказал свое почтение особым поклоном. Трое мужчин остановились в Церковном дворе, купаясь в водянистом солнечном свете. Высокий мужчина с собственническим видом огляделся по сторонам. Холдсворт, рассудив, что его присутствие не может показаться желательным, как раз собирався ускользнуть, когда Ричардсон что-то прошептал своим спутникам и повернулся поприветствовать его.

— Мистер Холдсворт! Какая приятная встреча, сэр: я надеялся увидеть вас до обеда. Послеобеденное время вы проведете в библиотеке, насколько я понимаю? Я буду с сэром Чарльзом. Вашим проводником станет Соресби... весьма способный юноша... пожалуй, он знает о библиотеке почти так же много, как я. После службы сегодня утром я напомнил ему о назначенной встрече. Прошу, задавайте ему любые вопросы. Он будет всецело в вашем распоряжении столько, сколько потребуется.

Ричардсон попрощался с Джоном и поспешил за Аркдейлами, которые вышагивали по неприкосновенному квадрату травы посередине двора. Холдсворт нырнул в проход рядом с профессорской и оказался у двери Директорского дома. Бен впустил его и сообщил, что хозяин встал, оделся и находится с миссис Карбери в ее гостиной.

Джон поднялся наверх, чтобы присоединиться к ним. Доктор сидел в своем кресле. Он был одет в более элегантный черный сюртук, чем обычно, свежесбрит, с только что напудренными волосами, но выглядел старым и больным. Элинор сидела у окна. Ее присутствие тревожило Холдсворта.

— Надеюсь, вы полностью восстановили силы, сэр, — произнес Холдсворт, как только с приветствиями было покончено. Его глаза непроизвольно скользнули к Элинор.

— Да, да. Однако я весьма раздосадован — этот болван Бен не разбудил меня вовремя, а я собирався сходить в церковь. Скажите, сэр,

вы там были?

— Нет. Хотя я как раз проходил мимо, когда прихожане высыпали наружу.

— Сэр Чарльз Аркдейл собирался посетить службу, — заметил Карбери. — Жаль, что меня там не было.

— Кажется, я видел его в компании мистера Ричардсона и молодого мистера Аркдейла.

Карбери нахмурился.

— Мне предстоит удовольствие насладиться обществом сэра Чарльза за обедом.

— Сэр, — возразила супруга. — Разумно ли это? Вы не вполне пришли в себя.

— Я совершенно здоров, — ответил Карбери, не глядя на нее.

— Несомненно, сэр, — Элинор поднялась и подошла к стулу мужа. — Однако мы не должны утомлять мистера Холдсворта столь незначительными подробностями. Он надеялся увидеть мистера Фрэнка сегодня утром, помните, и, возможно, у него найдутся добрые вести для нас и ее светлости.

Карбери пристально взглянул на Холдсворта.

— Действительно, как ваши дела? Вас впустили без приглашения?

— Вышло так, что доктора не было дома, когда я пришел.

Холдсворт обменялся еще одним взглядом с Элинор. Ни один из них не упомянул о беседе за завтраком, и общее знание таило привкус измены.

— И мне удалось поговорить с мистером Фрэнком наедине.

— Вы добились от него чего-либо путного? Он был в своем уме?

— Ему дали столько лекарств, что сложно сказать, в своем или нет, сэр. Он полон страха... и я не вполне понимаю, чего он боится. Его мысли блуждают, но я бы не назвал его сумасшедшим. Единственное, в чем я уверен, — режим этого места ему не подходит. Он не идет ему во благо. Я спросил его, согласен ли он перейти под мою опеку, при условии, что ему придется некоторое время провести в изоляции от мира и не видаться ни с кем из своего прошлого, даже с матерью. Мне кажется, он охотно пошел бы на это. Подобная жизнь не причинит ему вреда и, несомненно, может пойти на пользу. Ухудшить его положение мы уже не сможем.

— Сперва необходимо спросить мнение Джермина, — возразил Карбери. — Действовать, как положено.

— Сомневаюсь, что он придет в восторг, сэр. Он неожиданно напал на меня, когда я разговаривал с мистером Фрэнком, и был крайне недоволен. Он приказал выпроводить меня за пределы лечебницы.

— Если мистер Фрэнк покинет заведение доктора Джермина и если этот факт станет известен, разве люди не сочтут, что его здоровье улучшилось? — тихо спросила Элино́р. — Разве это не позволит предположить, что его рассудок более не расстроен?

Карбери хрюкнул.

— Весомое соображение, мадам. Репутация колледжа подорвана пребыванием мистера Фрэнка Олдершоу в сумасшедшем доме доктора Джермина. Так что если он его покинет, если он якобы излечится, мы только выиграем от этого.

— Я полагаю, что необходимо действовать безотлагательно, сэр, — сказал Холдсворт. — Если он еще и не безумен, это место скоро сведет его с ума.

— Хорошо, хорошо, но в столь важном вопросе нельзя и шагу ступить без позволения леди Анны.

— Если мы пошлем завтра срочное письмо, ответ придет ко вторнику, — вставила Элино́р.

— Вы поддержите мой план, сэр? — спросил Холдсворт. — Ваше письмо послужит намного более веским доводом, чем мое.

— Возможно, — Карбери осторожно потер живот. — Да, что толку, если мистеру Фрэнку становится хуже... Ну хорошо, я сейчас же напишу леди Анне. Стоит попытаться. Но я подчеркну, что идея принадлежит вам, мистер Холдсворт. В конце концов, ее светлость отрядила вас действовать от ее имени. Куда вы отвезете мистера Фрэнка, если сможете забрать его из Барнуэлла?

— Я подумывал арендовать коттедж в паре миль от Кембриджа. Это лучше, чем снимать комнаты. Домочадцы могут распустить языки.

— Кто-то должен будет позаботиться о вас, — вставила Элино́р. — Как насчет Малгрейва? Знакомое лицо, к тому же он уже знает о положении мистера Фрэнка и будет вполне готов к тому, что увидит.

— Дайте подумать, — произнес Карбери. — У колледжа есть несколько поместий неподалеку от Кембриджа; возможно, какое-нибудь из них подойдет. Я займусь этим утром. — Вдали зазвонил колокол, и он с трудом поднялся из кресла. — Так-так, пора обедать.

— Вы совершенно уверены в разумности обеда в зале? — спросила Элино́р. — Могу послать Бена на кухни, где вам что-нибудь соберут.

Карбери, покачиваясь на ногах, отмахнулся.

— Я должен спуститься.

— Но сэ́р...

— Я ничуть не утомлен, и надеюсь, что не нуждаюсь в ваших наставлениях касательно моего долга, мадам.

Джон увидел, как Элино́р покраснела. Она отвернулась, ничего не сказав.

Холдсворт и Карбери медленно спустились вниз, причем директор цеплялся за перила.

— И почему женщины всегда так опекают мужчин? — Карбери даже не озаботился понизить голос. — До чего неприятно! И все же, полагаю, не следует винить слабый пол в недостатке разумения — такова его природа.

В проходе они встретили мистера Ричардсона, только что покинувшего Церковный двор. Он поприветствовал директора и Джона поклоном и улыбкой.

— Где сэ́р Чарльз? — требовательно спросил Карбери.

— Они с племянником скоро придут. Ах, сэ́р Чарльз такой приятный джентльмен! Безупречно аристократичный и в то же время столь естественный, — Ричардсон остановился, коснувшись ручки двери профессорской. — Кстати, директор, вы слышали новость? Мискину предложили приход в Глостершире — уютный маленький домик и семь сотен в год.

— Я знаю, — ответил Карбери. — Он сказал мне вчера.

— Нам будет не хватать его веселого смеха в гостинной. Нынешний священник намеревается оставить должность после Рождества, так что в следующем году нам придется избрать нового Розингтонского члена совета колледжа.

— Весьма обязан вам, мистер Ричардсон, — Карбери ринулся в профессорскую. — Но вам ни к чему беспокоиться. Согласно

условиям пожертвования, Розингтонским членством распоряжается лично директор. Вы можете спокойно на меня положиться.

Воскресный ужин был мероприятием продолжительным и обладающим праздничной атмосферой. Для начала подали свежего отварного лосося с гарниром из жареной корюшки, анчоусного соуса и креветок, а также голову телянка, пирог с курицей и жареное седло барашка. Вторая перемена блюд состояла из задней ноги оленя с подливкой и смородинового желе. Также имелись рулеты из угря, гусенок, омары и фруктовые пирожные. Холдсворт задался вопросом, всегда ли за высоким столом Иерусалима столь роскошно обедают по воскресеньям, или это в некотором роде торжество, возможно, в честь присутствия сэра Чарльза Аркдейла.

Гарри сидел рядом с дядей. Вчерашняя пирушка ничуть не повредила его аппетиту. Джон взглянул на стол сайзаров в основной части зала. Еда на нем была проще. Соресби горбился над столом, его локти торчали в стороны, а рукава засаленной черной мантии болтались по обе стороны тарелки, когда он закидывал еду в рот.

Разговор за высоким столом поддерживали в основном Карбери и Ричардсон, соревновавшиеся за внимание сэра Чарльза. После обеда Холдсворт направился в профессорскую и случайно оказался рядом с Гарри. Джон ничего не сказал, но отступил, пропуская молодого человека впереди себя. Они последними остались на возвышении, не считая слуг за спиной, которые усердно убрали со стола.

Аркдейл приостановился.

— Скажите, сэр, как поживает бедный Фрэнк? Не удивляйтесь, что я спрашиваю. Мистер Ричардсон сказал мне, что леди Анна прислала вас проверить, как у Фрэнка дела, а также изучить библиотеку.

— Его здоровье постепенно идет на поправку, — тихо ответил Холдсворт. — Но он еще не вполне пришел в себя.

— Вы окажете мне бесценную услугу, если скажете ему при встрече, что без него Иерусалим стал дьявольски скучным. Если... если это будет уместно, конечно.

После Холдсворт выпил чашку чая в профессорской и удалился. Он спустился к западной галерее и поднялся по лестнице в библиотеку. Соресби, по-видимому, увидел или услышал, как он идет, поскольку

стоял в дверях и низко поклонился при его появлении. На большом столе за спиной лежали раскрытые книги и стопка разрозненных исписанных листов.

— Надеюсь, я не помешал вашим занятиям, мистер Соресби, — произнес Холдсворт.

— Вовсе нет, сэр. Я всецело в вашем распоряжении.

Холдсворт осмотрелся по сторонам.

— Это все собрание, целиком?

— Не считая книг на руках.

— Вы знаете, сколько книг содержится в библиотеке?

— Нет, сэр. Сомневаюсь, что кто-либо знает, — пальцы Соресби переплелись. — Я осмелюсь предположить, что их количество составляет от полутора до двух тысяч томов.

— Существует ли каталог?

— Предшественник мистера Ричардсона предпринял попытку составления такового. К несчастью, в связи с его смертью каталог остался незавершенным.

— Есть ли в библиотеке другие материалы, кроме тех, что мы видим здесь?

— То, что вы видите на полках, сэр, — все переплетенные тома, которые у нас есть, — Соресби указал на полки под книгами. — Но в прошлом многие члены совета оставляли альма-матер плоды своей учености, и мы храним их. Составить их каталог — поистине непосильная задача. Также у нас имеется ряд довольно старых манускриптов, наиболее ранний из которых, насколько я понимаю, восходит к эпохе правления короля Иоанна. Однако они хранятся в Казне вместе со столовым серебром, актами, договорами аренды и так далее.

— Весьма признателен, — произнес Джон. — Я должен провести проверку. Это может занять несколько дней. Но необходимости беспокоить вас нет, по крайней мере, если все пойдет гладко. Я предпочитаю работать в собственном темпе. Если у меня появятся вопросы, можете не сомневаться, обращусь к вам незамедлительно.

— Вы начнете прямо сейчас, сэр?

— Нет. Не буду больше отнимать ваше время сегодня, — Холдсворт указал на книги на столе. — Смотрю, вам есть чем заняться.

Соресби с неожиданной яростью потянул за указательный палец левой руки.

— Я должен читать каждую свободную минуту, сэр.

— Потому что хотите получить хорошую степень?

— Иного я не могу себе позволить, сэр. У меня нет ни гроша. Если хочу чего-то добиться, мне мало просто получить степень, я должен стоять в списке «Ordo senioritatis»^[20] сколь можно выше, надеюсь, даже как ранглер^[21]... — Он осекся. — Прошу прощения, сэр, я слишком распространяюсь о своих личных делах.

— Вовсе нет. Я задал вам вопрос, и вы любезно ответили. По правде говоря, вы окажете мне большую услугу, если позволите еще немного удовлетворить свое любопытство. Как вы понимаете, мне незнаком уклад университета. Что случится, если вы получите хорошую степень?

— Я надеюсь добиться звания члена совета и получить сан.

— И в чем же преимущество сего для молодого человека в вашем положении?

— Дело в том, сэр, что звание члена совета дает доход и крышу над головой. Кроме того, оно обеспечивает возможность поправить дела, давая небольшие частные уроки или читая лекции. Также колледж имеет несколько приходов в своем распоряжении, и с течением времени один из них может освободиться, так что продвижение по церковной линии не так уж невероятно.

— Я слышал, что Розингтонское членство может скоро освободиться.

Соресби переменился в лице: его черты сузились и заострились. Казалось, он умирает от голода.

— Если бы мне его пообещали, мое положение улучшилось бы до неузнаваемости. Но им распоряжается лично директор. — Он мгновение помолчал и добавил с внезапной дикой яростью: — Здесь, в Иерусалиме, всегда так, сэр: нельзя надеяться даже на самую малость, не заручившись поддержкой доктора Карбери.

Утром во вторник Элино́р отправила Сьюзен полоскать воротнички и манжеты в прачечной, которая стояла на небольшом служебном дворе. Внутри всегда было сыро и мрачно, поскольку солнце заслоняла высокая глухая стена Ярмут-холла по одну сторону и задняя стена Директорского дома по другую. Позже тем же утром Элино́р прошла через двор по дороге в отхожее место. Дверь в прачечную была приоткрыта, и она услышала тихий смех Сьюзен.

Элино́р остановилась. Она собиралась заглянуть к служанке, когда раздался мужской голос. Сьюзен была не одна. Внезапно она вскрикнула — так визжит пес, когда ему наступают на лапу. Крик был поспешно придушен. Элино́р шагнула к двери и снова остановилась, заметив ритмичное движение в прачечной. Оно быстро набирало скорость.

Теперь она могла заглянуть внутрь. На кирпичном полу лежали двое. Элино́р видела только часть их ног и обуви — туфли и чулки Сьюзен, ботинки мужчины с квадратными носами, часть его бриджей и вспышки белых мускулистых бедер, подскакивающих вверх и вниз.

— О да, — простонала Сьюзен. — О! Да!

Сьюзен лежала там с Беном. То, чем они занимались, было отвратительным. Аморальным. По справедливости, Элино́р должна ворваться в прачечную и немедленно уволить обоих. Вместо этого она залилась краской, и ее дыхание участилось.

Бен нетерпеливо хрюкнул.

— Тише! — шикнула Сьюзен.

Элино́р вернулась в дом и захлопнула за собой дверь. В ее голове крутились слова: «Мои слуги совокупляются в прачечной, сопя и хрюкая, точно свиньи в хлеву». Она дрожала. Как они посмели? Среди белого дня, когда кто угодно мог на них наткнуться. Столь бесстыдное поведение попросту не укладывается в голове.

Элино́р обнаружила доктора Карбери в кресле, подтянутом к окну маленькой столовой в Директорском доме. Его рот был открыт, ноги лежали на скамеечке, а на коленях валялась раскрытая книга. Он был настолько неподвижен, что на мгновение Элино́р подумала о смерти.

Но доктор выпрямился в кресле и дико озирался, пока не увидел ее. Он выглядел старым и нездоровым.

— Дражайший сэр, — сказала она. — Что случилось?

— Ничего... абсолютно ничего. Я просто немного вздремнул, вот и все. Что вам угодно?

Элинор намеревалась пожаловаться на непристойное поведение слуг. Но разве можно его беспокоить в таком состоянии? Затем отвлеклась на шаги в коридоре.

— Это мистер Холдсворт? — спросил доктор Карбери. — Пожалуйста, попросите его зайти.

Холдсворт уже шел к ним. Что, если это он был со Сьюзен в прачечной? «Сопя и хрюкая, точно свиньи в хлеву». Сама мысль об этом была нелепой и невероятной, но она ощутила чувство, странно похожее на ревность.

Ревность?

А если бы это она была с Джоном? «Сопя и хрюкая, точно свиньи в хлеву». Элинор отвернулась в сторону, шокированная распутной порочностью своих фантазий, и притворилась, будто поправляет поднос на буфете.

— Я не бездействовал, мистер Холдсворт, — говорил тем временем Карбери. — Мне кажется, я придумал, где вы с мистером Олдершоу сможете остановиться, по крайней мере, на несколько дней. Колледж владеет небольшим поместьем за Хистоном, на краю Уайтбич-Фен. Это всего лишь ферма и водяная мельница с пристроенным коттеджем. Мельница сейчас пустует — мы пока не нашли новых жильцов.

— Есть ли соседи, сэр? — спросил Холдсворт.

— Только фермер, некто Смедли. Неразговорчивый тип; он вас не потревожит, если вы решите там остановиться. Но я должен написать ему сегодня и велеть послать слугу, чтобы приготовить коттедж на всякий случай.

— Но что вы ему скажете? — спросила Элинор, снова поворачиваясь к мужчинам. Она была относительно уверена, что ничто в ее облике не выдает отвратительных фантазий, которые только что промелькнули в голове.

Карбери ответил Холдсворту, как если бы это он задал вопрос:

— Скажу, что в доме будут устроены чтения и что их участников ни в коем случае нельзя беспокоить. Последний жилец умер, и родные до сих пор не забрали его мебель, так что вряд ли станут жаловаться, если мы ей воспользуемся. Я также поговорю с Малгрейвом.

Элинон глядела на руку мистера Холдсворта, которая коснулась ее руки сквозь калитку. Она подумала о Бене и Сьюзен в прачечной. Господь всемогущий, да она им завидует. «Сопя и хрюкая, точно свиньи в хлеву»... Интересно, каково это?

Во входную дверь постучали.

— Где слуги? — рявкнул Карбери, когда никто не подошел. — Вечно их нет под рукой. Вы должны с ними поговорить.

— Да, сэр, — согласилась Элинон. — Сьюзен в прачечной. Бен, возможно, в саду. Я посмотрю, кто пришел.

Она открыла дверь. Мужчина на пороге оказался ей знаком. Один из конюхов с Голден-сквер, и в руке он держал письмо леди Анны.

Ее светлость милостиво изволила утвердить предложение мистера Холдсворта. Она дала согласие на то, чтобы Джон забрал Фрэнка из заведения доктора Джермина, хотя ее согласие сопровождалось предостережениями и завуалированными угрозами. Она не сказала этого прямо, но неоднократный отказ сына вернуться домой, к ней, явно стал для нее почти невыносимым ударом.

Дальше все закрутилось очень быстро. В платной конюшне не слишком хотели давать напрокат один из самых крупных экипажей, не присовокупив к нему одного из своих кучеров или конюхов, но деньги леди Анны вскоре преодолели сопротивление. В четыре часа среды Бена послали забрать экипаж.

Карбери подчеркнул, что чем меньше людей знает о местоположении Фрэнка Олдершоу, тем лучше для всех. Он сказал, что вполне уверен в способности Бена держать язык за зубами.

— Подобные вопросы проще улаживать при помощи своих слуг, мистер Холдсворт. Не зря же их зовут нашими иждивенцами.

Малгрейв опаздывал. Экипаж уже ждал, когда он бодро выбежал из церковного двора, пройдя сквозь ширмы.

— Прошу прощения, сэры, — произнес он, задыхаясь. — Мистер Аркдейл пребывает в небывалом волнении и опаздывает на обед у мистера Уичкота.

— Обед? — переспросил Карбери. — В такой час?

— В Ламборн-хаусе принято обедать очень поздно, сэр, в особенности, если это собрание клуба. Да что там; полагаю, они сядут за стол не раньше пяти-шести часов.

— Ладно, ладно, сейчас не до этого, — отмахнулся Карбери. — Вы здесь, и это главное. Не забывайте, голубчик, вы полностью в распоряжении мистера Холдсворта и должны на время забыть об остальных.

Малгрейв и Бен с демонстративной скоростью и ловкостью погрузили чемодан Холдсворта в экипаж. Малгрейв сделал вид, что залезает на козлы с Беном, но Холдсворт разрешил ему ехать внутри.

Дергаясь и грохоча, экипаж проехал под аркой, которая выходила на Иерусалим-лейн. Дорога в Барнуэлл была запружена людьми, и поначалу они продвигались медленно, поскольку застряли между парой телег, кативших из города.

— Я не ожидаю каких-либо проблем с мистером Олдершоу, — тихо сказал Холдсворт. — Однако, если я не прикажу вам иного, хотел бы, чтобы вы оставались в пределах слышимости, пока мы будем на мельнице. Я вынужден повторить то, что сказал директор: временно вы работаете только на меня как представителя ее светлости. Больше ни на кого. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно.

Экипаж чуть продвинулся вперед по запруженной улице.

— Мистер Аркдейл спросил, куда я собрался, сэр, — сообщил Малгрейв. — Он хотел знать, почему я не загляну к нему завтра, как обычно.

— Что вы ответили?

Малгрейв пожал плечами:

— Сказал, что вы наняли меня присматривать за мистером Олдершоу. Места я не назвал, а он не спросил. Господи, его голова была настолько забита мыслями о вечере, что он и подумать не мог о чем-то другом.

— Клуб Святого Духа?

— Именно, сэр. Он станет полноправным членом и впервые наденет ливрею. Он полдня расхаживал взад и вперед перед зеркалом, вне себя от радости. Но завтра утром его ждет тяжелое похмелье, не сомневайтесь. И мистер Уичкот станет немного богаче, осмелюсь заметить, хотя мне не видать и капли этих богатств.

— Немного богаче?

— Благослови вас боже, сэр, вы же не думаете, что мистер Уичкот занимается всем этим по доброте душевной? Молодые джентльмены должны делать пожертвования, и немалые. К тому же на этих встречах всегда играют, и ставки высоки. Говорят, они ставят по несколько сотен на одну карту, на один бросок костей. Однако я не вправе рассуждать о том, как джентльмены предпочитают развлекаться. До тех пор, пока они платят по счетам.

Движение экипажа внезапно ускорилося. Холдсворт выглянул в окно. Скоро они окажутся у дома Джермина.

— У меня к вам есть еще один вопрос, — сказал он. — Об ужине, который вы подали мистеру Олдершоу в ночь его... его приступа.

— Прекрасный скромный ужин, как и всегда, не считите за хвастовство. Обильный и хорошо приготовленный.

— И как вам показались джентльмены? В хорошем настроении?

Если Малгрейв и счел вопрос странным, то не подал виду.

— Нет, сэр... мистер Уичкот был тихим и серьезным, а мистер Олдершоу подавленным. Уже много дней кряду. Полагаю, он обедал с мистером Аркдейлом в тот день, а после они засиделись за вином, так что его разум был несколько затуманен. К концу вечера он оказался изрядно под хмельком, судя по пустым бутылкам и состоянию чаши для пунша.

Они остановились у ворот заведения доктора Джермина. Экипаж накренился, когда Бен слез с козел и позвонил в колокольчик.

— Когда мы заберем мистера Олдершоу, — тихо сказал Холдсворт, — вы поедете снаружи с Беном.

Малгрейв хитро глянул из противоположного угла экипажа.

— Вы уверены, сэр? Если у него случится очередной приступ безрассудства...

— Вполне уверен.

— Конечно, вы хотите обеспечить молодому джентльмену уединение, сэр. Вполне естественно, и, разумеется, вы в состоянии с ним справиться. Но как насчет предосторожности? Несомненно, Норкросс одолжит вам смирительную рубашку за небольшую плату.

— Весьма обязан, но сомневаюсь, что она понадобится.

Ворота открылись, и экипаж медленно покатиł по дорожке. У дома Бен остался на козлах. Малгрейв распахнул дверцу, выпрыгнул из

экипажа и спустил лесенку для Холдсворта. Оказавшись на людях, джип умело и стремительно превратился в идеальную прислугу высшего ранга, бездушный механизм, искусно сконструированный для удовлетворения желаний нанимателя.

Когда дверь отворилась, Джон оказался лицом к лицу с Фрэнком. По бокам стояли Норкросс и еще один зритель. Юноша был безукоризненно одет в черное. Он посмотрел на Холдсворта, затем на экипаж, который ждал на гравийном развороте перед дверью.

— Мы собрали пару саквояжей, сэр, — сказал Норкросс. — Несомненно, ее светлость пошлет за остальными вещами.

— Благодарю, весьма признателен. Где ваш хозяин?

— Доктор Джермин передает свои наилучшие пожелания, сэр, и сожалеет, что не располагает свободным временем, чтобы принять вас.

— Прекрасно. Не станем вас больше задерживать. Мистер Олдершоу, соблаговолите сесть в экипаж.

При этих словах Малгрейв щелкнул каблуками, как солдат. Не обращая внимания на Джона, Норкросса и зрителя, Фрэнк спустился по лестнице, прошел по гравию и поднялся в экипаж. Холдсворт последовал за ним. Малгрейв закрыл дверцу и сложил лесенку. Олдершоу сидел в дальнем углу, лицом вперед. Джон сел по диагонали напротив. Малгрейв забрался на козлы. Экипаж дернулся и тронулся в путь.

— Я уполномочен ее светлостью отвезти вас в коттедж на север от Кембриджа, сэр, — сказал Холдсворт, пока они медленно катили по дорожке. — Это уединенное место, где нас никто не потревожит. Малгрейв будет навещать нас. Больше никто.

Фрэнк промолчал. Он смотрел на пустое сиденье перед собой.

— Мы должны проехать через Барнуэлл и затем через Кембридж, чтобы достичь места назначения, — продолжил Холдсворт. — Чтобы избежать неудобств, предлагаю поднять стекла и опустить занавеси, пока мы проезжаем сквозь город.

Они медленно ехали сквозь Кембридж, часто со скоростью пешехода. Внутри экипажа было темно и тесно. У Холдсворта болели руки и ноги. Ему казалось, что большую часть последних трех дней он провел, скрючившись в экипаже. Было несложно следить за дорогой по скорости продвижения, поверхности под колесами и звукам, проникавшим из внешнего мира. Сначала были булыжники и мощные

дороги. Тембр перестука колес изменился, когда они покатали по большому мосту рядом с колледжем Магдалины. Они ненадолго набрали скорость и затем притормозили на холме рядом с крепостью. Затем повернули направо, покинув главную дорогу в Хантингтон, и направились на север по дороге, которая становилась все более и более разбитой.

— Если хотите, можно поднять занавеси, сэр, — предложил Холдсворт.

Фрэнк не ответил.

Холдсворт поднял занавеси на своей стороне, и свет затопил экипаж. Также он опустил стекло. Они ехали по длинной прямой дороге с обширными ровными полями по обе стороны.

Внезапно на противоположной стороне кареты поднялась суматоха. Фрэнк поднял занавеси и опустил стекло. Он наполовину высунул голову из окна. Встречный ветер взъерошил волосы, сдувая с них пудру клубами. Холдсворт наблюдал за юношей, но не шевелился.

Через мгновение Фрэнк вернулся на место и сел прямо.

— Я... признателен вам, сэр, — произнес он так небрежно, как будто ничего необычного не произошло. — Мистер Холдсворт, если не ошибаюсь?

— Да, сэр. Помните, меня послала ее светлость? Она надеется, что вы скоро поправитесь и сможете вернуться к ней.

Фрэнк скривился и отвернулся.

— Какой в этом смысл? — пробормотал он. — Я жалкая развалина. Лучше бы я умер.

Уичкот собрал деньги на обед, продав мебель жены. У него была давняя договоренность с владельцем «Хупа», который по такому случаю одолжил своего французского повара и нескольких официантов. Часть еды была приготовлена на кухнях гостиницы. После завтрака прибыли три ливрейных лакея — отец и два сына. Они уже работали на Уичкота и, подобно владельцу «Хупа», настояли на оплате вперед. Им потребовался почти час, чтобы завить и напудрить волосы и облачиться в ливреи, предоставленные мистером Уичкотом. Сюртуки были прискорбно поношенными и сидели на своих новых владельцах не слишком ладно.

Днем Уичкот удалился в кабинет и запер дверь. В углу комнаты, невидимый со стороны окна и из дверного проема, в нишу был встроен высокий шкаф. Обшитая панелями дверь обладала двумя замочными скважинами, но была лишена ручки. Он отпер оба замка и открыл дверь.

В шкафу хранились архивы клуба Святого Духа, а также некоторое количество связанных с ним предметов. На одной полке стояли разнообразные бокалы, чаши для пунша, блюда и искусно украшенные столовые приборы. На верхней полке выстроился ряд переплетенных в кожу томов, запечатлевших членство, деятельность, счета и решения клуба Святого Духа за тридцать лет его существования. Здесь также стояли книги пари и книги учета вин.

Уичкот достал текущую книгу учета вин. Клуб обладал собственным запасом вин, представлявшим значительный и постоянный интерес для его членов, а также служивший для них источником солидных трат. Уичкот уже выбрал вина для вечера и достал их из той части погреба Ламборн-хауса, которая была отведена для их хранения. Однако, поразмыслив ночь, он решил, что не повредит принести еще полдюжины кларета и столько же портвейна. Он проследил за их изъятием сразу после завтрака. Теперь же отнес книгу на стол, сделал пометку, что именно взято, и вернул том на полку.

Филипп провел указательным пальцем по ряду корешков. Он прочел или, по крайней мере, пролистал все тома. Клуб был основан

Мортоном Фростуиком в 1750 году. Полноправное членство было ограничено председателем клуба, известным как Иисус, и двенадцатью апостолами. Клубные развлечения быстро стали в Кембридже легендарными, поскольку их характер был равно загадочным и расточительным.

Оба эти качества — заслуга Фростуика. Он много лет прослужил в Ост-Индской компании в Бенгалии, где сказочно разбогател. Вернувшись в Англию, посетил Кембридж и счел профессорскую комнату в Иерусалиме столь замечательным местом, что поступил в колледж сотрапезником начальства. Он наслаждался обществом более молодых людей и благодаря необычайной щедрости заслужил титул Набоба Фростуика. Он подарил колледжу маленький мостик через Длинный пруд — уменьшенную копию знаменитого деревянного моста мистера Эссекса в Колледже королев.

Фростуик за свой счет закупил вина для клубного погреба, а также бокалы, столовые приборы и блюда, сплошь искусно украшенные, которые до сих пор использовались на клубных обедах. Среди них был ритуальный бокал, который полагалось осушить каждому соискателю: он удивительно напоминал эрегированный пенис с яичками, вмещал около половины пинты вина, и каждый кандидат должен был проглотить его содержимое одним махом. Фростуик внезапно покинул Кембридж после некоего случая, имевшего, по слухам, отношение к одному из сайзаров Иерусалима, и уехал за границу, где якобы завел гарем из катамитов^[22] и позже умер от холеры.

Члены клуба Святого Духа всегда питали острый интерес к дефлорации девственниц, чему имелись обильные свидетельства в архивах. Фростуик особо подчеркнул, что ничто другое так не соответствует названию и целям клуба, как ознаменование вступления в ранг апостола пролитием девственной крови. Разве не был он сам, в роли Иисуса, сыном Девы? Разве вино, которое они пили на своих встречах, не символизировало кровь? И разве не являлись они, по определению, Святыми Духами и, следовательно, не должны были возлегать с девственницами при любой возможности, почтительно повторяя аналогичный эпизод в Евангелиях? Во времена Фростуика эта часть ритуала осуществлялась на глазах у Иисуса и собравшихся апостолов. После его отъезда, однако, последователи решили, что

более утонченно будет позволить проводить дефлорацию в уединении после остального ритуала в качестве своего рода награды, которая скрепит печатью все, что произошло до тех пор.

Филипп Уичкот вернул книгу на место в шкафу. Когда он запер дверь, в кабинет вошел Огастес. Его глаза метались из стороны в сторону, как будто он опасался увидеть в углах притаившихся чудовищ.

— С вашего позволения, сэр, явился мистер Ричардсон из колледжа.

— Впусти его, болван.

Тьютор вошел в комнату и грациозно поклонился. Его парик был идеально напудрен, сюртук превосходно скроен; на свежесбритом лице сверкала улыбка. Одни лишь глаза портили впечатление — тревожные, с желтыми искрами.

— К вашим услугам, сэр, — произнес Ричардсон. — Я надеялся, что вы не слишком заняты. Полагаю, вам наносят множество визитов.

— Надеюсь, мне всегда хватит времени поприветствовать своего старого тьютора.

— Вы слишком добры. Я слышал, что ваш клуб собирается сегодня вечером, и уверен, что подобные случаи требуют огромной предварительной работы.

Уичкот улыбнулся.

— Вовсе нет, дражайший сэр... все образуется само собой. Слуги знают, что делать.

— Разумеется.

Ричардсон ловко перевел разговор на погоду. Затем они заговорили о том, что директору в последнее время нездоровится и мистер Ричардсон молит бога, чтобы это больше не повторилось.

— Уверен, что он осведомлен о неудобствах, которые его недомогание причиняет колледжу. Ни один важный вопрос не может быть решен без него, — Ричардсон помедлил. — Например, будь он в добром здравии, то мог бы найти способ помочь несчастному мистеру Олдершоу.

— Бедный парень. Его состояние не изменилось?

— Насколько мне известно, нет. Конечно, он тоже член клуба СД. По правде говоря, теперь я припоминаю, что его меланхолия восходит к вашему последнему обеду, — Ричардсон наклонился вперед,

взволнованно морща лоб. — Но эта тема, должно быть, нестерпимо болезненна для вас. Умоляю, простите.

— Уверен, вы не хотели меня обидеть, — ответил Уичкот. — И, разумеется, я не обижен.

Он знал, что с Ричардсоном крайне важно взвешивать слова.

— Что до бедного Фрэнка, полагаю, я заметил первые признаки его меланхолии задолго до того вечера. Он открывал мне сердце не раз и не два.

Ричардсон склонил голову, признавая, что Уичкоту лучше знать.

— Кажется, сами вы не были членом клуба СД? — спросил Уичкот.

Ричардсон изменился в лице.

— Нет. Студентом я не вращался в подобных кругах.

— Но вы, наверное, знали нашего Основателя? Разве он не учился в Иерусалиме? Мортон Фростуик... сотрапезник начальства, если не ошибаюсь, вы тогда как раз были в самом цвете юности.

Ричардсон отвернулся.

— Да, полагаю, я встречал его мельком.

Уичкот улыбнулся.

— Иногда я коротаю свободное время, просматривая клубные архивы. Мистер Фростуик фигурирует почти на каждой странице, как вы понимаете.

— Я его почти не помню.

— Неужели? — Уичкот подпустил в свой голос нотку недоверия. — О нем сохранилось столько занимательных историй!

Старший тьютор грациозно взмахнул правой рукой, продемонстрировав тонкие белые пальцы.

— Всегда приятно вспомнить события юности, но, увы, меня волнует более насущная проблема. Возможно, вам известно, что мистер Аркдейл — один из моих учеников?

Уичкот кивнул.

— Ему весьма повезло.

— И насколько я понял, сегодня он будет принят в полноправные члены клуба СД.

— Уверен, что он станет ценным приобретением нашего маленького общества.

— Несомненно. Однако в субботу я имел беседу с его опекуном, и еще одну — в воскресенье, когда сэр Чарльз обедал в колледже. Племянник крайне беспокоит его. Могу ли я доверить вам секрет, дражайший сэр?

— Разумеется, — ответил Уичкот.

— Сэр Чарльз боится, что паренек ведет образ жизни, который не только вредит его видам на будущее, но и подрывает его здоровье. Поскольку вы с ним накоротке, я счел своим долгом переговорить с вами на этот счет. Он безмерно вас уважает. Вовремя ввернутое вами словечко может сотворить чудеса.

— Вы слишком высокого мнения о моих возможностях, сэр.

— Не думаю, — Ричардсон встал. — Не стану больше вас беспокоить, сэр. Я знаю, что могу положиться на ваше посредничество, и буду бесконечно признателен.

Уичкот проводил гостя в прихожую, где Огастес открыл дверь и очень низко поклонился, когда мистер Ричардсон вышел. Уичкот стоял на крыльце, подняв руку на прощание, пока его гость резво шагал по короткой тропинке к главной дороге. Он получил предупреждение. Ричардсону не нужен еще один клубный скандал, затрагивающий члена колледжа Иерусалима.

К несчастью, прежде чем тьютор достиг ворот, на дорожку повернула миссис Фиар, за которой шла маленькая шлюшка, предназначенная Аркдейлу. Ричардсон снял шляпу и поклонился миссис Фиар. Он с любопытством посмотрел на девушку из госпиталя Магдалины, которая прошла мимо него, потупив глаза.

Несчастливая встреча, подумал Уичкот. Остается надеяться, что это не дурное предзнаменование.

Апостолы прибывали по одному и попарно; кто-то пешком, фланируя во всей красе клубной ливреи под ярким солнцем, другие предпочли скрыть свое величие в портшезах или наемных экипажах. Лакеи провожали прибывших в павильон в глубине сада, где Уичкот ждал их и принимал в большой комнате с видом на реку.

Миссис Фиар и девушка из госпиталя Магдалины расположились в маленькой белой спальне внизу. Девушку звали Молли Прайс. Она была не такой хорошенькой, как Табита Скиннер, зато знала, что к чему. Миссис Фиар проследила за приготовлениями, навестила кухню

и дала слугам почувствовать свое присутствие. Тем лучше, ведь слуги, вне всяких сомнений, были небрежной и жадной сворой, за которой требовался глаз да глаз. Они будут прислуживать собравшимся, разнесут блюда за обедом, уберут со стола и накроют ужин. Но как только ужин окажется на столе, они уйдут, предоставив клуб самому себе, со скромной помощью Огастеса по мере необходимости. Тогда начнется то, ради чего затеян весь вечер.

Гарри Аркдейл был одним из тех, кто прибыл в портшезе. Его лицо утратило обычный румянец, и бледная кожа странно контрастировала со старательно уложенными волосами, которые он густо посыпал белой пудрой с явственным розовым оттенком. В его дыхании Уичкот почувствовал запах бренди.

Перед обедом члены клуба прогуливались в саду. В целом, публика подобралась порядочная. Когда объявили обед, Уичкот первым поднялся наверх, где собравшиеся расположились за столом в порядке старшинства. Гарри он усадил по правую руку.

Жалеть денег на еду Филипп не стал. Первая перемена состояла из трески, седла барашка, супа, пирога с курицей, а также большого количества пудингов и корнеплодов. В качестве второй подали филе телятины с грибами, голубями и спаржей, поджаренное «сладкое мясо»^[23], горячего омара, абрикосовый пирог и, посередине стола, высокую пирамиду из силлабаба^[24] и желе. Обед — это не просто еда, это вложение капитала.

После обеда некоторые члены клуба, включая Аркдейла, выказали склонность засидеться за вином, но Уичкот увлек их к карточным столам, поставленным в дальнем конце комнаты. Это была доходная часть происходящего. Филипп не поощрял членов клуба затевать такие игры, как пикет, который занимает слишком много времени и требует всего лишь двух участников. Более простые, короткие игры намного лучше — все равно, карты или кости. В таких играх игроки выигрывают и проигрывают с такой стремительностью, что заражаются страстью к игре, и каждую потерю изглаживает из памяти надежда выиграть в следующий раз.

Уичкот перемещался от группы к группе. Он носил шулерские кости в потайном кармане жилета, а также принял меры предосторожности, распечатав пачку карт, пометив уголки некоторых из них и аккуратно запечатав пачку обратно. Не то чтобы ему

нравилось полагаться на такие грязные приемы. Обычно в них не было нужды: если он оставался трезвым и не ленился подсчитывать вероятности, то выигрывал стоимость всего обеда за двадцать минут.

Часы пролетели приятно. Невидимые слуги, которые загородили стол ширмами от остальной части комнаты, сновали туда-сюда, готовясь к ужину. Горячительные напитки текли рекой, и смех и голоса становились все громче по мере того, как последний дневной свет отступал из комнаты. Воздух наполнился дымом, колыхаемым сквозняками, и тусклое мерцание свечей качалось вместе с ним.

Выигрыш Уичкота, частично наличными, но в основном в виде расписок, неуклонно возрастал. Переходя от стола к столу, он не спускал глаз с Гарри Аркдейла. Юноша пил не меньше других присутствующих. Его лицо утратило бледность и покрылось потом. Тщательно уложенные волосы превратились в лохматую копну, а на плечи зеленого сюртука осыпалась пудра. Он играл так яростно, что уже проиграл по меньшей мере сотню гиней, и не только хозяину дома.

После очередного проигрыша Аркдейл внезапно отодвинул свой стул и, спотыкаясь, направился за ширму в углу, где вдоль стены стоял ряд стульчаков для удобства гостей. Когда он не вернулся через пять минут, Уичкот отправился на поиски. Юноша грузно сидел у окна, прижав лицо к стеклу.

— Гарри... что вас беспокоит?

Аркдейл резко повернул голову и выпрямился на сиденье.

— Ничего... здесь так чертовски жарко... я хотел подышать свежим воздухом.

— Тогда давайте прогуляемся по саду.

Уичкот первым спустился вниз. Небо уже потемнело. В дверном проеме горел фонарь, и два или три за ним, отмечая путь к боковой двери дома. Они прогуливались по гравийной дорожке между павильоном и рекой. На дальней стороне реки покоился во тьме Джесус-Грин, отделенный от мягкого мерцания огней собственно колледжа и, правее, огней города.

— Похоже, вы немного приуныли, — заметил Уичкот.

— Ерунда, — встрепенулся Аркдейл. — Спертый воздух несколько утомил меня... но теперь все в полном порядке.

— Рад это слышать, — ответил Уичкот. — В конце концов, сегодня ночью вам предстоит мужская работа. Полагаю, вы

превосходно с ней справитесь?

— О да, не сомневайтесь.

Теперь они шли вдоль задней стороны павильона, выходящей на дом. Аркдейл покачнулся. Внезапно он остановился, прислонившись к стене, и пристально уставился на ряд окон первого этажа.

— Она... она уже здесь?

— Жертва? О да, — ответил Уичкот. — Девственница ждет вас.

— Она знает, что должно произойти?

Уичкот тихо засмеялся.

— Откуда? Она невинна. Ее знания в подобных вопросах исключительно умозрительные.

— Но она знает, что я возлягу с ней?

— Все устроено. Вам предстоит обойтись с ней по-мужски. Совершенно ни к чему о ней беспокоиться. Если она станет сопротивляться, смело положите этому конец. Более того, многие из нас находят, что это только придает пикантность схватке. Плоды победы слаще, когда завоеваны с трудом.

— Да, да... Филипп, прошу меня извинить.

Без дальнейших разговоров Аркдейл шагнул в сторону с тропинки и ощупью нашел дорогу к большому кусту, росшему в горшке. Уичкот ждал, слушая звуки рвоты. Аркдейл вернулся, вытирая рот надушенным платочком.

— Весьма мудро, — пробормотал Уичкот.

— Что? Простите?

— Ваше решение вызвать рвоту. Как говорят французы, необходимо *reculer pour mieux sauter*^[25].

— Да, — вяло произнес Аркдейл. — Да, вот именно. Кажется, рвота с этой целью была широко распространена среди древних. Сенека упоминает ее где-то в «Нравственных письмах», если не ошибаюсь, а Цицерон сообщает... вроде бы, в «Pro Rege Deiotaro»...^[26] что сам Цезарь не пренебрегал этой привычкой. Она также...

Он осекся.

— Прошу прощения, сэр, я дал волю своему языку.

Уичкот промолчал. Гарри пытался играть роль повесы, но в глубине души оставался книжником. Они прошли мимо закрытого ставней окна побеленной спальни, где Молли Прайс ждала с миссис Фиар.

— Жаль, Фрэнка здесь нет, — сказал Аркдейл.

— Мне тоже. Всем нам жаль.

— Я спросил его, как это было в ту ночь... когда он стал апостолом. Он мне не ответил.

— Весьма добродетельно с его стороны. Он поклялся самой ужасной клятвой не открывать произошедшего в ту ночь никому, кроме апостолов. Как поклянетесь и вы в свое время. Но поскольку вы уже почти один из нас, я могу сказать по секрету, что Фрэнк обошелся со своей девственницей по-мужски, что, несомненно, предстоит и вам.

Они вернулись в павильон и поднялись наверх. Уичкот руководил слишком многими посвящениями, чтобы произошедшее его удивило. Аркдейл готов был ускользнуть из клуба при первой возможности. Но такой ценный приз нельзя упускать. Для того ритуал и нужен... и в особенности ритуал с девственницей. Гарри упомянул Цезаря. Что ж, Цезарь перешел Рубикон, когда вторгся в Италию, и тем самым отрезал себе путь назад. Аркдейл будет считать, что совершил то же самое, когда его мужской пыл преодолеет наигранное сопротивление Молли Прайс.

Они достигли верха лестницы. Уичкот остановился. Они слышали гам голосов в дальней комнате. Некоторые апостолы пели.

Джерри Карбери всю веселится —
Решил до зеленых чертей он напиться.
Велите слуге, чтоб со шляпой пришел,
Не то он извергнет свой ужин под стол!

Аркдейл быстро заморгал. Казалось, он вот-вот расплчется.

— А теперь пора ужинать, — тихо сказал Уичкот. — Слуги покинут нас. Мы будем поднимать бокалы... проведем посвящение... и вы будете канонизированы. Для вас зарезервировано имя святого Варфоломея. А затем, когда вы, наконец, станете одним из нас, вас отведут к трепещущей девственнице.

Ужин пролетел словно во сне; затем последовали бесконечные тосты, и, наконец, ритуал посвящения. Гарри преклонил колени перед Уичкотом, весьма величественным на троноподобном стуле в окружении черных свечей; и тот, в роли Иисуса, зачитал список апостольских заповедей, сформулированных на плохой латыни, с каждой из которых Аркдейл должен был согласиться.

Затем он принял фаллический бокал, до краев наполненный вином, и осушил его, не отрывая от губ, под аккомпанемент одобрительных возгласов и аплодисментов апостолов. Он поклялся служить Святому Духу до скончания веков. Аминь. Он поклялся ненавидеть папу римского и все его труды, не оставлять бутылку полной, бокал недопитым и девственницу невинной. Аминь, аминь, аминь, аминь. Были и другие заповеди, вино текло рекой, и голова кружилась все сильнее. Гарри заметил, что нитка на носу левой туфли Уичкота перетерлась, и подошва начала отходить от верха. Он пробормотал необходимые ответы и осушил необходимые бокалы. Он отдал бы все на свете, чтобы положить раскалывающуюся голову на прохладную подушку и заснуть навеки. Аминь.

Когда церемония закончилась, вокруг него образовалась процессия. Иисус встал справа, святой Петр — слева. Святой Андрей шел впереди с одной черной свечой, святой Симон — следом с другой, а святой Иоанн орудовал колокольчиком. Иисус и апостолы отвели Аркдейла вниз, по дороге распевая непристойную вариацию «Ангелуса»^[27], в которой многословно восхвалялись мужские стати Святого Духа. Процессия остановилась в коридоре. Нестройные голоса кружились вокруг Гарри, смешиваясь со звоном колокольчика.

Кроме свечей, единственный свет проливали лампа, горевшая в дальнем конце коридора. Аркдейлу показалось, что он заметил Огастеса, прячущегося в дверном проеме, и на мгновение ему полегчало от того, что он не одинок в своем страхе.

Святой Иоанн энергично постучал в одну из ближайших дверей, позвонил в колокольчик и призвал обитателей комнаты открыть во имя Святого Духа. Апостолы выстроились напротив двери в дугу с Аркдейлом посередине. Когда дверь отворилась, за ней возник темный

силуэт миниатюрной женщины, ростом с ребенка, в монашеском одеянии, с маской на лице.

— Во имя Святого Духа апостол требует жертвоприношения девственницы, — пропели апостолы нестройным хором.

Монахиня в маске отступила и широко распахнула дверь. Апостолы разразились радостными возгласами. Иисус и святой Петр провели Аркдейла вперед. Он дико озирался по сторонам маленькой белой камеры. Горели всего две свечи, одна на столе у камина, другая рядом с кроватью. На белом покрывале лежала его девственница, ее руки и ноги были привязаны к столбикам кровати. На ней была простая белая сорочка с широким воротом. Девушка взглянула на него распахнутыми от страха глазами.

— Возьмите ее связанной, — прошептал Уичкот на ухо. — Или развяжите, если хотите. Но будьте осторожны, маленькая шалунья может сопротивляться.

Святой Петр похлопал Аркдейла по плечу.

— Вперед, приятель, — подбодрил он. — Покажи девке, кто здесь хозяин.

Аркдейл услышал, как за спиной захлопнулась дверь. Кто-то снаружи снова затянул застольную песню о Джерри Карбери. Шаги апостолов растаяли вдалеке. Даже монахиня ушла. Он остался с девушкой наедине.

Гарри смотрел на нее, а она — на него. «Далеко не уродина, учитывая все обстоятельства, — подумал он, — и, несомненно, молоденькая». Кроме того, она казалась чистой, и этим выгодно отличалась от Хлои. Пока Аркдейл наблюдал, она облизала губы, и он заметил, что они пухлые и красивой формы. Гарри сбросил зеленый сюртук и накинул его на стул у стола. Не сводя глаз с девушки, он медленно расстегнул жилет. Его пальцы были неуклюжими, и это заняло целую вечность. Голова болела, во рту пересохло. На столе стояло вино, но на самом деле ему хотелось воды. Почему нет воды?

Аркдейл стащил расшитый жилет с плеч и позволил ему упасть на пол за спиной. Теперь перед ним были две кровати и две девственницы, и если бы он не знал, что это невозможно, то мог бы поклясться, что обе ему улыбаются. Гарри ожесточенно дернул галстук и потерял равновесие. Его повело вправо, и он попытался удержаться на ногах, ухватившись за один из столбиков в изножье кровати.

Необъяснимым образом рука промахнулась мимо столбика. Аркдейл упал вперед, приложился о столбик лицом и закричал от боли. В следующий момент он уже лежал наполовину на кровати и наполовину на полу.

Казалось, галстук его душит. Гарри сорвал его и швырнул на пол. Взглянул на девушку, в ярости от того, что она стала свидетельницей мгновения его слабости. Но ее лицо не изменилось. Она смотрела на него снизу вверх.

Аркдейл выпрямился, держась за столбик, скинул туфли и снова поглядел через плечо на девушку. Он должен дефлорировать ее силой. В этом весь смысл его пребывания здесь. Чтобы он не справился с задачей... это невысказано. Все узнают — Уичкот, другие апостолы, маленькая монахиня и даже эта девушка. Она всем разболтает, ну конечно, она всем разболтает. Ничего не попишешь, он должен это сделать.

Гарри расстегнул бриджи и встал. Бриджи сползли до колен. Он сдвинул их еще ниже и вылез. В последний момент споткнулся и полетел на кровать, приземлившись частично между бедер девушки, частично на ее тело. От удара она ахнула. Нахмурившись, Аркдейл задрал ее сорочку, обнажив промежность, засунул руку под свою развевающуюся рубашку и сжал пенис.

К его полному, невыразимому ужасу, его мужское достоинство оказалось мягким и дряблым. Он принялся его поглаживать, сначала нежно, затем яростно. Ничего не изменилось. На висках выступил пот. Гарри закрыл глаза и постарался сосредоточиться, вызвать эрекцию простым усилием воли. По-прежнему ничего.

Девушка прочистила горло.словно восковая фигура издала звук. Аркдейл вздрогнул, открыл глаза и уставился на нее. Вот первая свидетельница его позора. Он нечетко видел ее лицо, но вроде бы она смотрела серьезно и печально, не моргая.

— Предложить вам руку, сэр? — тихо спросила она, почти шепотом.

— А? Что? Какую руку?

— Иногда джентльмену требуется небольшое воодушевление, чтобы прийти в готовность, сэр.

— Да, да, ты права, — он отодвинулся от нее, обнял столбик кровати и прижался к нему щекой. — Но... но откуда ты знаешь?

Она тихо засмеялась.

— О, право слово, сэръ, когда девушки лежат в одной кровати по ночам, о чем только они не беседуют. И иногда о том, каковы джентльмены и чем мы можем порадовать их, когда наступит время. Если вы меня развяжете, я вам покажу.

Гарри заставил себя встать и, волоча ноги, обошел кровать, развязывая узлы. Они были такими свободными, что он сообразил, что девушка могла легко освободиться сама, если бы пожелала. Когда узлы были развязаны, она села и обнажила плечи, после чего уложила Аркдейла рядом с собой, несколько раз поцеловала его и предложила потереться лицом о свои маленькие груди, что в обычных обстоятельствах показалось бы Гарри вполне приятным. К несчастью, он не мог избавиться от подспудной паники, предчувствия неминуемого поражения.

Бормоча нежности, некоторые из которых были весьма необычны для девственницы, она опрокинула его на спину и раздвинула ему ноги. Задрала ему рубашку, обнажив мягкое розовое тело, и принялась трудиться над его пенисом, сначала руками, затем ртом.

Ничего.

Через две или три минуты ее стараний Гарри застонал. Девушка подняла голову и села на корточки. Аркдейл знал, что это поражение, непреложное и полное. Скоро Иисус, апостолы и младшие ученики будут гоготать над ним. Он проявил себя как недомужчина, жалкое женоподобное создание, и его слабость станет достоянием мира. Он представил, как новость облетает Кембридж, как ее шепотом передают в кофейнях и клубах, и наконец она достигает Лондона, где мужчины и женщины будут смеяться над ним на улицах, а сэръ Чарльз Аркдейл отменит его денежное содержание и лишит наследства. Его тошнило, ему хотелось плакать, хотелось умереть.

— Бедный мальчик, — заворковала девушка. — Это все из-за вина. Так гадко с их стороны заставлять вас столько пить.

Аркдейл заморгал.

— Да... да, вино.

Ее пальцы снова потянулись к его пенису.

— А у вас здесь такой милый маленький приятель... Как бы мне хотелось ощутить его внутри!

Аркдейлу пришло в голову, что его девственница, возможно, вовсе не так уж невинна. Мужская анатомия, похоже, не была для нее тайной.

— Я бы отдала все на свете, чтобы потерять невинность с таким прекрасным джентльменом, как вы, сэр, — прошептала она. — Держу пари, что через час или два, когда вы восстановите силы, я потеряю голову от удовольствия.

Слезы обожгли глаза Аркдейла. Жизнь несправедлива. Такой счастливый случай! Такое подходящее время! Такая приятная девушка! И все же тело не позволило ему сыграть свою роль.

— Но какая разница, сэр, когда вы меня обесчестите, сейчас или завтра? Это все равно.

— Да, но ты не понимаешь. Другие будут... — Гарри умолк и несчастно уставился на маленький белый полог над головой.

Девушка продолжала поглаживать его бедро.

— Других здесь нет. Никого нет. Только вы и я, сэр. Так что они узнают лишь то, что мы им скажем.

Аркдейл опустил глаза и заглянул девушке в лицо. Оно по-прежнему двоилось.

— Ты имеешь в виду?..

— Мы скажем, что вы меня обесчестили, сэр. Как вы, несомненно, и сделаете, когда придете в себя.

— Ты... ты же девственница?

Она простодушно уставилась на него.

— О да, сэр.

— Должны быть... следы.

— Не обязательно, сэр. К тому же у меня есть план.

Она спрыгнула с него, как будто он был жеребцом и она на нем скакала. Подошла к камину, взяла накрытую корзинку, которая стояла рядом, и водрузила ее на стол. Затем сняла салфетку и достала маленький пузырек с темной жидкостью, запечатанный пробкой. Она держала его большим и указательным пальцем. По случайности, он оказался прямо между глазами Аркдейла и пламенем свечи на столе.

Два языка пламени, два пузырька, разумеется, и в середине каждого тусклая красная искра.

— Пару капель на простыню, сэр, и прощай моя девственность.

— Но как ты догадалась?..

— Шшш, сэр. Не говорите так громко. Девушка должна быть предусмотрительна.

Она вернулась в кровать и откупорила пузырек. Аркдейл лежал, раскинув ноги, в скомканной рубашке. Девушка брызнула несколько капель красной жидкости между его бедер.

— Ну вот, сэр, — она села рядом и взяла его за руку. — Остался всего один штрих, и готово.

Гарри нахмурился.

— Один штрих? Какой же?

Она широко разинула рот, обнажив почерневшие зубы, и завопила.

В первую ночь на Уайтбич-Милл Холдсворт спал плохо, его конечности с трудом помещались на маленькой кровати в стенной нише. Он отдал Фрэнку большую из двух комнат наверху, единственную с приличной кроватью. Фрэнк находился всего в нескольких футах, по ту сторону перегородки из дранки и штукатурки. Кровать скрипела под ним, когда он ворочался.

На рассвете, когда маленькую комнату наполнил свет, Холдсворт неожиданно вспомнил дом на Банксайд рядом с Козьей пристанью. Окно его комнаты выходило на сад, за которым располагались мельничный пруд и мутная зеленая река, почти ручей по сравнению с лондонской Темзой. Некая игра отражений создала на потолке спальни неясное дрожащее изображение бегущей воды. Жалкий и зыбкий феномен по сравнению с мерцающим светом, отблесками Темзы. И все же он связывал «там» и «здесь», «тогда» и «сейчас».

Джорджи и Мария стали такими же зыбкими, как свет. Несколько минут кряду ему казалось, что они удаляются, одновременно реальные и нереальные, как любимые персонажи в пьесе, а не дорогие сердцу мертвецы.

Холдсворт рано встал, оделся и пересек маленькую лестничную площадку в одних чулках. Он заглянул к Фрэнку. Юноша лежал на спине, закинув руку под голову, и, казалось, крепко спал. Он выглядел таким молодым, таким уязвимым. Холдсворт раньше не замечал, насколько безупречны его черты. В Барнуэлле Фрэнк считался сумасшедшим и выглядел соответствующе. Спящий в Уайтбиче, он казался взрослым ребенком.

Джорджи тоже лежал бы с такой беспечной и невинной развязностью, если бы выжил? Холдсворт не смог спасти сына, и потому никогда не узнает. Но сможет ли он спасти этого мальчика? Противопоставить его жизнь смерти Джорджи?

Джон спустился по лестнице, которая была такой крутой, что больше напоминала стремянку. В коттедже было темно из-за маленьких окон и нависшей соломенной крыши. На кухне гремели каминные приборы^[28]. Холдсворт вышел в сад. Несмотря на раннее время, серый купол неба был полон света. Неужоженную траву

посеребрила паутина и роса. Он пошел по мощеной дорожке к реке. Немного постоял на берегу, наблюдая за парой болотных куриц, которые вспорхнули при его появлении и улетели в странно вертикальном положении, болтая лапами. Вода и воздух выглядели заметно чище, чем в Кембридже. Не считая возни Малгрейва на кухне, все звуки были природными. Холдсворт закрыл глаза и услышал рокот воды, крик неведомой птицы и тихий шелест травы и листвы.

Слава богу, подумал он, слава богу, что мальчик еще здесь.

Этого Джон боялся больше всего — что Фрэнк воспользуется преимуществами внезапно обретенной свободы и либо сбежит, либо найдет способ убить себя. Опасность того или другого еще не миновала, но, по крайней мере, первая ночь позади, а мальчик еще спит.

Холдсворт обогнул дом, вышел на булыжный двор и помыл руки и лицо у насоса. Сама мельница стояла под прямым углом к маленькому коттеджу, ее колесо вздымалось из воды. Поблизости располагался ряд служебных построек, крытых тростником. За насосом начиналась дорога в деревню. Рыжий кот нырнул под калитку и принялся увиваться вокруг Холдсворта, задрав хвост. Тот попытался отпихнуть его ногой, но животное легко уклонилось от пинка и замурлыкало, как будто получило комплимент.

Джон вытирался полами рубашки, когда услышал за спиной шаги. Он обернулся и увидел Фрэнка.

— Мистер Олдершоу, вы рано встали.

Юноша, похоже, не ожидал его увидеть. Волосы Фрэнка были взъерошены. На нем были рубашка и бриджи, но ступал он босиком.

— Хотите умыться? — спросил Холдсворт. — Я пришлю Малгрейва с тазом и полотенцем.

Фрэнк поднял руки и закинул их назад, как будто готовясь нырнуть. Его лицо, очень серьезное, внезапно расплылось в улыбке.

— Кря, — сказал он. — Кря. Я утка.

Он выскочил со двора и побежал по тропинке, которая огибала торцевую стену коттеджа и терялась в саду. Холдсворт бросился за ним. Пробегая мимо кухонного окна, он увидел бледное лицо Малгрейва с отвисшей челюстью.

В саду Фрэнк свернул с тропинки и нырнул в путаницу высокой травы и сорняков. На бегу он размахивал руками и скидывал ноги с

безумной и счастливой несдержанностью. Под его ногами взлетали серебристые брызги росы. Он напоминал мальчика, освобожденного от уроков.

— Кря, — кричал он. — Кря-кря!

Перед ним лежала безмятежная гладь мельничного пруда. Фрэнк не замедлил бега. Оказавшись на краю, он неуклюже нырнул и ударился о воду с такой силой, что волны докатились до противоположного берега. Водоплавающие птицы в ужасе взметнулись в воздух, хлопая крыльями.

— Мистер Олдершоу! — крикнул Холдсворт. — Мистер Олдершоу!

Через несколько секунд мальчишка вынырнул на поверхность ярдах в десяти от берега. Он повернулся на спину, наполовину погрузившись и шлепая руками и ногами.

— Кря-кря!

— Пожалуйста, выходите, — взмолился Холдсворт. — В воде могут таиться водоросли или иные опасности. Я не смогу вас спасти... я не умею плавать.

Фрэнк перестал бултыхаться и крякать. Он уставился через водную гладь на Холдсворта.

Мария тоже не умела плавать, как, собственно, и Джорджи. И потому вода проглотила их с головой и выплюнула на поверхность, лишь высосав жизнь до капли.

А Сильвия Уичкот умела плавать? Или она утонула точно так же, как сейчас утонет Фрэнк?

Холдсворт открыл рот, но не смог выдавить ни звука. Он жадно глотал воздух, но никак не мог надышаться. Грудь пронзило множество булавочных уколов. Тяжелое серое небо давило. Господь всемогущий, он тонет в воздухе.

Фрэнк перевернулся на живот и лениво поплыл к берегу. Внезапно мир вновь стал нормальным. Тяжело дыша, Холдсворт шагнул вперед и протянул руку. Фрэнк взял ее и вылез из воды.

— О господи, — зубы Фрэнка стучали, — до чего же холодно!

Остаток первого дня на мельнице Холдсворт и Фрэнк Олдершоу кружили друг вокруг друга, как животные, которые незнакомы, но вынуждены делить одно и то же ограниченное пространство. До сих

пор Холдсворт следовал велению здравого смысла или инстинкта. Он не сомневался, что извлечение Фрэнка из заведения доктора Джермина послужит Фрэнку во благо, а значит, и во благо ему самому. Но теперь он не был в этом уверен. Более того, он ни в чем не был уверен.

Поведение Фрэнка было непредсказуемым. Он скакал вокруг, как большой и энергичный щенок, неизбежно напоминая Холдсворту Джорджи, когда тот перевозбуждался. Фрэнк фальшиво пел, мешая застольные песни с детскими стишками и порой накладывая слова одних на мелодии других. Он ел все, что ему предлагали, закидывая еду в рот, как будто в Барнуэлле его морили голодом. Он пресекал или, точнее, игнорировал любые попытки ему указывать. Время от времени он засыпал на ходу — опять же, как Джорджи — за столом, положив голову на руки, на траве в саду или булыжной кладке во дворе, на кухонном полу в углу у каменной раковины.

Малгрейв не говорил и не делал ничего, что не относилось к его непосредственным обязанностям. Он ждал распоряжений Холдсворта, а когда получал их, повиновался споро и вполне умело. Он избегал оставаться с Фрэнком наедине, хотя тот игнорировал его так же, как и Джона. Малгрейв был хорошим слугой и никчемным союзником.

Кроме них в доме обитал лишь один рыжий кот. В отличие от мужчин, его, казалось, совершенно не беспокоила странность обстоятельств. Он лез ко всем с одинаковым обезличенным энтузиазмом. Он требовал, чтобы его ласкали и кормили. Холдсворт немало смутился, когда заметил, что гладит животное, запрыгнувшее к нему на колени, и даже дал ему кусочек мяса со своей тарелки. Когда Холдсворт спихнул кота на пол, тот запрыгнул на колени к Фрэнку, и тот рассеянно погладил его, совсем как Холдсворт до него.

Однажды, когда кот снова лежал на коленях у Фрэнка, ему стало скучно. Он спрыгнул на пол, прошествовал на кухню и принялся донимать Малгрейва. Джип не нуждался в его внимании и дал животному пинка. Кот завопил от боли и удивления. Это неожиданно повлияло на Фрэнка, который наблюдал за происходящим через открытую дверь.

Он резко встал, уронив стул. Кот кругами бегал по кухне, охваченный паникой.

— Оставь его, — сказал Фрэнк скрипучим, заржавевшим голосом. — Пусть ходит, где хочет, слышишь?

Малгрейв поклонился, подошел и поправил стул. Фрэнк нахмурился. Он выглядел озадаченным, как будто не понимал, что случилось. Он сел на стул, не глядя, на месте ли тот. Кот снова запрыгнул к нему на колени и громко заурчал.

С мистером Уичкотом никогда заранее не знаешь.

Ранним утром четверга Огастес урывками проспал около двух часов на стуле, приставленном к умирающему огню кухонного очага. Даже во сне он слышал звон колокольчика над кухонной дверью. Однако его так и не позвали, и он продремал до пяти утра, пока не спустилась судомойка.

Девушка, практически слабоумная, вдохнула жизнь в огонь и устроила ужасный грохот, ставя нагреваться кастрюли с водой. Один за другим, в порядке старшинства, потянулись другие слуги: косоглазая служанка, старик, который все хуже и хуже ухаживал за садом со времен двоюродного дедушки мистера Уичкота, и, наконец, повариха, величественная, но вечно недовольная особа, которая отрабатывала последние дни перед тем, как уволиться. Никто из слуг не любил день после клубного обеда. Предыдущий был полон тяжелой работы, но зато нарушал привычный порядок, и несомненно, возбуждал. Полон незнакомых лиц и соблазнительной надежды на забытую мелочь или неожиданные чаевые. После, однако, наступала неприятная пора уборки.

Чуть позже восьми прозвенел колокольчик мистера Уичкота. Огастес отнес наверх кувшин с теплой водой. Вернувшись через полчаса с чаем и булочками на подносе, он обнаружил, что кувшин даже нетронут. Мистер Уичкот сидел на кровати в халате и что-то записывал в блокноте. Он жестом велел мальчику оставить поднос на тумбочке. Выполняя распоряжение, тот опустил глаза и увидел, что хозяин составляет колонку цифр, напротив которых стоят какие-то слова.

Через час в переднюю дверь постучали. Огастес открыл дверь миссис Фиар. Ее служанка Доркас следовала за ней в двух шагах.

Миссис Фиар вошла в прихожую, суровая, как маленькая черная туча на ясном синем небе.

— Где твой хозяин? — спросила она воздух перед собой.

Огастес поспешил открыть дверь кабинета. Мистер Уичкот уже вставал. Миссис Фиар сказала, что привела с собой служанку: девчонка так ленится дома, что немного работы ей не повредит.

Уичкот повернулся к Огастесу и протянул ему ключ.

— Бери девчонку и иди в павильон. Я хочу, чтобы все было вычищено, выметено, вылизано и стояло на своих местах.

Огастес поклонился и повернулся, полагая, что это все.

— погоди. Иди сюда, — Уичкот возвышался над мальчиком. — В павильоне должны работать только ты и служанка. Ты в ответе за это, как и за все остальное. А теперь иди.

Мистер Уичкот держал павильон на замке. Если верить поварихе, это потому что в нем творились распутные и нечестивые дела, в особенности по ночам клубных обедов, так что предостережение хозяина было вполне ожидаемым. Повариха сказала, что сама не сунется туда даже за все сокровища мира, что от мистера Уичкота кровь стынет в жилах, вот почему она решила уволиться; а также из-за смерти несчастной хозяйки (храни Господь ее душу), нечестивых развлечений хозяина и его друзей и (самое главное) его неспособности платить слугам вовремя. Еще повариха сказала, что если от мистера Уичкота кровь стынет в жилах, то от миссис Фиар она и вовсе замерзает и превращает сердце в кусок льда; и повариха была права.

Огастес провел Доркас на служебную сторону дома, где они взяли щетки, швабры, тряпки и ведра. Ключ от павильона он положил в карман и все время ощущал его тяжесть и налагаемую им ответственность. Доркас, которая была на полголовы выше него, смотрела прямо перед собой. У нее было бледное костлявое лицо с веснушками, похожими на брызги грязи.

— Сначала большая комната наверху, — сказал он, отпирая дверь павильона. — Затем маленькая комната внизу, которую они использовали, и лестница.

— Поступай, как знаешь, — сказала служанка, по-прежнему не глядя на него. — А я хочу сначала посмотреть спальню.

Огастес уставился на нее.

— Откуда ты знаешь, что здесь есть спальня?

— Мне девушка рассказала. Та, которая лежала в ней прошлой ночью, связанная, как куропатка для жаркого.

— Ты выдумываешь, — неуверенно возразил Огастес. — Я был здесь прошлой ночью.

— Но в спальню не заходил?

— Ты тоже не заходила.

— А девушка заходила. Она должна была притвориться девственницей. Но она такая же девственница, как моя бабушка. К ней пришел тот толстый молодой джентльмен. Он был слишком пьян, чтобы что-нибудь сделать, зато дал ей три гинеи.

— Где она сейчас?

— Вернулась в Лондон.

Огастес открыл дверь, думая, что Доркас, вероятно, сказала правду, поскольку знала, что это был тот толстый молодой джентльмен, мистер Аркдейл. Она протиснулась в прихожую мимо него и огляделась по сторонам.

— Где это?

Не дожидаясь ответа, служанка распахнула ближайшую дверь, которая вела в коридор, тянувшийся вдоль первого этажа павильона. С Огастесом в кильватере, она быстро пошла по коридору, дергая все двери подряд, пока не нашла спальню.

С ведром в одной руке и шваброй в другой, Огастес стоял в дверном проеме и наблюдал, как Доркас исследует комнату, точь-в-точь хозяйка дома в поисках свидетельств небрежности служанки. Она прищелкнула языком при виде лужицы воска у подножия подсвечника на столе. Громко вздохнула, заткнув пробкой бутылку ликера. Подняла брови при виде груды постельного белья на полу и коснулась указательным пальцем одного из белых шелковых шнуров, которые все еще были привязаны к столбикам кровати. Изучила красные пятна посреди простыни и наморщила нос.

— Ну и ловкачка.

— Что?

Служанка уставилась на Огастеса довольно доброжелательно. Она была на три дюйма выше и на девять месяцев старше, и все же выражение ее лица намекало, что с тем же успехом она могла быть высотой с часовню Королевского колледжа и примерно такой же древней.

— Она лежала со мной прошлой ночью и болтала без умолку. Вот откуда мне известно о бессилии молодых джентльменов. Она сказала, что это часто случается, и тогда приходится притворяться. Но дело того стоит, имей в виду.

Огастесу стало жарко и неудобно. Он отвернулся, желая отстоять свой контроль над ситуацией; в конце концов, он в некотором смысле

хозяин, и к тому же мужчина, а Доркас — всего лишь девчонка.

— Иди наверх, — сказал он. — Там хуже всего.

Он вышел из комнаты, не глядя на Доркас, провел ее обратно по коридору и в длинную комнату на втором этаже.

— Фу, — фыркнула Доркас, входя в дверь. — Хуже, чем мусорная куча в жаркий день.

Она обошла комнату, причем Огастес снова следовал за ней. Пахло затхлым вином, табаком и свечной копотью. Под ними таились другие, еще менее приятные запахи. Два стула были перевернуты. На столе и полу виднелись лужицы вина и воска. По меньшей мере полдюжины бокалов было разбито, в том числе нарочно, и осколки стекла валялись вокруг пустого камина. В миске с фруктами на конце стола плескалась рвота. За ширмой все оказалось намного хуже, оттуда исходили самые отвратительные запахи — один из стульчаков упал набок и ночной горшок разбился. Половицы здесь были скользкими от мочи, рвоты и даже экскрементов.

— Да тут не один день убираться, — заметила Доркас, и впервые в ее голосе прозвучал трепет и даже некоторый страх.

Они вместе вернулись к остаткам пиршества на столе. Доркас выудила ягоду клубники и съела. Огастес нашел недоеденную куриную ножку. Несколько минут они рылись в поисках пищи, запихивая в рот объедки.

Девушка вытерла губы тыльной стороной кисти.

— Как ты думаешь, им понравилось?

Внизу хлопнула дверь. На лестнице раздались шаги. Доркас схватила щетку и принялась усердно ей орудовать. Огастес поставил на место один из перевернутых стульев. Дверь комнаты отворилась, и на пороге появился мистер Уичкот.

— Я плачу тебе не за праздность.

Огастес мог бы ответить, что мистер Уичкот вообще ему не платит. Вместо этого он повесил голову и покраснел.

Доркас низко присела в реверансе и промолчала, глядя в пол.

— Начните с проветривания, — велел мистер Уичкот. — Чего вы ждете? Откройте окна.

Слуги живо повиновались. Уичкот медленно обошел комнату, прижав к носу платочек.

— Не забывайте, — сказал он. — Я не желаю, чтобы люди судачили о том, что здесь происходит. Если в городе поползут дурацкие слухи, я буду знать, что один из вас или оба распустили языки. А если это случится, мы с миссис Фиар будем знать, что делать.

Он перевел взгляд с Огастеса на Доркас и продолжил тем же низким, неспешным тоном:

— Не правда ли, поразительное совпадение, что ни у одного из вас нет друзей? А следовательно, мы с миссис Фиар должны занять их место. Вот увидите, мы умеем вознаграждать преданность ничуть не хуже, чем наказывать за проступки.

Не проронив больше ни слова, он вышел из комнаты и спустился по лестнице. Ни Доркас, ни Огастес не шевелились, пока не услышали стук входной двери в коридоре.

— Он убьет нас, если мы проболтаемся, — выпалил Огастес.

Он покосился на Доркас и встревожился, увидев, что ее глаза полны слез.

— Ты помнишь ту, другую девушку, которая умерла? — пробормотала она.

— Февральскую? Табиту? Я слышал, что она задохнулась.

— Кто знает? Может, они убили ее. Но я тебе вот что скажу... хозяйка заперла меня с телом Табби в ту ночь. И с тех пор она не уходит.

— В смысле?

— Каждую ночь она рядом, — прошипела Доркас. — Я вижу ее силуэт в кровати рядом с собой. Она все говорит и говорит, но я не могу разобрать слова.

Элинор Карбери сидела в гостиной и пыталась перечитывать тридцать первую главу «Расселаса».

«То, что мертвые больше не являются нам, — заметил Имлак, — я не взялся бы отстаивать противно дружным и неизменным свидетельствам всех возрастов и наций. Не существует людей, простых или образованных, в среде которых не бытуют и не пользуются доверием рассказы о явлениях призраков. Это мнение, которое, возможно, господствует столь же широко, сколь распространен человеческий род, могло стать общепринятым лишь в силу своей истинности: те, кто ни разу не слышал друг о друге, не

могли бы сойтись в том, чему только опыт способен придать правдоподобие. То, что отдельные придиры подвергают его сомнению, почти не умаляет его очевидности, и некоторые, отвергающие его на словах, признают его в своих страхах».

Но Элино́р никак не удавалось сосредоточиться на книге. Взгляд то и дело скользил поверх удручающе симметричного сада к темно-зеленой массе платана. Она думала о Джоне и гадала, как ему понравилось на мельнице. Она ощутила его отсутствие за завтраком. В этом нет ничего предосудительного или необычного, уверяла себя Элино́р, ведь за последние несколько дней она бывала в обществе чаще, чем порой за недели. Джон Холдсворт просто был частью этого общества; и в качестве хозяйки дома она должна была часто видеть его. И все же не могла отрицать, что испытывает уныние и скуку.

Окна гостиной были открыты, как и остальные в Директорском доме. Элино́р осознала, что доктор Карбери принимает гостя в библиотеке внизу. Рокот мужских голосов — ее супруга и второго джентльмена — становился все громче. Их разговор постепенно накалялся.

Она позвонила в колокольчик. Когда Сьюзен, наконец, влетела в комнату, Элино́р спросила, кто пришел.

— Доктор Джермин из Барнуэлла, мадам.

Элино́р отослала девушку. Ей почудилось, или поведение Сьюзен действительно изменилось? Она казалась странной последние день или два... неестественно веселой, но в то же время настороженной, почти подозрительной.

Учитывая обстоятельства, неудивительно, что Карбери и Джермин обменялись гневными словами. Хотя извлечение Фрэнка из лечебницы не имело никакого отношения к ее мужу, Джермин, вполне естественно, считает, что на нем лежит, по меньшей мере, часть ответственности.

В действительности Элино́р удивило то, что произошло далее. Джентльмены вскоре понизили голоса и, по-видимому, заключили мир. Примерно через десять минут она услышала, как внизу открылась дверь в сад. Вытянув шею совершенно не подобающим леди образом, Элино́р увидела, как укороченные перспективой фигуры Карбери и его гостя идут по гравийной дорожке к калитке, ведущей на служебный двор, где располагалась прачечная.

Джентльмены отсутствовали минут пять и вернулись, склонив головы друг к другу, увлеченные беседой. Вскоре она услышала, как Джермин ушел.

Весьма необычно, подумала Элинора. Она совершенно не представляла, что им понадобилось во дворе. Несомненно, это никак не связано с тем, что произошло утром во вторник?

Сьюзен и Бен, сопя и хрюкая, точно свиньи в хлеву.

В четверг Гарри постепенно приходил в себя после производства в ранг апостола. Он заработал штрафы за пропуск службы, завтрака и утренней лекции; и ему почти наверняка предстояло вытерпеть неприятный разговор с доктором Ричардсоном, а то и последующие наказания. Он заставил себя встать с постели, когда услышал звон к обеду. Но спуститься в зал у него не было сил. Гарри сел на краю кровати, обхватив голову руками, и застонал. Ему казалось, что он никогда в жизни не захочет проглотить хотя бы кусочек пищи.

Одевался Аркдейл очень медленно. Обед уже остался позади, когда он закончил. В комнатах было невыносимо душно. Он спустился вниз, останавливаясь на каждой ступени и перемещая конечности, как будто они сделаны из стекла и могли разбиться от мельчайшего сотрясения.

Во дворе солнце ослепило его ярким светом. Мимо прошел Соресби, пожелав доброго дня, и от звука его голоса Аркдейл застонал.

Подобно больному животному, он повиновался велениям инстинкта, а не рассудка. Проковылял через галерею, мимо часовни и углубился в сады. Дошел до калитки, ведущей в Сад членов совета, в котором имел право гулять как сотрапезник начальства. Калитка была не заперта. Он очень медленно пошел по тропинке вдоль Длинного пруда. Здесь было прохладно и тенисто, и через некоторое время ему слегка полегчало. Но даже мельчайшее усилие казалось чем-то невыносимым. Он подошел к грубо отесанной скамье и грузно плюхнулся, поморщившись, когда сотрясение от удара добралось до его головы.

Гарри не знал, сколько времени просидел. Никто его не беспокоил. Скамья была уединенной, окруженная с трех сторон

высокой живой изгородью из самшита. Он закрыл глаза и забылся тревожным сном, заключенный во вселенную боли.

Его пробудили голоса. Он открыл глаза. Голоса доносились с противоположной стороны пруда, из Директорского сада. Аркдейл зевнул и потер голову. Заметил две фигуры в черном, мелькнувшие в бреши между двумя изгородями. В первой — тучной — нельзя было не узнать доктора Карбери собственной персоной; он ступал тяжело, словно большое усталое животное. За ним следовал Тобиас Соресби, высокий и сгорбленный, его конечности перемещались с неуклюжим проворством. Их беседа продолжалась, но слова оставались неразборчивы.

Гарри нахмурился. Все знали, что Соресби — любимчик Ричардсона. Это автоматически означало, что Карбери не любит его. Так почему же тогда он вышагивает по саду Карбери? Чепуха какая-то.

Аркдейл снова задремал. И вновь его вырвал из забытья голос.

— Будь ты проклят! — громко произнес Карбери, после чего его голос превратился в бормотание и быстро растаял в тишине.

Аркдейл открыл глаза. Никого рядом не было. Директорский сад казался пустынным. Наверное, ему приснилось. Он закрыл глаза.

На этот раз Гарри спал крепче и громче. Когда он, вздрогнув, очнулся, солнце стояло ниже, а воздух стал прохладнее. Он почувствовал руку на плече.

— Гарри, надеюсь, с вами все в порядке?

Аркдейл повернул голову и поднял взгляд. У скамейки стоял Филипп, улыбаясь ему сверху вниз. Он выглядел до обидного трезвым и здоровым.

— Я в прекрасном расположении духа, — кисло ответил Аркдейл. — Лучше не бывает.

Уичкот сел и вытянул ноги.

— Я искал вас в ваших комнатах, но безуспешно. Мепал сказал, что я могу найти вас здесь. Боюсь, вы несколько бледны. Надеюсь, вы не слишком засиделись над книгами?

— Уйдите, Филипп, — вяло произнес Аркдейл. — Я не в настроении для ваших шуточек.

— Через час или два вы будете как огурчик, можете не сомневаться. Итак, ваша вчерашняя доблесть вызвала немалое

восхищение прочих апостолов. Все сошлись на том, что редкая девица кричала так громко.

— Где... где она?

— Девушка? Откуда я знаю? Вернулась в Лондон, наверное. Я пришел, чтобы осведомиться о вашем здоровье и пригласить на завтрашний обед в узком кругу. Я подумал, может, съездим в Ньюмаркет?^[29]

— Нет, — Аркдейл сам удивился своей горячности. — Это... не слишком удобно.

Мгновение они сидели в молчании. Гарри втайне решил, что с настоящего момента, если Господь пощадит его, он станет заядлым книгочеем. Никогда еще трезвая ученость не казалась ему такой привлекательной. Никогда еще азартные игры, разврат и пьянство не казались ему такими глупыми, неприятными, дорогостоящими и нездоровыми.

Уичкот засмеялся.

— Мне следовало еще подождать, дорогой Гарри. В таком состоянии вы мало что понимаете. Скоро вы почувствуете себя лучше, и тогда я спрошу вас снова.

— И я дам вам такой же ответ.

— Непременно велите Малгрейву смешать одно из его особых тонизирующих средств. Они и мертвого на ноги поднимут... Кстати, а где он? У меня к нему разговор.

— Малгрейв? Но вы же сказали на днях, что ему нельзя доверять, и вы его уволили.

— Уволил. Но мне все равно нужно с ним поговорить.

— Что ж, его здесь нет. И вряд ли будет.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Уичкот. — Он же все время здесь, подобно дурному запаху.

— Он присматривает за Фрэнком.

— Он уехал в Барнуэлл?

Аркдейл покачал головой и поморщился.

— Фрэнка там больше нет.

— Что? — Уичкот схватил Аркдейла за плечо. — Хотите сказать, что Фрэнк исцелился?

— Я не знаю, — Аркдейл отстранился от Уичкота. — Но в Барнуэлле его нет. Он с тем человеком, которого послала леди Анна.

Холдсвортом. А Малгрейв им прислуживает.

— Но где они? Холдсворт забрал Фрэнка в Лондон?

— Не знаю, — похмелье Аркдейла выплеснулось раздражением. — И мне плевать.

Вечером Уичкот положил монету на край каминной полки миссис Фиар. На другом ее краю стояла зажженная свеча, единственная в комнате. На улице все еще было светло, и какое-то маленькое существо шуршало в листьях грушевого дерева, росшего на шпалере у задней стены сада. Уичкот положил еще одну монету на каминную полку, в дюйме от первой. День был длинным, и он чувствовал усталость и скуку.

— Это не все, — сказал он. — Это только залог будущих барышей.

— Вам хватит заплатить кредиторам? — спросила миссис Фиар.

— Этим стервятникам всегда недостаточно, мадам. Но благодарю за заботу.

Он положил еще одну монету на каминную полку, поверх первой, и четвертую — поверх второй. Столбики золота медленно росли. Общая сумма составила задаток в десять гиней. Он знал, что для миссис Фиар подобная сумма может перекинуть мостик между благородной бедностью и благородным достатком.

— Мы отвоевали часть утраченных позиций, — сказал он. — Но это не все. Мы сможем устроить еще один обед до конца семестра?

— Чтобы найти девушку, нужно время. Следующее заседание комитета в госпитале Магдалины — только в конце месяца. До того очень сложно что-либо придумать.

— Очень жаль. Они готовы для нового обеда. Или большинство из них. А юному Чиддингли не терпится стать апостолом, но для этого нужна девушка.

— Есть один способ, — миссис Фиар уставилась в окно. — Что, если использовать ту же самую? Только мистер Аркдейл ее видел.

— Но разве мы не решили, что чем меньше они знают, тем лучше, а если мы используем одну из них повторно...

— Верно, это общий принцип. Но в данном случае есть все основания пренебречь правилом. Эта девушка — весьма

благоразумная штучка, как мне кажется. Она прекрасно справилась с мистером Аркдейлом прошлой ночью.

— Как бишь ее зовут?

— Молли Прайс. Она не красотка, я знаю, но выглядит вполне подходяще для своей роли.

— Цветочек, который ждет, чтобы его сорвали, — сухо заметил Уичкот.

— Подумайте, как это удобно... искать новую всегда рискованно и хлопотно. И к тому же для этого нужно время. Но если мы снова возьмем Прайс, я просто скажу в госпитале, что у меня появилась на примете еще одна леди, которая хочет выучить девчонку на служанку.

— И все же это опасно. Если Прайс заговорит...

— Остальное доверьте мне. Я гарантирую ее благоразумие. К тому же, ее словам никто не поверит. — Голос миссис Фиар стал резким. — Пожалуйста, сэр, передайте мне деньги. Я не хочу подвергать слуг соблазну.

Уичкот сгреб гинеи левой ладонью и протянул ей.

— Прекрасно, — сказал он. — Я поговорю с апостолами завтра или послезавтра и назову вам дату.

— Чем раньше, тем лучше.

— Одной заботой меньше, мадам. Но есть другая, которая может оказаться посложнее. Я видел Гарри Аркдейла сегодня днем. Он сказал мне, что Фрэнк покинул заведение доктора Джермина.

— Что? Он исцелился?

— Должно быть.

— Или же леди Анна пожелала его забрать... под опеку другого врача или даже в свой лондонский дом.

— Мне удалось установить лишь, что Фрэнк покинул Барнуэлл. По-видимому, от лица ее светлости действовал некто Холдсворт, остановившийся в Иерусалиме. Он тоже уехал. Аркдейл сказал, что с ними отправился Малгрейв.

— Слуга из колледжа?

— Джип... он не способен хранить верность одному хозяину. Но, к несчастью, он сообразительный парень и свое дело знает.

Миссис Фиар потеряла пухлые ручки, глядя на них с такой заботой, как будто они были голенькими маленькими зверьками, нуждающимися в утешении.

— Поживем — увидим, — сказала она. — Даже если мистер Фрэнк исцелился, это еще не значит, что ему поверят. Бывший сумасшедший — не самый надежный свидетель. В конце концов, кроме его слова, ничего нет. А он должен сознавать, что вы можете выдвинуть встречные обвинения. Все это не пошло ему на пользу, как ни посмотри... — Она улыбнулась Уичкоту. — Не могу отделаться от мысли, что его мать поступила глупо, позволив покинуть заведение доктора Джермина. С молодым человеком в столь расстроенных чувствах может случиться что угодно. Он может убить себя, а до того — всех вокруг.

Уичкот вздохнул, подошел к окну и встал у кресла миссис Фиар. Они были совсем рядом, и в комнате было так тихо, что они слышали дыхание друг друга. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели в окно, где небо постепенно темнело над грушевым деревом.

На Уайтбич-Милл время текло, подобно самой реке. День следовал за днем, такой же бесформенный, как предыдущий. Погода оставалась теплой, часто солнечной, воздух — густым.

После первой ночи Фрэнк много спал. Как и все остальные. Они словно поправлялись после долгой изнуряющей лихорадки, и единственным лекарством было время и отдых. Самым бодрым существом в доме стал рыжий кот, но и он больше помалкивал.

Они прибыли на мельницу вечером в среду, тридцать первого мая. После первого дня Фрэнк стал тише. Хотя вода оставалась очень холодной, он много плавал, не по одному разу переплывая мельничный пруд длинными ленивыми гребками. «Кря-кря», — кричал он время от времени, но в остальных отношениях не выказывал признаков умственного расстройства. Поначалу Холдсворт пытался отговорить его от купания на основании возможности несчастного случая, но лишь впустую сотрясал воздух. Фрэнк не обращал внимания. Не смея удерживать подопечного силой, Холдсворт ничего не мог поделать.

Фрэнк отказывался говорить о своем безумии или призраке. Он приходил в ярость, когда Джон затрагивал тему леди Анны. В остальном он подчинялся, более или менее. Он обращался с Холдсвортом и Малгрейвом не слишком почтительно, но и неразумных требований не выдвигал. Учитывая бесконечную пропасть между их положением в жизни, его поведение можно было назвать почти снисходительным.

Малгрейв привез чемодан с вещами Фрэнка из его комнат в Иерусалиме. Среди них нашлись шахматы, а также нарды и шашки. Как правило, по вечерам Холдсворт предлагал Фрэнку сыграть. Когда они играли в шахматы, Фрэнк неизменно выигрывал. Его мыслительные способности не были затронуты. В шашки он тоже играл неплохо, в отличие от нарда, где элемент случайности заставлял его поступать необдуманно.

Иногда Холдсворт читал вслух. Он взял с собой «Ночные размышления» Юнга и нашел в спальне потрепанный экземпляр «Путешествия Пилигрима», где тот использовался для подпирания ножки стола на неровном полу. Обе книги были не слишком веселыми,

но Фрэнк, похоже, находил их успокаивающими и часто засыпал, пока Холдсворт читал.

Малгрейв скрывался в тени, сколько мог. Он жил, работал и спал на кухне, внимательно наблюдал за происходящим и говорил только в силу крайней необходимости.

Вечером в понедельник, пятого июня, Малгрейв подошел к Холдсворту и пробормотал, что запасы еды подходят к концу. Хлеб, пиво, молоко, яйца и некоторые овощи можно купить на ферме, но все остальное придется искать дальше.

— Отправляйтесь в Кембридж сразу после завтрака, — сказал ему Холдсворт. — Я хочу, чтобы вы передали письмо доктору Карбери, и заодно сможете купить все, что нужно.

— Это дальняя дорога, сэр. И не забывайте, что обратно мне придется идти с грузом. Мистер Фрэнк сказал, что хочет вина. И еще нам нужен уголь для кухонного очага.

— Загляните утром на ферму и попробуйте что-нибудь придумать, — ответил Холдсворт. — Если необходимо, носильщик принесет тяжелые покупки и оставит их у мистера Смедли. Но в любом случае вы должны немедленно вернуться обратно и держать рот на замке, поняли? Вы не должны говорить, где живете или с кем. Открыто говорить вы можете только с доктором и миссис Карбери.

— Да, сэр.

Холдсворта терзало мрачное предчувствие. Не то чтобы он не доверял Малгрейву, хотя и обратное было неверно. Скорее, он опасался, что, оставив мельницу, пусть даже на несколько часов, Малгрейв разрушит иллюзию, будто они отгорожены от внешнего мира и его дурных влияний.

Джон плохо спал той ночью. Матрас комковатый. Кровать в стенной нише напоминала гроб. Было слишком жарко, а когда он откинул одеяла, стало слишком холодно. И все это время Холдсворт то нырял в сон, то выныривал из него. Во сне чувствовалась логика, которую он не мог постичь, хотя темы казались совершенно несвязанными. Однажды он очнулся рывком, полагая, будто вернулся на Банксайд, где Джорджи проснулся среди ночи и кричит, что утонувший матрос лихтера с Козьей пристани явился, чтобы утащить его на дно мерзкой реки.

Казалось, пробудившись, Джон стоял у пристани, вглядываясь в воду. Но увидел не лицо Джорджи: то была Мария. Он вполне отчетливо разглядел синяк на ее виске. Цвета тернослива. Размером с пенни.

Но Мария ли это? Или Сильвия Уичкот?

— Проснитесь! Проснитесь!

Холдсворт внезапно и мучительно очнулся. Он хватал ртом воздух, как будто сам только что тонул. Резко сел в кровати. Комнату заполнял серый полумрак, предвестник рассвета.

Фрэнк энергично тряс его за левое плечо.

— Ради Христа, приятель, что за беда? — требовательно спросил он, словно молодой джентльмен в превосходном здравии, бранящий нерадивого слугу. Он отступил и смерил Холдсворта взглядом. — Вы подняли весь дом своим невыносимым шумом.

Холдсворт моргнул и протер глаза. Малгрейв стоял наверху узкой лестницы, располагавшейся параллельно комнате. На них с Фрэнком были ночные рубашки, в которых они спали, и больше ничего.

— Что за чертовщина? — спросил Фрэнк. — Почему вы кричали?

— Прошу прощения... сон... ерунда.

Старый сон. И он никак не мог его изгнать, и никогда не сможет.

Вечером в понедельник Элинор услышала знакомые тяжелые шаги на лестнице. Доктор Карбери вошел в гостиную, пожелал супруге доброго вечера и сел. Он достал носовой платок и промокнул лоб.

— Вы рано, сэр. Позвонить в колокольчик, чтобы принесли чайные принадлежности?

Муж покачал головой. В зале только что закончился ужин, и обычно доктор Карбери засиживался за столом с вином в профессорской еще, по меньшей мере, час. Он похлопал себя по карманам в поисках табакерки и внезапно сообщил, как будто они уже обсуждали этот вопрос:

— Знаете, если Мискин уйдет, я решил приберечь Розингтонское членство для Соресби.

Он нашел табакерку, постучал по крышке, открыл ее и достал понюшку табаку. Элинор ждала; у нее свело живот, поскольку она знала, что последует, но не знала, когда. Наконец муж оглушительно

чихнул, забрызгав табачными крошками свои колени. Прочистив нос, он умолк, безрезультатно обмахиваясь ладонью и беспокойно ерзая в кресле.

— Я думала, мистер Соресби еще не получил степень, — сказала она.

— Получит в январе. К тому же он весьма даровит: почти наверняка будет высоко стоять в списке, а условия пожертвования позволяют мне придерживать членство для него, сколько пожелаю. Я все тщательно обдумал.

— Уверена, что ваше решение порадует мистера Ричардсона. Разве мистер Соресби не один из его учеников?

— Мне плевать, порадуя я Ричардсона или нет, — отрывисто и зло заговорил Карбери. — Это вопрос служения интересам колледжа и вознаграждения личных добродетелей. Ничего более, мадам.

Элинор промолчала. Муж внезапно разозлился. Она знала, что такая экстраординарная перемена не могла быть случайна. Соресби принадлежал к лагерю Ричардсона, и при обычном ходе вещей Карбери не мог ожидать благодарности за свое покровительство. Если, конечно, Соресби не сменил хозяина.

Карбери взял еще понюшку табаку, просыпав половину на жилет. Потом вдохнул, и оба принялись ждать в гробовой тишине; доктор — с закрытыми глазами. Элинор смотрела на мужа и думала, как он уродлив. Тут же она сурово сказала себе, что должна быть благодарна ему практически за все, что делает жизнь сносной, включая крышу над головой.

— Миссис Карбери, я должен сказать вам кое-что еще.

Элинор испытала укол вины. Казалось, он заглянул ей в голову и прочел мысли о нем и даже ее мысли о мистере Холдсворте.

— Я давно собирался об этом поговорить, но все не подворачивалось подходящего случая. — Муж открыл глаза, слезящиеся от табака, и уставился на нее. — Возможно, подходящий случай так и не представится. Как вы знаете, меня беспокоит мое здоровье.

— Меня тоже, сэр.

— Разумеется. И я вам крайне признателен. Как вам известно, меня давно мучает расстройство кишечника. — Он промокнул глаза носовым платком. — Английская болезнь.

— Разве исцеление, по крайней мере, частично, не в ваших собственных руках, сэр? Если вы измените диету и, возможно, не будете так долго засиживаться за вином, уверена, ваше здоровье скоро пойдет на поправку. Во время летних каникул вы даже можете принять курс морских купаний. Насколько я понимаю, воды Скарборо особенно целебны.

Он поднял руку, чтобы остановить поток слов. Она умолкла, испытывая необъяснимую тревогу, граничащую с паникой.

— Вы очень добры, мадам, но эти лекарства не действуют. Не знаю, известно ли вам, что доктор Джермин навестил меня на прошлой неделе?

— Насчет Фрэнка?

— Да. Он разъярился, и я не могу его за это винить. Но он не дурак... он не из тех, кто держит обиду, по крайней мере, долго. Пока доктор был здесь, я спросил, не может ли он дать заключение насчет моего собственного состояния.

— Вашего, сэр? Но, несомненно, вам не требуются услуги... такого человека, как он.

— Вы имеете в виду услуги человека, который составил состояние на пациентах с маниакальными расстройствами? — Карбери неловко, почти робко улыбнулся. — Нет, до того не дошло. Но доктор Джермин весьма сведущ и в других областях своей профессии. Полагаю, ему хватит квалификации, чтобы лечить любого пациента, какого он пожелает.

— Тогда почему вы обратились к нему, сэр?

— Потому что захотел узнать независимое мнение. Доктор Милтон уже осмотрел меня и поставил диагноз, вполне точный, насколько я понимаю. Но старина Милтон излишне консервативен и, боюсь, не в курсе последних открытий.

— Однако мне вы ничего не сказали.

— Я не хотел напрасно вас беспокоить. Но теперь доктор Джермин подтвердил первоначальный диагноз, и время настало.

Элинор поднялась и подошла к его креслу.

— И каков же он, сэр?

— Увы, у меня опухоль, — он похлопал себя по животу обеими руками. — Здесь.

— Несомненно, хирург может ее вырезать?

Карбери покачал головой.

— Это невозможно из-за ее расположения. Насколько я понял, опухоль уже значительно разрослась, и доктор Джермин полагает, что схожие злокачественные образования могут находиться и в других местах.

— Другой врач может сказать совсем иное, сэр, — страстно воскликнула Элинор. — Вы еще относительно молодой мужчина. Это...

— Нет-нет, моя дорогая, — доктор Карбери редко прибегал к подобным нежностям, и это странно гармонировало с ужасной новостью, которую он только что сообщил. — Боюсь, сомнений быть не может. Доктор Джермин попросил показать ему мой стул, и я отвел его в уборную, где приберег образец. Он говорит, что признаки невозможно истолковать иначе.

Глаза Элинор наполнились слезами. Она видела мужчин по дороге в уборную из окна своей комнаты. Попыталась заговорить, но слова набегали друг на друга. Ей пришлось попытаться еще раз.

— Сколько, по их мнению, вам осталось?

— Недолго. Ни один из них не осмелился назвать точный срок. Несколько недель, а может, несколько месяцев. — Карбери взглянул на нее и улыбнулся с несомненной теплотой. — Не стоит так расстраиваться, моя дорогая. Я приговорен к смертной казни и не знаю, когда приговор будет приведен в исполнение. Но разве не таков удел всего человечества? Все мы знаем, что умрем, но ни один из нас не знает часа своей смерти, — его улыбка стала шире. — Кроме висельников, разумеется.

— Что я могу сделать? Как мне вам помочь?

— Спасибо, ничего. Пока, по крайней мере. Но вас, естественно, беспокоит ваше собственное будущее? Вы еще молодая женщина. Когда я умру, вы лишитесь и дома, и дохода. Но я сделаю все, что смогу.

Похрюкивая, он подался вперед на сиденье, схватился за подлокотники кресла и встал.

— Пожалуй, я немного устал. Доброй ночи, мадам.

Шаркая, доктор вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Элинор прислушивалась к его шагам на лестничной площадке, пока он медленно и мучительно шел к своей комнате. Она знала теперь, что

первые признаки появились недели, если не месяцы назад. Доктор Карбери стал больным не внезапно. Он умирал у нее на глазах. Просто она не замечала.

Элинон снова села в кресло у окна, и слезы покатались по щекам. Она оплакивала мужа и горевала о грядущей потере, хотя никогда не любила его. Плакала из-за того, что ожидало ее вдовство. Потому что отчаянно боялась снова стать бедной.

А еще она плакала из-за чувства вины, потому что отчасти была рада, что скоро овдовеет.

— Почему вы кричали? — спросил Олдершоу.

Холдсворт поднял взгляд от книги.

— Что?

— Почему вы кричали? Когда разбудили всех нас на рассвете.

— Я же сказал, сэр... глупый сон. Я его уже и не помню.

Фрэнк наклонился вперед в своем кресле.

— Но что-то вы помните. Что-то всегда запоминается.

Они сидели в саду в креслах, которые вытащили из гостиной. Тяжелая нависшая соломенная крыша впитала весь воздух из дома. В коттедже становилось все более жарко и душно.

Рыжий кот направился к Фрэнку через высокую траву и сорняки. Прижался к его ногам и замурчал, размахивая поднятым хвостом, словно флагом.

— Кря, — ласково сказал Фрэнк. — Кря.

Он поднял глаза и увидел, что Холдсворт смотрит на него.

— Кря, — произнес он в третий раз. — А теперь расскажите, что вам снилось.

— Я не могу рассказать вам то, чего не знаю.

— Кря, — сказал Фрэнк. — Чертовски жарко. Хочу на воду. — Он указал на иву на реке под самым мельничным прудом. — Там плоскодонка. Поплывем в ней. Можете отправиться со мной и проследить, чтобы ничего не случилось.

Не дожидаясь ответа, он встал и пошел через сад к воде. Кот взглянул на Джона и направился прочь. Тот неслышно выругался. Фрэнк перестал быть таким покорным, как в первые дни. Режим в Барнуэлле превратил его в нечто среднее между ребенком и овощем. Теперь же он стал более настойчивым и, очевидно, более способным вести разумную беседу. Иногда он опускался до того, что крякал и болтал всякий вздор; или позволял странной печали овладеть собой; или разговаривал с котом, как с равным. Но это случалось все реже.

Итак, подумал Холдсворт, пробираясь за Фрэнком сквозь высокую траву, в молодом человеке мелькают проблески его истинной натуры. Он физически крепок. От природы и благодаря воспитанию привык руководить и верит, что Господь наделил его этим правом. В конце

концов, Фрэнк Олдершоу — джентльмен, а Джон Холдсворт — нет. По крайней мере, с точки зрения самого Фрэнка вполне естественно, что отдавать приказание должен он.

Добравшись до ивы, Холдсворт обнаружил, что Фрэнк изучает плоскодонку. Она была намного грубее сработана и тяжелее, чем те, которые Джон мельком видел на реке в Кембридже. Всего лишь тяжелый прямоугольный ящик из грубых досок. На взгляд — не более герметичный, чем дуршлаг.

— Сейчас поплывем, — сказал Фрэнк. — Беритесь за эту сторону, а я возьмусь за другую. Сперва положим набок, пускай вода выльется. Затем столкнем в реку.

— Но у нас нет шеста.

— А для чего тогда эти ветки? — Фрэнк кивнул на две измазанные илом палки, прислоненные к стволу дерева. — Ну, что, поможете мне?

Холдсворт неохотно повиновался. Они перевернули плоскодонку набок, вылили большую часть воды. Затем медленно потащили ее вниз по илистому склону. Плоскодонка сползла в воду, где подозрительно закачалась. Кот наблюдал с безопасного расстояния.

— Вода прибывает, — сказал Холдсворт. — Лодка течет. Плыть на ней небезопасно.

— Чепуха. Эти старые плоскодонки всегда текут. Бояться нечего. Быть может, вы слегка промочите ноги, но эти старые корыта никогда не тонут. Мы снимем обувь и носки, и дело с концом.

На мгновение Джону захотелось утвердить свою власть и настоять на том, чтобы остаться на суше. Однако он сдержался, и не в последнюю очередь потому, что не был полностью уверен, что сможет заставить Олдершоу повиноваться. Были и другие причины. Несмотря на упрямство, Фрэнк вел себя вполне рационально, или, по крайней мере, как и следовало ожидать от человека его возраста и положения. Другими словами, ему становилось лучше, и это, несомненно, следовало поощрить. Кроме того, сам Холдсворт постыдно боялся воды. Разве возможно справиться с чужими демонами, не справившись со своими?

Фрэнк закинул ветки в лодку и забрался следом. Он притянул плоскодонку к берегу, ухватившись за корень ивы.

— Вперед, приятель, — объявил он. — Садитесь на том конце.

После смерти жены и сына Холдсворт избегал лодок всех мастей, даже тех, которые просто-напросто перевозили через Темзу. Он забрался на борт, и плоскодонка закачалась под его весом. Фрэнк схватил одну из веток и резко оттолкнулся. Лодка скользнула в поток. Через мгновение до берега было уже не достать.

— Да вы весь белый, как привидение, — заметил Фрэнк и указал на берег импровизированным шестом. — Смотрите, киса наблюдает за нами. Кря.

Рыжий кот мрачно смотрел на лодку.

— Сидите тихо и скоро придете в себя, — посоветовал Фрэнк. — Вы казались таким цельным типом; я думал, вас ничто на свете не может расстроить.

Холдсворт схватился за борт лодки, сжимая грубые доски, пока они не впились ему в кожу. Боль пронзила его грудь. Он заставил себя дышать.

— Неудивительно, сэр. Я не умею плавать.

— Это легко поправить. Не беда. Я вас научу.

Фрэнк бросил шест и встал. Плоскодонка закачалась.

— Пожалуйста, сядьте, мистер Олдершоу... будьте осторожны... так и перевернуться недолго.

Плоскодонка опасно накренилась. Фрэнк засмеялся. Под звуки его смеха последовало смазанное движение, громкий всплеск и дождь брызг. Волна перекатилась через борт, намочив бриджи Холдсворта. Тот закричал, без слов, одновременно протестуя и умоляя. А еще кричал от страха.

Фрэнк плавал в реке, его белые призрачные руки так и мелькали под поверхностью воды.

— Ух, как бодрит! Видите, все просто! Наши тела — как надутые свиные пузыри, потому мы и плаваем, — он подплыл к плоскодонке и схватился за борт обеими руками. — Если вы спрыгнете с другой стороны и схватитесь за борт таким же манером, то обнаружите, что это совершенно безопасно. Через мгновение-другое вы привыкнете к тому, как тело движется в воде. Заверяю вас, это чудесно, хотя поначалу и капельку холодно. Тело становится таким легким... Наверное, ангелы так же летают по небу.

Мария. Джорджи. Утонули на Козьей пристани. Джон посмотрел в улыбающееся лицо Олдершоу и увидел за ним их лица: бледные,

мокрые и восковые в смерти.

— Отвезите меня назад, — прошептал он. — Умоляю, сэр, отвезите меня назад.

Фрэнк принялся раскачивать лодку.

— У меня есть два условия.

— Что?

— Во-первых, вы позволите научить вас плавать, когда мы вернемся на мельницу. Не сразу, если хотите, а позже, когда вы несколько привыкнете к этой мысли, и у самого берега, где вы сможете чувствовать дно под ногами.

— Отвезите меня назад.

— Обещайте.

— Нет.

— И второе условие: вы расскажете, почему разбудили нас утром.

— Я не знаю.

Лодка снова закачалась.

— Ради всего святого, мистер Олдершоу...

— Ну конечно, вы знаете. Дурные сны не так просто забыть.

О да, подумал Холдсворт, мальчишка прав.

Фрэнк засмеялся, но беззлобно.

— Ладно, сэр, я принимаю ваше молчание за согласие. Вы расскажете позже. Вот видите — мы уже почти вернулись на terra firma^[30].

Холдсворт повернул голову. В последние несколько минут горе и опасения заключили его в тесном коконе из плоскодонки, Фрэнка и участка воды непосредственно вокруг лодки. Только сейчас он осознал, что течение реки постепенно увлекало их вниз. Они достигли мелководного изгиба, и плоскодонка находилась всего в паре ярдов от берега.

Фрэнк внезапно встал. Вода была ему чуть выше талии. Он подтолкнул лодку к берегу. Холдсворт слепо ухватился за борт, чтобы хоть за что-нибудь держаться. Он вцепился в пучок травы, и тот остался у него в руках. Борт лодки заскреб о наклонное дно. Холдсворт бросился через него и тяжело приземлился на твердую землю. Трава вокруг была полна чертополоха и коровьих лепешек. Коровы, укрывшиеся в тени дуба в углу поля, одна за другой повернули головы,

чтобы взглянуть на него. Он лежал на берегу, дрожащий, мокрый и задыхающийся, и прижимался щекой к сухой земле.

Фрэнк выбрался из воды и сел. Он весь перемазался илом. Откинул мокрые волосы с лица и повернулся к Джону.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Мне не следовало так вас дразнить. Это было крайне некрасиво с моей стороны.

Холдсворт сел и попытался замедлить учащенное дыхание усилием воли. Учитывая обстоятельства, извинение показалось равно неожиданным и великодушным. Оно также было в своем роде совершенно разумным жестом. Холдсворт не впервые задумался об истинной природе безумия Фрэнка.

— Вы не знали, — тихо сказал он.

— Чего я не знал?

Холдсворт пожал плечами:

— Что я... что я питаю такое глубоко укоренившееся отвращение к воде.

— Я думаю, это не все.

Мгновение оба молчали. Холдсворт размышлял, до чего все-таки странно, что он сидит рядом с внуком графа на коровьем пастбище у илистой реки. Его собственная жизнь, казалось, окончательно утратила всякий смысл, словно саму вселенную с ее законами и регуляторными механизмами настиг приступ безумия.

— Вы не умеете плавать, — мягко сказал Фрэнк. — Но этого недостаточно, чтобы бояться воды. Следовательно, есть особая причина.

Холдсворт подумал, что безумие мира трансформировалось и стало новым способом рационального мышления. Казалось вполне естественным, что он должен поверить свои горести и ночные кошмары юному сумасшедшему, помогать которому его наняли. В конце концов, кому, как не скорбящему, помочь печальному? Кому, как не умалишенному, понять бред сумасшедшего?

— Я много лет жил у Темзы, и это меня совершенно не беспокоило, — сказал Джон. — Я часто плавал на лодке. Но потом мой маленький сын утонул в реке, а чуть позже и моя жена. Вот почему я боюсь воды. Вот почему мне снятся дурные сны.

— Я не единственный, кто видит призраков.

Холдсворт повернул голову и посмотрел прямо на Фрэнка.

— Я принял ваше второе условие. И я приму ваше первое. Вы научите меня плавать?

— Надеюсь, вы отобедаете с нами? — спросил мистер Ричардсон. — Право слово, мы сто лет не видели вас в колледже.

Уичкот поклонился и ответил, что ничто не доставит ему большего удовольствия. Мужчины случайно встретились на Церковном дворе. Уичкот отправил Огастеса разнюхать, где сейчас находится Фрэнк, а сам не мог ничего поделать, пока пребывал в неведении. Но кто знает, что может быть сказано в профессорской или за высоким столом? Какие обрывки сведений могут всплыть на поверхность? Карбери несомненно в курсе, где Фрэнк, и Ричардсон тоже, почти наверняка; а может, и другие знают либо догадываются. Кроме того, Уичкот проголодался, а его собственная кухарка, по мере приближения увольнения, становилась все более склонной к пренебрежению своими обязанностями.

Обед должен был начаться только через двадцать минут. Ричардсон предложил прогуляться, чтобы раззадорить аппетит. Мужчины вышли через галерею часовни в сады колледжа и пересекли тень восточного платана. Уичкот улыбнулся, чтобы показать: его ничто не тревожит, хотя совсем рядом место, где нашли тело его жены и где якобы явился ее призрак. Однако он счел неппростительной оплошностью то, что мистер Ричардсон вообще предложил прогуляться сюда. Старательной учебой он приобрел манеры джентльмена, но, по мнению Уичкота, это был лишь поверхностный лоск.

Они прошли сквозь калитку Сада членов совета и направились вдоль пруда.

— Я был здесь с Гарри Аркдейлом на днях, — заметил Уичкот. — Вы его видели? Надеюсь, с ним все хорошо.

— Его здоровье было довольно расстроено после последней встречи вашего клуба, — ответил Ричардсон. — Но счастлив сообщить, что он вполне поправился. По правде говоря, он посвятил себя книгам, и с необычайным усердием. Сэр Чарльз хочет, чтобы он подал заявку на медаль Водена в этом году, и его попытка заслуживает самого пристального внимания. Мистер Соресби — один из наших самых многообещающих молодых людей — занимался с ним.

— А бедный Фрэнк Олдершоу? Какие новости о нем?

— Увы, никаких, насколько мне известно.

— Гарри сказал, что он больше не у доктора Джермина.

— Да, я тоже это слышал.

— Интересно, куда его забрали.

— Крайне любопытно, — согласился Ричардсон. — Не имею ни малейшего представления.

Когда зазвонил колокол на обед, Ричардсон и Уичкот вернулись в Церковный двор и вошли в профессорскую, где уже собрались десять или двенадцать членов совета. Когда звон умолк, дверь отворилась и вошел сам директор. Уичкота поразило его изможденное лицо. Карбери был крупным, массивным мужчиной, но его вес как будто перераспределился, словно поддерживавший его внутренний каркас утратил жесткость. Однако директор казался вполне веселым и поприветствовал собравшихся с непривычным добродушием.

Они прошли в зал, где студенты уже ожидали, когда директор и члены совета займут свои места. Вот Карбери и остальные встали у своих стульев на помосте, и в зале воцарилась тишина. Директор посмотрел на богослова за кафедрой в знак того, что ему пора прочесть молитву.

Тишина была внезапной и не совсем полной. Молодой человек в конце зала продолжал говорить, обращаясь к одному из работников кладовой высоким взволнованным голосом:

— И еще полгаллона ревизорского пива^[31], слышишь, и...

Уичкот, который стоял почти напротив Карбери, случайно посмотрел директору в лицо. Тот поглядывал на возмутителя спокойствия и улыбался.

Богослов прочел молитву, и все сели.

— Мистер Соресби сегодня в превосходном настроении, — заметил мистер Доу.

— Ревизорское пиво, слышали? — откликнулся мистер Краули. — Похоже, он при деньгах.

— Вот что, джентльмены, мне известна разгадка этой головоломки, — перебил Карбери. — Мистер Соресби получил весьма желанное известие.

Атмосфера за столом изменилась. Уичкот почувствовал это, хотя причины пока не понимал.

С бокалом в руке директор наклонился над столом к молодым членам совета.

— Полагаю, вам известно, что мистер Мискин намерен отказаться от Розингтонского членства на Рождество? Так вот, я решил приберечь его для мистера Соресби, при условии, что его успехи на экзаменах будут соответствовать моим ожиданиям. Я сообщил ему сегодня свое решение, и подозреваю, что это как-то связано с тем, что он заказал ревизорское пиво.

Карбери говорил достаточно громко, чтобы его слова услышали все за высоким столом. Среди собравшихся пробежала рябь удивления.

Ричардсон положил нож.

— Но так не принято, директор. Как вы сами сказали, мистер Соресби еще не получил степень.

— Мне это прекрасно известно, сэр. Если вы потрудитесь ознакомиться с условиями, на которых было учреждено данное членство, то обнаружите, что оно не только даруется директором, но последний также вправе придержать его *sine die*^[32], буде у него возникнет такое желание.

— Не сомневаюсь, что вы правы, — Ричардсон промокнул рот салфеткой. — Мне также весьма приятно, что один из моих собственных учеников удостоен столь высокой чести. И все же, вы не станете отрицать, что назначение студента, пусть даже такого многообещающего, как мистер Соресби, поистине необычно.

— Что до этого, то к тому времени, как мистер Мискин покинет нас, мистер Соресби уже почти получит степень. И я ничуть не сомневаюсь, что он окажется в списке очень высоко, — Карбери улыбнулся, и это было не самое приятное зрелище. — Уверен, что вы со мной согласитесь, сэр: в подобных вопросах достоинства кандидата — единственное, что имеет значение. Многие великие ученые нашего университета обладают столь же скромным происхождением, что и мистер Соресби. Не сомневаюсь, при должном поощрении он пойдет весьма далеко, к вящей выгоде колледжа.

Карбери осушил бокал, как бы в знак правомерности своих чувств. Ричардсон пробормотал, что директор прав, безусловно прав. Беседа охватила весь стол. Ричардсон, однако, говорил мало и ковырялся в тарелке.

После обеда Уичкот не стал задерживаться в профессорской. Огастес ждет его в галерее у часовни. Они молча покинули колледж; мальчик отставал от хозяина на несколько шагов. Однако, оказавшись рядом с колледжем Христа, Уичкот подозвал его к себе.

— Ну?

— Я подслушал в конюшне, сэр. Бен возьмет фаэтон, запряженный пони, завтра в десять утра.

— Куда они направляются?

— Я не знаю, ваша честь. Об этом не говорили. Но мистер Малгрейв пришел сегодня откуда-то. Он уже ушел, но, говорят, собирался в Директорский дом.

Уичкот потер щеку. Малгрейв со своей хромотой далеко не уйдет. Фаэтон, очевидно, предназначен для миссис Карбери и, возможно, кучера. Такой легкий экипаж не выдержит веса директора. К тому же пони не годятся для долгого путешествия.

Филипп взглянул в костлявое, грязное лицо мальчика.

— Вот что: ты пойдешь на конюшню завтра, дождешься, пока они уедут, и отправишься следом.

— Но они поедут быстрее, чем...

— Тогда ты побежишь, — отрезал Уичкот. — В конце концов, это всего лишь пони. Фаэтон поедет не намного быстрее пешехода. Я хочу знать, кто будет в экипаже, куда они отправятся и кого увидят. Но ты не должен попадаться им на глаза, парень, не то я высеку тебя до крови.

Должно быть, они прошли десять или двенадцать миль тем долгим летним днем. Они шагали по сельским дорогам, которые мерцали от пыли, и скотопрогонным дорогам, грязным даже в эту теплую сухую погоду. Они маршировали вдоль высоких зеленых берегов дренажных и сточных канав, проведенных, точно по линейке, насколько это удалось их голландским конструкторам. Они шлепали через болота, где высокий тростник колыхался над темной водой, пахнувшей гниющей растительностью, и распугивали бесчисленных водоплавающих птиц.

— Жаль, у меня нет ружья, — повторял Фрэнк вновь и вновь. — Какую славную охоту мы бы устроили!

Они встретили очень мало людей, да и тех обычно поодиночке — сутулых мужчин с грязными лицами, которые казались такой же естественной принадлежностью этого сырого пейзажа, как заросли тростника и солоноватая вода.

— Ха! — воскликнул Фрэнк после одной такой встречи. — Держу пари, они принимают нас за отца и сына.

Холдсворт не ответил. Джорджи, подумал он, милый мой сын.

Несмотря на жару, шагали они быстро и почти не разговаривали. Из-за монотонного пейзажа и прозрачного воздуха Холдсворт почувствовал себя жалкой песчинкой, затерянной в безбрежных небесах. Фрэнк, напротив, явно наслаждался. В одном месте, стоя на насыпи, которая тянулась вдоль дренажной канавы, он на мгновение замер, поднял руки и медленно покружился. Затем взглянул на Холдсворта, улыбнулся, как счастливый ребенок, и, не проронив ни слова, отправился дальше, с той же скоростью, что и прежде.

Они вновь увидели Уайтбич в восьмом часу вечера. Когда они проходили мимо фермы мистера Смедли, собаки залаяли, загремели цепями и бросились к калитке, где уставились на незнакомцев бешеными желтыми глазами.

Малгрейв, предупрежденный лаем, вышел встречать во двор мельницы. Фрэнк небрежно поприветствовал его и пошел в коттедж, крикнув через плечо, что ему нужен таз горячей воды, пиво, хлеб и сыр.

Холдсворт задержался.

— Ну? Смогли вы купить все, что необходимо?

— Да, сэр. Сходить в город — нелегкое дело, скажу я вам. Впрочем, большую часть обратного пути меня везли на фермерской телеге.

— Вы заглянули в Иерусалим?

— Да, сэр. Миссис Карбери передала мне письмо для вас. — Он достал его из кармана и протянул Холдсворту.

— Кого-нибудь еще из знакомых вы видели?

— Только слуг из колледжа, сэр. Мистера Мепала в привратницкой и прочих.

— Надеюсь, вы не выдали им нашего местожительства?

Малгрейв выпрямился и изобразил оскорбленную гордость.

— Разумеется, нет, сэр.

Холдсворт отпустил слугу и сел на скамейку рядом с лошадиной кормушкой. Забыв об усталости, повертел письмо в руках. При виде собственного имени, написанного незнакомым почерком, он получил почти чувственное удовольствие. Сломал печать и разорвал конверт.

Колледж Иерусалима, 6 июня

Дражайший сэр, ее светлость отрядила меня навестить вас, чтобы узнать, как мистер Олдершоу обосновался на новом месте. Я договорилась о поездке на завтра и надеюсь, что вы оба сочтете удобным принять меня около двух часов.

С наилучшими пожеланиями, искренне ваша,

Э. Карбери.

Почерк Элинор похож на ее лицо, подумал Холдсворт: слишком решительный и выразительный, чтобы его можно было назвать красивым в официальном или общепринятом смысле этого слова, но, несомненно, выдающийся. Он перечел письмо, хотя в этом не было необходимости, как будто надеялся выжать из нескольких фраз еще хотя бы каплю смысла.

Рыжий кот неслышно прошел по двору и описал восьмерку вокруг лодыжек Холдсворта. Джон поежился от прикосновения тела животного, его небрежной интимности. Подумал о ладони Элинор Карбери на калитке у моста.

Прикоснись ко мне. Прикоснись ко мне.

Элино́р услышала шарканье тапочек доктора Карбери за дверь. Через мгновение ее муж, все еще в ночном колпаке и сорочке, медленно вошел в гостиную, опираясь на трость. Единственного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять: ему выпала не самая спокойная ночь. Элино́р немедленно подошла к нему и отвела к креслу. С тех пор как он сообщил ей о своем нездоровье, ее чувства пребывали в смятении. Она не понимала, что должна или может испытывать. Ей не нравилось быть замужем за ним, но это лучше, чем вовсе не быть замужем, и без него ей не на что будет рассчитывать, не считая ненадежной щедрости леди Анны. Но самое странное, она испытывала к нему жалость и даже некоторое уважение. Вот человек, который знает, что стоит на самом пороге смерти. Казалось, подобное положение скорее раздражает, нежели пугает его.

— Вы собираетесь сегодня утром на мельницу, насколько я понял? Надеюсь, что вы очень внимательно допросите мистера Холдсворта. Не знаю, доведется ли вам увидеть самого мистера Олдершоу... возможно, его пришлось запереть; вы должны позволить мистеру Холдсворту быть вашим проводником. — Он глядел на нее маленькими темными глазками, частично скрытыми складками кожи. — Я считаю, что в целом ему можно доверять. Как и мы, он имеет веские основания желать скорейшего выздоровления мистера Фрэнка. В какое время он ожидает вашего приезда?

— В два часа.

— Вы должны приехать раньше. В час или даже до того. Застаньте их врасплох, и вы увидите их подлинные лица. Ее светлости нужны самые точные сведения обо всем, и это верный способ их получить.

— Хорошо. Как скажете, сэ́р.

— А я хотел бы, чтобы ее светлость осталась довольна, — медленно произнес Карбери. — У меня к ней есть особая просьба.

Он умолк, дав Элино́р время заключить, что эта просьба, несомненно, касается ее перспектив, когда она станет вдовой. Но жена отвлеклась, заметив, что муж дрожит. Она вскочила с кресла. Его губы тряслись, а огромная бочка груди слегка колыхалась, как будто внутри

подскакивал маленький тяжелый предмет. Она открыла рот, чтобы спросить, что случилось, и в тот же миг поняла, что в вопросе нет нужды: доктор Карбери смеялся.

— Жаль, что вы его не видели, моя дорогая миссис Карбери... в смысле, мистера Ричардсона... поистине занимательное зрелище. Он не знал, что делать или говорить.

— О чем, сэр?

— О Розингтонском членстве, разумеется. Я сообщил ему во время обеда, перед всеми собравшимися. Бедняга чуть не свалился со стула, — Карбери сложил ладони на своем огромном животе. — Более всего на свете он мечтает стать директором этого колледжа. Если ее светлость воспользуется своим влиянием против него, это будет чудесно. И Соресби тоже может пригодиться, поскольку, став членом совета, получит право голоса на выборах.

Он поморщился от приступа боли. Но постепенно та отступила. Доктор широко улыбнулся супруге, отчего его глаза совершенно исчезли в окружающих складках кожи.

— Моя дорогая миссис Карбери, — повторил он. — Жаль, вы не видели его лица. Очень жаль, что не видели.

Элино́р улыбалась и кивала, как положено доброй жене, когда муж приглашает ее разделить свою радость. Ее умирающий муж больше беспокоился о судьбе врага, чем о будущем жены. На пороге смерти ненависть была могущественнее любви.

Проблема с запряженным пони фаэтоном заключалась в том, что на нем была всего одна скамья, которую Элино́р приходилось делить с Беном. Слуга был крупным, вечно потным мужчиной, бедра которого норовили занять все сиденье. Избегать контакта с ним было нелегко, и уж совершенно невозможно — не думать о том, как его белые бедра подпрыгивали вверх-вниз в прачечной. Несчастный пони с трудом тащил фаэтон вверх по наклонной Хантингтон-роуд. Экипаж был маленьким, четырехколесным и легким, с плетеными боками. Элино́р вполне могла бы управлять им сама, и, несомненно, он и был предназначен для использования дамами. Но доктор Карбери не позволил бы ей странствовать по общественным дорогам одной.

Выехав из Кембриджа, они вскоре покинули главную дорогу и нырнули в сеть более мелких, заключенных между высокими

насыпями и живыми изгородями. Белая пыль клубилась за их спинами, отмечая продвижение фаэтона. Земля под колесами становилась все более грубой, и пони спотыкался о выбоины и рытвины.

Они завернули за поворот, и примерно в четверти мили впереди показалась горстка крыш. Бен сказал, что это Уайт-бич, и мельница находится по ту сторону. Псы встретили их приближение нестройным лаем. Деревушка была такой скромной и незначительной, что едва ли заслуживала имени собственного. Два или три коттеджа сгрудились вокруг полуразрушенного паба. За ними находилась ферма, более солидный дом с двором и амбарами, приют большинства собак. Бен слегка выпрямился и вытянул пони хлыстом. Обезумев, тот снова споткнулся, и фаэтон накренился к изгороди со стороны Элинон. Пони замедлил ход. Он прихрамывал.

Бен еле слышно выругался.

— Прощу прощения, мадам, скотина потеряла подкову.

— Ничего страшного, если мы пройдем остаток пути пешком и положимся на милость мистера Смедли.

Бен слез с сиденья и помог хозяйке спуститься. Она шла так быстро, как только могла, не обращая внимания на грязь на ботинках и пыль на подоле юбки. Бен поспешал следом, ведя в поводу пони и фаэтон. Ферма находилась на другом конце деревни. Элинон услышала металлический звон молота. Перед самой фермой стояла маленькая кузница, и дым поднимался из ее трубы. Возможно, беспокоить мистера Смедли не придется.

Она отправила Бена в кузницу, а сама осталась ждать на дороге с пони. Через мгновение слуга вернулся с кузнецом, коренастым сторбленным мужчиной с узкими плечами и крупными предплечьями, как у барсука.

— Он поможет, мадам, — сообщил Бен.

— Сколько времени это займет? — спросила Элинон, обращаясь непосредственно к кузнецу.

Мужчина переступил с ноги на ногу и пробормотал что-то насчет часа, возможно; заранее не угадаешь.

— Далеко ли Уайтбич-Милл?

Он указал закопченным пальцем на начало тропинки за фермой и противоположную сторону дороги. Вновь посмотрел на Элинон и

смерил ее взглядом, оценивая ее физическую форму, как будто она была лошадью.

— Пять или десять минут, может быть.

Она приняла решение.

— Я пойду пешком, — сказала она Бену. — Когда пони будет готов, приведи его к мельнице.

— Но мадам, разве я не должен отправиться с вами?

— Нет, — отрезала Элино́р. — Я хочу, чтобы ты остался с пони.

Она немедленно тронулась в путь, не позволяя своей решимости ослабнуть, сознавая, что Бен будет смотреть ей вслед с тревожным выражением лица. Ему хватало ума, чтобы понять: хозяин предпочел бы, чтобы он сопровождал госпожу.

На тропинке сильно пахло чесноком, поскольку обе ее стороны густо заросли черемшой. Элино́р замедлила шаг, скрывшись из виду Бена и кузнеца. Она не взяла часы, но по положению солнца знала, что день едва перевалил за середину. Неважно. Если на мельнице никого нет, что маловероятно, она найдет место в тени и подождет. Оказаться на людях одной, пусть даже в этой глуши — разновидность свободы. Все тревоги остались в Кембридже — дело Сильвии, болезнь мужа, угроза возвращения к жизни без друзей и денег. Здесь ее оцепяла свобода, чувство, что она может делать что угодно, и никто ее не остановит, никто даже не увидит. Элино́р не была так счастлива уже много месяцев. С тех пор как Сильвия умерла.

Скоро она увидит мистера Холдсворта. Фрэнка тоже, но он всего лишь мальчик. Как странно, что она познакомилась с этим мужчиной всего две недели назад; ей казалось, что намного раньше.

Тропа проходила мимо рощицы каштанов и лип, листья которых сверкали ослепительной свежестью зелени раннего лета, и заворачивала за угол. Внезапно Элино́р оказалась на месте. Впереди была калитка, за ней — мельница и коттедж. Дым поднимался из единственной трубы. В тени лошадиной кормушки лежал рыжий кот. Он наблюдал за гостьей.

Элино́р открыла калитку и прошла по булыжникам. В закрытом дворе было очень тепло. Тропинка вела за коттедж, в заросший сад. Главная дверь и окна нижнего этажа располагались на этой стороне дома. Она заглянула внутрь. Никого не было. Но дом выглядел

обитаемым — подсвечники, оловянная кружка и книга на столе; сюртук, небрежно наброшенный на спинку стула.

Дверь была приоткрыта. Элино́р распахнула ее и окликнула хозяев, сперва тихо, затем громче. Ответа не последовало. После мгновенной нерешительности она вошла в коттедж, думая, что, возможно, найдет Малгрейва на кухне, которая предположительно должна находиться на стороне с дымящей трубой. Но и в кухне никого не было. Она почувствовала себя шпионкой.

Ей впервые стало не по себе. Женщина без компаньонки, в пустом доме среди сельской глуши! Конечно, слуга знает, где она, но до него сотни ярдов, он ее просто не услышит. С ней может случиться что угодно, и никто ничего не узнает.

Элино́р вернулась в комнату, которую, по-видимому, использовали в качестве гостиной, и на мгновение задумалась, не стоит ли вооружиться одним из подсвечников. Вместо этого она взяла книгу, которая лежала рядом, — экземпляр «Ночных размышлений» Юнга. Она забрала ее на улицу, чтобы скоротать ожидание, листая страницы.

Солнечный свет заставил ее заморгать, поскольку глаза уже привыкли к относительному полумраку коттеджа. Сад уходил вниз, к воде; в нем росла высокая прямая трава, бурьян, наперстянка и, в самом низу, растрепанная рошица запущенных фруктовых деревьев и ива за ними. Что-то двигалось между ветвями — вспышки белого на зеленом. Возможно, Малгрейв постирал рубашки и развесил их сушиться.

Затем, когда ее глаза привыкли к свету, она вполне отчетливо увидела то, что лишь частично скрывалось ветвями. Белизна не была белизной рубашек. Она была белизной кожи, и кожа эта принадлежала высокому обнаженному мужчине.

Кто-то заговорил. Мужчина полуобернулся на звук, поднял руку и обнажил еще больше свое длинное поджарое тело. Капли воды летели во все стороны, сверкая бриллиантами на солнце.

Элино́р отступила в тень дома. Ее мозг, наконец, сумел справиться с сумятицей впечатлений последних нескольких секунд и прийти к выводу.

В саду находился Джон Холдсворт. Мокрый и в чем мать родила.

— Вот видите? — произнес за спиной Фрэнк. — Вы не утонули.

Холдсворт обернулся. Он все еще дрожал, и капли воды летели с его тела, сверкая на солнце.

— Только потому, что опирался на вашу руку.

— Не все время, — Фрэнк вылез из воды и встал, размахивая руками, чтобы обсохнуть. — Вы держались на воде. Более того, вы били ногами...

— Не нарочно. Это был акт отчаяния, и я совершенно не сознавал своих действий.

— Неважно. Вы били ногами и двигались в воде или, скорее, по воде. Мы называем это плаванием, мистер Холдсворт. Таков наш технический термин.

Смеясь, Холдсворт расстегнул бриджи, висевшие на ветке грушевого дерева, и натянул их.

— Давайте собираться, мистер Олдершоу. Уже, должно быть, перевалило за полдень.

Лицо Фрэнка утратило всю свою живость.

— Лучше бы миссис Карбери не приезжала.

— Ничего не поделаешь, — Холдсворт накинул рубашку на голову, и она затрепетала вокруг его тела; хлопковая ткань заглушала его голос. — Ее светлость желает знать, как вы поживаете... вполне естественно, если по совести.

— Что вы ей скажете?

— Это другой вопрос...

Холдсворт осекся. Высвободив голову из рубашки, он оказался напротив открытой двери коттеджа. Он почти не сомневался, что в тени внутри что-то двигалось. Он поспешно повернулся обратно к воде.

— Черт побери, похоже, она уже здесь, — произнес он тихо и торопливо и поскорее заправил рубашку в бриджи. — Где этот проклятый Малгрейв? Почему он не предупредил нас?

Прилично, хоть и не почтенно, облачившись в рубашки и бриджи, мужчины босиком направились к коттеджу, причем Фрэнк тащился

позади. Когда они достигли двери, миссис Карбери с книгой в руке поднялась из-за стола.

— Тысяча извинений, мадам, — произнес Холдсворт. — Давно вы ждете?

— Я приехала раньше времени, — ответила миссис Карбери, глядя на Фрэнка, который стоял сбоку и смотрел в землю. — Несчастный пони потерял подкову, так что я оставила его с Беном в кузнице и остаток пути прошла пешком.

— Должно быть, вы устали, мадам.

— О нет... я с удовольствием размяла ноги.

На тропинке, ведущей от мельницы, раздались торопливые шаги. Появился Малгрейв, поправляя галстук и распространяя сильный запах табака. Оставив его с миссис Карбери, Холдсворт и Фрэнк поднялись в свои комнаты. Когда они вернулись, одетые для общества леди, то обнаружили, что Малгрейв разливает чай. Фрэнк встал у окна, точь-в-точь надутый школьник, который вынужден вести себя прилично при взрослых, в то время как ему не терпится поиграть на улице. Элино́р раздумянилась чуть сильнее обычного, заметил Холдсворт, что было ей весьма к лицу. Он не понимал, как ее внешность могла показаться ему попросту примечательной. Любому дураку очевидно, что она красива.

— Итак, мистер Холдсворт, как вам с мистером Олдершоу нравится в Уайтбиче? Вы нашли его приемлемым?

— Он превосходно служит своей цели, благодарю вас.

Элино́р чуть кашлянула, как будто прочищая горло, и отпила чаю.

— Мистер Олдершоу, — сказала она, — я хотела бы прогуляться по саду. Вы не могли бы составить мне компанию?

Фрэнк неуклюже поклонился и позволил вывести себя на улицу. Холдсворт сел за стол, наблюдая, как они идут по дорожке к воде, и рука Элино́р лежит на руке Фрэнка. Ее лицо было обращено к нему, и она говорила; но Фрэнк смотрел в землю.

Холдсворт восхитился элегантным силуэтом миссис Карбери, покачивающимся из стороны в сторону. Женщина прелестна в движении. Во время этого визита ему доведется говорить с ней наедине. Разговор будет не из простых. Неважно, о чем они станут или не станут беседовать, он не перестанет гадать, видела ли она его голым в саду.

Вопрос, занимавший Элино́р во время разговора с Фрэнком, она вряд ли могла задать ему или кому-то другому. Понял ли мистер Холдсворт, что она видела его таким же обнаженным, как Ева — Адама перед грехопадением?

Даже желание спросить было унижительным. Так вышло, что она никогда не видела полностью обнаженного мужчину, за исключением статуй и картин, которые не в счет. Да, члены низших сословий порой предоставляли ей случайную возможность взглянуть на те части своей анатомии, которые обычно скрыты в силу приличий. Но когда пребывающая в беспорядке одежда пьяницы или нищего обнажает часть его естества, отвести глаза легко и просто. Беда в том, что она видела мистера Холдсворта полностью обнаженным. Она видела все его тело, белое и поросшее волосами, в солнечном свете под фруктовыми деревьями, и отчасти ей не хотелось отворачиваться. Более того, она сочла сие зрелище странно притягательным.

Мистер Холдсворт казался вполне довольным своей наготой. Даже доктор Карбери, ее муж, никогда не выставлял того, что скрывалось под одеждой. В самом начале их брака, в тех крайне редких случаях, когда он приходил к ней ночью, это совершалось под покровом темноты, и, вероятно, чтобы супруга гарантированно не увидела ничего предосудительного, он даже не снимал ночной рубашки. Она, со своей стороны, была этому рада, поскольку не питала желания видеть своего мужа обнаженным, равно как и не желала, чтобы он видел ее в подобном виде.

Все эти соображения гудели у нее в голове, тяжелые и удушливые, как воздух в ночь жестокой грозы. Она пыталась не обращать внимания на их надоедливое присутствие, напоминая себе, что прибыла сюда с определенной целью.

Элино́р впервые видела Фрэнка Олдершоу, с тех пор как его забрали в заведение доктора Джермина. Ее поразило, каким нормальным он казался. Она ожидала увидеть его небритым, с нечесаными волосами, в одном исподнем, а то и заключенным в смирительную рубашку. Вместо этого Элино́р прогуливалась по маленькому саду в обществе совершенно респектабельного и здорового на вид молодого человека. Волосы Фрэнка, все еще влажные после купания в реке, аккуратно уложены. Одет он просто, в темный

костюм, и в его поведении, пусть угнетенном и замкнутым, не заключалось ничего необычного. Когда она спросила, как он поживает, он отвернулся и пробормотал, что прекрасно.

— Здесь вам нравится больше, чем у доктора Джермина?

— Да, — промямлил он.

— И ваше здоровье идет на поправку, сэр?

— Да.

— Ее светлость будет рада это слышать. Она очень беспокоится о вас, разумеется; и ей крайне интересно все, что я смогу разузнать. Но ее так порадует личная весточка! Передать ей что-нибудь на словах? Или даже в письме?

Фрэнк отчаянно затряс головой. Он был очень привлекательным юношей, и последние события лишь украсили его облик, поскольку уже несколько недель он ел и пил намного меньше обычного, а упражнялся больше. Но сейчас он походил на капризного малыша.

— Ее светлость живет только ради вас, — тихо сказала Элинор. — Она будет так счастлива увидеть вас вновь. Могу ли я хотя бы передать, что вы надеетесь вскоре вернуться к ней?

Фрэнк остановился и повернулся к ней. Он сглотнул, открыл рот и облизал губы. Элинор терпеливо ожидала ответа.

— Кря-кря-кря, — сказал он. — Кря.

Внезапно юноша побежал по саду. Не переставая кричать, он размахивал руками, словно хлопая крыльями. Пробежал сквозь рощицу фруктовых деревьев и прыгнул в воду.

Холдсворт ринулся через сад и остановился на берегу. Щеки Элинор коснулся ветерок, когда он пробежал мимо. Малгрейв последовал за ним, но менее поспешно.

Я довела несчастного мальчика до самоубийства?

Холдсворт что-то крикнул Фрэнку. Она не разобрала слова. Но раздражения в его голосе было не меньше, чем тревоги.

Юноша спокойно проплыл по широкому кругу, вылез на берег и позволил отвести себя к коттеджу. Промокшая одежда липла к его телу. Один ботинок он потерял в воде, второй нес Малгрейв. Фрэнк выглядел неуклюжим и растрепанным, как плохо сделанное пугало в грозу; он больше не был красивым. Проходя мимо Элинор, он даже не взглянул на нее.

Она расхаживала взад и вперед, чувствуя облегчение и страдая от собственной глупости и бесполезности. Наконец Холдсворт вышел к ней. Она вихрем повернулась к нему.

— Как Фрэнк?

— Вы кажетесь более взволнованной, чем он, мадам, — Холдсворт стоял совсем рядом, и ей хотелось прислониться к нему, как к стволу дерева. — Сядьте и постарайтесь успокоиться. Хотите еще чаю, а может, бренди?

Элино́р покачала головой.

— Спасибо, но это лишнее, сэ́р. Вы уверены, что он не пострадал?

— Ничуть, не считая того, что он снова промок. Однако я очень зол на него за то, что он напугал вас. Малгрейв с ним наверху, помогает переодеться в сухую одежду. Надеюсь, он лично извинится перед вами до вашего отъезда. Но до того я принесу извинения от его и своего имени.

— В этом нет необходимости, — ответила Элино́р. — Он застал меня врасплох. Поначалу он казался совсем прежним, хоть и немного угнетенным.

— О чем вы говорили, когда он утратил контроль над собой?

— Я упомянула его мать и то, как ее светлость скучает по нему. После этого он издал тот глупый вопль и побежал. Как будто он ее боится.

— Нельзя надеяться, что он излечится всего за пару дней, мадам. А жаль! Что вы скажете леди Анне?

— Пока не знаю.

Внезапно Элино́р ощутила страшную усталость и позволила Холдсворту проводить себя в коттедж. Она споткнулась, переступая через порог, и его рука немедленно подхватила ее под локоть. На мгновение она позволила себе опереться на него чуть более, чем необходимо. Ее ноги подкосились еще сильнее. Он подвел ее к стулу.

— Я по-прежнему считаю, что единственный способ вернуть ему рассудок — узнать, отчего он его потерял, — тихо произнес Джон, когда она села. — Мне кажется, он стал мне немного доверять. Совсем чуть-чуть, быть может, но это начало. Нам нужно больше времени, мадам. Легко забыть, какой долгий путь он уже прошел.

— Я так и скажу леди Анне.

Холдсворт сел рядом с ней и наклонился ближе. Она взглянула на него. Ощущение неизбежности происходящего пугало. Не это ли имела в виду Сильвия? Неутолимую потребность в другом человеке? Желание сблизиться, иррациональную силу влечения, которая имеет отношение к силе воли не более чем сама гравитация.

— Мадам? Принести вам стакан воды?

Элино́р словно упала с утеса. Единственное, чего она не могла сделать, — вернуться на вершину утеса и продолжить свою прежнюю жизнь с ее привычными удобствами и неудобствами. Оставалось лишь гадать, когда она коснется земли и что с ней приключится от удара.

Тяжелые шаги приближались по дорожке перед коттеджем. Элино́р отстранилась от Холдсворта и взяла «Ночные размышления», которые лежали рядом с ее локтем. Джон откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. Оба изменили положение всего на пару дюймов, но в их движениях ощущалась внезапность, равно как и тревожная симметрия.

Крупная фигура Бена заполнила почти весь дверной проем. Слуга заслонил свет, словно вечер опустился с тропической стремительностью.

Он отвесил поклон.

— Пони готов, мадам.

За ужином Фрэнк начал пить. Он провозглашал тосты, пел песни. Он поощрял Холдсворта следовать его примеру, бокал за бокалом. Холдсворт считал, что это, несомненно, признак возвращающегося здоровья. Для молодого человека вполне естественно желать много пить, убеждал он себя. Фрэнк, находившийся на попечении Джермина с марта, в течение трех месяцев не имел возможности это делать.

Малгрейв накрыл для них стол под фруктовыми деревьями. Они осушили сначала одну бутылку, затем вторую. Фрэнк потребовал третью, велел принести четвертую и держать ее наготове. Бурная беседа перемежалась периодами приятного молчания, которые становились все длиннее по мере того, как вечер перетекал в ночь.

Фрэнк был вполне весел, все более говорлив и разумен настолько, насколько ему позволяло вино. Его бросало из крайности в крайность: то он вел себя как надменный хозяин, то как неловкий доверчивый подросток. Последнее — чаще. Он описывал случаи из своего детства; в особенности распространялся о долгих визитах в дом деда, лорда Водена, в юго-западной части Англии. Заговорив об управлении поместьями, он выказал познания и энтузиазм. Он спросил Холдсворта о днях его ученичества, и тот неожиданно разговорился о том, как проводил время на реке с Недом Фармером и как они путешествовали вверх по Темзе.

С третьей бутылкой они приумолкли. Свет еле брезжил. Воздух был теплым и ароматным. Вода журчала чуть слышно. Малгрейв отправился в свою кровать на кухне. Одинокая свеча горела в окне коттеджа. В сером небе проклюнулись колючие точки звезд.

— Когда это случилось?

Холдсворт поднял глаза.

— Что?

Он больше не различал лица Фрэнка. Казалось, заговорила сама тень.

— Ваша жена, сэр, — пояснил Фрэнк; лицо его было размытым пятном. — Ваш сын.

Джон не ответил. Он услышал звон стекла и журчание вина.

— Видите ли, когда Сильвия умерла, я гадал, каково это — утонуть, — добавил голос в темноте. — И я подумал, вдруг вы тоже гадаете. Я... я не хотел причинить вам боль. Я хотел понять.

— Моя жена умерла в прошлом марте, сын — в прошлом ноябре, — ответил Холдсворт.

— Как их звали?

Холдсворт уставился в небо. Перед его глазами сверкнула очередная звезда.

— Мария, — он осушил свой бокал и протянул руку к бутылке. — Джорджи.

— Как они умерли?

Холдсворт рассказал ему. Рассказал этому богатому, испорченному, сумасшедшему мальчишке то, чего не знал даже Нед. Он рассказал о маленькой семье на Банксайд и магазине в Лиденхолле, о призрачном свете от реки и дне, когда Джорджи погиб на Козьей пристани. Он рассказал о поисках Марии и шарлатанке, которая паразитировала на ней, об «Анатомии призраков», тачке с подержанными книгами и могильной плите, которую он не мог себе позволить, пока ее светлость не дала ему денег. В темноте его голос словно принадлежал кому-то другому, а сам он стоял в стороне, слушая, но не обращая особого внимания, поскольку история ему уже знакома.

Фрэнк покрутил в руках штопор и очередную бутылку.

— Выходит, в этом нет ничего удивительного.

— В чем?

Олдершоу с тихим хлопком выдернул пробку из бутылки.

— В том, что вы не любите привидений.

— Теперь ваша очередь, — сказал Холдсворт.

— Моя очередь что?

— Рассказать мне о ваших призраках.

Олдершоу промолчал. Он пил.

— Сегодня подходящая ночь для рассказов о привидениях, — продолжил Джон. — Призракам полезно иногда подышать свежим воздухом.

Фрэнк засмеялся; звук поднялся из него, как пузыри из воды.

— Вы так говорите, как будто привидения — наши пленники.

— А разве нет, в некотором роде? Гуманная власть позволяет узникам время от времени вращаться в обществе. Вы видели свою леди лишь однажды?

— Могут ли призраки являться во снах? Иные считают, что могут. В таком случае я видел миссис Уичкот много раз, как до ее смерти, так и после. Она была очень красива, знаете ли.

— Я видел ее портрет.

— Ее призрак, однако, я видел лишь единожды, в саду, — Фрэнк говорил медленно и расслабленно, как сонный ребенок. — То есть, лишь однажды наяву.

Как человек разумный, Джон осознавал, что они оба пьяны, что он устал, а Фрэнк крайне взвинчен. Ни словам, ни мыслям, ни поступкам нельзя доверять. И все же под журчание сонного голоса ему начинало казаться, что он не просто слушает рассказ, а словно живет в нем.

— Пятница, третье марта, — произнес Олдершоу. — Две недели после того, как нашли ее тело.

Холдсворт очутился за глазами собеседника, заключенный в его черепе, пойманный в капкан другого времени и места. Не то он явился к Фрэнку, не то Фрэнк к нему; кто знает? Что, если это обоюдный процесс? Что, если это диалог?

Там и тогда, вечером третьего марта Фрэнк пребывал в напоминающем транс состоянии, в котором его вялое тело словно парило в густой, вязкой жидкости. Он покачивался под самой поверхностью сознания, привязанный к поплавку лихорадочного возбуждения. Голова напоминала бурлящий котел. Фрэнк знал, однако... или Холдсворт знал, или оба они знали, тогда и сейчас... что после ужина с Уичкотом в тот вечер он пил кофе чашками, а также вино, пунш и лауданум, и все это было как-то связано с состоянием его рассудка.

Фрэнк находился в своей спальне в Иерусалиме; было холодно.

Наконец неудобства стали непереносимыми. Он скатился с кровати, медленно и ощупью, подобно старому слепому старику, и засунул ноги в тапочки. Затем вышел в гостиную, где камин еще давал немного тепла и света.

Воздух был душным от испарений прокисшего алкоголя. Шатаясь, он направился к камину, куда его влекло оранжевое мерцание, но,

охваченный слабостью, был вынужден остановиться и уцепиться за стол. Тошнота поднялась к горлу. Чувство собственной ничтожности омывало его, горчило на языке, точно желчь.

Сильвия не оставила бы его одного. Все хуже, намного хуже, она мертва.

Фрэнк, спотыкаясь, пересек комнату, машинально схватил мантию и шапочку с крючка, когда проходил мимо, открыл внутреннюю дверь и отодвинул засов наружной. Ноги сами собой направились к лестнице. Он поковылял вниз, влекомый силой тяжести, и налетел на стену площадки между этажами.

Холод сковал его. В руках обнаружили шапочка и мантия. Он натянул их, клацая зубами. Отчаянно кутаясь в мантию, преодолел остаток ступеней, открыл дверь, выскользнул на крыльцо и упал навзничь на камни двора.

Фрэнк полежал там секунду, замерзнув еще больше. Его слегка удивило, что он больше не чувствует боли. Когда влага просочилась в его кости, он обдумал жизнь с этой новой горизонтальной перспективы. Церковный двор выглядел холодным, черно-белым и упорядоченным. Слева висел фонарь над аркой, ведущей к главным воротам и привратницкой. Кроме фонаря, единственными источниками света служили луна и звезды. Над зданиями возвышался черный мир с его серебряными обитателями, невообразимо далекими. Его тяжесть сокрушала все в холодную ничтожную пыль.

Он поднялся на четвереньки. Нашел шапочку, водрузил на голову и встал.

Филипп Уичкот был прав. Какое это все имеет значение? Что вообще имеет значение?

Олдершоу был ничем и снова станет ничем. Его присутствие или отсутствие, его поступки, слова или мысли одинаково бессмысленны. Звезды будут сиять в своем холодном, черном небытии — неважно, что он сделал или не сделал. Если Господь где-то там, Он тоже ничего не значит, ведь Ему плевать, что Фрэнк совершил, и миру нет дела до Него.

Фрэнк услышал скрежет засова со стороны привратницкой. Он спрятался в тень церковной галереи, тянувшейся вдоль восточного ряда домов. Подождал, но больше из привратницкой не донеслось ни звука. На противоположной стороне колледжа или, может, еще дальше,

что-то тихо скреблось и скрипело. Этот звук тоже прекратился. Фрэнк сознавал, что замерзает все сильнее, но это знание не имело значения. Холод составлял неотъемлемую часть этого странного безнравственного мира, в котором ясность мысли легкодоступна и в котором не существовало греха, а значит, не было и нужды в прощении.

Олдершоу скользнул из галереи в сады. Единственными огнями здесь были небесные. Справа от него, в тридцати ярдах позади Нового здания, частично скрытый кустами, стоял Иерихон, студенческий нужник. Фрэнк пошел в противоположном направлении, в глубь того, что казалось сгустком темноты за восточным краем часовни. Сырая трава промочила тапочки. Тени шевелились вокруг. Ему показалось, что на мосту что-то движется. Но в тот же миг оно исчезло.

Что-то или кто-то?

Ерунда, ничего там не было. Фрэнк выпрямился что есть сил, раскинув руки. Рукава мантии походили на черные крылья. Он медленно заскользил по траве.

— Теперь, — вслух сказал он. — Теперь я знаю, что могу делать все, что угодно. — Затем вдохнул холодный воздух и двинулся к Длинному пруду. — Я могу делать все, что угодно, — повторил он, на этот раз громче. — Я свободен. Я Бог. Я Святой Дух.

Он припал к земле на берегу пруда. Луна сияла из черной воды. Он коснулся ее пальцами. От кончиков побежала едва заметная рябь. Отражения звезд заплясали, и луна покачнулась и разлетелась на множество лунных осколков, мириады лун над другими планетами.

— Я Бог, — повторил он, глядя на созданные им разбегающиеся вселенные. — Я Святой Дух.

Он выпрямился и издал звук, который отчасти был смехом, отчасти — клацаньем зубов. Он принял решение пройти вдоль Длинного пруда к калитке Сада членов совета и обратно. Понаблюдать за вселенными в пруду. Затем вернуться в свои комнаты, забраться в кровать и уснуть без сновидений. А когда он проснется, Сильвия уйдет навсегда, и все снова будет хорошо.

Фрэнк мог пойти по дорожке, но держался травы, смутно подозревая, что холод и сырость некоторым образом связаны с ценностью того, что он делает. Его глаза привыкли к темноте. По другую сторону воды он различал верхушки деревьев в садах, черные

силуэты на фоне неба, похожие на кончики перьев. «Черных перьев, — подумал Фрэнк, — в пару к его собственным черным крыльям». Это тоже должно что-то значить: однажды вечером в клубе принесли в жертву черного петуха, чтобы привлечь удачу.

В том месте, где пруд изгибался, Олдершоу нырнул в сгусток темноты под деревом Основателя, ниспадающие ветви которого припали к земле, словно ноги паука. Вытянув руки, он медленно вошел под его полог.

Его левая рука чего-то коснулась. Фрэнк остановился, его разум поспешно вцепился в этот неожиданный обрывок информации. Что это? Его рассудок жонглировал отрицаниями: не холодное, не мокрое, не твердое. Его руки опустились на пару дюймов, и на кратчайшее мгновение он коснулся плотной бархатистой ткани, под которой ощущались женские груди, подымавшиеся и опускавшиеся, подобно черной воде, под его пальцами. И еще он нащупал нечто металлическое, изогнутое, немногим крупнее его большого пальца.

Фрэнк завизжал, высоко и пронзительно, как женщина или ребенок. Перед глазами мелькнул бешеный вихрь. Он обернулся.

Черное на серебряном. Не мужчина... женщина.

Фрэнк снова завизжал. Он побежал, слепо ринулся в непроглядную паучью темноту под восточным платаном, где невозможно было что-то разглядеть.

Земля ушла у него из-под ног.

Святой Дух ходит по воде.

— Что это? — Холдсворт резко выпрямился. — Вон там.

Это были первые слова, произнесенные за несколько минут, а то и дольше. Олдершоу поднял голову, которая лежала на руках на столе. Воздух остывал, и в саду осталось совсем мало света, не считая свечи в окне коттеджа и звезд.

Они молча прислушались. Тихое журчание воды, шелест листьев. Крик совы.

— Утка, — предположил Фрэнк. — А может, лиса.

Холдсворт встал и медленно пошел через сад к мельничному пруду. Затем присел на корточки на берегу, набрал воды в ладони и умылся. Он знал, что должен быть пьян, но сейчас не чувствовал этого. Рассказ Фрэнка все еще висел в воздухе, подобно сну. Джон взглянул

на небо, как Фрэнк в ту ночь, когда увидел привидение, и вспомнил, как Мария стояла во дворе дома на Банксайд через несколько недель после смерти Джорджи. Он нашел ее там однажды ночью; она стояла на декабрьском морозе, смотрела вверх и крутила головой из стороны в сторону, словно моряк в поисках земли. Небо было не таким ясным, как сегодня, но даже над Саутуарком светили звезды.

— Что ты делаешь? — спросил Джон.

— Ищу Джорджи, — ответила Мария.

Он вынес плащ и накинул ей на плечи. Мария верила, что Джорджи на небесах, и верила также, что у него есть свое место среди звезд, такое же реальное, как дом на Банксайд. Если как следует посмотреть, его можно увидеть. Как и все живые существа, она вглядывалась в бескрайний простор ночного неба и помещала туда все, что хотела.

Джон вернулся к столу.

— Ваша голова была полна фантазий в ту ночь, — сказал он Фрэнку. — Вино, лауданум, кофе, ваши сны... все они способны породить сонм чудовищ. А насколько это легче, если они действуют сообща? Вот видите, как вероятно, что ваше привидение — всего лишь плод воображения, а не странное отклонение от естественного хода вещей.

Фрэнк коснулся его рукава.

— Чувствуете? Я ощутил ткань ее плаща. Мягкая... бархатная.

— Бархат носят и другие. Возможно, вы коснулись живого человека.

— Нет, сэр, нет... на плаще была застежка... в форме буквы «S». «S» значит «Сильвия», в виде змеи. Я не мог ошибиться, я трогал ее собственными руками. К тому же видел кого-то на мосту. Я уверен в этом. Это Сильвия.

Холдсворт вздохнул.

— Но если это действительно было привидение миссис Уичкот, почему она пришла в Иерусалим?

— Она пришла не в Иерусалим, сэр. Она пришла ко мне.

— Почему?

— Потому что она была бы жива, если бы не я.

Поднялся ветер, шелест листвы на деревьях стал громче.

Внезапно Холдсворт ощутил огромную усталость. Фрэнк болтает чепуху, но, по крайней мере, звучит она совершенно разумно. Это прогресс?

— Так что, это все? — спросил он. — Это ваше привидение?

Фрэнк не ответил.

— Если мы найдем способ упокоить леди с миром, все снова будет хорошо?

— Ничего уже не будет хорошо, — ответил Фрэнк.

Он встал из-за стола и медленно пошел по дорожке к коттеджу. По пути он бормотал:

— Вы ничего не понимаете. Привидение — только часть. Боже праведный, да разве привидение что-то значит?

Утром в четверг Уичкот потребовал, чтобы Огастес побрил его — парень был на удивление ловок, — и оделся особенно тщательно. Внешний вид крайне важен, когда это единственное, что у вас есть. В сопровождении мальчишки, переодетого в плохо сидящую ливрею, он зашагал по Кембриджу, принимая приветствия друзей и знакомых, но избегая беседы. К тому времени, как он достиг дома на Трампингтон-стрит, часы вокруг отбивали одиннадцать.

Доркас провела его в гостиную.

— Он в Уайтбиче, — без предисловий сказал Уичкот, когда дверь затворилась. — Это всего в четырех или пяти милях от Кембриджа.

Миссис Фиар промолчала. Она опустила в кресло странно грациозным для такой невысокой и коренастой женщины движением, жестом пригласила его сесть и заговорила, только когда он повиновался.

— Откуда вы знаете?

— Мой слуга проследил за ними. Они поселились на водяной мельнице, принадлежащей колледжу. Он с Холдсвортом, а Малгрейв при них. Больше никого не видно. Миссис Карбери посетила их вчера.

— Несомненно, леди Анна желает знать, как поживает ее сын. И как же он поживает? Ваш мальчишка сумел составить мнение?

— Он видел лишь приезд и отъезд миссис Карбери. Затем он спрятался в саду, где Холдсворт и мистер Фрэнк провели большую часть времени. Но он был недостаточно близко, чтобы подслушать их разговор.

— Итак, мы знаем только где они и кто с ними, — кивнула миссис Фиар. — Что ж, уже неплохо.

— Мы знаем немного больше, мадам, — Филипп помедлил. — Вернее, не то чтобы знаем. Это всего лишь впечатление глупого мальчишки. И все же у него, похоже, острое зрение, и, возможно, он не так уж и глуп. Он сказал, что Холдсворт и мистер Фрэнк разговаривали и разговаривали весь вечер, и, насколько он может судить, беседа их текла вполне разумно. Никаких истерических припадков, внезапных движений, криков или слез... короче говоря, ничего, что указывало бы, что любая из сторон менее здравомысляща, нежели вы или я.

— Вы полагаете, что мистер Фрэнк исцелился?

— Возможно. Или, по крайней мере, ступил на путь к исцелению. И если миссис Карбери сообщит об этом ее светлости...

Он осекся. Мгновение оба молчали. Уичкот услышал где-то в доме движение и смех, поспешно придушенный. Огастес и Доркас развлекали друг друга.

— Все это из-за привидения, — медленно произнесла миссис Фиар. — Какая нелепость!

— Наша проблема не в привидении, мадам. Проблема в том, что случилось в клубе.

Она нахмурилась, глядя на него.

— Не совсем. Разве мы с этим не справились? Проблема возникла позже, и мы знаем, кто за это в ответе.

— Сильвия, — откликнулся Уичкот. — Неужели она никогда меня не оставит? Разве она не ранила меня достаточно, когда была жива?

По мере того, как протекали дни, Элино́р позволила себе надеяться, что худшее позади. Сразу же по возвращении в Иерусалим после визита на Уайтбич-Милл, она написала леди Анне и послала письмо срочной почтой утром в четверг. Леди Анна прислала ответ на следующий день. Она была поистине рада прогрессу в состоянии Фрэнка и милостиво склонна высоко ценить услуги, оказанные ему четой Карбери. К письму она приложила чек на пятьдесят фунтов для своих кембриджских банкиров, чтобы покрыть возможные расходы, которые Карбери понесут от ее имени.

Но самое главное, она написала в постскриптуме: «Я сознаю, какие усилия вам приходится прикладывать ради меня. Вот увидите, дорогая, я не забываю оказанных мне услуг».

— Весьма любезно, — заметил доктор Карбери, когда она прочитала письмо. — И деньги тоже не помешают. — Он взглянул на Элино́р и улыбнулся. — Вам больше незачем волноваться о ежегодной ренте, которую ее светлость обещала оставить вам в своем завещании. Полагаю, этот вопрос решен окончательно.

Соресби дважды посещал Директорский дом, по приглашению, закрепляя свою измену партии Ричардсона. Он пил чай с Элино́р, которая поначалу нашла его неловким и молчаливым. Соресби не привык к обществу леди и обращался с ней с таким безмерным

уважением, что ей становилось не по себе. Однако она попыталась его ободрить, и к концу второго визита он стал почти общительным, выказывая быстрый и нервный ум, который вполне гармонировал с его порывистыми движениями и хрустом суставов.

— Он не так уж и плох, — сказал Карбери после. — Его ученость вне всяких сомнений, и он ничуть не ниже самого Грязного Дика, когда тот был сайзаром.

— Мистер Соресби сказал мне, что занимался с мистером Аркдейлом, — сообщила Элинора.

Карбери потер руки.

— Все к лучшему. Это разозлит мистера Ричардсона. И дядя мистера Аркдейла будет доволен, в то время как Соресби заведет знакомство, которое позже может ему пригодиться. Если он сумеет связать мистера Аркдейла обязательствами, тем лучше.

— Мистер Аркдейл не казался мне книжником, сэр.

— Мне тоже... но тяга к знаниям может произрастать на самой неожиданной почве.

Они впервые почти развеселились — или, по крайней мере, попытались создать друг у друга такое впечатление. И все же прогноз Джермина тенью лежал на обоих.

После завтрака в понедельник, двенадцатого июня, Джон с сумкой на плече отправился в Кембридж. Он решил на несколько часов предоставить Фрэнка самому себе. Юноше стало лучше, и одним из признаков этого служило раздражение от постоянного присутствия Холдсворта. Лекарством было позволить подопечному вкусить свободы... и тем самым показать, что он верит в улучшение его состояния.

Тем не менее, это выглядело опасно. Холдсворт не знал, что ждет его по возвращении на мельницу.

Он провел в Кембридже и его окрестностях уже две с половиной недели. Город становился знакомым. На Бридж-стрит Джон заглянул в один или два магазина, чтобы выполнить поручения, данные Малгрейвом. Было уже около половины третьего, когда он завернул в главные ворота Иерусалима. Ступив на Церковный двор, увидел мистера Ричардсона, который прогуливался по галерее с Гарри Аркдейлом.

— Сорок седьмая теорема обычно считается самой сложной в первой книге, — говорил тьютор. — Но должное усердие поможет вам справиться...

При виде Холдсворта он отвернулся от Аркдейла.

— Дражайший сэръ, как поживаете? Нам так вас не хватало! Прощу, прогуляйтесь по саду со мной. У меня к вам есть приватный разговор. Мы с мистером Аркдейлом почти закончили, и я присоединюсь к вам через мгновение.

Рассыпавшись в поклонах, Ричардсон вновь повернулся к ученику:

— Так вот, не кто иной, как наш мистер Доу подробно разъяснил наиболее мудреные теоремы Эвклида. Вы найдете его книжицу в библиотеке, и я рекомендую ознакомиться с ней, прежде чем приступать к решению проблемы. И если уж мы заговорили об этом, никто лучше Маклорена^[33] не поможет вам с алгеброй, — он взглянул на церковные часы. — Но я не стану вас больше задерживать, мистер Аркдейл... смотрю, уже почти пора обедать.

Студент взглянул на Холдсворта, как будто хотел что-то сказать. Но Ричардсон не дал ему такой возможности. Он взял Холдсворта под руку и повлек к церковной галерее и садам за ней. Когда они шли по дорожке к калитке Сада членов совета, пошел дождь. Они укрылись под восточным платаном. Дождь полил сильнее, но капли воды не проникали сквозь густой зеленый полог над их головами.

— Слышали новость? — Лицо Ричардсона утратило привычную светскость; злоба исказила его черты. Он продолжил, не давая Холдсворту ответить. — Никогда бы не подумал, что такое возможно, даже от доктора Карбери не ожидал.

— Почему? Что он сделал?

— Подкупил одного из моих учеников. Другого слова и не подберу, сэръ. Розингтонское членство вскоре освободится, и он предложил его не кому-нибудь, а Соресби. Но я его раскусил. Очевидно, он намерен купить верность Соресби. Самое печальное, что столь гнусная уловка, по-видимому, удалась. Полагаю, грешно винить беднягу за то, что тот согласился. В конце концов, чего стоит простая благодарность по сравнению с таким весомым соблазном, как Розингтон?

Ливень продолжался всего три или четыре минуты и выдохся, как выдохлась и ярость мистера Ричардсона.

— Простите мне неуместную откровенность, — он коснулся рукава Холдсворта. — Глупо с моей стороны терзаться по столь ничтожному поводу. Но когда живешь бок о бок, как мы здесь, нелегко сохранять чувство меры. Однако обещание членства человеку, который, несмотря на свою даровитость, еще не получил степень бакалавра искусств, противоречит всем правилам. Я содрогаюсь при мысли, что в других колледжах говорят о нас. Но давайте оставим эту тему... я хотел спросить вас о много более важном деле. Ходят слухи, что вы проводите время с мистером Фрэнком Олдершоу. Это правда? Как поживает милый мальчик?

— Увы, это не моя тайна, — улыбнулся Холдсворт.

— А, так вот куда дует ветер? Что ж, где бы он ни был, надеюсь, он идет на поправку. Дайте знать, если я смогу быть полезен ему или вам. И если случайно увидите его, непременно передайте мои наилучшие пожелания.

Дождь прекратился. Мужчины медленно пошли сквозь зеленую тень дерева к Церковному двору и Новому зданию. Оба молчали. Слева раздался металлический грохот, который прекратился через несколько секунд. То был стук обитых железом колес по каменным плитам. Том Говнарь совершал обход. Церковный колокол зазвонил.

— А! Пора обедать. Вы отобедаете с нами, сэръ? Мы были бы очень рады.

— Спасибо, нет, — ответил Холдсворт. — Кстати, у меня к вам неожиданный вопрос — я хотел осведомиться о ране Миссис Уичкот.

— Ее ране? — Ричардсон остановился, вздернув брови. — Вам известно больше, чем мне.

— Когда я разговаривал с золотарем, он упомянул, что у нее была какая-то рана на голове. На левом виске.

Ричардсон засмеялся.

— То, что Том назвал раной — всего лишь чуть заметное пятно. Старый синяк, по всей видимости... возможно, бедная леди ударилась головой о балку за день или два до смерти. Как это типично для необразованных умов — выводить мелодраму из самых приземленных обстоятельств.

Иерихон представлял собой кирпичную уборную, которая стояла у внешней стены колледжа на южной стороне садов. Дверь приподнята на ярд от земли, и к ней вели пять каменных ступеней. Окна отсутствовали, только линия длинных прямоугольных отдушин под самым карнизом. Под дверью и ступенями имелась еще одна дверь, такая же широкая, как первая, но не более четырех футов высотой. Обе были открыты. Тачка Говнаря стояла поблизости.

Холдсворт поднялся по ступеням и остановился в верхнем дверном проеме. Кабинка была пуста. Внизу, однако, кто-то что-то скоблил, шаркал и отплевывался.

Вдоль правой стены тянулась четырехместная скамья; дыры отделялись друг от друга низкими перегородками, которые предоставляли скорее намек на уединение, чем подлинное таковое. Поколения студентов выцарапали на дереве свои инициалы и различные оскорбления и непристойности.

Колокол часовни продолжал звонить, созывая членов колледжа на обед в зале.

Когда Холдсворт покинул уборную, Том вышел из нижней двери, согнувшись, чтобы не удариться о низкую перемычку. Плотный фартук, вымазанный экскрементами и мочой, защищал его одежду. Он нес ведро, переполненное нечистотами и обрывками газетной бумаги, которое опустошил в свою тачку. В другой руке Том держал испачканный носовой платок, обшитый кружевом. Немелодично насвистывая, он засунул платок в маленький мешок, висевший на ручке тачки, выпрямился, прочистил нос, зажав его большим и указательным пальцем, и заметил наверху Холдсворта.

— Вы позже, чем обычно? — спросил Джон.

— Я прихожу, когда могу, сэр, — Том щелкнул себя по лбу в знак приветствия и снова повернулся к двери выгребной ямы.

— Погодите. Я хочу с вами поговорить.

— Со мной? — повторил Том, как попугай, умудрившись создать впечатление, что и понял он не больше, чем сумел бы понять попугай.

— Я хочу вас о чем-то спросить.

— Ну так спрашивайте, сэр. В Иерихоне после обеда вечно не протолкнуться, — он беззубо ухмыльнулся. — Вам бы не понравилось торчать тут внизу, когда молодые джентльмены наверху, сэр, уж поверьте, не понравилось бы.

Холдсворт позвенел мелочью в кармане.

— Я насчет вашей находки в Длинном пруду.

— Привидения-самоубийцы, сэр?

— Черт побери, приятель, она не самоубийца и не привидение.

Она женщина из плоти и крови, которой не повезло упасть в воду и утонуть.

— Как скажете, сэр.

— Вот именно. А теперь послушайте: когда мы разговаривали в «Энджеле», вы сказали, что когда нашли тело, вашей первой мыслью было, что это миссис Карбери, потому что она единственная женщина, которая спит в коттедже.

— Одна из двух.

— Что?

— Ее служанка тоже здесь спит, — Том Говнар хихикнул. — Не очень-то естественно, сэр. Всего две женщины и прорва мужчин.

— Послушайте, вы сказали, что это не она бродила, не на этот раз. То есть, вы имели в виду, что миссис Карбери иногда гуляет в саду на рассвете? А то и по ночам?

Том переступил с ноги на ногу у низкого дверного проема, ведро звякнуло. Он не смотрел на Холдсворта.

— Ну? Так это или не так?

Золотарь взглянул на Холдсворта и отвернулся.

— Иногда, может быть.

— Она знает, что вы ее видели?

Том пожал плечами.

— Несомненно, она слышала стук колес?

— Я не все время расхаживаю туда-сюда, сэр. Иногда просто встану где-нибудь, отдохнуть на минутку.

— Итак, вы курите трубку, или глотаете что-нибудь, чтобы согреться, или дремлете? Вполне естественно. И где вы этим занимаетесь?

Том неопределенно махнул рукой, описав неровную дугу, которая охватила большую часть колледжа.

— Да так, нигде, сэр. Все, что мне нужно — укрытие от непогоды да капелька покоя.

— Возможно, под тем большим деревом у пруда?

Том кивнул.

— И где вы видели миссис Карбери?

— В Директорском саду, сэр, она расхаживала взад и вперед. И порой выходила сюда. Через вон ту калитку на другой стороне моста. Наверное, леди не может уснуть.

Холдсворт достал из кармана горсть медяков.

— Выходила? Так, значит, она больше не бродит по ночам?

— Откуда мне знать, сэр? Я знаю только то, что видел. Или слышал. И я не видел и не слышал ее уже много недель. Не то чтобы специально ее караулил, впрочем. У меня и без нее работы хватает. Так что, может, она разгуливает по-прежнему. А может, леди теперь крепче спит.

Холдсворт протянул руку. Говнарь уставился на монеты.

— Я видел их обеих однажды, — сказал он.

— Что? Кого?

Золотарь вытер нос рукавом.

— Директорскую жену, сэр. Она была с той, которая умерла, с привидением.

— Когда это было? — рявкнул Холдсворт.

Том испуганно уставился на него.

— Много месяцев назад, сэр. Еще до Рождества, до того, как хорошенькая умерла. Они гуляли в саду под луной.

Похожие на съезжившихся академиков^[34], две серые вороны расхаживали по неприкосновенному квадрату травы посередине Церковного двора. С тростью в руке, Филипп Уичкот вошел в галерею со стороны привратницкой. Все в нем было опрятно и элегантно. Птицы неуклюже захлопали крыльями и неуверенно поднялись в воздух.

Никого рядом — в послеобеденный час в Иерусалиме мало что происходило. Уичкот подошел к подъезду в юго-восточном углу двора и поднялся на площадку второго этажа. Наружная дверь в комнаты Фрэнка по-прежнему оставалась закрытой, а вот к Аркдейлу — открыта, и он замолотил во внутреннюю набалдашником трости.

— Дражайший Гарри, как поживаете? Сто лет вас не видел.

Аркдейл, который стоял у стола и разбирал груды книг, положил томик, который держал, и подошел поприветствовать Уичкота.

— Рикки загрузил меня чтением. Я много дней не выходил из колледжа.

— Так не годится, — сказал Филипп. — Послушайте, вы же не станете отрицать, что чрезмерное чтение вредно; от него скисают мозги. А у меня есть прекрасный план, как помочь вам развеяться. Я пришел пригласить вас на скромный ужин. Всего несколько ближайших друзей. И подумал, может нам развлечься игрой в карты после ужина?

— Вы очень любезны, но у меня нет времени.

Уичкот был слишком хорошо воспитан, чтобы выказать удивление.

— В таком случае устроим что-нибудь другое. Чудесный день... может, прогуляемся вдоль реки?

— Увы, не могу, — Аркдейл указал на книги на столе. — Слишком много дел. Когда вы пришли, я собирался в библиотеку.

— В библиотеку! А! Понятно: это дело рук вашего опекуна, очевидно?

— Сэр Чарльз, разумеется, желает, чтобы я уделял должное внимание занятиям, — грубовато ответил Гарри.

— Что ж, ничего страшного, — небрежно произнес Филипп. — Я навещу вас позже, когда вы не будете так заняты книгами. Хочу назначить день следующего клубного обеда, а до того должен удостовериться, что вы свободны.

Он поговорил о пустяках еще минуту-другую, чтобы сгладить неловкость, которая могла возникнуть в беседе. Затем подошел к ближайшему окну и лениво выглянул во двор. Высокий мужчина быстро шел по противоположной стороне двора к проходу у профессорской. Это был тот самый человек, которого Огастес не пустил в Ламборн-хаус воскресным утром после грозы.

Уичкот снова повернулся к Аркдейлу.

— Это, случайно, не мистер Холдсворт?

— Вполне возможно. Кажется, я видел его перед обедом. Он пришел в колледж, когда я разговаривал с Рикки, и они вместе куда-то отправились.

— Я думал, он уехал из Кембриджа с Фрэнком. Кстати, как поживает наш друг? Есть свежие новости?

— Рикки полагает, что его здоровье значительно улучшилось, иначе Холдсворта здесь не было бы.

— Замечательно. Надеюсь, мы скоро увидим Фрэнка среди нас, — Филипп снова выглянул в окно. Мужчина исчез. — Он к нам надолго? В смысле, мистер Холдсворт. Я думал, ему поручено осмотреть библиотеку колледжа.

— Я не знаю.

Подкрепиться Аркдейл не предложил, равно как и не выказал желания продолжить беседу. Уичкот откланялся и заглянул в привратничью, где его ждал Огастес. Мепал сообщил, что Холдсворт ненадолго заглянул в колледж перед обедом, и нет никаких оснований полагать, будто он проведет здесь ночь. Также Мепал ничего не слышал о местонахождении Фрэнка Олдершоу.

Филипп в нерешительности остановился за воротами Иерусалима, мысленно взвешивая варианты. Потом позвал Огастеса.

— Мне нужна лошадь на остаток дня. Иди в конюшни и скажи, что я приду через час и намерен сразу же уехать.

— Расскажите мне правду, — попросил Холдсворт.

Элино́р Карбе́ри несколько секунд молчала. Под ногами равномерно хрустел гравий дорожки. Этот мужчина постоянно приводит ее в замешательство. Она с усилием собралась с мыслями и повернулась к нему:

— Правду, сэ́р? И какую же часть ее вы хотите услышать?

— Я имел в виду ту, в которой упоминается ваш лунатизм.

Она остановилась.

— Мой лунатизм?

— Я употребил этот термин в прямом, а не переносном смысле. Я не имел в виду, что вы ходите во сне, мадам. Однако золотарь сказал мне, что порой вы гуляете в садах под луной.

Элино́р огляделась по сторонам. Рядом никого не было.

— Да, порой мне трудно уснуть, и потому я выхожу подышать свежим воздухом. Но я не хотела бы, чтобы это стало общеизвестным.

Джо́н поклонился.

— Понимаю. И понимаю также, что упражнение тела может поспособствовать сну. Более того, я и сам часто пользуюсь этим способом и совершаю круг-другой, прежде чем отправиться в объятия Морфея. Так вы гуляете здесь, мадам, в саду доктора Карбе́ри?

— Да, конечно. Он совершенно уединенный, как вам известно.

— Еще Том говорит, что иногда вы проходите за калитку, через мост в сад колледжа.

— Да, — признала Элино́р, и ее взгляд метнулся к упомянутой калитке и восточному платану Основателя. — Однако очень редко. Доктору Карбе́ри не по душе мои ночные одинокие прогулки, даже в нашем саду. — Она ощутила себя в ловушке, далеко не впервые в жизни, и искала дорогу к спасению. — Быть может, вернемся домой и проверим, не возвратился ли он? Не представляю, что задержало его в профессорской.

— Еще секунду, пожалуйста.

В своем нетерпении Холдсво́рт осмелился коснуться ее предплечья. Тело Элино́р вспыхнуло под тонкой тканью платья. Она нахмурилась. Джо́н, похоже, не заметил. Он уже не стоял так близко, а чуть отстранился, словно хотел рассмотреть ее более внимательно.

— Том видел, как вы гуляли ночью в саду с Сильвией.

Элино́р сверкнула глазами.

— При чем тут это? Она иногда оставалась у меня ночевать. И ей тоже бывало трудно заснуть.

— Выходит, она была знакома с ночным Иерусалимом.

— И что с того?

— Возможно ли, что вы отсутствовали в ту ночь, когда Фрэнку Олдершоу показалось, будто он видел привидение миссис Уичкот?

Элино́р, не ответив, отвернулась и медленно пошла по дорожке в сторону Длинного пруда. Звук его шагов преследовал ее. Хотелось закричать от разочарования. Ну почему он так несносен?

Джон поравнялся с ней.

— Уверен, вы понимаете, какая это соблазнительная гипотеза, мадам.

Она не смотрела на него.

— Соблазнительная?

— О да, ведь она разом отвечает на все вопросы.

— Соблазнительная, — повторила Элино́р с величайшей осторожностью, как будто слово было хрупким, словно птичье яйцо, и с ним следовало обращаться как можно бережнее.

— Да, соблазнительная, — Холдсворт находился совсем близко, и она задалась вопросом, какое эхо породило это прилагательное в его голове. — Данная гипотеза предлагает безупречно рациональное объяснение произошедшего в ту ночь. С одной стороны, у нас есть молодой мистер Олдершоу, который, по его собственному признанию, изрядно выпил, а после добавил еще кофе и лауданума. Потом внезапно очнулся от глубокого сна. Его настроение в любом случае можно считать подавленным. Он бродит по темному саду, полагая, что находится в полном одиночестве, и вдруг встречает женщину там, где таковой быть не может. Смерть Сильвии на этом самом месте не выходит у него из головы. Неудивительно, что испытанное на время лишает его рассудка, учитывая, что он уже находился в состоянии нервного истощения, и принимая во внимание все обстоятельства. Так что эта гипотеза, окажись она верной, объяснит явление призрака. Я не сомневаюсь, что она убедит мистера Олдершоу и удовлетворит леди Анну.

Джон умолк и посмотрел на Элино́р. Она игнорировала его, отвернувшись и изучая поверхность пруда.

— Мадам, — тихо произнес он. — Так и есть? Это больше, чем просто гипотеза. Это то, что случилось на самом деле.

Не сводя глаз с воды, она произнесла почти шепотом:

— Золотарь утверждает, будто видел меня в ту ночь? Это ваш свидетель?

— Нет, мадам. Ему ничего не известно о вашем местонахождении в ту ночь. Более того, он явился в Иерусалим намного позже, лишь утром. Но мы не в суде, и суть дела не в том, чтобы убедить присяжных. Мы всего лишь должны найти теорию, которая объясняет все факты в том виде, в каком они нам известны. И вы не можете не понимать всей привлекательности данной теории.

— Мои слова что-либо значат, сэр? Вы уже ухватились за свою теорию, и если мой ответ противоречит ей, несомненно, вы его проигнорируете.

— Разве я способен проигнорировать ваши слова, мадам?

Холдсворт остановился, но она промолчала, хотя ощутила, как краска заликает щеки от его дерзости.

— Леди Анна возложила на мои плечи большую ответственность, — продолжил он. — Я должен справиться как можно лучше. Вы были в саду в ту ночь?

— Так или иначе, это всего лишь мое слово. Хотите — верьте, хотите — нет.

— Я предпочел бы услышать ответ от вас, мадам. Были вы там или нет.

— Не была, — ответила Элинора.

— Мой долг — попытаться вернуть мистеру Олдершоу рассудок. Даже если я не могу представить доказательства, это остается превосходной альтернативой идее, будто он видел призрак мертвой женщины. Несомненно, даже простое знание о возможности подобного может пойти ему на пользу.

Элинора повернулась и взглянула на него. Ее кожа была горячей и липкой и словно отставала от плоти.

— Умоляю, никому не говорите о возможности этого. Я знаю ее светлость. Ее принципы тверды, суждение сурово. Она придет в ужас от одной лишь мысли о том, что леди обладает привычкой бродить по ночам в одиночестве, безо всякой защиты, единственная женщина в

колледже, полном молодых джентльменов. Она не замедлит осудить равно грех и грешницу. И мольбы о пощаде не будут услышаны.

— Мадам, я не могу поверить...

— Погодите, — перебила Элино́р. — Это только часть, и самая незначительная. Полагаю, вам известно, что здоровье доктора Карбери пошатнулось?

Холдсворт кивнул.

— Могу я вам довериться?

— Сочту за честь, мадам.

— Если случится худшее, я не могу рисковать дружбой леди Анны. Мне больше не к кому обратиться на всем белом свете. Женщина, лишённая друзей, не может позволить себе бедность.

Она смотрела на него. Прежде не замечала линий, которые врезались в его лицо, прочертили лоб, брызнули из внешних уголков глаз. Холдсворт несколько дней не брился, и на его щеках и подбородке пробилась черная щетина с редкими седыми вкраплениями, особенно над верхней губой.

— Надеюсь, ваше будущее не будет таким беспросветным, как вы опасаетесь, мадам, — мягко произнес он. — Оно может принять совсем иное, более счастливое направление.

В последовавшей тишине они глядели друг на друга. «Вот и еще одно осложнение», — подумала Элино́р. В устах другого мужчины подобная любезность могла бы послужить почти объяснением в любви.

— Я повторю, если хотите, — она внезапно разозлилась, потому что доктор Карбери еще жив, и испытывала чувство вины, поскольку отчасти об этом сожалела. — Просто на всякий случай. Я не была в саду в ту ночь. Слышите, сэ́р? Не была. Ну что, вы довольны?

— Всецело. Однако очень жаль. Это было бы прекрасным решением проблемы.

— Прекрасным для вас, возможно, но неудобным для меня.

Джон отвел глаза.

— Есть и другой вопрос, и я не уверен, что мистер Олдершоу окончательно придет в себя, прежде чем он будет решен. Если вообще будет решен.

— Что вы имеете в виду, сэ́р?

— Да то, что вообще привело к появлению истории с призраком, а именно, характер смерти миссис Уичкот.

Покинув Директорский дом, Холдсворт поспешно нырнул в проход и вышел на Церковный двор. Чем больше он узнавал об Иерусалиме, тем больше замечал под его поверхностью странных и тревожащих теней, которые не имел желания пристально разглядывать. Во время ужасного допроса в саду он с величайшим трудом сдерживал свое влечение к Элинор Карбери. Его тошнило от собственной глупости. Сложно было избрать менее подходящий предмет страсти.

Это хуже, чем глупость. Это прелюбодеяние. Элинор замужем за доктором.

Джон заставил мысли избрать другое, более безопасное направление. Элинор Карбери лгала? Она гуляла под платаном в ту ночь, когда Фрэнк сошел с ума? Она сама была привидением? Или нашла другой способ преследовать мужчину?

Лишь преодолев половину Церковного двора, Холдсворт заметил две знакомые фигуры, которые стояли у двери в библиотеку. Мистер Ричардсон разговаривал со своим учеником, щеголеватым мистером Аркдейлом, который казался еще более розовым и надутым, чем обыкновенно. Холдсворт не успел изменить курс и избежать встречи с ними, но принял страшно занятой вид и попытался отделаться торопливым кивком, как если бы был поглощен выполнением неотложного поручения. Однако Ричардсон повернулся к нему с протянутой рукой.

— Мистер Холдсворт, собственной персоной! Прошу вас, сэр, присоединитесь к нам на минутку! Я отчаянно нуждаюсь в вашем совете.

Спасения не было. Он позволил Ричардсону отвести себя в сторону. Аркдейл ждал в нескольких ярдах, тяжело переступая с ноги на ногу.

Тьютор понизил голос.

— Боюсь, среди нас завелся вор, сэр. Мистер Аркдейл только что поднялся в библиотеку и обнаружил, что замок на одном из шкафов взломан. Это тот самый шкаф, в котором мы храним наиболее ценные

книги, а также книги щекотливого характера. Несомненно, вы его помните? Я указывал вам на него. Слева от камина.

— Да. Встроенный в стену. Когда это случилось?

— Вероятно, во время обеда или сразу после. Библиотека была не заперта, и несколько человек находились поблизости. Обнаружив, что шкаф взломан, мистер Аркдейл весьма благоразумно отправился на поиски меня. Я быстро осмотрел содержимое полка, и полагаю, что пропал всего один том. Пьеса Марло.

— «Парижская резня»?

— Именно. Странный выбор...

— А может, дальновидный? — предположил Холдсворт.

— Почему же? У нас есть и более ценные книги.

— Это на редкость безупречное издание пьесы, самое раннее из известных, и, похоже, в оригинальном переплете. Но никто не знает, сколько экземпляров было напечатано, сколько до сих пор сохранилось и где они находятся. Поэтому если вор озаботится удалить с книги все пометки, ее будет относительно просто сбить с рук.

— А! Улавливаю вашу мысль. Так, значит, возможно, это вор, который знает свое дело?

Холдсворт кивнул.

— Возможно.

— И сколько подобная книга может стоить?

— Затрудняюсь ответить. Подобные вещи стоят столько, сколько за них могут предложить. Марло не слишком популярен в наши дни, но некоторые были бы рады заполучить его в свою коллекцию. Если вор действительно так умен, как кажется, он выждет подходящего момента. Возможно, будет искать частного коллекционера, а не книготорговца. Или же он украл книгу, так сказать, на заказ, и покупатель уже ждет ее.

Ричардсон взглянул на Аркдейла, который стоял как раз за пределами слышимости.

— Мистер Холдсворт, я еще не все вам рассказал. Есть и другое обстоятельство, но я не уверен, к добру оно или к худу, — он достал кое-что из кармана и положил на ладонь. — Когда мистер Аркдейл обнаружил, что шкаф взломан, он также нашел это внутри. Готов поклясться, что сегодня утром его там не было... Вышло так, что я открывал шкаф. Получается, это принадлежит вору.

На ладони Ричардсона лежал маленький перочинный ножик с костяной ручкой. Ножик был раскрыт. Тусклый металл лезвия был покрыт рубцами и шрамами. От постоянной заточки оно превратилось в тень себя самого. Металл ярко блестел лишь вдоль кромки.

— Вы полагаете, что этот инструмент был использован для взлома, сэр?

— Похоже на то. И мы с мистером Аркдейлом уже имели случай видеть этот самый нож. У него вполне характерная форма, знаете ли, и черная отметина на кости, как если бы ее коснулись чем-то вроде раскаленной кочерги. Боюсь, сомнений быть не может. Он принадлежит мистеру Соресби. Я сотни раз видел, как он его использует. Ковыряет им в зубах, подравнивает ногти и даже режет мясо.

— Мистера Соресби видели сегодня в библиотеке?

Ричардсон пожал плечами:

— Что до этого, он приходит и уходит так часто, что его почти не замечают. В конце концов, он библиотечный клерк.

Аркдейл придвинулся ближе.

— Послушайте, сэр, — сказал он Ричардсону. — Это чертовски неприятно. Поверить не могу, что Соресби выказал себя таким болваном. Да еще и забыл свой ножик.

— Мы не можем быть уверены, что это он, — хмурясь, возразил Ричардсон. — К тому же, кто способен прозреть скрытые пружины человеческого сердца? Когда одна рука совершает преступление, другая может найти способ в нем покаяться. Я глубоко признателен вам, мистер Аркдейл, за то, что привлекли мое внимание к происшествию, и не хочу более мешать вашим занятиям. Но могу ли я попросить вас никому не упоминать о случившемся, пока мне не представится возможность переговорить с мистером Соресби? Возможно, существует совершенно невинное объяснение.

Дело было неприятным, и Холдсворту тоже не терпелось уйти. Шагнув к привратнице, он произнес:

— У вас так много забот, сэр, и вы...

— О нет, прошу, останьтесь, мистер Холдсворт, — перебил Ричардсон. — Могу ли я злоупотребить вашей добротой и попросить еще об одной услуге? Столь деликатный вопрос требует поистине осторожного обращения, поистине точных расчетов. Ваша помощь

будет неоценима. Видите ли, на основании имеющихся улик, мы имеем *prima facie*^[35] веские основания подозревать виновность мистера Соресби в данном воровстве. Но улики еще не есть неопровержимое доказательство. Как библиотекарь и тьютор мистера Соресби, я должен немедленно нанести ему визит. Я не вправе встречаться с ним наедине, и в вашем лице объединены идеальные качества для свидетеля подобного разговора. Вы не член нашего колледжа, но обладаете некоторыми познаниями о его функционировании и заинтересованных лицах. Вы прибыли по поручению ее светлости, семья которой тесно связана с Иерусалимом. И вы близко знакомы с нашей библиотекой и ее содержимым.

Ричардсон взял Холдсворта под руку и провел сквозь ширмы по коридору, который отделял нижний конец зала от кладовой и кухонь, в открытый двор за ними. За оградой двора простиралась Иерусалим-лейн. По правую руку располагался Директорский дом. В северо-восточном углу, под прямым углом к Директорскому дому, вдоль границы Иерусалим-лейн, стоял Ярмут-холл. Ричардсон направился по диагонали через булыжный двор к входу в здание — тяжелой дубовой двери, украшенной фрагментами потрескавшейся перпендикулярной резьбы и установленной между двумя контрфорсами.

— Это крайне неудобное жилище для студентов, — заметил Ричардсон, отодвигая засов. — Здание очень старое и постоянно нуждается в ремонте.

Он провел Холдсворта в темный вестибюль с каменным полом. Коридоры уходили в обе стороны, винтовая лестница вела на верхние этажи.

Тьютор прижал к носу платочек.

— Боюсь, атмосфера здесь не слишком здоровая, — пробормотал он. — Сюда, сэ.

Они поднялись по лестнице. Ярмут-холл был поделен на три этажа, каждый из которых ныне содержал полдюжины комнатушек. Штукатурка осыпалась с перегородок, обнажая решетчатую основу. Под ногами хрустел мусор.

— По крайней мере, о доме можно сказать одно, — произнес Ричардсон, когда последний виток лестницы привел их на третий этаж. — Комнаты в нем стоят недорого, особенно эти, мансардные.

На верхнем этаже он постучал в дверь в дальнем конце коридора. Холдсворт услышал шаги и грохот засова. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и на них уставилось длинное встревоженное лицо Соресби.

— Мистер Соресби, добрый день. Можно войти?

Студент машинально отступил и распахнул дверь. На его лице было написано замешательство. Согнувшись, Холдсворт проследовал за Ричардсоном.

Комната была футов десять длиной, но не более пяти или шести шириной; потолок — наклонным. Камина не было. Шляпочка и мантия Соресби висели на гвозде у двери. Из-за наклонного потолка выпрямиться можно было только у внутренней стены. В дальнем конце стояла незаправленная кровать без полога; здесь, у двери, располагался грязный дощатый стол, на котором лежало несколько книг и, на деревянной тарелке, краюшка хлеба и несколько крошек сыра. Над столом, прямо к стене, была прибита маленькая полка с дюжиной книг.

Когда они вошли, Соресби отступил к кровати. Холдсворт остановился рядом с широко распахнутым слуховым окном. Оно выходило на юг, к колледжу, но из него было видно лишь глухую стену соседнего Директорского дома. Холдсворт посмотрел вниз. Навстречу потянулись неприятные запахи. Он находился прямо над маленьким двором, где стояли уборная и прачечная и где слуги Карбери иногда работали днем. Во дворе никого не было.

— Мистер Соресби, с прискорбием сообщаю, что мы пришли по неприятному делу, — заговорил Ричардсон.

Студент в замешательстве переводил взгляд с одного на другого.

— Я не понимаю, сэр. Что-то случилось? Мой отец?..

— Нет-нет, — перебил Ричардсон. — По крайней мере, на этот счет можете не беспокоиться. Нет, дело касается библиотеки. Но прежде чем я продолжу, вы не хотите мне о чем-нибудь рассказать? Это может оказаться в ваших интересах.

Ричардсон сделал паузу. Соресби покачал головой.

— Ну, хорошо. Я должен сообщить вам, что в библиотеке была совершена кража со взломом. Вор вошел в библиотеку сегодня — вероятно, во время обеда или сразу после. Взломал замок одного из шкафов и украл ценную книгу.

Соресби заметно съежился.

— Мне искренне жаль... Я...

— Что? Вы признаете свою вину?

— Нет, сэр. — С лица студента сбежали последние остатки красок. — Разумеется, нет. Я... я только хотел сказать, что сожалею, что не был рядом и не предотвратил кражу. Как библиотечный клерк...

— Да, конечно, мы еще поговорим о вашем небрежении долгом, — пообещал Ричардсон. — Но сейчас меня заботит не это. Меня заботит намного более весомая возможность, что вы сами украли книгу.

Соресби поднял руки, как будто защищаясь от удара, попятился от Ричардсона и ударился ногами о край кровати. Застигнутый врасплох, он резко сел.

— Совершенно очевидно, что ответственное лицо знает не только, какой шкаф открывать, но и какую книгу красть. Другими словами, вор был тесно знаком с библиотекой.

— Умоляю вас, сэр, заклинаю, оставьте подобное подозрение! — воскликнул Соресби. — Я бы никогда...

— Буду весьма признателен, если вы выслушаете обвинение, прежде чем попытаетесь его опровергнуть. Как я уже начал говорить, после обеда мистер Аркдейл поднялся в библиотеку. Он и обнаружил кражу. Он также нашел инструмент, использованный для взлома двери шкафа. Поступив весьма благоразумно, он немедленно отнес его мне. Могу добавить, что он его узнал, как и я.

Ричардсон достал перочинный нож из кармана. Соресби, не вставая с кровати, мгновение глядел на него, затем протянул к нему руку. Тьютор отдернул руку с ножом.

— Вы признаете, что это ваш нож?

— Разумеется, сэр. Я узнал бы его из тысячи... он принадлежит мне с малолетства. Это нож моего отца.

— Прекрасно, — Ричардсон бросил взгляд на Холдсворта. — В таком случае я вынужден спросить вас еще раз: это вы украли книгу?

Соресби открыл рот, но заговорить не смог. Он отчаянно тряс головой, его космы мотались из стороны в сторону.

— Очень жаль, но улики против вас настолько весомы, мистер Соресби, что мне остается лишь обыскать вашу комнату. Поверьте, необходимость сего отвратительна мне не меньше, чем вам, но вы же

понимаете, что, учитывая обстоятельства, у меня нет другого выбора. Если вы невиновны, что возможно, хотя свидетельства против вас весомы, то, естественно, желаете подтверждения вашей невиновности перед миром. — Ричардсон взглянул на Холдсворта. — Очень важно проделать все по правилам, сэр. Вы бесконечно обяжете меня, если встанете у двери и пронаблюдаете за обыском. — Он снова повернулся к Соресби: — Пожалуйста, встаньте рядом с мистером Холдсвортом. Но прежде чем вы это сделаете, не будете ли вы столь любезны вывернуть ваши карманы?

Соресби, пошатываясь, поднялся. Он вывернул карманы сюртука и бриджей, один за другим.

— Я... я заметил, что куда-то задевал свой нож, сэр, — пролепетал он. — Я думал...

Его голос увял. Он стоял рядом с Холдсвортом и дрожал, как будто в приступе малярии. Громко хрустнул сустав.

Ричардсон обошел комнатушку. Он действовал методично, как всегда и во всем: перевернул книги и осмотрел стол, даже заглянул под него. Рядом со столом на полу стоял деревянный ящик с записями Соресби, и он вывернул его содержимое на стол и поворошил указательным пальцем. Обыскал маленький шкаф, в котором студент хранил немногочисленную одежду и разную дребедень, от свечных огарков до ржавых игл.

Соресби дышал часто и неровно. Он весь горел, как будто в лихорадке. Холдсворт ощущал жар, исходящий от его тела, а также кислый запах, как будто страх можно было обонять.

Наконец тьютор подошел к кровати и сдернул покрывала с соломенного матраса. Осмотрел подушку и валик под ней. Обнаружил под кроватью пыль, горшок, из которого при выдвигании расплескалась моча, и скелет мыши. Изучил сам матрас, прощупав и промяв его с обеих сторон, как врач в добросовестном поиске опухолей на теле пациента.

Внезапно он поднял глаза.

— В соломе прощупывается прямоугольный предмет, мистер Соресби. Вот здесь... где шов разошелся. Вы не могли бы достать его мне?

Студент сглотнул. Открыл рот и снова закрыл, но не пошевелился.

— Вы слышали меня, сэр?

Соресби, спотыкаясь, пересек комнату и упал на колени У кровати. Ричардсон стоял рядом и наблюдал. Студент запустил руку под чехол матраса, в солому.

— Не здесь, — сказал Ричардсон. — С другой стороны.

Рука Соресби, скрытая от глаз, поменяла положение. Наконец он выудил переплетенный в кожу том в четвертую долю листа и пораженно уставился на книгу.

— Пожалуйста, дайте сюда, сэр, — потребовал Ричардсон.

Мужчины находились на расстоянии не более ярда. Не вставая с колен, точно проситель, Соресби протянул книгу Ричардсону. Тьютор взял ее и открыл на титульном листе. Он наклонил томик, чтобы Холдсворт тоже увидел название. «Парижская резня».

— Клянусь, — хрипло прошептал Соресби. — Клянусь, я...

— Прошу, не добавляйте клятвопреступление к своим прочим грехам, сэр. Что ж, мы на время удалимся. Оставайтесь в своей комнате, пока я за вами не пришло, — тьютор повернулся к Холдсворту: — Мне так горько, что вам пришлось наблюдать столь неприятный разговор. Но могу ли я еще немного злоупотребить вашей добротой и попросить сопроводить меня в Директорский дом?

Он едва заметно поклонился юноше и вышел из комнаты, задрал нос, как если бы пытался уберечь его от вонючей моральной нечистоплотности.

Холдсворт последовал за Ричардсоном. В дверном проеме он обернулся. Соресби все еще стоял на коленях. Его лицо было грязно-белым, почти серым. Глаза — широко распахнутыми и пустыми. Двигались только руки. Хрустнул сустав.

Филипп соскочил с лошади и распахнул ворота. Он завел ее во двор, и от стука копыт дюжина голубей вспорхнула в воздух. Когда всадник отпустил поводья, она подошла к кормушке и принялась пить.

Уичкот толкнул тяжелую дверь мельницы. Она была заперта. Он нашел это место без особого труда. Конюхи на платной конюшне обладали энциклопедическими познаниями об окружающей сельской местности, и один из них когда-то работал на мистера Смедли, арендатора колледжа в Уайтбиче. Филипп знал, что следующий час может определить направление всей его будущей жизни. Благоразумие указывало в одну сторону, инстинкты толкали в другую.

За спиной раздалися шаги. Из-за угла крытого соломой коттеджа появился Малгрейв. Он неуверенно направился к незваному гостю, кренясь в разные стороны по мере того, как переносил вес с короткой ноги на длинную и обратно. Остановился в нескольких шагах от Уичкота. Мужчины молча глядели друг на друга.

— Мне показалось, я слышал стук копыт, — произнес джип с мрачным удовлетворением человека, который опасался худшего и теперь, по крайней мере, утешается сознанием собственной правоты.

— Я пришел навестить мистера Олдершоу. Где он?

Малгрейв сплюнул на булыжники, едва ли в футах от ботинка Уичкота.

— Он сегодня не принимает.

— Черт бы побрал твое бесстыдство! — рявкнул Филипп.

Внезапно разъярившись, он выпрямился во весь рост. Вся тревога и разочарование последних нескольких месяцев вылились в восхитительном приступе злости. Не дав себе труда поразмыслить, он взмахнул правой рукой и вытянул Малгрейва хлыстом по лицу.

Захваченный врасплох, джип запоздало попытался уклониться от удара и перенес вес на короткую ногу. Нога подвернулась, и он упал. Уичкот снова вытянул его хлыстом, кончик которого на этот раз закрутился между шеей и плечом Малгрейва.

Джип застонал и поднялся на ноги. Он потерял шляпу и парик. Шатаясь, но, однако, поразительно быстро он убежал туда, откуда пришел. Уичкот зашагал за ним, размахивая хлыстом; его сапоги для

верховой езды стучали и скользили по булыжникам. Ярость нашла безопасный выход. Он почти испытывал благодарность к Малгрейву.

Филипп завернул за угол коттеджа и оказался в заброшенном саду. Малгрейва нигде не было видно. Возможно, он укрылся в коттедже, или даже на мельнице за ним. Уичкот заметил силуэт у воды, едва различимый за неухоженными фруктовыми деревьями внизу сада.

Сперва порка, затем купание. Это преподаст жулику урок.

Филипп понял ошибку, прежде чем достиг деревьев. Это Фрэнк сидел здесь, совершенно один, спиной к коттеджу. Его сюртук и шляпа лежали рядом на траве. В руке была удочка, и леска безжизненно висела в воде, покачиваясь вместе с течением. Фрэнк не обернулся, когда Уичкот подошел ближе, хотя наверняка услышал шаги.

«Благоразумие», — напомнил себе Филипп. Он ощутил непривычное спокойствие. Игра будет долгой.

— Фрэнк! — Уичкот подошел и улыбнулся, зная, что должен притворяться, как никогда прежде. Он переложил хлыст в левую руку, готовясь к рукопожатию правой. — Чудесный денек. Рад вас видеть.

Фрэнк положил удочку и встал. Он проигнорировал протянутую руку и сухо поклонился.

— Выглядите превосходно, — продолжил Уичкот, небрежно упирая отвергнутую руку в бедро, как если бы с самого начала намеревался это проделать. — Да вы ходячая реклама благотворного воздействия сельской жизни! Знаете, мне даже захотелось переехать и жить в уединении с вами. Будем рыбачить, охотиться и скакать верхом дни напролет. Вы один?

Олдершоу промолчал, но Уичкоту показалось, что он кивнул. Разобрать было сложно, поскольку солнце стояло низко. Оно находилось за спиной Фрэнка, скрывая его лицо и слепя Уичкота. Медово-золотистый свет пылал на кончиках волос, которые он не причесывал и не пудрил, точь-в-точь деревенский паренек.

— Увы, но мне пришлось поучить вашего слугу дисциплине, — продолжил Уичкот. — Этот тип, Малгрейв... черт бы его побрал, в его годы пора быть умнее. Он вел себя чертовски бесстыдно. Вы должны его уволить, честное слово, должны.

Он сделал паузу, но Фрэнк промолчал.

— Ваши друзья с нетерпением ждут новостей. Могу ли я сказать им, что вы полностью выздоровели? Когда вы вернетесь к нам?

Он услышал звуки за спиной и обернулся. Малгрейв хромал по дорожке. Джип остановился рядом с деревьями, сохраняя безопасное расстояние между собой и Уичкотом. На его левой щеке уже горела полоса, и еще одна — на шее, под самой челюстью, словно алая лента.

— Он ударил меня хлыстом, сэр, — крикнул Малгрейв. — Так не годится. Я не его слуга. А еще он должен мне денег.

— Придержи язык, — рявкнул Фрэнк; его чувство благопристойности возмутила дерзость Малгрейва, посмеявшегося говорить грубо о том, кто выше его.

— Надеюсь, вы тоже его высечете, — сказал Уичкот. — Господь всемогущий, куда катится мир?

Фрэнк снова посмотрел на Филиппа. С внезапной жестокостью он ринулся вперед и обхватил своего старшего товарища за талию. Тот, захваченный врасплох, поначалу не пытался защититься. Олдершоу потащил его вниз по берегу. Уичкот сопротивлялся, и на мгновение ему удалось разорвать хватку. Но Фрэнк был моложе, крупнее и сильнее. Он обхватил Филиппа и притиснул его руки к бокам.

— Черт побери, отпустите меня...

Фрэнк тащил его вниз. Земля у воды была мягкой. Сапоги скользили в грязи. Филипп ударил противника лбом в лицо со всей возможной жестокостью. Тот выругался и сменил тактику: оторвал Уичкота от земли.

— Ради Христа...

Олдершоу повернулся, поднимая свою жертву еще выше, и, хорошенько размахнувшись, отшвырнул Уичкота от себя. Мгновение тот висел в воздухе, болтая руками и ногами, затем упал в воду с оглушительным плеском.

— Кря, — улыбнулся Фрэнк. — Кря-кря.

Холдсворт быстро выбежал из Кембриджа, взбираясь по длинному подъему от реки, как будто за ним гнались фурии. Два лица непрерывно сменялись на сцене внутреннего театра его сознания: белое, костлявое и полное страха лицо Тобиаса Соресби и лицо Элинора Карбери, обращенный к нему взор прелестных глаз... столь неожиданных и, несомненно, восхитительных на суровом, худощавом, с густыми бровями лице.

Почему мы считаем, что только мертвые являются нам, задумался он, если у живых это получается не хуже?

Город остался позади. Когда свет начал меркнуть, с запада потянулись облака, и стало заметно прохладнее. Холдсворт замедлил шаг. Он вспомнил, как в первый вечер в Иерусалиме Ричардсон вывел его в сады и заговорил о колледже как о крепости, огороженной и защищенной. Но существовала и другая точка зрения, а именно, что стены удерживают своих обитателей внутри, точно так же, как не дают чужакам проникнуть снаружи. Это место — ловушка, а животные в ловушке не способны спастись друг от друга. Когда-то, в дни процветания, Холдсворт нанял подмастерье, который находил удовольствие в собирании крыс и помещении их в одну клетку. Крысы сражались друг с другом, пока не оставалась всего одна, окровавленная, торжествующая и зачастую умирающая. Наблюдать за ними — подлинное удовольствие, говаривал подмастерье и принимал ставки на победителя.

В четверти мили показался всадник. Его лошадь шла шагом, следовательно, он не спешил. Постепенно расстояние между ним и Холдсвортом сокращалось. В осевшем на седле человеке было что-то странное. Его голова опущена. Сюртук выглядел обвислым и забрызганным. Ни шляпы, ни парика.

Всадник приближался. Сюртук оказался не просто забрызганным — он выглядел мокрым насквозь, как и остальная одежда. Когда оставалось не более двадцати ярдов, он поднял голову. Встретился с Джоном взглядом, но тут же отвел глаза и снова уткнулся в лошадиную шею. Однако Холдсворт успел узнать его.

— Мистер Уичкот, — окликнул он. — Добрый вечер, сэр. С вами случилось несчастье?

Не обращая внимания, Филипп пустил лошадь рысью и проскакал мимо. Джон обернулся и поглядел ему вслед. Благополучно миновав Холдсворта, Уичкот позволил лошади вновь замедлить ход и лениво пойти вразвалочку.

Холдсворт продолжал свой путь, стараясь не обращать внимания на волдырь, набухающий на правой ноге. Он пересек дереvушку, где его облаяли псы. Кузнец, курящий вечернюю трубку, проводил любопытным взглядом. Холдсворт повернул на тропу к мельнице.

Малгрейв находился во дворе и тоже курил. При виде хозяина он встал с заметной неохотой и чисто символически попытался спрятать трубку. На его левой щеке была отметина — длинная воспаленная полоса, и еще одна — на шее, частично скрытая галстуком и воротником.

— Слава богу, это вы, сэр, — произнес джип, набожно воздев глаза к небу. — На мгновение мне показалось, что этот дьявол вернулся.

— Мистер Уичкот?

— Кто же еще, сэр? Дьявол во плоти.

— Я встретил его на дороге.

— Он ударил меня стеклом. В этом самом дворе. Я такой же свободный гражданин, как и он, сэр, и, возможно, я подам на него в суд. Это оскорбление действием, вот что оно такое. А еще он должен мне денег, злодей, все равно, что украл их.

— Что случилось? Где мистер Фрэнк? Мистер Уичкот разговаривал с ним?

Малгрейв задержался, как будто вопросы были пулями и он пытался от них уклониться. Холдсворт не сразу понял, что джип молчаливо смеется.

— Мистер Фрэнк искупал его в мельничном пруду.

— Что?

Безмолвное дерганье возобновилось.

— Искупал его, вот что, это преподаст дьяволу урок.

— Но где мистер Фрэнк? — Джон возвысил голос.

Малгрейв ткнул большим пальцем.

— В вашей так называемой гостиной.

Не успел джип договорить, как Холдсворт уже направился прочь. Непочтительность Малгрейва подождет.

Джон нашел Фрэнка в кресле с подлокотниками за столом в гостиной; перед ним стояла чашка чаю. Волосы причесаны и слегка напудрены, одет аккуратно и строго. Он мог бы посетить богослужение в Большой церкви Девы Марии, и никто бы и бровью не повел. Фрэнк так увлеченно читал свою книгу — «Ночные размышления», — что словно не заметил появления Холдсворта.

— Мистер Олдершоу... я искренне сожалею о вторжении, которое вы пережили сегодня днем. Надеюсь, вы не пострадали?

Фрэнк аккуратно положил книгу на стол и с величайшей снисходительностью встал и поклонился Джону.

— Мне не следовало оставлять вас без защиты, — продолжил Холдсворт. — Понятия не имею, как Уичкот вызнал ваше местонахождение...

— Я в полном порядке, сэр, как видите, так что это неважно.

— Но почему он приехал? Что случилось?

Фрэнк улыбнулся.

— Кря, — сказал он. — Кря.

Вечером пошел дождь, легкая, но непрерывная морось, которая вынудила Элинор остаться дома. Она сидела у окна и переворачивала знакомые страницы «Расселаса». «Не существует людей, простых или образованных, в среде которых не бытуют и не пользуются доверием рассказы о явлениях призраков». Ей никак не удавалось отрешиться от беспрестанного движения вокруг — шагов на лестнице, хлопанья дверей, суеты в прихожей, бормотания слуг.

В восемь часов она вызвала Сьюзен, якобы чтобы та принесла чайные принадлежности. Но когда служанка вошла в комнату, Элинор спросила ее о суете внизу.

— Это мистер Ричардсон, мадам, он весь вечер то приходит, то уходит. И еще заходили мистер Холдсворт и молодой мистер Аркдейл, и Мепал. А сейчас хозяин послал Бена за мистером Соресби.

Время еле тянулось. После чая Элинор сочла необходимым дважды спуститься вниз: один раз — забрать книгу из столовой, другой, когда дождь прекратился — отважиться на вылазку в Директорский сад, пока еще не стемнело. Оба раза она слышала голоса за закрытой дверью библиотеки доктора. Несмотря на сильное искушение, женщина не могла опуститься так низко, чтобы подслушивать под дверью; к тому же слуги то и дело сновали мимо, так что ее могли обнаружить.

На улице Элинор расхаживала по гравийным дорожкам и поразительно часто оказывалась у окна библиотеки. К несчастью, оно было закрыто. Находясь рядом, миссис Карбери слышала голоса, но не могла разобрать слов. За одним исключением, впрочем, когда Соресби произнес или, вернее, воскликнул: «Но я клянусь в этом, сэр! Всем, что у меня есть святого!»

Вечер продолжался, и загадка становилась все более будоражащей. Соресби покинул Директорский дом. Элино́р, которая в это время сидела в столовой, подняла взгляд и увидела, как его долговязая фигура проходит мимо окна: голова опущена, мантия волочится по земле.

Настал час ужина. Элино́р поела одна в столовой. Мужа не было видно, хотя он не покидал стен дома. Доктор имел обыкновение ужинать в зале или профессорской, но если оставался дома, то обязательно с супругой. Элино́р осторожно расспросила Сьюзен и узнала, что муж даже не велел Бену принести поднос в библиотеку. Она отбросила возможность, что муж чувствует себя особенно плохо, ведь в таком случае он поставил бы в известность Элино́р и слуг; он не из тех, кто страдает молча.

Его поведение было необъяснимо. Но она не осмеливалась побеспокоить его, чтобы удовлетворить любопытство. Доктор положил одним из правил их брака, что она не должна приходить к нему. Он приходил к ней сам, и тогда, когда ему того хотелось.

После ужина Элино́р вернулась в свою гостиную, зажгла свечи и задернула шторы. Она провела в ней немного времени, когда услышала на лестнице знакомые волочащиеся шаги. Муж вошел в комнату, опираясь на трость. Его лицо казалось серым и осунувшимся. Кожа свисала с челюстей, подобно складкам испачканного и сморщенного холста.

— А вот и вы, сэ́р, — она встала и развернула кресло, чтобы ему было удобнее сесть. — Я почти оставила надежду увидеть вас.

Он едва заметно поклонился и тяжело осел в кресло.

— Вы не ужинали. Вам нездоровится?

Он отмахнулся от вопроса.

— Да, наверное, я должен перекусить, самую малость. Я послал Бена за парой бараньих ребрышек и куском того пирога с голубями, который мы ели прошлым вечером, если от него что-нибудь осталось. Больше мне не проглотить.

— Дражайший сэ́р, вы сами не свой.

Он хрюкнул.

— Сегодня вечером я получил известие, которое совершенно отбило мне аппетит. В жизни не поверил бы. Не кто-нибудь, а Соресби!

— Что с ним случилось?

— Лучше спросите, что он натворил, мадам. Час или два назад ко мне явился Ричардсон... о, он был очень мрачен, но в глазах горело злорадство. Похоже, Соресби украл ценную книгу из библиотеки.

— Украл? Не одолжил?

— Тот, кто одалживает книги, не взламывает запертый шкаф, не крадется прочь и не прячет книгу в матрасе. Нет, сомнений быть не может. Соресби все отрицает, разумеется, но свидетельства против него неопровержимы. Должно быть, он собирался продать книгу, поскольку, как мне сказали, в Лондоне за нее можно выручить пару гиней. Господу известно, как он нуждается в деньгах. Все сайзары нуждаются.

— Но ведь ему был обещан Розингтон...

— Да, но Розингтон освободится не раньше чем через полгода. Кроме того, Соресби в любом случае не мог надеяться получить членство сразу. По правде говоря, он мог не слишком полагаться на силу обещания, поскольку не получил еще степень. И все же это странно... он должен был прийти ко мне, я ссудил бы ему денег, если необходимо. Могу лишь предположить, что у глупца случилось помрачение сознания, и он поддался неодолимому порыву. И это после того, как я выказал ему величайшую благосклонность!

Элино́р чуть сдвинулась в кресле, чтобы свечи не светили ей в лицо.

— И как вы намерены поступить? Можно ли уладить дело тихо?

Карбери покачал головой.

— Это дает Ричардсону прекрасную возможность отомстить мне. Полагаю, новость уже облетела половину Кембриджа... он наверняка расстарался. Если бы мы имели только его слово, все было бы проще. Но, к сожалению, воровство обнаружил мистер Аркдейл. Соресби забыл свой перочинный нож на месте преступления. А тут еще мистер Холдсворт проходил мимо...

— Мистер Холдсворт!

Он с подозрением взглянул на нее.

— Разве вы не говорили, что видели его днем? Вы знали, что он в колледже.

— Да, сэ́р, — Элино́р быстро пришла в себя, надеясь, что не залилась краской. — Просто я не ожидала, что мистер Ричардсон

поступит столь опрометчиво и прибегнет к услугам чужака.

Доктор быстро кивнул.

— Вы правы, мадам. Мистер Ричардсон поступил не слишком мудро. Тем не менее, зная, что мистер Холдсворт близко знаком с нашей библиотекой и книжной торговлей в целом, он попросил его о помощи. Мистер Холдсворт лично присутствовал при том, как Ричардсон нашел книгу в матрасе Соресби. А это, разумеется, означает, что леди Анна получит исчерпывающий доклад о случившемся через день или два. О, Грязный Дик хитер, как сто тысяч обезьян.

— А мистер Соресби? Он предстанет перед судом?

— Нет, я надеюсь предотвратить, по крайней мере, это. Что пользы? Даже Ричардсон должен сознавать, как пагубно это отразится на колледже в целом.

— Значит, вы просто отчислите его?

Муж повернулся в кресле, чтобы видеть ее целиком.

— Я... я пока не решил, как лучше поступить.

Элинор устала уставилась на него.

— Но разве он не должен уйти? Нельзя допустить, чтобы он получил степень.

Доктор Карбери промолчал. Он поскреб лоб под париком длинным желтым когтем указательного пальца.

В комнату вошел Бен.

— Ребрышки поданы, ваша честь. Вы спуститесь или принести их сюда на подносе?

Когда утренняя служба закончилась, прихожане потекли в западную дверь, стремясь поскорее позавтракать, а поздно вставшие — завершить одевание. Гарри Аркдейл задержался, укрывшись в галерее. Кутаясь в мантии, члены совета и студенты Иерусалима текли мимо. Зонты подпрыгивали над скользкими от дождя булыжниками двора. Постепенно поток прихожан сократился до тонкой струйки.

Наконец в дверях часовни появился высокий силуэт Тобиаса Соресби.

— Соресби? У вас найдется минутка?

Сайзар избегал смотреть на Аркдейла.

— Увы... боюсь, у меня нет времени...

— Не волнуйтесь, — ласково сказал Аркдейл. — Я не задержу вас надолго. — Он помедлил, уверенность покинула его. — Как поживаете?

Соресби попытался проскользнуть мимо.

— Спасибо, хорошо.

Аркдейл шагнул влево, преградив Соресби путь к бегству.

— Это вы сделали? — выпалил он.

Впервые Соресби посмотрел ему в глаза. Лицо сайзара было бледным, веки красными и опухшими.

— Нет, — ответил он. — Но какое это теперь имеет значение?

— Мне кажется, все рано или поздно образуется, — сказал Аркдейл.

Соресби покачал головой. Он потянул себя за пальцы, как будто пытаясь их оторвать. Хрустнул сустав.

— Уверен, через день или два все будет выглядеть совершенно иначе. Поверьте.

— Все знают.

— Что?

— Все знают, — повторил Соресби. — Они смотрят на меня. Они шепчутся обо мне.

— Чепуха. На вашем месте я вел бы себя как ни в чем не бывало. Вы пойдете на утреннюю лекцию Рикки? Или в библиотеку?

— Нет и нет.

— Вот как. Я должен, по крайней мере, заглянуть в библиотеку. Хочу проконсультироваться с Маклореном, и еще с книжицей мистера Доу об Эвклиде. Если вы передумаете, возможно, вы...

— Я одолжил Доу, мистер Аркдейл, — сказал Соресби. — Он у меня в комнате... я верну его. Простите, что доставил вам неудобство...

— Чепуха. Вы не доставили мне ни малейшего неудобства. Послушайте, Соресби, даже если здесь у вас не сложится, есть множество других занятий для такого человека, как вы.

— Вам легко говорить.

— Да, но все равно послушайте меня, ведь это чистая правда. Вы должны позволить мне остаться вашим другом, слышите? Я поговорю со своим дядей, сэром Чарльзом; быть может, удастся что-нибудь сделать. Вы не должны отчаиваться.

— Вы слишком добры, — Соресби смотрел в землю. Снова хрустнул сустав. — И вы правы... я не должен отчаиваться.

Он поклонился — торопливо, нервно, как будто цыпленок склюнул зерно.

— Весьма признателен, мистер Аркдейл, весьма признателен.

Малгрейв ослабил галстук, чтобы поменьше натирал шею. Две полосы, одна на шее и одна на щеке, за ночь потемнели и приобрели синевато-багровый оттенок. Но белье на нем было чистое, и он даже побрился. Образец почтительной степенности, джип стоял перед Холдсвортом, слегка наклонив голову.

— Буду очень признателен, если вы позволите мне взять выходной, сэр... одно неотложное дело. Вы меня крайне обяжете.

Просьба была не столько просьбой, сколько уведомлением о намерениях: он взял бы выходной, будь ему это позволено или нет. Джип был в своем праве, поскольку Холдсворт заручился его услугами от лица Фрэнка, и договор могла разорвать любая сторона, в любое время.

— Это весьма некстати, но если ваше дело не может ждать, уделите ему время. Возможно, в городе вы сможете пополнить запасы еды? У нас кончается чай, сказали вы прошлым вечером, и мистер

Олдершоу выразил внезапное желание отведать клубники, отправляясь ко сну.

После ухода Малгрейва Джон сел завтракать с книгой в руках, но едва ли прочел хоть слово. Сегодня утром он проснулся со странной мыслью: вчера ни разу не подумал о Марии или Джорджи. Как будто его жены и маленького сына никогда не существовало. Он не знал, должен ли испытывать чувство вины за то, что забыл их, или всего лишь облегчение. Однако он думал об Элинор Карбери почти постоянно, и порой таким образом, каким мужчина не вправе думать о жене другого; и разве это не еще большее предательство?

Над головой, а затем на лестнице раздались шаги. Фрэнк прошел через гостиную по дороге к насосу и уборной во дворе. Босой, только в рубашке и бриджах.

— Доброе утро, мистер Олдершоу.

Фрэнк хрюкнул, но не поздоровался. Через пять минут он вернулся в дом с мокрыми волосами, оставив дорожку из мокрых следов на плитке гостиной.

— Где Малгрейв? — требовательно спросил он. — Я хочу чаю и тостов.

— Он попросил отпустить его в Кембридж по личному делу.

— И вы его отпустили? Не спросив меня? Это уже слишком.

Неожиданно Джон вышел из себя.

— Это потому что вас незачем спрашивать. Если вы предпочитаете валяться в постели до полудня, нечего ожидать, что мир остановится и подождет вашего соизволения.

Фрэнк густо покраснел.

— Вы не смеее так со мной говорить... что все это значит?

— Это значит, что вы заблуждаетесь. Я смею так говорить. Ничто на свете меня не остановит.

— Вы пожалеете о своей дерзости.

— Неужели?

— Для начала, я вас увольняю. Немедленно.

Холдсворт засмеялся.

— Вы не можете меня уволить. Меня наняла ее светлость, а не вы.

Фрэнк бросился на него. Холдсворт уклонился, и кулак попал ему в плечо, а не в лицо. Прежде чем Фрэнк успел еще раз ударить, он

схватил мальчишку за запястье, выкрутил его, развернул Фрэнка и прижал лицом к столу.

— Не пытайтесь применить ко мне силу, сэр. Я вам не слуга. Вы мне не хозяин.

Фрэнк отчаянно вырывался, молотя Холдсворта по голеним босыми пятками. В ответ Джон заламывал руку Фрэнка все выше, пока тот не закричал. Холдсворт отступил подальше от дергающихся пяток. Мгновение ни один из них не шевелился.

Единым слитным движением в мертвую тишину ворвался рыжий кот. Он наблюдал за происходящим из дверей кухни. Теперь же, решив истолковать на собственный лад и рассудив, что момент настал, он бесшумно запрыгнул на стол, замяукал и несколько раз толкнул Фрэнка в лоб, требуя внимания из того источника, который, согласно его опыту, был наиболее щедр на нежность. Фрэнк затряс головой, пытаясь остудить его пыл, но кот воспринял сии движения как ласки, возможно, неуклюжие, но достойные поощрения. Он прижался щекой к волосам Фрэнка, с энтузиазмом потерялся о них и замурлыкал.

Холдсворт дрожал от подавленного чувства. Смех вырвался из его груди громким взрывом. Кот лизнул ухо, как бы пытаясь вдохновить юношу на продолжение. Холдсворт ощутил, как напряжение ушло из тела Фрэнка и из его тоже.

Олдершоу присоединился к веселью, насколько это было возможно с прижатой к столешнице щекой, издав гнусавый, фыркающий звук, от которого оба засмеялись еще громче. Холдсворт отпустил его и выпрямился.

Смех затих. Кот продолжал мурлыкать, поглядывая то на одного, то на другого. Фрэнк медленно встал. Он повернулся к Холдсворту и протянул ему руку.

— Прошу прощения, сэр.

Они обменялись рукопожатием.

— Полагаю, я больше ничем не могу вам помочь, — произнес Холдсворт. — Я напишу ее светлости и откажусь от места.

— Нет. Прошу, не надо поступать опрометчиво. Вы верите, что я исцелился?

— Я сомневаюсь, что вы вообще были больны.

Фрэнк сел в кресло у окна.

— Вы говорите загадками.

— Это вполне очевидно для меня и в целом с точки зрения здравого смысла. Вы не маньяк.

— Весьма признателен, сэр. Но доктор Джермин с вами не согласился бы.

— Несмотря на всю свою ученость, доктор Джермин порой ведет себя как осел. Полагаю, вы страдали раздражительностью и унынием. Полагаю, вы пережили ужасное потрясение или, скорее, несколько потрясений подряд. Если вы видели или чувствовали кого-то в саду колледжа в ту ночь, это было не привидение, а человек из плоти и крови, как вы или я. Или, возможно, вы видели создание своего воспаленного воображения... сотканное из избытка лауданума, вина и печали. Неважно. Главное, вы были предрасположены к встрече с призраком, и именно в этом кроется истинная суть загадки. Я убежден, что решение ее также откроет причину, по которой вы не желаете общаться с внешним миром и по которой вы не хотите видеть собственную мать.

Рыжий кот запрыгнул Фрэнку на колени. Юноша машинально погладил его по голове. Кот выгнул шею и замурчал еще громче, чем раньше, размахивая хвостом, точно победным стягом.

— Видите это животное? — спросил Холдсворт. — Оно истолковывает наши поступки с точки зрения собственных желаний и страхов, что совершенно естественно. Не менее естественно и для нас поступать в том же роде. Вы опасались увидеть в саду привидение миссис Уичкот, и оно вам явилось. Доктор Джермин выискивает сумасшедших, потому что его этому учили, и он хочет их найти. Разве не они обеспечивают ему место под солнцем и приличный доход? Он истолковывает ваше привидение как симптом умственного расстройства, в то время как его отец или дед усмотрели бы в нем знак одержимости демонами или иного сверхъестественного вмешательства в наше мирское существование. Мы сами выбираем ярлыки, которые навешиваем на вещи, мистер Олдершоу, и делаем это в личных целях — вот, собственно, и все.

Фрэнк облизал губы.

— А вы? Вы поступаете так же?

— Конечно.

— Выходит, вы можете заблуждаться в своих выводах, как Джермин — в своих.

— Возможно, вы правы. Но разница между нами заключается в том, что я собираю доказательства, прежде чем выдвинуть теорию, в то время как доктор ищет доказательства в поддержку своей теории. В любом случае, похоже, ни один из нас не сможет продвинуться далеко, пока не узнает, с чего все началось.

— Но кто может назвать причины сумасшествия?

— В данном случае, полагаю, вы можете. Даже оставив в стороне вопрос, действительно ли это сумасшествие или некая менее серьезная разновидность нервного расстройства, никто не может прийти к рациональному выводу, пока остается неизвестным, что же произошло на встрече клуба Святого Духа, которую вы посетили в феврале, незадолго до смерти миссис Уичкот. Суть именно в этом, не правда ли, сэр? Клуб Святого Духа и смерть миссис Уичкот. Вот почему вы дали приют целому полку зеленых чертей. Вот почему вы все усугубили вином, лауданумом и прочим.

Фрэнк наклонился, согнал кота с коленей и обхватил голову руками. Со своей гладкой кожей и растрепанными светлыми волосами он и вправду мог показаться мальчишкой не старше двенадцати, охваченным горем или опасующимся наказания за проступок. Холдсворт понял нечто столь очевидное, что поразился, как не замечал этого прежде: молодость Фрэнка сыграла свою роль в произошедшем. Ведь, несмотря на всю свою манерность и спесь, несмотря на богатство и положение, он всего лишь восемнадцатилетний юнец. Он также был желанным призом — мальчик, которого ждет огромное богатство и высокое положение. И все же мальчик. Что мог Фрэнк противопоставить старшим товарищам, которые знали, чего хотят и как этого достичь? Легкая добыча для таких, как Филипп Уичкот, доктор Джермин, мистер Ричардсон и даже чета Карбери.

— Что случилось на встрече клуба Святого Духа?

Фрэнк не ответил.

— В таком случае, позвольте мне высказать пару догадок.

Юноша не пошевелился, но стал еще неподвижнее.

— Мне кажется, что Ламборн-хаус — нечто вроде колледжа, а мистер Уичкот — некто вроде тьютора, — продолжил Холдсворт. — А члены клуба — в некотором роде его ученики. В обмен на деньги он обучает вас порокам джентльменов.

Холдсворт подождал, но Фрэнк упорно молчал.

— Однако в ту ночь случилось нечто из ряда вон. Нечто, заставившее миссис Уичкот покинуть дом. Нечто, приведшее к ее смерти. Я не верю в эту чепуху насчет хождения во сне. Ее заставили уйти? Или она убежала сама?

Фрэнк поднял голову и посмотрел на Холдсворта. Он закрыл глаза, как будто не хотел видеть мир.

— Расскажите мне, — попросил Джон. — Обещаю, это не причинит вам вреда. И может помочь.

— Это я виноват, — прошептал Фрэнк.

— Вы? Но как?

— Было решено, что после встречи клуба я останусь на ночь в Ламборн-хаусе. Она... пришла ко мне, в мою спальню.

Повисла тишина. Кот обвел взглядом комнату. После мгновенного размышления он запрыгнул на колени к Джону.

Фрэнк встал.

— Я уже возложил на ваши плечи слишком большой груз, мистер Холдсворт, — произнес он с головокружительным благородством, каким может руководствоваться лишь очень юный человек. — Простите. Я должен научиться нести его сам.

— Сэр, вы не можете остановиться на этом. Расскажите мне все.

— Я сгорал от страсти. Боготворил саму землю, по которой она ступала. Сделал бы для нее что угодно. К моему изумлению, оказалось, что мои чувства взаимны и... говоря начистоту, в ту ночь она уступила моим домогательствам.

Холдсворт погладил кота по голове.

— И где в это время был мистер Уичкот?

— Его не было дома... он провожал некоторых членов клуба. Большинство из них были пьяны в стельку и не могли найти дорогу в свои колледжи, — Фрэнк снова сел и положил руки на стол. — Но он вернулся, вот в чем беда. Он увидел, как она выходит из моей комнаты, и тогда... одному богу известно, что случилось. Уичкот — дьявол. Я слышал его крики и ее. Мне кажется, он ударил ее.

«И что ты сделал, чтобы ему помешать?»

Олдершоу заторопился, как будто Холдсворт задал вопрос вслух:

— Я остановил бы его, если б мог, но он запер меня в моей комнате. А потом было уже поздно. На рассвете Мепал заколотил в дверь и сообщил ужасную новость, — он обхватил голову руками. —

Боже праведный, Сильвия была такой красивой, мистер Холдсворт, такой милой. Она была для меня всем на свете. И она нашла свой конец, промчавшись по ночным улицам и утонув в пруду. Возможно ли что-то более жестокое?

Несчастья, как и соперничество, пробуждали в докторе Карбери все лучшее и худшее. Порой он казался почти прежним, решительным и энергичным. Носился по колледжу и, как и Ричардсон, разговаривал почти со всеми членами совета с глазу на глаз. Он объявил, что завтра в полдень будет проведена чрезвычайная встреча совета.

Не годится, сказал он Элино́р, чтобы в колледже думали, будто он прячется в Директорском доме из-за того, что его протеже скомпрометирован. Она с беспокойством наблюдала за ним, как и положено жене, хотя вряд ли понимала, о ком больше тревожится — о нем или о себе.

Мистера Аркдейла вызвали к директору. Элино́р узнала от мужа, что Соресби посетил службу, как обычно, и пообедал в зале. Но сайзар сидел отдельно и ни с кем не разговаривал.

Запала директору хватило до середины вечера. Он рано вернулся с ужина, опираясь на руку Бена, и его пришлось проводить в постель. Элино́р зашла повидаться с ним. Он выглядел изможденным и явно испытывал боль, но не позволил жене послать за врачом или хотя бы за сиделкой.

— Нет-нет, — вспыхнул доктор, мотая головой из стороны в сторону. — Я и так прекрасно справлюсь, миссис Карбери. К тому же, если мы за кем-то пошлем, новость облетит колледж за пять минут. — Он мрачно ухмыльнулся и тут же поморщился. — И Грязный Дик начнет сочинять для меня некролог. Если уже не сочинил.

Он отвернулся и застонал. Элино́р заранее запаслась в аптеке опийными пилюлями. Она достала из кармана маленькую вощеную коробочку, заручилась помощью Бена и уговорила мужа принять две сразу. Пилюли, по крайней мере, облегчат его боль, а это уже больше, чем способны сделать врачи со своими диагнозами и учеными степенями.

Спал доктор Карбери беспокойно. Элино́р, Сьюзен и Бен сменялись у постели. Элино́р не спала. Всю ночь куранты колледжа неустанно отмеряли медленное течение времени. Днем и ночью часы напоминали, что она в Иерусалиме, своей тюрьме и своем святилище.

Элино́р задумалась, не позвать ли священника, но отказалась от этой мысли на основании того, что это только разъярит мужа, поскольку его подлинное состояние станет тогда известно за пределами дома. К тому же это может усилить его страх, поскольку покажет, что Элино́р считает его умирающим. Долгие часы она твердила себе вновь и вновь, что у него — и у нее — есть основания надеяться. Телосложение ее мужа на редкость могуче, и он переживал бури и похуже этой. Она отгоняла прочь мысли о том, что станет с ней, если он умрет. Она отгоняла мысли о Джоне Холдсворте.

Пробило два часа, когда Элино́р вышла из комнаты больного, где место у кровати заняла Сьюзен. Доктор Карбери не спал, но был без сознания. Казалось, он не чувствует боли. Элино́р закрыла за собой дверь и медленно и тихо пошла по коридору к своей комнате. Она испытывала усталость, но не сонливость. Женщина остановилась у окна, которое освещало лестничную площадку, и отвела занавеску на несколько дюймов.

Окно выходило на запад, на маленький дворик перед домом и город за ним. Дождь после полудня прекратился. Небо прояснилось. Крыши, башни и шпили расстилались перед ней, как спящая стая чудовищ. В их тени теснились низенькие домишки горожан.

Ее внимание привлекло движение. Кто-то шел по двору вниз. Она различила темную фигуру, которая пробиралась к ограде, отделявшей северную сторону двора от Иерусалим-лейн. Неуклюжие хаотичные движения человека напомнили ей несуразных насекомых с длинными ногами — долгоножек.

Элино́р тут же вспомнила, как в детстве, еще в школе, они называли подобных насекомых дергунчиками и как Сильвия поймала одного и оторвала ему ножки — скорее ради эксперимента, чем из жестокости. В действительности Сильвия никогда не была жестокой. Но она всегда отчаянно стремилась к знаниям и была охоча до экспериментов. Иногда это приводило к тому же результату, поскольку желание служило оправданием самому себе.

Воспоминание вызвало гадкое и безымянное чувство, горькое, как полынь. Одновременно, как будто Сильвия лично запалила факел, который на мгновение осветил настоящее, Элино́р узнала в фигуре внизу мистера Соресби. Он добрался до дальнего угла двора, где ограда встречалась с каменной кладкой. Подтянулся на руках и

осторожно перебрался через шипы. Несколько секунд она наблюдала, как он сражается с преградой, но внезапно он исчез, проглоченный Иерусалим-лейн.

Она позволила занавеске упасть на место и вернулась в свою комнату. Мистер Соресби скрылся. Вероятно, ее долг немедленно сообщить об этом мужу или, если сие окажется невозможным, послать Бена с сообщением к мистеру Ричардсону. С другой стороны, кому это пойдет во благо? Уж точно не колледжу и не мистеру Соресби. Она не могла винить сайзара за то, что он сбежал от ситуации, которая обещала ему один лишь позор. И кто она такая, чтобы усугубить его положение?

Утром в среду Джон проснулся и услышал, как Малгрейв весело насвистывает, хлопоча на кухне. Было около восьми часов. Он спустился, умылся и обосновался в гостиной, куда Малгрейв принес ему чаю. Джип вернулся вчера поздно вечером. Он сказал только, что обстригал небольшое личное дельце и что все прошло как нельзя более гладко.

— Мистер Олдершоу внизу? — спросил Холдсворт.

— Еще спит, сэр. Можно рассказать вам кое-что по секрету, сэр?

— Что именно?

Джип достал записную книжку, вынул небольшую газетную вырезку и аккуратно положил ее на стол.

— Это из «Кроникл», сэр. За февраль.

Холдсворт изучил вырезку. В ней содержался вердикт по делу о несчастном случае со смертельным исходом на Трампингтон-стрит: девушка по имени Табита Скиннер, четырнадцать лет от роду, задохнулась вследствие припадка во сне. Печальное событие произошло вечером во вторник, шестнадцатого февраля, в доме миссис Фиар. Четыре месяца назад, подумал Холдсворт, почти день в день. История была особенно грустной, поскольку девушка была сиротой из лондонского госпиталя Магдалины. Миссис Фиар, вдова священнослужителя, усердно занималась благотворительностью и за свой счет привезла девушку в Кембридж в надежде обучить несчастную работе служанки.

Он поднял взгляд.

— Когда миссис Уичкот нашли в Иерусалиме? Вам известна точная дата?

— Утром в пятницу, семнадцатого февраля, сэр, — ответил Малгрейв.

— Кто такая эта миссис Фиар? Она связана с нашим делом?

— Она некогда работала гувернанткой в доме отца мистера Уичкота, сэр. Я не раз видел ее в Ламборн-хаусе, и полагаю, что мистер Уичкот порой навещает ее на Трампингтон-стрит... — Он мгновение подождал с невозмутимым видом, но Холдсворт ничего не ответил. — Принести булочки, сэр, или вы подождете мистера Фрэнка?

— Нет... будьте добры, разбудите его.

Джип поднялся по лестнице, приволакивая ногу, и постучал в дверь Фрэнка. Подергал за ручку. Затем спустился по лестнице обратно.

— Не отвечает, сэр. А дверь заперта.

Холдсворт поднялся наверх, дернул за ручку и окликнул Фрэнка по имени. Потом ударил плечом в дверь. Та распахнулась. Джон ввалился в комнату так быстро, что чуть не упал.

Кровать была пуста, покрывала отброшены. Фрэнка не было видно, и ему негде было спрятаться.

Малгрейв подошел и встал за спиной.

— Ладно хоть не повесился, сэр. Здесь, по крайней мере.

— Придержи язык, — рявкнул Холдсворт, хотя мгновением ранее его посетила та же мысль.

Он подошел к окну — небольшому отверстию под самой крышей, над которым нависала солома, — высунул голову и посмотрел вниз. Совсем невысоко для мужчины роста Фрэнка, если ему удалось выбраться из окна ногами вперед и прыгнуть. Когда-то под самым окном была клумба, теперь заросшая сорняками. Она обеспечила бы ему мягкое приземление.

Холдсворт вернулся в комнату и огляделся по сторонам.

— Он взял сюртук и шляпу, которые надевает на охоту, — сообщил Малгрейв. — И крепкие ботинки.

Холдсворт выдвинул ящики небольшого комода, один за другим. Трудно было сказать, что еще взял Фрэнк, если взял. Он нашел

кошелек с полдюжиной гиней и серебром. У Фрэнка есть другие деньги? Или ему не нужны деньги там, куда он отправился?

— И где же этот прохвост? — спросил Холдсворт.

Малгрейв поднял глаза к потолку, как если бы надеялся прочесть там ответ.

— Одному богу известно, — ответил он и после очередной старательно рассчитанной паузы добавил: — Сэр.

Рано утром в среду, четырнадцатого июня, в переднюю дверь Ламборн-хауса заколотили. Огастес, спавший в комнатке у кухни, глубоко погрузился в сон с участием давно покойного отца, подмастерья плотника, и поначалу стук смешался со сном и стал его частью. Но затем стук переместился к задней двери дома и стал громче. Наконец шум вынудил Огастеса неохотно пробудиться от сна и вернуться в реальный мир.

Выкарабкавшись из кровати, он первым делом подумал, что мистер Уичкот будет в ярости из-за подобного грохота в такую рань. Стук не прекратился, даже когда Огастес крикнул, что поспешает со всех ног. Наконец он справился с засовами на кухонной двери.

Во дворе стояло четверо незнакомцев. Они не дали ему возможности поразмыслить, впускать ли их в дом. Как только дверь приоткрылась, один из них ступил ногой за порог. Другой распахнул дверь, схватив мальчика за плечо и толкнув его внутрь. Мужчины протиснулись в дом.

— Вы свидетели, ребята, — сказал старший из четверки, мужчина с круглым красным лицом и огромным животом, распирающим жилет. — Этот любезный молодой человек пригласил нас войти. Мы не вламывались силой. — Он погладил Огастеса по голове рукой, похожей на кусок свиной грудинки. — Мистер Уичкот дома?

— Да, сэр. Но он и пальцем не пошевелит до...

— Ничего, мы заставим его пошевелиться.

— Но, сэр, я рискую своим местом.

Толстяк засмеялся.

— Твое место не стоит и гроша, так что я не стал бы беспокоиться о нем. Или ты проводишь нас к своему хозяину, или мы отыщем дорогу сами. Мы судебные приставы, и у нас с собой иск. Кто еще есть в доме?

— Только я, сэр.

— Другие слуги?

— Кухарка уволилась вчера. Горничная тоже. Есть еще старый Джем, но он спит не в доме.

Толстяк потопал наверх, его люди — за ним. Когда он достиг второго этажа, в дверях своей спальни появился мистер Уичкот. На нем была только ночная рубашка и ночной колпак, а изящные черты лица были искажены злобой.

— Кто вы, черт побери, такие?

— Судебные приставы, сэр, — охотно отозвался толстяк. — У меня с собой заявление на уплату семидесяти девяти фунтов, восьми шиллингов и четырех пенсов по иску мистера Малгрейва.

— Глупости. Он лжет. Кроме того... вы не имели права входить. Вы вломились в мой дом. Я пожалуюсь магистрату.

— Нет, сэр, не пожалуетесь. Ваш парнишка пригласил нас войти, благослови его боже. Мы все поклянемся в этом на Святой Библии, если потребуется.

— Чертов болван!

— Меня волнует только иск, сэр, — сказал бейлиф. — А в нем написано, что вы должны уплатить долг плюс расходы. Вы дадите мне денег, я дам вам расписку, и мы тут же удалимся.

— Вы полагаете, я храню такие деньги в доме?

— В таком случае я вынужден пригласить вас пройти со мной, сэр. Но почему бы нам не провести все легко и приятно? Осмелюсь предположить, что вы захотите написать письмо-другое. Мы не станем вам препятствовать. И если вам нужен час-другой, чтобы подготовиться, сэр, вы найдете нас крайне предупредительными, и я уверен, что такой джентльмен, как вы, сумеет выразить свою благодарность.

Уичкот поднял руки, как бы пытаясь возвести физическую преграду между собой и тем, что ему предстояло.

— Дело яйца выеденного не стоит, — сказал он бейлифу. — Все очень просто уладить. Мне понадобится всего час или два.

— Уверен, это более чем устроит всех заинтересованных лиц, сэр. А теперь, возможно, вы хотите одеться? Мы не можем прохладиться здесь весь день.

Один из приставов ждал на лестничной площадке. Бейлиф театральным шепотом велел другому встать у мистера Уичкота под окном, на случай, если джентльмену захочется внезапно покинуть дом. Затем он предложил Огастесу показать дом ему и четвертому приставу. Толстяк ходил из комнаты в комнату с видом потенциального покупателя. Казалось, увиденное не слишком его впечатлило.

— Смотрю, здесь дело далеко зашло. Лучше бы тебе бежать сломя голову. Послушай моего совета, парень, поищи себе другое место. Ты еще скажешь нам спасибо, вот увидишь. Это только начало, — он покровительственно погладил Огастеса по голове. — Иски — как овцы, знаешь ли. Стоит одному найти дыру в заборе, как остальные повалят гурьбой. Попомни мои слова, мы сегодня же придем с новыми.

— Но такой джентльмен, как мистер Уичкот...

— Это джентльмен, который задолжал денег, а остальное меня не волнует, и в глазах закона это делает его таким же простым парнем, как ты или я. Возможно, он еще сумеет выкрутиться. Возможно, он получит ренту в конце квартала. Возможно, его кредиторы придут к соглашению. Но если ты спросишь меня, все зависит от того, примчатся ли друзья к нему на выручку. Вот кто способен вытащить из подобной передрыги в девяти случаях из десяти. А пока что его место в предварительном заключении.

Бейлиф, один из его людей и пленник уехали в закрытом экипаже, оплата какового также будет требована с мистера Уичкота. Двое других мужчин остались в Ламборн-хаусе, чтобы убедиться, как объяснил толстяк Огастесу, что с его содержимым не случится никаких неприятностей в отсутствие хозяина дома. Стоимость их услуг также, в конце концов, будет предъявлена мистеру Уичкоту. Кроме того, толстяк согласился передать письмо миссис Фиар на Трампингтон-стрит.

Оставшись вдвоем, судебные приставы заставили Огастеса еще раз показать дом. Они непрерывно комментировали его содержимое, отпуская критические замечания и прикидывая ценность. Многое зависит, снисходительно пояснили они Огастесу, от того, кому в действительности принадлежит дом и не заложен ли он. Если все пройдет гладко, заверили они, содержимое дома и, в особенности, винного погреба потянет на приличную сумму.

Они захватили пару бутылок вина и уселись за кухонный стол, однако были не слишком впечатлены и объявили содержимое бутылок гнусной водянистой жижой. Уже пробило девять утра, и приставы обсуждали, не сходить ли за третьей бутылкой, просто чтобы окончательно убедиться, когда в дверь прихожей постучали.

Приставы сопроводили мальчика к двери. Когда он открыл дверь, гость стоял к ней спиной. Поначалу мальчик принял его за торговца, поскольку тот был просто одет, и пыль на нижней половине его тела свидетельствовала, что он прошел немалый путь пешком. Но когда мужчина обернулся, Огастес немедленно узнал его.

— Где твой хозяин? — требовательно спросил Фрэнк Олдершоу.

Тем же утром, пока весь колледж находился в часовне, в Директорский дом заглянул доктор Милтон. Он был сухоньким невысоким человечком далеко за семьдесят, с лицом, похожим на чернослив, и испачканным нюхательным табаком жилетом. Его поведение никогда не отличалось любезностью, но сегодня он повел себя еще сварливее, чем обычно, — отчасти потому, что ему пришлось поторопиться с завтраком, отчасти потому, что он прослышал, будто его пациент имел наглость обратиться к другому врачу.

— Так-так, мадам, — сказал он Элино́р, после того как осмотрел Карбери, приказал выпустить из него пару унций крови и прописал еще опиума. — Не понимаю, зачем вы посылали за доктором Джермином. Он не добавил к моему диагнозу ничего нового. Случай простой, как кирпич.

— То есть, сомнений быть не может, сэ́р?

— Нет. Данный тип рака не под силу ни одному врачу-терапевту.

— Возможно, хирург?..

— Нет, мадам, нет. Как я уже говорил доктору Карбери, местоположение опухоли полностью исключает хирургическую операцию. Лекарство будет таким же смертоносным, как и болезнь, только намного быстрее. Скальпель убьет его, вырезая рак.

Элино́р отвернулась. Помолчав, она тихо спросила:

— Как долго?

— Это вопрос посложнее. Несколько дней или недель... даже месяцев, хотя вряд ли. Предсказать практически невозможно. Поймите, многое зависит от телосложения пациента и развития болезни. Я буду и впредь прилагать все усилия, мадам, но не ждите от меня чудес.

— Конечно, сэ́р, — ответила Элино́р. — Я и не жду.

Доктор резко глянул на нее, подозревая иронию, после чего достал часы и заявил, что его ожидают другие пациенты. Когда он ушел, Элино́р встала у окна, глядя на Директорский сад и Длинный пруд. Она знала, что этот день настанет, но не предполагала, что так скоро. Ее будущее внезапно разверзлось темной ямой на пути; и она

неумолимо скользила к ней, не в силах изменить направление или хотя бы отсрочить миг падения.

В дверь постучали, и Сьюзен объявила, что доктор Карбери проснулся и просит ее. Она нашла мужа в постели, опершегося о подушки. У окна расположилась платная сиделка с вязанием. За ночь болезнь еще больше состарила мужа, иссушила его лицо и тело. Его глаза, напротив, парадоксально стали моложе. Элино́р никогда прежде не уделяла им особого внимания, но внезапно осознала, что они большие и блестящие, как у волкодава, которого Фрэнк держал в деревне, когда был мальчиком.

Доктор Карбери поманил ее к себе, все ближе и ближе, пока между их лицами не осталось всего несколько дюймов.

— Отошлите женщину, — прошептал он. — И пусть ко мне приведут Соресби. — Он вцепился в рукав ее платья. — Это крайне важно, мадам.

Элино́р попыталась вырваться, гадая, вернулся ли Соресби со своей незаконной вылазки прошлым вечером.

— Будет исполнено, сэр.

— Соресби, — прошептал муж. — Соресби.

Их прервал стук в дверь спальни. На пороге появился мистер Ричардсон; Бен следовал за ним, на его лице застыла немая мольба, поскольку Элино́р велела никого не впускать.

— Миссис Карбери, к вашим услугам, мадам, — Ричардсон прошел в комнату. — Дражайший доктор Карбери, мой джип сказал, что сегодня утром вас посетил доктор Милтон, и я просто не мог не прийти. Надеюсь, вы занемогли не слишком серьезно?

— Доктор Милтон посоветовал пока не принимать гостей, — заметила Элино́р. — Он был весьма настойчив.

— Но разве меня можно назвать всего лишь случайным знакомым, мадам? — улыбнулся Ричардсон, как бы пытаясь смягчить ядовитые слова. — Мы в профессорской с нетерпением ждем вестей и, разумеется, молим бога о том, чтобы это были хорошие вести. Кроме того, вы, наверное, помните, что члены совета должны собраться сегодня в полдень, и это особенно важно из-за происшествия с несчастным мистером Соресби. Если директор слишком нездоров, чтобы посетить собрание, полагаю, я должен приложить все свои скромные усилия, чтобы заместить его в данном случае.

Карбери, который до сего момента не подавал виду, будто заметил гостя, повернул голову на подушке и пристально уставился на дальнюю стену.

— Мне очень жаль, сэр, но директор, вероятно, не сможет к вам сегодня присоединиться, — сказала Элино́р. — Врач предписал ему отдыхать.

— О боже, — на лице Ричардсона отразилась глубокая скорбь и забота. Он осторожно обогнул Элино́р, чтобы обратиться напрямую к фигуре на постели. — Прощайте, дорогой друг, и не сомневайтесь, что я стану молиться о вашем скорейшем выздоровлении.

Тьютор снова поклонился Элино́р. Но у двери он остановился.

— Кстати... слышали новость? Мистера Соресби не было в часовне сегодня утром. Я послал в Ярмут-холл, но его комната пуста. Мне горько говорить об этом, но, похоже, он скрылся. Не слишком похоже на невинного человека, а? Но я надеюсь, что с ним не приключилось ничего дурного.

Доктор Карбери застонал. Элино́р обернулась. Ее муж не пошевелился; он продолжал смотреть на дальнюю стену.

— Черт бы его побрал, — произнес он. — Черт побери. Черт, черт, черт.

Кузнец, вставший рано, чтобы раздуть свой горн, видел, как Олдершоу шел на юг через Уайтбич вскоре после рассвета. Он пожелал Фрэнку доброго утра, но тот не ответил. Рассказ кузнеца подтвердил, что Олдершоу почти наверняка отправился в Кембридж.

Холдсворт пошел за ним. Добравшись до Кембриджа, первым делом он заглянул в Иерусалим. Мепал, стоящий у ворот, с горящими от любопытства маленькими глазками, сообщил ему, что не видел мистера Олдершоу с тех пор, как его забрали в Барнуэлл много недель назад. Он отсоветовал Холдсворту пока что заходить в Директорский дом, объяснив, что доктор Карбери нездоров. Мистер Ричардсон был недоступен, поскольку только что приступил к лекции. Холдсворт спросил о мистере Аркдейле, но оказалось, что молодой джентльмен находится среди слушателей мистера Ричардсона.

Джон вернулся и пересек мост. На Честертон-лейн ворота Ламборн-хауса стояли открытыми. Неужели Фрэнку хватило глупости явиться сюда? Мужчина в потертом коричневом сюртуке курил трубку

на переднем крыльце. На шее у него был платок в красных пятнах. Мужчина наблюдал за приближением Холдсворта с отстраненным видом и легкой улыбкой, как праздный бездельник мог бы наблюдать за ужимками бродячего пса. Дверь за его спиной была распахнута. В доме кто-то насвистывал «Я милую покинул».

Холдсворт видел парня впервые, но сразу же понял, кто он таков. В Лондоне хватало подобных ему, и Джон жил в постоянном страхе обнаружить парочку его собратьев — они редко работали поодиночке — у своей собственной двери.

— Если вы ищете мистера Уичкота, так его здесь нет, — сообщил мужчина, вынимая трубку изо рта и заглядывая в нее.

— А где же он, скажите на милость?

— Неотложное дело в другом месте, как я это называю.

Как и многие его собратья, судебный пристав обзавелся склонностью к тяжеловесному юмору — привилегии обладающих крохами власти.

— Хотите сказать, его арестовали за долги? — спросил Холдсворт.

— Не задавайте вопросов, и мне не придется вам врать.

— И по чьему же иску? На какую сумму?

Мужчина постучал себя по носу черенком трубки.

— Эээ... что-то не припомню.

Холдсворт вздохнул и полез в карман за шиллингом. Он положил серебряную монетку на ладонь, держа ее вне досягаемости пристава.

— Восемьдесят фунтов, — ответил мужчина, не сводя глаз с шиллинга. — Плюс расходы. Иск мистера Малгрейва.

— Где сейчас мистер Уичкот?

Мужчина снова постучал себя по носу, и стучал до тех пор, пока Холдсворт не присоединил второй шиллинг к первому.

— У мистера Персера на Уолл-лейн, сэр.

— Мистер Персер — ваш хозяин?

Пристав кивнул. Холдсворт уронил два шиллинга в подставленную ладонь и ощутил в дыхании мужчины запах вина.

— Вы случайно не знаете, не заходил ли сегодня утром к мистеру Уичкоту молодой джентльмен?

— Высокий парень? С наивным лицом?

— Он самый.

Мужчина снова постучал себя по носу, но посмотрел на Холдсворта и передумал торговаться.

— Он чертовски спешил повидать мистера Уичкота, вот что я вам скажу.

— Это было до того или после, как его забрали к мистеру Персеру?

— После. Вы разминулись совсем чуть-чуть. Мы отправили парня на Уолл-лейн. Может, он собирается одолжить мистеру Уичкоту денег? В таком случае, надеюсь, у него глубокие карманы. К вечеру жди новых.

— Новых кого?

— Новых исков.

Уичкота провели в комнату на втором этаже в глубине высокого узкого дома. Здание не соответствовало фасаду и уходило вглубь под скопище разномастных крыш. Филипп сел, облокотившись об изрезанный стол, и уронил голову на руки. Раньше он изрядно тревожился о своих долгах, но в глубине души чувствовал, что защищен от их худших последствий. Джентльмен, живущий в кредит, — что может быть естественнее? Человек его положения, разоренный Малгрейвом, который немногим лучше слуги, — это противно самой природе.

Кто-то стучал в уличную дверь. Казалось, грохот вторит его головной боли, и они усиливают друг друга. Подобное место неизбежно должно быть проходным двором. Он знал, что Персер, должно быть, развлекает других гостей, как он тактично их называл — более состоятельный класс должников, имеющих связи, которые, в конце концов, погасили бы свои долги так или иначе, а пока что располагали достаточными средствами, чтобы оплатить питание и проживание у Персера. Расценки бейлифа были непомерно высоки, и все же предварительное заключение было бесконечно лучше, чем долговая яма, единственная альтернатива.

В дверь комнаты постучали, и слуга Персера впустил миссис Фиар. Отбросив долгие церемонии, она подошла прямо к Уичкоту и взяла его за руки. Оба не проронили ни слова, пока не остались наедине.

— Я пришла, как только получила ваше письмо, — тихо сказала она.

— Я разорен, мадам.

— Чей иск? И на сколько?

— Малгрейва. Девяноста фунтов хватит, чтобы избавиться от него и оплатить также расходы Персера.

Она нахмурилась, подсчитывая.

— Тогда мы вызволим вас через час, в крайнем случае — через два.

— Если бы все было так просто. Они почуяли кровь. Одному богу известно, сколько я должен всего.

— Сотни?

— Если не тысячи.

Отпустив его руки, миссис Фиар села рядом.

— Мне негде взять таких денег. Вы сможете их собрать, если выиграте время?

Филипп пожал плечами.

— Скорее свинья полетит.

Она взглянула на него, чуть вздернув брови.

— Прошу прощения, мадам, — быстро поправился Уичкот, как всегда, чуткий к перемене ее настроения, и даже в подобной ситуации позабавленный ее жеманным неприятием вульгарности. — Сорвалось с языка. Однако надежды действительно не осталось.

— А дом? Возможно за него что-нибудь выручить?

— У меня всего лишь пожизненное право владения. И я уже одолжил под него денег. Если я не смогу выкупить счет на Михайлов день или перезаключить договор, мне конец. Я потеряю дом.

Без дома встречам клуба Святого Духа придет конец. И он останется без крыши над головой.

— Вам кто-нибудь должен?

— Сотню или две. Но мне не достанется ни пенни много месяцев, если не лет. Вы же знаете, как эти щенки относятся к своим игорным долгам. Они влезают в долги, и если не могут расплатиться, нам остается только ждать.

Миссис Фиар оставила его и подошла к окну. Уичкот знал, что она увидит: дом поглотил половину крошечного садика. Под окном

находился неухоженный двор, уборная и свинарник, где можно было разглядеть костлявые спины двух хряков, роющих грязь.

— Кто знает, может, свинья и полетит, — сказала она.

— Что?

— Напрасно вы оставили надежду, — спокойно произнесла женщина. — У меня отложено достаточно средств, чтобы уладить дело с Малгрейвом. Это выиграет нам немного времени.

— Что проку в паре часов? Иски посыплются, не успею я вернуться домой.

Она строго посмотрела на него.

— Даже малого времени может оказаться достаточно.

В комнате было душно и пахло болезнью. Поначалу доктор Карбери не мог успокоиться и вертелся в разные стороны, пытаясь устроиться поудобнее. По мере того, как проходили часы, он становился все тише. Элинор сидела у постели, пока не услышала, как бьет одиннадцать. Тогда она встала, на цыпочках подкралась к двери и несколько секунд подождала, прислушиваясь к тяжелому дыханию мужа.

Сиделка, вязавшая у окна, подняла глаза. Элинор прошептала, что скоро вернется. Она покинула спальню мужа и почти бегом спустилась вниз. Не останавливаясь для раздумий, покинула дом через садовую дверь и медленно пошла по гравийной дорожке к пруду.

Элинор нуждалась в ясной голове сильнее, чем когда-либо. Больше нельзя полагаться на защиту мужа. Она много месяцев знала, что супруг болен, но лишь сейчас, после утреннего визита Милтона, была вынуждена признать, что он умирает и что печальное событие наступит через несколько недель или даже дней.

Если она не хочет погибнуть окончательно, поддержка леди Анны необходима как воздух. Ее светлость желает одного — возвращения сына. Если Элинор сумеет помочь Фрэнку и заслужить ее благодарность, то возможным станет поистине все.

Даже Джон Холдсворт?

Последний вопрос направил ее мысли в нежеланное русло. Или, точнее говоря, не вполне нежеланное в подлинном смысле слова, но, безусловно, неуместное, аморальное и тревожное. Учащений дыша, Элинор подошла к Длинному пруду в его самом широком месте,

напротив восточного платана. Именно здесь нашли Сильвию. После мгновенной нерешительности миссис Карбери пошла вдоль берега к калитке у моста Фростуик-бридж. Она положила пальцы на чугунную решетку калитки, дотронувшись до нее в том самом месте, где рука Холдсворта коснулась ее руки. Металл был холодным, грубым и равнодушным. Она отдернула руку, открыла калитку и быстро пошла по мосту.

Насколько могла судить Элино́р, в садах колледжа никого больше не было. Она нырнула под платан, который окружил ее огромным зеленым шатром; его ветви ниспадали до земли, подобно занавесям.

Здесь было прохладно и уединенно. Никто ее не видел. Она могла думать о чем угодно. Прощай, Сильвия; прости и оставь меня. Она обхватила себя руками и попыталась вообразить, каково быть в объятиях мужчины.

Будь что будет, решила Элино́р. Она напишет леди Анне, когда вернется в дом. Сообщит ей, что доктор Карбери умирает.

Но она все же была не одна. Колеса грохотали и скрежетали по плитам церковной галереи. Кто-то разговаривал. Продолжая прятаться, Элино́р переменила положение, чтобы выглянуть в просвет между ветвями. Сначала она подумала, что это Том Говнарь совершает обход. Она поняла ошибку, когда в одной из арок галереи показались мужчина и женщина.

То был Филипп Уичкот. За его руку цеплялась коренастая невысокая женщина, годящаяся ему в матери.

Пока Элино́р наблюдала, они прошли вдоль фасада Нового здания. За ними катила тачка, заваленная чемоданами и коробками, которую тащили двое слуг, совсем еще дети. Элино́р узнала мальчишку Уичкота. Рядом с ним шагала высокая худая девчонка, руки и ноги которой торчали из слишком короткого платья.

Комнаты в Новом здании были поделены на три подъезда. Уичкот в сопровождении леди подошел к ближайшему. Тачка остановилась, и слуги принялись ее разгружать.

Уичкот сменил местожительство. Это знак, подумала Элино́р, проявление божественного недовольства ее прелюбодейными желаниями. Как она сможет забыть Сильвию, пока Уичкот здесь?

— Какого дьявола вы затеяли? — рявкнул Холдсворт.

— Не ваше дело, — сверкнул глазами Фрэнк. — Вы сказали, что ничем больше не можете помочь, так что я решил справиться с проблемой сам.

Они стояли на углу Уолл-лейн и Кинг-стрит. Раздражение Холдсворта быстро таяло, поскольку Фрэнк явно находился в безопасности и более или менее здравом уме.

— Откуда вы узнали, где я? — спросил Фрэнк.

— Я встретил пристава в Ламборн-хаусе, когда пришел искать вас. Почему вы убежали, точно вор, среди ночи?

Фрэнк покраснел.

— Я знал, что вы попытаетесь меня остановить. Но вы меня не остановите, слышите? Я много недель жил в непреходящем кошмаре и намерен покончить с ним раз и навсегда.

— Рад это слышать, — ответил Холдсворт. — И ни в коем случае не встану у вас на пути. Вы видели мистера Уичкота?

— Меня не пустили к нему.

— Вы ели сегодня утром?

— Не было времени.

— У меня тоже. Давайте немедленно это исправим. Если вам не позволяют видеть мистера Уичкота, вы ничего пока не можете поделывать, а улица — не место для разговора.

Фрэнк позволил увлечь себя на Кинг-стрит, где запахи из открытой двери кофейни добавили убедительности аргументам Холдсворта. Они зашли внутрь. Это было обветшалое заведение, посещаемое в основном студентами победнее. Никто не обратил особого внимания на новоприбывших.

Они заказали сытный завтрак. Во время ожидания Холдсворт попытался завязать разговор, но Фрэнк уклонился, схватив одну из газет, разбросанных по столам, и погрузившись в чтение.

После еды, однако, он положил вилку и небрежно произнес:

— Черта с два я стану дальше прятаться в деревне.

— Выходит, больше никакого кря-кря?

Фрэнк засмеялся.

— Больше никакого кря-кря.

— Что вы намерены делать?

— Ну, я должен вернуться в Иерусалим. И воздать Уичкоту по заслугам, так или иначе. Ради Сильвии.

Боже праведный, подумал Холдсворт, только бы юный глупец не вызвал его на дуэль. Романтическая и, вполне возможно, фатальная мишура поединка — именно то, что способно привлечь молодого человека в положении Фрэнка.

— Откладывать незачем, — продолжил Фрэнк. — Я вернусь сегодня. Сейчас, собственно говоря.

— Сейчас? Быть может, вы все-таки напишете и?..

— Не вижу в этом ни малейшей необходимости. — Он смерил Холдсворта взглядом. — Разве я связан обязательством испрашивать чьего-либо разрешения поступить подобным образом?

— Я хочу задать вопрос.

Фрэнк покачал головой.

— Я больше ничего не скажу, так что не утруждайтесь. Кроме того, я уже рассказал вам достаточно. Моя мать назначила вас моим сторожем, мистер Холдсворт. Любые мои слова немедленно будут донесены до нее.

— Вы забыли, сэр. Я уволился. И вы сами подтвердили это, когда пояснили, почему отправились в Кембридж, не поставив меня в известность. Таким образом, все, о чем мы станем говорить, будет носить характер частной беседы. Если вы расскажете мне нечто, что пожелаете сохранить в тайне, быть по сему.

Холдсворт откинулся на спинку стула и налил себе еще кофе. Он знал, что его аргумент основан на софизме. Но это ничего не значит. Разум в этом деле неважен, и никогда не был важен. Единственная проблема состояла в том, что Фрэнк сидел молча, сжав губы. Он не выказывал ни малейшего желания о чем-либо говорить.

— Табита Скиннер, — произнес Холдсворт, отринув уловки.

— Никогда о ней не слышал. Кто это?

— Четырнадцатилетняя девочка. Она умерла в ту же ночь, что и миссис Уичкот, очевидно, вследствие припадка, в доме миссис Фиар на Трамплингтон-стрит.

Фрэнк покачал головой.

— О ней я тоже никогда не слышал.

— Я не верю, что эти две смерти никак не связаны, — сказал Холдсворт. — Одна и та же ночь. Связь между миссис Фиар и мистером Уичкотом. И встреча клуба Святого Духа.

— Что ж, если они и связаны, я ничего об этом не знаю, — Фрэнк отодвинул стул. — Вы весьма меня обяжете, если выкинете это из головы. А сейчас я должен вернуться в колледж.

— Возможно, вы позволите мне отправиться с вами? — предложил Холдсворт. — Я должен заглянуть в Директорский дом и сообщить доктору Карбери, что больше не работаю на ее светлость, по крайней мере, что касается вас. И хорошо бы известить об этом также мистера Ричардсона как вашего тьютора.

— Вы можете меня сопровождать, — высокомерно объявил Фрэнк. — Это нисколько не стеснит меня.

— Тогда оплатим счет, и немедленно в путь.

Фрэнк махнул рукой официанту. Внезапно уверенность покинула его.

— По правде говоря, у меня нет при себе денег. Вот почему тот болван не пустил меня в дом предварительного заключения.

Холдсворт промолчал.

— Я попросил бы выслать мне счет, — заторопился Фрэнк, — но здесь меня никто не знает, и это может оказаться несколько утомительно. Я был бы крайне признателен, если бы вы одолжили мне необходимую сумму.

Холдсворт вежливо кивнул. В Фрэнке уживались нуждающийся школьник и властный джентльмен. Когда он открывал рот, трудно было угадать, кто из них заговорит.

На обратном пути в Иерусалим раздражение Фрэнка испарилось, и он постепенно развеселился. Юноша крутил головой, рассматривал витрины магазинов и исподтишка поглядывал на наиболее хорошеньких встречных девиц.

— Я так скучал последние недели, — произнес он рядом с колледжем. — Я и не понимал, как сильно мне всего этого не доставало.

По дороге они никого не встретили. Охотничья одежда Фрэнка была забрызгана дорожной грязью. Без регалий сотрапезника начальства его было не так просто узнать. Но это переменилось,

стоило им войти в ворота Иерусалима. Мепал заметил их и выскочил из привратницкой.

— Мистер Олдершоу, сэр, — он снял шляпу и поклонился как можно ниже. — Отдохновение для глаз, сэр, если вы позволите мне подобную дерзость.

— Я рад возвращению, — Фрэнк обвел рукой колледж, создав впечатление, что весь он принадлежит ему. — Пусть кто-нибудь отправится на Уайтбич-Милл. Скажите Малгрейву, чтобы закрыл дом и перевез наши вещи — мои и мистера Холдсворта — обратно в колледж. Я желаю видеть его, как только он явится. Кстати, где моя домработница?

— Сэл, сэр? В вашем подъезде, сэр, в комнатах мистера Аркдейла.

— Пришлите ее ко мне. И еще мне нужно побриться. Пошлите за цирюльником. Да скажите Сэл, чтобы принесла горячей воды. Кстати, мистер Ричардсон поблизости? Я должен нанести ему визит первым делом.

Глаза Мепала метнулись к Холдсворту, который не участвовал в беседе, но оставался в стороне простым наблюдателем.

— Члены совета в профессорской, сэр. На собрании колледжа.

— Вот как. Значит, доктор Карбери там?

— Увы, директор нездоров, сэр.

— Какая жалость.

Фрэнк глянул на Холдсворта, как бы в ожидании указаний.

— Я должен сходить в... — он наморщил лоб. — Боже праведный!

Олдершоу смотрел мимо Мепала и Джона. Холдсворт обернулся. Сам двор был пустым, но в арке на правой стороне церковной галереи виднелись два силуэта: худой и высокий девичий, и пониже, но такой же худой мальчишеский.

— Это случайно не мальчишка Уичкота?

— Да, сэр, — подтвердил Мепал. — Он прислуживает мистеру Уичкоту.

— Уичкоту? — Фрэнк произнес это так громко, что мальчик услышал и вскинул голову. — Хотите сказать, что он здесь, в колледже?

Огастес поднял маленький, но тяжелый черный саквояж с тисненым гербом Уичкота, запертый на два латунных замка, и, шатаясь, понес его к двери спальни.

— Не сюда, — поправила миссис Фиар. — В другую комнату, в маленький кабинет.

Огастес изменил направление. Доркас уже находилась там, раскладывая на столе письменный прибор.

У самой двери гостиной лежала груда вещей. Миссис Фиар сидела за столом. Уичкот стоял на коврик перед пустым камином, засунув большие пальцы в карманы жилета.

— Не выразить словами, как я признателен... — начал он.

— Слова ни к чему, дражайший Филипп, — она понизила голос. — Мистер Ричардсон не стал чинить препятствий?

— Ни малейших. Он не дурак. Мгновенно понял ситуацию.

— И все же я удивлена, что его не понадобилось уговаривать.

— Полагаю, тому есть две причины, мадам. Во-первых, он уже опаздывал на собрание в профессорской. А во-вторых, и это более важно, положение дел в Иерусалиме сейчас особенно деликатное.

Он поморщился, когда Огастес задел краем саквояжа угол стола.

— Причина собрания?

— Официальная, по крайней мере, — какой-то скандал с одним из сайзаров. Его поймали за руку на воровстве, после чего он сбежал. Но настоящая новость — директор. Похоже, он тяжело болен.

Миссис Фиар отвела взгляд от окна.

— Умирает?

— По-видимому, Ричардсон полагает это возможным. И, несомненно, желательным. Если директор умрет, назначат выборы. Меньше всего Ричардсону нужно участвовать в очередном скандале. Слово или два в нужные уши, и его шансы упадут до нуля. Стать главой колледжа, директором Иерусалима — вершина его чаяний.

В кабинете раздался грохот и резкий вздох. Когда Огастес и Доркас вышли из комнаты, миссис Фиар поманила их к себе.

— Верный слуга угоден Господу, — объявила миссис Фиар. — Верный слуга никогда не судачит о делах своего хозяина. Он неустанно ищет, чем еще послужить. С другой стороны, вероломный слуга неизбежно пожалеет о своем предательстве. Он будет проливать горькие слезы. А потом, после мучительной смерти, отправится в ад.

Дети смотрели на ковер. Кончики ушей Огастеса покраснели. Доркас впилась ногтями в свои бледные веснушчатые руки, которые уже были покрыты царапинами.

— А теперь займитесь делом, — снисходительно обронила миссис Фиар. — Ленъ — мать всех пороков.

В трогательном изъятии псевдофеодальной преданности, домработница выразила радость при виде мистера Олдершоу, накинув передник себе на голову и громко зарыдав. Смущенный, Фрэнк выполнил свою сторону сделки, попросив Джона дать ей полкроны от его лица. Когда дело было улажено к всеобщему удовлетворению, домработница удалилась на поиски горячей воды, а Фрэнк отправился обходить комнаты.

Холдсворт сел за стол с пером и чернилами и начал сочинять письмо. Он едва успел начать, когда Фрэнк вернулся в гостиную и навис над ним, загораживая свет. Юноша уронил на стол нечто металлическое — позолоченную пуговицу, которая сверкнула на солнце.

Холдсворт коснулся ее указательным пальцем. То была недостающая пуговица с клубного сюртука Фрэнка. Мистер Ричардсон упомянул, что она лежит на туалетном столике, когда показывал Холдсворту комнаты.

— *Sans souci*, — Фрэнк сглотнул. — Чертовски забавно, не правда ли?

— Почему?

Юноша не ответил, но его лицо на миг исказилось. Глаза наполнились слезами. Он отвернулся и принялся изучать книжные корешки в шкафу.

— Что такое? — спросил Холдсворт.

— Ничего, — Фрэнк не повернулся. — Совсем ничего.

Немного выждав, Холдсворт обмакнул перо в чернила и продолжил писать.

— Кстати, что вы делаете? — спросил Фрэнк, не сводя взгляда с книг.

— Пишу ее светлости, затем чтобы ознакомить ее со случившимся и известить, что вы снова поселились в Иерусалиме. Я намерен сложить с себя ответственность.

Фрэнк вихрем обернулся.

— Нет, мистер Холдсворт, прошу, не делайте этого.

— Не писать вашей матери?

— Нет... не отказывайтесь от места. Я хорошенько поразмыслил, и... простите, я говорил в сердцах. Хочу, чтобы вы остались со мной еще ненадолго.

— Полагаю, я выполнил то, ради чего меня наняла ее светлость, сэр.

— Да, несомненно, что касается меня. И все же, вы оказали бы мне огромную услугу, отложив отъезд. В конце концов, у меня может случиться рецидив, и еще не решен вопрос с библиотекой колледжа и книгами отца, помните? Моей матери все еще нужен ваш совет на их счет.

Холдсворт молча смотрел на него. Затем он пожал плечами.

— Я заключу сделку с вами, сэр. Я соглашусь остаться на две или три ночи, чтобы завершить исследование библиотеки для ее светлости.

— Спасибо, сэр, я очень благодарен, поверьте...

— При одном условии. Вы не устроите скандала с мистером Уичкотом. Если вы встретите его, находясь здесь, то постараетесь не обращать на него внимания. Вы не должны как-либо его задевать.

— Но, сэр, я не могу...

В дверь постучали, и Фрэнк умолк. Неожиданно его лицо расплылось в улыбке.

— Хорошо, сэр, — пробормотал он Холдсворту и возвысил голос. — Войдите.

Дверь отворилась, и вошел Ричардсон. Тьютор схватил руку Фрэнка и энергично встряхнул. Он так расчувствовался, что даже вытер с лица нечто вроде слезы.

— Что ж, сэр, не стану притворяться, будто не рад своему возвращению, — произнес Фрэнк. — Однако молю, скажите, что здесь делает мистер Уичкот? Мы видели его слугу, когда пришли, и Мепал говорит, что он поселился в колледже.

— Так и есть, мистер Олдершоу.

— Мне это не по душе, сэр.

— Увы, дела мистера Уичкота несколько запутаны. Когда он попросил у меня убежища, я просто не смог ему отказать. Разве можно оставить выпускника Иерусалима в беде?

— Я слышал, новые иски на подходе, — заметил Холдсворт.

Ричардсон кивнул.

— Вы хорошо осведомлены, сэр. Но бейлифы не могут достать его здесь. Он будет в полной безопасности до тех пор, пока не покинет пределы колледжа в дневное время, за исключением воскресений. У него будет время, чтобы уладить дела и разрешить возникшие трудности. Но давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Надеюсь, вы продлите свое пребывание в Иерусалиме, мистер Холдсворт? Не стоит забывать о библиотеке.

— В точности мои слова, сэр, — вставил Фрэнк. — Мать настояла бы на этом.

— В таком случае вы не должны нам отказывать, сэр. Кстати, вы уже поведали мистеру Олдершоу печальную новость о нашем библиотечном клерке, мистере Соресби?

Холдсворт покачал головой.

— Соресби? — повторил Фрэнк. — Сайзар? Что с ним?

— Очень прискорбно, но его обвиняют в краже книги из библиотеки, — сообщил Ричардсон. — Такой многообещающий молодой человек; весь мир лежал у его ног! Хуже того, он усугубил свое положение тем, что скрылся.

— Какая досада, — машинально произнес Фрэнк. — Да, кстати, сэр, Мепал говорит, что директору нездоровится. Где мистер Холдсворт может остановиться? Ему лучше не возвращаться в Директорский дом.

— Если я останусь еще на день или два, я найду комнаты в городе, — сказал Холдсворт.

— Нет-нет, — возразил Фрэнк. — Уверен, мистер Ричардсон не желает об этом и слышать... верно, сэр?

— Колледж с радостью примет вас, мистер Холдсворт. Доверьтесь мне, и я посмотрю, что можно сделать. Уверен, мы подыщем вам место в Новом здании. — Ричардсон повернулся к Фрэнку: — Надеюсь, вы отобедаете с нами в зале, мистер Олдершоу? То есть, если вы хорошо себя чувствуете. Возможно, вы предпочтете отдохнуть после дороги.

— Спасибо, сэр, я хорошо себя чувствую, — раздраженно ответил Фрэнк. — Я пообедаю в зале. И мистер Холдсворт тоже.

Ричардсон улыбнулся.

— О да, конечно, — и мистер Холдсворт.

— Помните, — сказала миссис Фиар, — вы не должны покидать стены колледжа при свете дня.

— Полно, мадам, разве можно об этом забыть, когда у ворот ждет стая шакалов?

Из комнаты джипа, где Огастес и Доркас убрали чайные принадлежности, раздался звон бьющейся посуды.

Миссис Фиар скривила рот.

— Доркас, — произнесла она, не дав себе труда повысить голос.

Служанка появилась, вытирая руки об фартук, и неуклюже присела в реверансе.

— Что разбилось? Кто виноват?

— Прошу прощения, мадам, это чайная чашка, она выскользнула у меня из рук, мадам, мне так жаль, я...

— Злонравная, неуклюжая девица, — заметила миссис Фиар без гнева, как бы констатируя факт. — Сегодня ты останешься без обеда. Я давно заметила, что набитый желудок делает тебя невнимательной и глупой.

— Прошу прощения, мадам, — произнес Огастес из дверей комнаты джипа. — Пожалуйста, не ругайте ее, это я виноват, она передавала чашку мне, и я...

— Заткнись, — рявкнул Уичкот.

Миссис Фиар снова повернулась к Филиппу и заговорила медовым тихим голосом, который приберегала для него:

— Я вынуждена вас оставить, дорогой. Мне надо пообедать, и вы тоже скоро проголодаетесь.

— Позвольте проводить вас, мадам.

— По крайней мере, до ворот. — Она улыбнулась ему. — Но не забывайте запирать двери. Дверь кабинета и наружную дверь. Ваше будущее — здесь.

Сопровождаемые Доркас, миссис Фиар и Уичкот спустились вниз, на солнце. Миссис Фиар остановилась по пути, чтобы восхититься величественным размахом восточного платана.

— Поистине чарующе, — заметила она. — Пусть вам придется провести пару недель в изгнании, это не самое худшее место для

ссылки.

Они прошли по галерее и через Церковный двор к главным воротам. Мепал вышел из привратничкой на внешний двор у Сейнт-Эндрюс-стрит и беседовал с двумя мужчинами в черном.

Миссис Фиар положила руку на локоть Уичкота.

— А! Ваши шакалы, полагаю.

Они обменялись рукопожатием. Но прежде чем дама прошла через ворота, они слышали быстрые и легкие шаги за спиной. Огастес подбежал с платком, который протянул миссис Фиар с низким, стремительным поклоном, словно утка нырнула в воду вниз головой.

— Нашел на вашем кресле, мадам.

Миссис Фиар кивнула Доркас, которая шагнула вперед с опущенной головой и взяла платок у мальчика. Уичкот заметил, как девчонка покосилась на Огастеса, а он на нее. Неужели каланча миссис Фиар и его чумазый карлик влюбились друг в друга? Сама мысль об этом показалась столь нелепой, что он едва не рассмеялся вслух.

Когда миссис Фиар ушла, Уичкот вернулся в свои комнаты. Он остановился у подъезда в Новом здании. По случайности Фрэнк шел со стороны Иерихона, глядя на сад. Он заметил Филиппа слишком поздно, чтобы избежать встречи.

— Рад видеть вас в колледже, — вежливо произнес Уичкот. Он был готов к любому проявлению жестокости; его не удастся вновь застать врасплох. — Смеют ли ваши друзья надеяться, что это означает ваше полное исцеление? Лично я надеюсь.

Фрэнк что-то пробормотал и попытался проскользнуть мимо него.

Уичкот заступил ему дорогу.

— Мы будем почти соседями. Огастес, поднимись наверх и стой у двери, — он подождал, пока мальчик ушел. — Я перебрался в колледж на несколько дней или даже недель. Поселился здесь, в Новом здании. Молю вас оказать мне честь своим визитом.

— Еще чего! Да чтоб вас черти взяли!

— Поживем — увидим. Если я расскажу властям, что вы сделали с той девочкой, и приведу свидетелей в поддержку обвинения, весьма вероятно, что черти возьмут вас раньше меня.

— Что вы имеете в виду... о господи, что вам надо?

— Всею свое время. Уверен, мы еще обсудим этот вопрос. Должно быть, вас заинтересует тот факт, что я принял меры

предосторожности и забрал архивы клуба Святого Духа с собой в колледж. Поистине увлекательное чтение. Например, в книге членов есть ваша подпись, должным образом засвидетельствованная. Вы были очень рады стать апостолом, а? И стали им в ту самую ночь, когда девчонка умерла. В ту самую ночь, когда все эти люди видели вас с ней, готового схватить ее и лишитъ невинности. Да, перед самой ее смертью. Из этого логически вытекает, что одно привело к другому.

Фрэнк схватил Уичкота за руку.

— Мерзавец, — прошипел он. — Так вы мне мстите за Сильвию? И за купание в пруду?

Филипп смотрел на него, но молчал. Фрэнк был крупнее, и Уичкот уже знал о склонности молодого человека к насилию. Но он также знал, что власть принимает множество форм. Через несколько секунд Фрэнк ослабил хватку и сделал шаг назад.

Уичкот поправил рукав сюртука.

— Поговорим позже. Несомненно, вам не терпится убежать к своему гувернеру, Холдсворту, и поплакать у него на плече. Не смею вас больше задерживать. Но предупреждаю, это не поможет. Нам с вами рано или поздно придется прийти к соглашению.

У Элино́р Карбери болела голова. Женщина сидела за письменным столом, сочиняя третий черновик письма леди Анне Олдершоу, и ненавидела себя за это. Жизнь заставила ее совершить множество поступков, которые пробуждали ненависть к себе.

В дверь постучали, и вошла Сьюзен. Она закрыла дверь и встала с опущенной головой в ожидании распоряжений хозяйки.

— Что такое? — Элино́р обмакнула перо в чернильницу.

Ответа не последовало. Она взглянула на служанку. Слезы струились у той по щекам.

— Что такое? — повторила Элино́р более резко. — Ради всего святого...

— Ах, мадам, я была так глупа.

Девушка зарыдала еще сильнее.

— Так порочна, — проговорила она между всхлипами. — А вы такая добрая хозяйка! Такая великодушная! О, мое сердце сейчас разорвется.

— Прекрати плакать и расскажи, в чем дело, — приказала Элино́р.

Сьюзен подняла глаза и тихо произнесла своим обычным голосом:

— Ах, мадам, — я в тягости.

Элино́р на мгновение представилось непрошеное зрелище белых мускулистых бедер, подскакивающих вверх и вниз в прачечной.

— Глупая девчонка. Кто отец? Бен?

Служанка кивнула.

— Я ничего не могла поделать, мадам, он так настаивал. Мне очень неловко беспокоить вас, тем более сейчас, когда хозяин в таком состоянии.

— Ты уверена?

— Да, мадам, — я уже два раза не дождалась кровей, и скоро третий.

— Сколько времени это продолжается?

— С марта — он уговорил меня прогуляться с ним однажды ночью под большим деревом и... воспользовался мной. Скоро живот станет видно. Вы прогоните меня без рекомендации, и я окажусь в работном доме...

— Замолчи, — рявкнула Элино́р. — Из-за тебя у меня еще сильнее разболелась голова. Разве ты не можешь выйти за Бена, и дело с концом?

В дверь внизу постучали.

— Он останется без места, как и я, мадам. А сбережений у нас нет.

— Дай мне немного поразмыслить, — сказала Элино́р. — Ты была ужасно глупой девчонкой. Но, возможно, еще не все потеряно.

Гость поднимался по лестнице. Бен объявил о приходе мистера Ричардсона. Глаза слуги расширились, когда он увидел у двери Сьюзен с красным лицом. Мистер Ричардсон поклонился, изящно взмахнув пальцами. Элино́р отослала слуг.

— Я не хочу беспокоить директора, — сказал гость, когда они остались одни. — Но мне необходимо узнать, как поживает мой дорогой друг. Есть ли новости?

— Нет, сэ́р. Он спит. Сиделка у него, и ей приказано позвать меня, когда он проснется.

— А! Как там сказано у поэта? Иссякших сил чудесный возродитель, сладостный Сон!^[36] — пробормотал Ричардсон. — Я принес наилучшие пожелания всего совета, разумеется, и уверения в наших молитвах. Но есть и еще одна причина, по которой я решил нанести визит, а именно, новость. Новость, которая может подбодрить доктора Карбери. А следовательно, не сомневаюсь, и вас, дражайшая мадам. Мистер Олдершоу вернулся в колледж.

— Рада это слышать. Он наносит визит или?..

— О нет. Похоже, он полностью восстановил здоровье и, полагаю, намерен вернуться к себе в комнаты, по крайней мере, до окончания семестра.

— Я обязательно сообщу доктору Карбери. А что мистер Холдсворт? Поскольку мистер Олдершоу больше не нуждается в нем, вероятно, он вернется в Лондон?

— Не сразу. Он должен завершить исследование библиотеки, и не исключено, что может снова понадобится мистеру Олдершоу. Поэтому я устроил его в гостевых комнатах в Новом здании. Когда он узнал о состоянии директора, то не захотел его беспокоить... как и, разумеется, вас, мадам.

Элино́р кивнула.

— Есть новости о мистере Соресби?

— Он как сквозь землю провалился. Но у нас есть еще один гость. Мистер Уичкот в колледже. Надеюсь, это вас не расстроит.

Элино́р подняла глаза и застала на лице тьютора выражение задумчивости.

— Почему вы полагаете, что это может меня расстроить?

— Я опасался, что его вид может пробудить мучительные воспоминания о вашей любимой подруге, миссис Карбери. Ничего более.

Элино́р поблагодарила гостя за заботу. Больше ничего она не сказала, и он встал, чтобы откланяться.

Оставшись в одиночестве, Элино́р села за письменный стол с пером в руке, но не смогла написать ни слова. Она думала о своем умирающем муже, о Джоне, который находился в полете стрелы от нее, и о Сильвии. Элино́р больше не знала, любит она Сильвию или ненавидит. Ричардсон коснулся больного места, когда упомянул ее. Все воспоминания были мучительными.

Позже, когда сиделка сообщила Элинора, что ее муж проснулся, она зашла в его комнату. Занавеси скрывали сияние дня. Доктор Карбери лежал на спине, завернутый в покрывала, словно в смирительную рубашку. Он глядел на жену большими собачьими глазами.

— Как поживаете, сэр? Отдохнули?

Он проигнорировал вопросы.

— Есть новости?

— Мистер Олдершоу вернулся, и мистер Ричардсон говорит, что он полностью выздоровел.

— Хорошо. Но что с Соресби?

— Ничего, сэр. Надеюсь, с несчастным юношей не случилось ничего дурного.

— Да, это не исключено, — Карбери приподнял голову с подушек во внезапном приливе сил. — Самоубийство. Если подумать, в этом нет ничего невозможного.

— Надеюсь, это не так.

Ее муж словно не услышал. Его голова тяжело упала обратно на подушки.

— Соресби мертв? — пробормотал он себе под нос. — Да, вполне вероятно. Мертв, решительно мертв. Но не слишком ли оптимистично на это надеяться?

— Этот дьявол захватил с собой клубные архивы, — сообщил Фрэнк Холдсворту, как только вернулся из Иерихона. — Они в его комнатах, и он собирается меня шантажировать. Господь всемогущий, подумать только, что я когда-то его уважал! Считал человеком благородным. Что же делать?

— Не торопиться, мистер Олдершоу.

Фрэнк глянул на него.

— Вам легко говорить, сэр, но...

В дверь постучали, и в комнату влетел Гарри Аркдейл, похожий на веселого херувима.

— Дорогой Фрэнк, как поживаете? — Он схватил руку товарища и стал дергать ее вверх и вниз. — Наконец-то вы вернулись, в целости и сохранности. Желаю вам всяческих благ. Какое счастливое возвращение!

Холдсворт поклонился и отступил, подыскивая повод удалиться.

— Вы слышали последние новости? — спросил Аркдейл, покончив с первыми приветствиями. — Соресби исчез.

— Рикки нам только что сообщил. Ничтожный он человек, а? Вечно хрустел костяшками, прямо канонаду устраивал.

Аркдейл наморщил нос.

— Скандал разразился преизрядный. Я вот никак не понимаю... он был любимчиком Карбери. Старик даже зарезервировал для него членство.

— Я думал, Соресби — человек Рикки. Кстати, вы не заходили в конюшни на днях? Мои лошади...

— Подождите, Фрэнк... это дело с Соресби... вы еще не слышали самое интересное. Возвращаюсь я в колледж, и вдруг Мепал подносит мне сверток. Кто-то оставил его в ящике прошлой ночью — он не видел, кто. Оказалось, он от Соресби, — Аркдейл достал из кармана тонкую книжицу. — Смотрите.

Фрэнк взял книгу и открыл ее на титульном листе.

— Эвклид? Что еще за чертовщина?

— Я стал настоящим книгочеем со времени нашей прошлой встречи. Но это неважно. Вот что лежало внутри. Смотрите.

Аркдейл протянул листок бумаги, который, похоже, был вырван из записной книжки. Холдсворт подошел ближе и прочел через плечо Фрэнка написанные на листке несколько слов: «Мистер Аркдейл! Вот книга. Второй абзац мистера Доу на странице 41 необходимо усвоить, если вы желаете понять теорему 47 (теорему Пифагора). Умоляю, не верьте этой чудовищной лжи обо мне. Клянусь, я ничего не крал. Т. С.».

Обед должен был начаться через полтора часа. Холдсворт извинился и оставил молодых джентльменов наедине. Пожалуй, хорошо, что он согласился провести с Фрэнком еще день или два, поскольку тому грозила новая опасность — Уичкот. К тому же, разве ему есть куда вернуться в Лондоне?

В глубине души он знал, что у него есть и другие, более веские причины остаться, хотя он едва ли мог признаться в некоторых из них самому себе, и уж тем более Фрэнку. Необъяснимые смерти Сильвии Уичкот и Табиты Скиннер раздражали его, как камешек в ботинке. Теперь, после выздоровления Фрэнка, они не имели к нему отношения. Но все равно не давали покоя. Более того, вопрос с привидением Сильвии оставался нерешенным. Если он не поможет духу несчастной женщины упокоиться с миром, неудача будет терзать его до конца дней. Ведь он не сможет полностью отринуть возможность того, что Мария с самого начала была права и ее действительно посещал призрак Джорджи.

Но самой сложной для признания причиной и самой веской была живая женщина, которая находилась всего в пятидесяти футах в Директорском доме и обладала властью не просто терзать его, а причинять адские муки. «Я веду себя постыдно, — сказал он себе, — аморально, безумно и глупо. Будь я суеверен, решил бы, что она ведьма и приворожила меня. Но правда в том, что вина целиком на мне».

Выйдя из подъезда Фрэнка, Холдсворт увидел мальчишку мистера Уичкота, который проскользнул в ворота с корзинкой на локте. Джон отправился следом.

Два пристава стояли за пределами мощеного внешнего двора перед воротами Иерусалима. Они узнали мальчишку и окликнули его, но тот пробежал мимо и метнулся на Сейнт-Эндрюс-стрит.

Холдсворт ускорил шаг. Мальчишка повернул на Петти-Кери и проложил себе дорогу к рынку, где купил фрукты на одном прилавке и сыр на другом. После он зашагал к Кондуиту^[37], где всегда собиралась небольшая толпа. Схватил ягоду клубники. С величайшей

осторожностью развернул угол сыра и осмотрел его, как будто в поисках крошек.

Мальчик больше не был один. К нему подошла высокая худая девочка в невзрачном платье. Холдсворт узнал в ней служанку, которую видел с мальчишкой в колледже. Как будто почувствовав взгляд, она подняла глаза и уставилась на него. Должно быть, девочка что-то сказала мальчишке, поскольку он повернулся в сторону Джона.

Тот отбросил уловки и направился к ним. Дети попятились.

— Пожалуйста, не пугайтесь, — быстро произнес он. — Я не причиню вам вреда. Ты слуга мистера Уичкота, верно? Я видел тебя в Ламборн-хаусе и буквально только что — в Иерусалиме.

— Да, сэр. Мистер Уичкот ждет...

— Просто ты показался мне голодным, и я подумал, может, ты не откажешься разделить со мной пирог, — Холдсворт указал на соседний прилавок. — Я бы съел кусочек-другой, но на целый пирог у меня не хватит аппетита. А выбрасывать еду — сущий грех.

Мальчик посмотрел на девочку. Между ними проскочила какая-то мысль.

— Возможно, твоя подруга тоже проголодалась? Будь добр, сходи, выбери пирог — такой большой, какой захочешь, — и принеси его мне.

Холдсворт протянул руку и разжал ладонь, на которой лежали три монетки по одному пенни и трехпенсовик. Мальчик схватил деньги. Они с девочкой отправились к прилавку с пирогами и переговорили с его хозяйкой. Когда они вернулись, мальчик протянул пирог Холдсворту. Девочка вернула оставшиеся два пенни.

Холдсворт не стал ничего брать.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказал он.

Мальчик сделал шаг назад, затем другой.

— погоди, — крикнул Холдсворт, понимая, что мальчик вот-вот уйдет и, вдобавок, того и гляди расскажет хозяину о неловкой попытке чужака завязать разговор. — Послушай, это ради твоего же блага.

Он присел, чтобы оказаться с мальчиком на одном уровне, и понизил голос:

— Я знаю, что случилось в клубе Святого Духа.

В глазах мальчика вспыхнула тревога.

— Мистер Уичкот задолжал вам денег, сэр? — внезапно спросила девочка.

— Нет. Но, держу пари, он задолжал жалованье этому парню.

Джон увидел по ее лицу, что выстрел попал в цель, и поспешил развить успех.

— Я только хочу поговорить с тобой пять минут, — сказал он мальчишке. — Твоя подруга может остаться с нами и проследить, чтобы тебе не причинили вреда. А пока мы разговариваем, вы с ней можете съесть пирог. Ну, что, договорились?

Пирог оказался решающим аргументом. Холдсворт наблюдал за руками мальчика. Маленькие грязные пальцы теребили хлеб. Запах поднимался в его ноздри. От корочки отломился кусок, и мальчик запихал его в рот. Он посмотрел на девочку и молча протянул пирог ей. Она тоже отломил кусочек корочки.

— Идем, — сказал Холдсворт. — Вы же не хотите есть и говорить среди толпы? Знаете какое-нибудь тихое место поблизости?

Дети отвели его на маленькое кладбище при церкви святого Эдуарда, где выбрали местечко на солнце, подальше от глаз прохожих. Мальчик разломил пирог пополам и предложил большую часть девочке. Дети ели быстро и сосредоточенно. Холдсворт не пытался говорить, пока они набивали животы. Он прислонился к стене церкви и думал, как они похожи на маленьких зверьков, прирученных только отчасти.

— Твоя подруга не могла бы отойти в сторонку, пока мы будем разговаривать? — спросил Холдсворт, когда мальчик закончил.

— Она знает столько же, сколько и я, сэр.

— О клубе?

— А как же, сэр, — девочка говорила, как кокни, а не кембриджская уроженка. — Я помогала готовиться, а после убирала за ними грязь.

— И... мы друзья, сэр.

— Как скажешь. — В голосе девочки проскользнуло презрение.

— Прекрасно, — сказал Джон. — Тебе известно, что я мистер Холдсворт и работаю на леди Анну Олдершоу. Давай начнем с самого начала, и ты мне расскажешь о себе.

— Его зовут Огастес, — сообщила девочка. — А меня Доркас.

— Ты тоже находишься в услужении?

— У миссис Фиар на Трампингтон-стрит, сэр.

— Я начинаю понимать, — произнес Холдсворт.

Девочка промолчала, но ее взгляд задержался на его лице.

— Мистер Олдершоу — очень богатый молодой джентльмен, — продолжил он. — В его власти хорошо наградить вас и найти обоим новые места. Ты помнишь встречу клуба в феврале?

Огастес кивнул.

— И ты помнишь, что случилось в павильоне? Где ты был?

Огастес залился краской.

— Вижу, что помнишь. Бояться нечего... ты ни в чем не виноват. Расскажи мне о девушке.

— Откуда нам знать, что вы не обманываете? — внезапно спросила Доркас. — Может, это она вас надоумила.

— Она? — повторил Холдсворт.

— Мадам. Может, это проверка.

— Нет. Огастес знает, что я работаю на мистера Олдершоу, а тот не питает к мистеру Уичкоту любви.

Мальчик кивнул, не сводя глаз с Доркас.

— Гинея, — сказала она. — По гинее каждому.

— Может, лучше новые места? — прошептал Огастес.

— Гинея — это гинея, когда она у тебя в руках, — возразила Доркас. — А обещание — это всего лишь обещание.

— Если вы хорошо мне послужите, получите и то, и другое, — Холдсворт достал кошелек и положил две гинеи на ближайшую могильную плиту, где те засверкали на солнце. — Вы заберете деньги через пару минут, когда мы с вами закончим.

Дети уставились на монеты.

— Расскажите о Табите Скиннер.

По их потрясенному молчанию и пустым лицам он немедленно понял, что его ставка выиграла.

— О девушке, — поторопил он.

Доркас тихо вздохнула, как будто с облегчением.

— Она приехала из госпиталя Магдалины, сэр... ну, знаете, в Лондоне. Как и я. Но она была хорошенькой.

— Как и ты, — заметил Огастес.

— Миссис Фиар привезла ее?

— Да. Так она все и проворачивает, понимаете? Приводит их туда. Она говорит в совете Магдалины, что, может быть, подыщет им место или, по крайней мере, научит прислуживать, пока они здесь, — маленькое узкое лицо Доркас исказилось и стало выглядеть старше. — Такая милосердная леди, миссис Фиар. Девушки должны притворяться невинными, когда приходят молодые джентльмены.

— Хочешь сказать, что миссис Фиар привозит этих девушек из Лондона, якобы чтобы сделать служанками, а затем растлевают?

Доркас беззвучно засмеялась, открыв рот и обнажив дыру на месте двух передних зубов.

— Благослови вас боже, сэр, девушки не против. Обычно не против. Половину времени джентльмены слишком пьяны, чтобы взобраться на них, но платят им всегда одинаково. Но Табита была другой... она по правде была девицей.

Холдсворт отвернулся. Запах пирога вызвал у него тошноту. Через мгновение он произнес:

— Иными словами, миссис Фиар и мистер Уичкот раздобыли девственницу для изнасилования?

— Табита сказала, что, по крайней мере, потеряет невинность с красивым чистым джентльменом и получит за это хорошие деньги. Чудо, что ей еще было, что терять. Она сказала, что, может, молодой джентльмен влюбится в нее и захочет жениться. И тогда она будет жить в своем доме и разъезжать в золотой карете, а я смогу наняться к ней в горничные.

— Я видел их, — вступил Огастес. — Ее и миссис Фиар, когда они приехали в экипаже, пока гости ужинали. Я провел их с фонарем по саду к павильону.

— Она говорила с тобой? — спросил Холдсворт. — Какое впечатление она производила?

— Она ничего не сказала, сэр. Молчала как рыба. А потом бац — и умерла.

— Миссис Фиар оделась как монашка, — Доркас скорчила гримасу.

Огастес нервно и тонко хихикнул.

— Куда они пошли в павильоне? — спросил Холдсворт.

— В маленькую комнатку внизу, — ответил мальчик. — Она обставлена как спальня, сплошь белая. Днем я должен был развести в

ней огонь и поддерживать тепло. Все было готово: вино, орехи, фрукты и так далее.

— Расскажи ему, как это случилось, — велела Доркас. — Разве не видишь, чего ему надо?

— Они ужинали... и миссис Фиар выходит из спальни и поднимается в дом... а после возвращения заходит в комнату. В это время наверху говорили тосты. А через несколько минут она посылает меня к хозяину с запиской. Он спускается и заходит к ним. А потом, через некоторое время, мистер Олдершоу сбегает по лестнице и тоже заходит в комнату. Ему так не терпелось к Табите, что он не мог ждать. Даже дверь не закрыл. Тогда я и услышал, что девушка умерла.

— Как она умерла?

Огастес пожал худенькими плечиками.

— Она была вся в белом и привязана к кровати. Ее лицо было странным. Глаза открыты и выпучены, как стеклянные шарики. Может, она умерла от страха?

Мальчик сел на траву и обхватил колени руками. Доркас коснулась его макушки почти материнским жестом.

— Это все из-за ореха, парень, — сказала она. — Вот и все. Я же говорила — она не могла пошевелиться, никак не могла, из-за того что была связана. Она задохнулась половинкой грецкого ореха. Мы нашли его в горле, когда обмывали тело.

— Значит, потом ее отвезли к миссис Фиар? — спросил Холдсворт.

— Ее положили со мной, — ответила Доркас. — Застывшую и холодную, ко мне в кровать. И с тех пор я не могу избавиться от нее.

— Оно преследует ее, — прошептал Огастес. — Привидение Табиты.

— Это всего лишь дурной сон, — отрезал Холдсворт. — А ты, парень, что ты делал после того, как ее нашли?

— Меня послали с ней обратно, сэр. Мы с хозяином отнесли несчастную Табиту в сад в кресле, как будто она так напилась, что не могла ходить. Один раз чуть не уронили. Она все время выворачивалась из рук. Мы зачихали ее в экипаж и отвезли к миссис Фиар. А когда мы с мистером Уичкотом вернулись в павильон, все джентльмены уже разошлись по домам.

— Все? А мистер Олдершоу?

— Нет, сэр... он остался в доме, — мальчик поднял глаза и сглотнул. — Хозяйка была с ним.

— Миссис Уичкот?

Быстрый кивок.

— Где?

— В его комнате. Хозяин узнал и впал в ярость. Он запер меня в погребе на всю ночь, я чуть не замерз до смерти. Я никогда ее больше не видел, сэр, то есть, только в гробу.

А потом? Все это закончилось тем, что Сильвия бежала по улицам Кембриджа в поисках убежища в колледже Иерусалима. И затем тоже умерла неким образом.

— Ты слышал, что происходило между ними в ту ночь? — спросил Холдсворт. — Между мистером Олдершоу и мистером и миссис Уичкот?

— Нет, сэр.

— Он ударил ее, — заявила Доркас.

Холдсворт повернулся к ней:

— Не понимаю. Откуда тебе это знать?

— Потому что я видела леди мертвой, сэр. Я помогала миссис Фиар ее обмывать. Он ударил ее...

Джон, вспомнив рассказ Тома Говнаря, не утерпел и спросил:

— По голове? — он коснулся виска. — Сюда?

— Да, сэр, она обо что-то ударилась головой. Но я о другом. Когда мы обмывали миссис Уичкот, я видела ее тело. Синяки были на спине.

Холдсворт уставился на девочку, выискивая признаки того, что она лжет. Она вернула его взгляд, но на это способен каждый лгун. Зачем бы ей лгать?

— Синяки?

— Да, сэр. Кожа не была разорвана, не так, чтобы очень. Просто похоже, что кто-то сорвал с нее платье и лупил палкой до посинения.

Болезнь директора касалась всех, так или иначе. Никто в точности не знал, насколько она серьезна, ведь доктор Карбери славился лошадиным здоровьем. С другой стороны, нельзя было исключить возможность, что на этот раз его болезнь может привести к смерти или, по крайней мере, потере трудоспособности.

Уичкот наблюдал, как большинство членов совета, обедавших в колледже, находили тот или иной повод побеседовать с мистером Ричардсоном и держались с ним крайне любезно. «Они ищут покровительства, — подумал он, — да и черт бы с ними».

Мистер Мискин, который не мог быть вполне уверен в обещанном ему приходе, рассказал тьютору забавную историю о вице-ректоре, которую услышал на днях, а также порекомендовал поставщика лучших угрей на всем Болоте; мистеру Ричардсону довольно было бы упомянуть имя мистера Мискина, и дело в шляпе. Мистер Краули спросил мнения мистера Ричардсона о сложном отрывке из «Анабасиса»^[38] и с лестным вниманием выслушал, как тот разрешил затруднение, пролив неожиданный свет на влияние Сократа на Ксенофонта и его товарищей. Мистер Доу пожелал обсудить разработанный им хитроумный проект строительства ватерклозетов для старших членов колледжа с использованием особо гигиеничной и целесообразной модификации, авторство которой принадлежало лично ему. Даже профессор Трилло, который почти не покидал своих комнат, нашел время продиктовать несколько строк для мистера Ричардсона, превознося его последний сборник проповедей и предлагая одолжить свои заметки о грамматике халдейской и ассирийской ветви восточного среднеарамейского языка.

Фрэнк Олдершоу и Гарри Аркдейл также находились за столом, пользуясь своим положением сотрапезников начальства. Все стремились пожать руку Фрэнку, поздравить его с выздоровлением. После обеда Уичкот воспользовался общей суматохой в профессорской, чтобы приблизиться к Фрэнку под предлогом выдвигания стула.

— Не забывайте о матери, — прошептал он. — Счастье ее светлости всецело зависит от вашего.

Фрэнк дернул головой. Филипп напрягся, ожидая удара. Внезапно между ними возник Холдсворт, одновременно помогая Уичкоту со стулом и подталкивая Фрэнка к другому столу, где уже сидел мистер Аркдейл с молодыми членами совета.

Бросив взгляд через стол, Уичкот отметил, что Ричардсон наблюдал за сей маленькой шарадой. «Ничего, — подумал он, — скоро они запляшут под другую дудку. А пока довольно напомнить обоим, Фрэнку и Ричардсону, кто хозяин положения».

Уичкот не стал засиживаться за вином. Он вернулся в свои комнаты. Огастес уже возвратился с рынка с фруктами и сыром и распаковывал одежду хозяина.

— Они еще там? — спросил Уичкот без предисловия.

— Кто, ваша честь?

— Приставы.

— Да, сэр. Они... они пытались заговорить со мной, но я не дался.

— Хорошо.

Уичкот оставил мальчика работать и удалился в маленький кабинет. Черный саквояж стоял на столе. Первым делом надо было просмотреть реестр клуба Святого Духа, который велся с самых первых лет его существования. В отличие от остальных записей, в которых использовались только апостольские имена членов, в реестре были также приведены их подлинные имена и даты поступления и выхода из клуба. Некоторые из давних членов, разумеется, были уже мертвы. Он намеревался постепенно углубиться в прошлое, составляя список тех, кто, по его сведениям, еще жив. Многие из них не стоят беспокойства. Ему нужны только те, кто обладает высоким положением, или значительным богатством, или и тем, и другим. Тогда достаточно будет сопоставить имена из реестра с их деяниями в роли апостолов, запечатленными в других томах клубного архива.

Затем последует самая щекотливая часть сочинение писем. Это рискованное предприятие, вот почему он не попытался осуществить его прежде, но если проявить осторожность, ему может сопутствовать успех. Придется тщательно взвесить личные обстоятельства каждого адресата и выдвинуть соответствующие требования. Необходимо взять за правило не просить слишком много, подумал он, а лишь то, что даритель сможет с легкостью передать.

В конце концов, никогда не поздно вернуться за большим.

Филипп усердно трудился минут двадцать, когда в дверь постучали. Огастес открыл; зарокотал мужской голос. Слуга постучал в дверь кабинета, распахнул ее и объявил, что мистер Холдсворт передает мистеру Уичкоту свои наилучшие пожелания и просит уделить ему несколько минут, если это возможно. Глупый мальчишка оставил дверь открытой, отчего Уичкот, подняв взгляд, увидел гостя у наружной двери. На долю секунды их взгляды скрестились. Холдсворт

был достаточно хорошо воспитан, чтобы отвести глаза и сделать вид, будто они друг друга не заметили.

— Ну разумеется, — Уичкот поднялся со стула. Он убрал бумаги в саквояж и повернул ключ в обоих замках.

В гостиной мужчины поклонились друг другу.

— Вы сейчас проживаете в колледже, сэр? — осведомился Уичкот.

— Да... в комнатах прямо над вашими, собственно говоря.

— Чудесный вид на сады. Поистине очаровательный, как по-вашему?

Холдсворт кивнул. Он взглянул на Огастеса и попросил разрешения переговорить наедине.

Отослав мальчишку, Уичкот указал Джону на стул. Тот ответил, что предпочитает стоять.

— Несомненно, вы пришли от мистера Олдершоу, — улыбнулся Филипп.

— Нет, сэр, вовсе нет. Мистер Олдершоу ушел с мистером Аркдейлом вскоре после того, как вы покинули профессорскую.

— Что ж... так даже лучше. Некоторые вопросы проще решать людям зрелого суждения.

— Несомненно, — согласился Холдсворт. — Я не стану ходить вокруг да около, сэр... я пришел сказать вам, что вы должны оставить мистера Олдершоу в покое. Он уже заплатил слишком высокую цену за знакомство с вами.

— По крайней мере, это откровенный разговор. А если я скажу вам, что мистер Олдершоу должен мне значительную сумму денег?

— Тогда я отвечу, что вы ошибаетесь.

Уичкот улыбнулся.

— Я готов сделать скидку на то, что вы не знаете обо всех поступках вашего подопечного. Но не могу поверить, что вы или ее светлость обрадуетесь, если правда о нем выплывет.

— Вы забываетесь, — возразил Холдсворт. — Вам ли сулить несчастья? Человек, которому грозит тюрьма и который находится в весьма щекотливом положении...

Уичкот щелкнул пальцами, как бы отметая намек.

— Полагаю, вы имеете в виду мои затруднения... разумеется, это не ваше дело, но, в любом случае, не стоит утруждаться, поскольку

они всего лишь временны. К тому же я в полной безопасности, пока проживаю здесь, в колледже.

— Нет, сэр. Не их. Я имею в виду возможность уголовного преследования. Тогда стены колледжа вас не защитят.

Гарри Аркдейл намеревался провести послеобеденные часы за книгами, но не рассчитывал на неожиданное возвращение Фрэнка. Молодые люди пообедали вместе и отметили свое воссоединение немалым количеством тостов. После Фрэнку пришло в голову спуститься к реке и навестить любимые места.

Они отправились на ялике в Грантчестер. Клонящееся к горизонту солнце припекало. Достигнув деревни, они утоляли жажду в «Красном льве» почти два часа.

Фрэнк не говорил о том, что испытал со времени своего отъезда. Гарри не допытывался. Окольными путями, однако, они подняли тему мистера Уичкота и клуба Святого Духа и совершенно сошлись в том, что не желают более иметь ничего общего ни с упомянутым джентльменом, ни с его клубом.

— Слышали, что случилось с Соресби? — спросил Аркдейл, пока Фрэнк направлял ялик к Кембриджу. — Кажется, он занимался с вами в прошлом семестре?

— Да. Недолго... я решил, что это не помогает.

— Он занимался со мной последнюю неделю или две, — продолжил Гарри. — Чертовски умный парень.

Фрэнк опустил шест, повернул его и снова поднял.

— Пожалуй. И все же он вор.

— А может, здесь какая-то ошибка? Хотя он сбежал вчера, так что вряд ли. Зачем ему сбежать, если он невиновен?

Фрэнк промолчал. Он сосредоточил усилия на большой ветке ивы, которая упала в воду.

— С другой стороны, есть письмо, которое он оставил для меня в книге. Написал, что не делал этого. Возможно, и вправду не делал.

Олдершоу сощурился, глядя сверху вниз.

— Чего не делал?

— Вы не слушаете. Возможно, он все же не крал эту пьесу Марло. Так что я не знаю, что и думать.

— А вам обязательно что-то думать?

— Да... он был мне весьма полезен, видите ли. В любом случае, если кому сейчас и нужен друг, так это ему.

— Друг?

Гарри слегка смущенно засмеялся.

— Ну, может, я немного неправильно выразился. Кто-то, способный протянуть руку помощи. Как этот тип, Холдсворт, протянул ее вам.

Аркдейл впервые напрямую коснулся темы сумасшествия товарища. Оба промолчали. Ялик скользил по воде с лентами водорослей, вспугнув пару уток.

— Спросите Малгрейва, — посоветовал Фрэнк. — Я бы поступил именно так.

— Малгрейва? Почему?

Фрэнк остановился, и шест потянулся за лодкой, оставляя на зеленой воде серебряный след.

— Я всегда так поступаю, если мне в колледже что-нибудь нужно. Но что, если Соресби невозможно найти? Вы подумали об этом?

— Что вы имеете в виду?

— Он мог утонуть.

Вскоре после этого они достигли пристани и молча пошли обратно в колледж. Джип находился в Церковном дворе, выгружая чемоданы и коробки Фрэнка из той самой тачки, в которой несколько часов назад находились пожитки Филиппа Уичкота.

— Малгрейв, вы ведь знаете мистера Соресби? — спросил Аркдейл без предисловий. — Сайзара?

— Да, сэр.

— Вы слышали, что с ним случилось?

— Мистер Мепал что-то говорил о пропавшей библиотечной книге, сэр.

— Именно. А вы слышали, что он сбежал? Скрылся под покровом темноты?

— Да, сэр, — Малгрейв водрузил коробку на плечо и шагнул к дверям.

— У вас есть идеи, где он может быть? Его родители живы?

— Насколько мне известно, его мать мертва, сэр, а отец чинит дороги где-то за Ньюкаслем. Но вряд ли он туда отправился, сэр. Между ними давняя вражда.

— К кому еще он мог пойти? Кто еще может знать, где он?

Малгрейв втянул щеки и перехватил коробку поудобнее.

— Полагаю, дядя мистера Соресби может иметь некоторое представление о том, где он находится, сэр.

— Его дядя? Кто это?

Малгрейв почтительно смотрел в землю, но сделал еще шаг к двери, слегка пошатнувшись под весом коробки.

— Ну как же, сэр, золотарь. Том Говнарь.

За исключением служанки миссис Карбери, Сьюзен, и дежурного привратника, никто из слуг не проводил ночи в колледже. Привратник охранял главные ворота всю ночь. Теоретически он регулярно обходил территорию колледжа и никогда не спал, но на практике редко покидал привратницкую и часто храпел так же крепко, как и все прочие в Иерусалиме. За одним исключением — иногда золотарь приходил рано, по специальному уговору с мистером Мепалом, и привратник впускал его в главные ворота.

Поскольку Огастес не мог ночевать в колледже, Уичкот договорился, что он будет проводить ночи в доме миссис Фиар на Трампингтон-стрит.

— Можешь отправляться прямо сейчас, — сказал он, когда церковные часы били семь. — Остаток вечера я прекрасно обойдусь без тебя... неуклюжий мальчишка. Да не забудь передать миссис Фиар мои наилучшие пожелания, и обязательно скажи, что я просил приставить тебя к делу, пока ты находишься под ее кровом.

Огастес медленно шел по Церковному двору, размышляя над возможным будущим, которое не включало его участия в крахе мистера Уичкота. Бейлиф посоветовал ему искать другое место. Можно ли довериться мистеру Холдсворту? Если нет, с чего вообще начать? Его настоящее положение не выставит его в выгодном свете в глазах возможного хозяина. Он сомневался, что мистер Уичкот даст ему рекомендацию. У него нет друзей, а город кишмя кишит мальчишками в поисках работы, у большинства из которых есть дядя или брат, готовые протянуть руку помощи.

Погрузившись в раздумья, Огастес едва не налетел на двух студентов, которые разговаривали в галерее рядом с привратницкой. Съездившись и вымаливая у джентльменов прощение, он узнал Фрэнка Олдершоу и Гарри Аркдейла.

— Эй, парень, — окликнул Аркдейл. — Ты хорошо знаешь город?

— О да, сэр. Я здесь родился — в подвале кишашего крысами здания на задворках Грин-стрит. Все углы и закоулки знаю.

— А Одри-Пассидж знаешь?

— Да, сэр... это рядом с Кингс-лейн, — отчаяние прибавило ему хитрости. — Не так-то просто найти.

— Отведешь нас туда?

— Да, ваша честь. Сейчас, ваша честь?

Олдершоу коснулся рукава Аркдейла.

— Это мальчишка Уичкота. Так и знал, что где-то его видел.

Гарри моргнул.

— Ну да.

— Но я ищу новое место, сэр, — быстро вставил Огастес.

Аркдейл прошептал Фрэнку:

— Что тут плохого? Это совсем другое дело.

— Пожалуйста, сэр, — взмолился Огастес.

Фрэнк пожал плечами.

— Мне жаль любого, кто находится у Уичкота в услужении.

— Надеюсь, вы пойдете со мной? — продолжил Аркдейл, по-прежнему обращаясь к Фрэнку. — По средам в «Черном быке» играет музыка; можно заглянуть туда после, если пожелаете.

Все трое покинули колледж и пошли по Берд-Болт-лейн. Огастес поздравил себя — Одри-Пассидж находился по другую сторону Трампингтон-стрит, между Кингс-лейн и таверной «Черный бык». Он в любом случае пошел бы в эту сторону, чтобы попасть в дом миссис Фиар, а она пока что не ждала его прихода. Ему могли достаться щедрые чаевые — молодые джентльмены склонны сорить деньгами.

Он отвел их на Кингс-лейн и затем повернул налево. Джентльмены уже прижали платки к носам. Они пробирались по узким проулкам и коридорам между зданиями, открытым всем стихиям, пока не дошли до Одри-Пассидж. Это был темный и извилистый переулок, тупик с общественной выгребной ямой на дальнем конце. Бульжники мостовой были скользкими и влажными, несмотря на сухую погоду. Вокруг носились оборванные детишки и костлявые коты.

— Спроси, где живет Том Говнарь, — приказал Гарри неразборчивым из-за платка голосом.

— Золотарь, сэр?

Тот кивнул. Огастес схватил малышку постарше за ухо, и она указала им на дверь посередине переулка. Дверь была распахнута. Девочка сказала, что Том и его семья живут в комнате на верхнем этаже, в самой глубине.

— Вам не стоит туда подниматься, сэр, — сказал Аркдейлу Огастес. — Велеть девчонке сбегать за ним?

Аркдейл кивнул, и девочка умчалась. Гости ждали снаружи. Огастес беспокойно переминался с ноги на ногу. Студентов в таких местах не любят, как и мальчишек-чужаков. Не исключено, что на них нападут. С другой стороны, молодые люди выглядят сильными, особенно мистер Олдершоу, и у них при себе трости.

Девочка вернулась и прошмыгнула у них под ногами, скрывшись в безопасности переулка. За ней последовала женщина, осторожно спускаясь по крутой и узкой лестнице. Сначала Огастес увидел вишневую тапку с острым носом. Через мгновение к нему присоединился брат. За ними последовал обтрепанный подол темно-синего платья, покрытого зеленой патиной от возраста и износа. Наконец появилась вся женщина целиком, хотя она держалась довольно далеко от двери, как будто боялась, что гости принесут заразу в ее дом.

— Кто вы? — спросил Аркдейл, опуская платок.

— Миссис Флloyd, ваша честь.

— Кто?

— Мой муж — золотарь, сэр. Джон Флloyd, сэр, его еще кличут Томом Говнарем. Надеюсь, ничего не случилось?

Огастес смотрел на вишневые тапочки. На их носках красовался вышитый шелком изящный геометрический узор, напоминавший ковер в кабинете мистера Уичкота в Ламборн-хаусе.

— Нет-нет, ничего такого, — ответил Аркдейл. — Насколько я понимаю, он... имеет отношение к мистеру Соресби из Иерусалима.

Миссис Флloyd присела в реверансе, как будто польщенная тем фактом, что джентльмену известно нечто о семье ее мужа.

— Да, сэр... Тобиас — сын несчастной покойной сестры Флойда.

— Вы видели его в последние пару дней? Мне очень нужно с ним поговорить.

Женщина уставилась в землю.

— Нет, сэр. Он не приходил. Он ученый, понимаете, там, в колледже.

Огастес хмурился, глядя на тапочки. Они ему о чем-то напоминали. Он сознавал, что кругом полно чужих глаз и ушей, что в доме кипит невидимая жизнь.

— Вот что, добрая женщина, — сказал Аркдейл. — Сообщите вашему мужу, что я хочу повидать его племянника и... и я желаю ему только добра. И если кто-нибудь из вас увидит его, немедленно мне сообщите. Адресуйте письмо в Иерусалим... можете оставить его у мистера Мепала, привратника. Меня зовут Гарри Аркдейл.

Женщина снова присела в реверансе, и тапочки на мгновение скрылись из виду за подолом платья. В это мгновение Огастес вспомнил.

Фрэнк повернулся и направился прочь. Аркдейл посмотрел ему в спину, пожал плечами и пошел следом.

— Сэр, — произнес Огастес с кошмарным чувством, будто собирается с закрытыми глазами спрыгнуть с невероятно высокого утеса. — Сэр, сэр!

Студенты повернулись.

— Что такое? — спросил Аркдейл.

— Тапочки, ваша честь, тапочки миссис Флloyd. Клянусь, они такие же, как у мадам.

— А? Какого черта ты мямлишь? Какой мадам?

— Миссис Уичкот, сэр.

В первый вечер после возвращения в Иерусалим Фрэнк отужинал в своих комнатах. Единственным его сотрапезником был Холдсворт. Аркдейл, которого он пригласил присоединиться к ним, отказался под предлогом утренней лекции мистера Краули.

— Они читают избранные отрывки из Гроция^[39], — пояснил он, — и мистер Краули не всегда великодушен к студентам, которые делают грубые ошибки при переводе. На прошлой неделе кто-то спутал «merx» и «meretrix», и половина колледжа до сих пор смеется над ним.

— Почему? — спросил Фрэнк. — Что в этом такого смешного? Как по мне, звучит почти одинаково.

— «Merx» означает товар, — объяснил Гарри. — А «meretrix» — блудницу.

Холдсворт подумал о том жарком вечере, когда мистер Аркдейл растворился во мраке Лиз, преследуя шлюху.

Так что единственным гостем Фрэнка оказался Холдсворт. Малгрейв накрыл им ужин в гостиной, совсем как на Уайтбич-Милл. Стол располагался у окна, и они смотрели на сад, восточный платан и Длинный пруд.

В тот вечер молодым человеком владела лихорадочная веселость. Она напомнила Холдсворту ночь, когда они вдвоем сидели у мельничного пруда в темноте и выпили больше вина, чем следовало.

Когда Малгрейв удалился, оставив их за вином и орехами, атмосфера изменилась. На улице все еще было светло, но Фрэнк поднялся на ноги и старательно зажег свечу.

— Возможно, это к лучшему, что Гарри не смог к нам присоединиться, — произнес он, стоя спиной к Холдсворту.

— Да. Мне нужно поговорить с вами наедине. Шантаж, которым грозит вам мистер Уичкот... вы хотите, чтобы я попытался помочь? Или нет?

— Ах, сэр... если вы не поможете, я не знаю, как и поступить, — Фрэнк повернул голову. Веселость испарилась с его лица, обнажив измученную и отчаявшуюся подоплеку. — Если он расскажет о клубе, мне несдобровать. А моя мать... уверен, это убьет ее. Я сделаю все, что вы скажете, сэр, что угодно... только спасите меня от этого дьявола.

Холдсворт откинулся на спинку стула.

— Мистер Олдершоу, я вряд ли смогу оказаться вам полезным, если вы не расскажете мне все.

— Конечно... все, что хотите.

— Табита Скиннер.

Молчание. Фрэнк отвернулся.

— Когда я спросил вас о ней сегодня утром в кофейне, вы сказали, что никогда о ней не слышали, а затем стали весьма заносчивы, и мы покинули заведение.

— Прошу прощения, сэр, я был груб... я говорил, не подумав...

— Однако сегодня днем я намекнул мистеру Уичкоту, что ему грозит опасность уголовного обвинения. Я действовал наугад, но удар

достиг цели. Точно так же, как имя Табиты Скиннер в вашем случае. Молодые люди пьют, играют в азартные игры и вступают в клубы — это достойно порицания, разумеется, и их матери расстроятся, если узнают правду. Но вы боитесь большего, нежели простое неодобрение, равно как и мистер Уичкот. И я уверен, что ключ к разгадке — Табита Скиннер.

Холдсворт подождал. Фрэнк вернулся за стол и налил еще вина. Он поднял бокал, и Холдсворту на мгновение показалось, что глупый мальчишка собирается предложить очередной тост. Но он лишь уставился на огонь свечи сквозь вино и произнес:

— Если я расскажу вам, что случилось в ту ночь, вы пообещаете не говорить ни единой живой душе? И еще... — он умолк и осушил бокал. — Я... я знаю, что вел себя не слишком мудро.

Холдсворт подумал о собственном поведении после смерти Джорджи.

— Вы в этом не одиноки.

— В таком случае, слушайте, сэр. Когда мужчина становится полноправным членом клуба Святого Духа, его назначают апостолом и нарекают апостольским именем. Меня приняли в апостолы на встрече в феврале. В таких случаях проводится особый ритуал, часть посвящения, которого невозможно избежать. Мы поклялись хранить тайну, но я нарушу зарок, — он заглянул в пустой бокал, который все еще держал в руке. — Кандидат должен возлечь с девушкой. Немедленно.

— То есть, мистер Уичкот предоставляет проститутку для этой цели? — спросил Холдсворт, после чего пауза стала слишком долгой.

— Не совсем. Клуб назван в честь Святого Духа, — Фрэнк забарабанил ложкой по столу, как если бы желая особо подчеркнуть слова «Святого Духа». — И потому...

— И потому?

— Нас учили, что когда Мария носила в себе Иисуса, она была... так сказать... оплодотворена Святым Духом, — он откинулся на спинку стула и поставил бокал. — Теперь понимаете?

Холдсворт покачал головой.

— Мария была юной девственницей, сэр, — сдавленным голосом произнес юноша.

— А!

Фрэнк отшатнулся при виде отвращения на лице Холдсворта.

— Мистер Уичкот выставял это... выставял это чем-то само собой разумеющимся. Более того, по-настоящему желанным.

— Я не осуждаю вас. Я осуждаю его.

Фрэнк заговорил снова, на этот раз быстрее:

— Маленькая комнатка в павильоне обставлена как спальня, и девственница ждет в ней кандидата. Она одета во все белое и привязана к кровати. Также в комнате была старая женщина, хотя я толком ее не разглядел, и, по-моему, на ней была маска. Она была уродливой ведьмой, настоящая старая жаба в монашеском покрывале. Я не должен был увидеть ее... понимаете, но пришел раньше времени, потому что распалился и не мог больше ждать. Я вошел в комнату, и девушка лежала на кровати, совсем как Уичкот обещал. Но... как только я ее увидел, то понял, что она мертва.

— Как она умерла? Своей смертью?

— Я не видел ран. Она просто... просто была мертва. Ее лицо выглядело странным... ужасно бледным и искаженным. Глаза были открыты.

— Вы никому об этом не говорили? — спросил Холдсворт. — Вы понимаете, что вам грозит, по меньшей мере, обвинение в укрывательстве?

— Все намного хуже, сэр. Уичкот скажет, что это я виновен в ее смерти, и вынудил его помочь мне скрыть преступление. Но, клянусь, я даже не коснулся ее. Я ни мгновения не видел ее живой. Вы должны мне поверить. Клянусь, я не убивал ее.

К ужину доктор Карбери пошевелился. Он пришел в сознание и вполне ясно дал понять, что проголодался. Сначала его усадили на стульчак, затем протерли живот отваром из белладонны в молоке — максимально близко к опухоли, насколько можно было судить, — переодели в чистую ночную рубашку и усадили в кровать, оперев о подушки. Он испытывал усталость, но находился в поразительно хорошем настроении, учитывая все обстоятельства, и по-прежнему жаловался на голод.

Элинор накормила его жидкой овсяной кашей со сливочным маслом, а также ложкой-другой студня из телячьих копыт, приправленного лимонной цедрой, корицей, мускатным орехом и

сахаром. Муж попросил вина, и она позволила ему выпить полбокала. Казалось, он наслаждается пищей, хотя большую ее часть изверг почти сразу же. После он поманил Элинор к себе, все ближе и ближе, пока между их лицами осталось не более двух дюймов, и она ощутила запах рвоты и вина в его дыхании.

— Соресби? — прошептал он.

— Новостей нет, сэр. Как только появятся, я вам сообщу.

Карбери погладил ее по руке и неожиданно назвал хорошей девочкой. Слезы обожгли ее глаза.

Его уложили, и через несколько минут он снова заснул. К этому времени изрядно стемнело. Элинор оставила мужа заботам сиделки. Спустилась вниз и приказала Сьюзен засыпать нашатырь и негашеную известь в стульчак доктора, чтобы нейтрализовать неприятные запахи.

Сьюзен взглянула сквозь ресницы и спросила, известно ли хозяйке, что мистер Фрэнк Олдершоу вернулся в колледж.

— Да, конечно.

— Знаете, мадам, Бен говорит, что мистер Мепал сказал, будто он совсем прежний.

При упоминании Бена Сьюзен вздрогнула, как будто ее кожи коснулись острием булавки. Девушке было приятно даже просто произносить его имя при людях. Элинор поежилась при мысли, на что способно прикосновение мужчины. Это вполне естественно подвело ее к следующему вопросу, хотя она уже знала ответ на него.

— А мистер Холдсворт? — спросила она. — Он тоже вернулся?

Снова дрожь, легкий внутренний трепет, приятный и волнующий.

— Да, мадам, но мистер Ричардсон решил, что лучше вас не беспокоить, и потому ему нашли комнаты в Новом здании. И он не один, мадам. Мистер Уичкот тоже там, а приставы ждут у ворот.

Элинор отослала Сьюзен. В комнате стало невыносимо душно, отчего у нее еще сильнее разболелась голова. Вонь из стульчака доктора Карбери, казалось, пропитала весь дом. Элинор вышла в сад в поисках спасения. Больше некому было ее останавливать: она могла гулять, когда бы ни пожелала, днем или ночью.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Свежий воздух пахнул землей и растениями. Она брела по дорожке к калитке, которая вела на мост мистера Фростуика через Длинный пруд. В голове у нее наполовину сформировалась мысль обойти сады колледжа.

Однако, не дойдя до калитки, Элино́р резко остановилась в нескольких ярдах от нее. Это была всего лишь игра света, но ей показалось, будто нечто бледное движется за замысловатым узором решетки: нечто бледное и бесформенное на самом мосту.

Но оно совсем не походило на человека. Или на дымку. Или на что-либо вообще. Всего лишь бледный отблеск, мимолетный и неуловимый. Ничего тревожного или таинственного в нем тоже не было. Но чем пристальнее она всматривалась, тем меньше видела, пока оно, похоже, не испарилось совершенно.

Чепуха... там ничего не было. Чем больше Элино́р думала об этом, тем больше ей казалось, что это нечто... бледное пятно... как ни назови... было тривиальным последствием усталости, подшутившей над ее воображением. Или же простая физическая причина, какую ничего не стоит объяснить оптической науке. Возможно, это связано с головной болью.

Почему-то она задумалась, что сказал бы Джон, признайся она в этих нелепых мыслях. Элино́р снова поежилась. Она немного замерзла; возможно, следует заставить себя что-нибудь съесть. Необходимо поддержать силы. В конце концов, ведь всем известно, что недостаток пищи может породить самые нелепые видения.

Миссис Фиар заставила Огастеса отрабатывать привилегию ночевать под ее крышей. Мальчика разбудили до рассвета и отправили чистить обувь и драить кастрюли. У Доркас тоже хватало дел; вдобавок она была раздражительной, а под глазами у нее залегли синяки.

— Это все Табита, — пробормотала она, встретив мальчика в судомойне, — не давала мне спать. Хуже, чем сама старая корова.

Миссис Фиар отослала Огастеса как раз вовремя, чтобы он присоединился к толпе слуг колледжа, ожидавших позволения войти на внешнем дворе Иерусалима. Несмотря на раннее утро, мальчик обнаружил, что мистер Уичкот уже встал. До сих пор в ночной рубашке и колпаке, он сидел за столом в маленьком кабинете, разложив перед собой бумаги. Хозяин выругал мальчишку, но рассеянно, и отправил его убираться в комнатах и готовить одежду.

Колледж постепенно пробуждался. Прозвонил колокол, сзывая к службе. Мальчик как раз начал чистить щеткой сюртук, когда Уичкот отправил его за завтраком.

С чувством облегчения Огастес сбежал по лестнице и присоединился к очереди слуг у кухонь колледжа. После службы все хотели завтракать немедленно, одни в зале, другие в собственных комнатах. Худшей частью ожидания были запахи — в особенности горячих булочек и кофе, — которые дразнили вкусовые сосочки и наполняли рот слюной.

Кто-то похлопал Огастеса по плечу. Он вздрогнул и поднял глаза. Малгрейв смотрел на него сверху вниз, кривя рот и морща нос.

— Знаешь, где находятся комнаты мистера Олдершоу? — требовательно прошептал он.

— Да, сэр.

— Дуй туда.

— Но, сэр, завтрак мистера Уичкота...

— Это не займет много времени. Тебя обслужат не раньше, чем через десять минут. Я подержу твое место.

Огастес медлил.

— Видишь это? — Малгрейв указал на рубец на щеке. — Дело рук этого дьявола Уичкота. Если не остережешься, он сделает с тобой чего похуже. Ты же не хочешь остаться у такого хозяина? Это твой шанс, парень, так что, ради Христа, держись за него, пока можешь.

— Времени мало, — сказал Холдсворт. — Слушай внимательно.

Они были одни, поскольку Фрэнк еще не вышел из спальни. Холдсворт сверху вниз смотрел на мальчика, который стоял, свесив голову и дрожа всем своим худеньким тельцем.

— Тебе нужно другое место. Как я уже сказал вчера, мистер Олдершоу — очень богатый джентльмен. У него и его семьи много слуг. Он обещал, что найдет тебе место. Я еще не знаю, к чему он тебя приставит, но уверен, это понравится тебе много больше нынешней должности.

Мальчик поднял голову.

— Но что я должен сделать, сэр?

Холдсворт скрыл облегчение.

— Мистер Уичкот взял с собой в колледж кое-какие бумаги. Он собирается использовать их во зло. Я хочу забрать их до того. Помнишь, я зашел к нему вчера после обеда?

Огастес кивнул.

— Он сидел в маленькой комнате, когда ты открыл мне дверь. Я думаю, он как раз работал с этими бумагами. Ты знаешь, о каких бумагах я говорю?

— Да, сэр. Он хранит их в небольшом саквояже. Достает, когда пишет письма.

— Письма? Кому?

— Не знаю, сэр.

— Этот саквояж... кажется, я видел его на столе.

— На саквояже есть его герб, сэр, и два больших замка. Хозяин всегда запирает и саквояж, и дверь кабинета.

— И куда он убирает саквояж, когда его нет дома?

— В оконной нише есть шкаф. Зимой там хранится запас угля.

— Хорошо. И еще кое-что. Если у мистера Уичкота появится намерение покинуть колледж, по какой угодно причине, обязательно найди способ сообщить мне об этом, — Холдсворт нашарил в кармане монету. — Вот, возьми.

Он протянул полкроны. Огастес дернулся к деньгам, но замер, когда до ладони Холдсворта оставалось несколько дюймов.

— А Доркас, сэр?

— А что с ней?

— Может мистер Олдершоу найти место и для нее?

— Мистер Олдершоу всегда щедр с теми, кто оказал ему услугу, — ответил Холдсворт, гадая, правда ли это. — Я уже рассказал ему о ее вчерашней правдивости. Он найдет для нее место, если она пожелает покинуть свою хозяйку.

Он уронил монету. Мальчишка поймал ее на лету.

Когда Огастес ушел, Холдсворт принялся расхаживать по комнате. Разговором с Огастесом и Доркас он неизбежно поставил себя в зависимость от них. Но другого способа получить желаемое нет. Если они выдадут его, что возможно, он станет помехой для Фрэнка и леди Анны. Джон полагал, что Олдершоу защитят его, но полной уверенности в этом не было. Как правило, великие мира сего становились и оставались великими отчасти потому, что решительно преследовали в первую очередь свои интересы.

Дверь спальни отворилась, и вышел Фрэнк.

— Я слышал голоса... как вы поладили с парнем?

— Я думаю, вы не один.

— Что?

— Мальчик сказал, что Уичкот пишет письма, — пояснил Холдсворт. — У него есть и другие жертвы. Клубные архивы полны ими.

— Мальчик поможет нам?

— Он обещал помочь. Но ему нужно место, здесь или в Лондоне, как и его подруге. Это можно устроить?

Фрэнк пожал плечами:

— Кросс что-нибудь подыщет. Мальчик кажется услужливым. Знаете, я встретил его вчера. Я видел Аркдейла прошлым вечером, и он сказал, что я могу рассказать вам об этом.

— А почему это следовало бы хранить в тайне?

— Потому что это касается Соресби. Гарри совсем помешался на этом парне. Раньше он просил меня не упоминать о его интересе.

— Почему?

— Наверное, он жалеет его. Или еще какая чепуха в этом роде. Малгрейв намекнул, что Соресби — племянник Тома Говнаря. Соресби хранил это в большом секрете, что и неудивительно. И Гарри никак не мог успокоиться, все требовал пойти и спросить Тома, где прячется Соресби. Мепал знал, где его найти, и мальчишка Уичкота показал нам дорогу. Чертовски неприятная прогулка, мистер Холдсворт... Тома не было дома, только его старуха-жена. И на ней оказалась пара тапочек. Мы уже собирались уходить, когда мальчик встрепенулся и сказал, что это тапочки его хозяйки.

Холдсворт нахмурился.

— Его хозяйки?

— Он имел в виду миссис Уичкот.

— Выходит, мальчик ошибся?

— Нет. Вы не понимаете... я тоже их узнал. По чистой случайности я был с мистером Уичкотом, когда он их покупал. Лавочник сказал, что приобрел их у берберского купца, и они очень искусно сделаны. К тому же редкого красного оттенка, с узором. Рикки в то время пытался вбить мне в голову начатки Эвклида, и узор послужил иллюстрацией к одной из теорем о равных треугольниках. Уичкот пошутил на этот счет, и лавочник сказал, что не ожидал от нас таких познаний в математике.

— Вы уверены, что это те самые тапочки?

— Конечно, уверен. Я забрал их с собой.

Фрэнк сходил в кабинет, принес в руке пару тапочек и положил их на стол.

Холдсворт уставился на них.

— Где Том их взял... и когда? Вы поговорили с ним?

Фрэнк кивнул.

— Мальчик сходил за ним в пивную. Он был немного под хмельком, но, в конце концов, мы добились своего. Он сказал, что нашел их на задворках Директорского дома. Это было через день или два после смерти миссис Уичкот, точнее он не помнит. Вы видели мощеную дорожку, что идет от садовой двери? Одну тапку наполовину скрывала изгородь, которая растет вдоль дорожки, другая лежала неподалеку, рядом с урной.

Тапочки были довольно крепко сшитыми, но предназначались для дома или прогулки по саду ясным днем. Холдсворт перевернул

ближайшую тапку. Оригинальная подошва была на месте, но поверх нее была топорно пришита вторая, намного грубее. Оригинальные подошвы были истерты и покрыты пятнами.

— Должно быть, она бежала в них по улицам, — сказал Фрэнк. — Перед тем, как умерла. Том починил их у сапожника.

— Почему в тапочках? Почему не в чем-нибудь покрепче, да еще и в галошах поверх?

— Наверное, она отчаянно стремилась покинуть своего грубияна-мужа и схватила то, что подвернулось под руку — платье, плащ и эти тапочки. После того, как он ее избил, она бы побежала и голая, лишь бы спастись.

— И все же, нет ли иного объяснения? — произнес Холдсворт. — Почему никто другой их не видел? Возможно, она оставила их в Директорском доме в свой прошлый визит, и именно потому, что они изорваны?

— Я знаю, что они были на ней. Слышите? Я это знаю.

Холдсворт поднял взгляд. Глаза юноши сверкали неестественно ярко, как будто в них стояли слезы.

— Когда она пришла ко мне той ночью, в доме мистера Уичкота, я сидел на кровати в своей спальне, — его голос звучал хрипло, немногим громче шепота. — Она услышала мои рыдания, сэр, и спустилась ко мне, как ангел, коим и была. Я плакал из-за той бедной девочки, из-за всего, что случилось. И Сильвия прижала мою голову к груди. Она назвала меня милым мальчиком и смешала свои слезы с моими.

Холдсворт подавил жестокое желание рассмеяться над этой трогательной повестью. Можете быть уверены, юность превратит эпизод пьяного адюльтера в трехтомный роман и преподнесет вам еще до завтрака.

— А потом упала пуговица, — продолжил Фрэнк.

— Какая пуговица? — удивился Холдсворт.

— С моего сюртука... с клубной ливреи. Я все еще был в сюртуке. Мы с ней одновременно наклонились, чтобы поднять пуговицу. Тогда я и увидел эти тапочки на ее ногах. И ее пеньюар распахнулся и, боже праведный... и я...

Фрэнк резко наклонился вперед, закрыл лицо руками и зарыдал.

Холдсворту больше не хотелось смеяться. Ради Христа, что смешного в плачущем юноше и утонувшей женщине? Или, если уж на то пошло, в паре берберских тапочек и позолоченной пуговице с девизом «Sans souci»?

После завтрака Аркдейл нанес традиционный визит в Иерихон. Он присоединился к группе мужчин, ожидавших своей очереди у двери. Том Говнарь катил тачку по дорожке вдоль Длинного пруда. После, возвращаясь в свои комнаты, Гарри встретил золотаря у Нового здания. Том отошел в сторонку, почтительно потупив глаза.

Он снял шляпу, когда Гарри поравнялся с ним.

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал он низким, сиплым голосом.

Юноша остановился.

Том достал квадрат грязной бумаги.

— Прошу прощения, сэр, вы уронили.

Гарри никогда прежде не видел этого листка и не имел желания прикасаться ни к чему, что держал в руках золотарь. И все же он взял листок. Он пошел дальше с запиской, держа ее в нескольких дюймах от тела. Гарри не смотрел на листок, пока не оказался в своей гостиной.

Аркдейл бросил обрывок бумаги на каминную полку и вымыл руки. Затем присел перед камином и взял щипцы и бумажный жгут для раскуривания трубки. При помощи этих инструментов он развернул записку. Обычно Гарри не был столь брезглив, но в грязных руках Тома Говнаря таилось нечто, способное нарушить любую сложившуюся привычку.

Ни приветствия, ни подписи на листке не было, но Аркдейл немедленно узнал аккуратный каллиграфический почерк Соресби.

«Молю вас оказать мне милость и встретиться с подателем сего в час дня на речном конце Милл-лейн. Он отведет вас ко мне».

Гарри внезапно разозлился. Да кем этот Соресби себя возомнил? Одно дело, когда джентльмен испытывает жалость к несчастному бедолаге, и совсем другое, когда грязная бумажонка зовет его на

гнусное randevу с отвратительным дядюшкой этого бедолаги. Их же могут увидеть вместе! Это совершенно недопустимо.

Элино́р услышала стук в дверь, шаги в прихожей и тихие голоса. Она отложила перо и прислушалась. Затем Бен поднялся и сообщил, что мистер Холдсворт находится внизу и просит сообщить о своем приходе, но не намерен навязывать свое общество, а только хочет спросить о здоровье директора.

— Вели ему зайти, — приказала Элино́р.

Слуга вышел. Она убрала письмо леди Анне под промокательную бумагу, метнулась через комнату и изучила свое отражение в зеркале над каминной полкой. На нее смотрело собственное лицо с темными бровями, суровое и печальное. Неяркое серое платье, подходящее для супруги человека на пороге смерти. Женщина поправила чепчик и убрала под него прядь волос. Лучше не стало. Она все равно походила на пугало.

Бен объявил о приходе мистера Холдсворта. Его образ, сложившийся в голове, не вполне отвечал реальности, что тревожило.

— Как здоровье доктора Карбери? — немедленно спросил Джон. Время, проведенное на мельнице, покрыло его лицо здоровым румянцем.

— Немного лучше, благодарю, сэ́р. Простите, но я не хочу его беспокоить. Он сейчас спит. Но я знаю, что он будет весьма признателен, если вы нанесете ему визит во время бодрствования. Я рассказала ему, что вы и мистер Фрэнк вернулись в колледж.

— Будет ли он в состоянии принять меня?

— Этого я сказать не могу. Если вы заглянете около двух, то, возможно, застанете его бодрствующим.

— Рад сообщить, что мистери́ Фрэнку становится все лучше. Я питаю обоснованные надежды, что знакомая обстановка и старые друзья довершат его исцеление.

— Я непременно упомяну об этом доктору Карбери... и леди Анне, — Элино́р указала на стол. — Я как раз ей пишу.

Внезапно у них закончились темы для разговора. Молчание продлилось столь долго, что перестало быть терпимым и даже вежливым. Элино́р пожалела, что он смотрит на нее с таким

неослабным вниманием, тем более что ее внешность оставляла желать лучшего.

— Есть еще кое-что, мадам, — наконец произнес Холдсворт. — Вопрос, который я хотел поднять в личной беседе с директором, но, полагаю, учитывая обстоятельства, мне следует довериться вместо него вам. Вы позволите?

Она наклонила голову в знак того, что ей можно довериться, но ничего не сказала. Волоски у нее на затылке стали дыбом.

— Вопрос крайне деликатен.

Хозяйка откинулась на спинку стула, готовясь к уместному отпору, на случай, если Джон замыслил дерзость. Ее опасения показались подкрепленными, когда он придвинул стул ближе и наклонился к ней.

— Это связано с мистером Уичкотом, — тихо произнес он. — Он перебрался в колледж, чтобы спастись от приставов, и захватил с собой кое-какие бумаги. Многие люди, в Кембридже и не только, предпочли бы, чтобы эти бумаги были изъяты. Один из них — мистер Фрэнк. И я уверен, что уничтожение бумаг также послужит на благо колледжа.

— Что за бумаги?

— Клуба Святого Духа, мадам. Уичкот рассчитывает поправить свое положение с их помощью.

Элинор облизала губы.

— Шантаж?

— Если его не остановят.

— Вы уверены? Нельзя обвинять джентльмена в столь серьезном проступке без веских оснований.

— Джентльмены способны впасть в отчаяние, как и все мы, мадам. Бумаги находятся в комнатах Уичкота в Новом здании. Если мы найдем их и уничтожим, проблема будет разрешена.

— Вы намерены выступить в роли взломщика?

— Я не вижу другого выхода, — ответил Холдсворт. — Знаю, где он хранит их. Но не могу вломиться в комнату, как грабитель. Это невозможно осуществить без привлечения внимания, даже в его отсутствие. Кроме того, наружные двери подобных апартаментов сделаны из выдержанного дуба около двух дюймов толщиной. Мне

понадобится лом, чтобы сбить замок, и даже это может оказаться непросто. Вот почему я надеялся обратиться к директору за помощью.

Элино́р нахмурилась.

— Даже буде́ здоров, чем он мог бы помочь? Он не вправе попустительствовать незаконному проникновению в гостевые комнаты.

— Единственный способ войти и выйти без помех — найти ключ. Насколько я понимаю, мистер Уичкот охраняет свои ключи весьма бдительно — уходя, забирает их с собой. Но Малгрейв рассказал мне, что в Казне колледжа хранятся дубликаты ключей от всех замков.

Элино́р смотрела на него, не веря своим ушам.

— Вы хотите, чтобы я взяла дубликаты ключей от комнат мистера Уичкота?

— Если бы доктор Карбери был в добром здравии, я изложил бы проблему ему и попросил его помощи.

— Но сама мысль о...

— Я не стал бы просить вас, если бы видел другой выход.

Элино́р молчала. Ее разум лихорадочно работал.

Холдсворт наклонился вперед, став еще ближе к ней.

— Мадам, я должен действовать как можно скорее, если вообще собираюсь действовать. Вы можете заменить доктора Карбери? Сможете достать ключи из Казны?

Элино́р подумала, что его черты совсем не так просты, как казалось: в лице слишком много силы и чувства. Она отчасти наслаждалась временной властью, которую имела над ним, властью заставлять его ждать, властью снизить к его просьбе или отказать.

— Что вы намерены сделать с этими бумагами?

— Сжечь их, мадам. От них не может быть ничего, кроме вреда.

Она пришла к решению.

— Я знаю, где он хранит ключи, сэ́р. Если мы намерены заглянуть в Казну незамеченными, сейчас вполне подходящее время. Сьюзен ушла с поручением. Сиделка находится у доктора Карбери, а Бен не пошевелит и пальцем, если не вызвать его колокольчиком.

Элино́р встала, старательно отворачиваясь от окна на случай, если ее лицо, хотя бы отчасти, выдает ее мысли, и покинула комнату более с поспешностью, нежели с достоинством.

Она зашла в спальню мужа, где больной еще спал, лежа на спине и храпя, а сиделка вязала у окна. Первый ключ она нашла в ящике туалетного столика. Затем спустилась вниз и забрала второй ключ из библиотеки. Элинон почти ожидала, что доктор Карбери внезапно возникнет у нее за плечом с черным от злости лицом и спросит, какого черта она творит.

Холдсворт последовал за ней вниз и ждал в прихожей Директорского дома. Дверь Казны скрывалась в глубокой нише. Стены здесь были особенно толстыми; доктор Карбери рассказывал, что некогда они, по-видимому, были частью монастырской церкви, прежде стоявшей на этом месте. Дверь из почерневшего дуба обита железом. Замки были новыми, врезанными в прошлом году и устроенными настолько хитроумно, насколько это было во власти слесаря.

Элинон протянула Джону ключи. Он отпер верхний замок и присел на корточки, чтобы вставить ключ в нижний. Она опустила взгляд на его затылок и густые, слегка напудренные волосы. Интересно, каково было бы прикоснуться к ним; на что они больше похожи; к примеру, на собачью шерсть или на кошачью?

Второй ключ щелкнул в замке. Холдсворт повернул ручку, тяжелое железное кольцо. Дверь отворилась внутрь. Холодный и слегка заплесневелый воздух поплыл в прихожую. Казна была маленькой комнаткой без окон, площадью около двенадцати квадратных футов, с плитами на полу, как в прихожей, и сводчатым потолком. Стены заставлены шкафами и полками.

Холдсворт оглядел их, поджав губы.

— Что здесь хранится?

— Кубок Основателя и лучшее столовое серебро. В том числе очень ценное, полагаю. Также документы на собственность колледжа и, возможно, договоры аренды. Я думаю, здесь также хранится арендная плата, как и прочие суммы наличных денег.

Элинон обошла комнату, ступая бесшумно, как вор, и настороженно прислушиваясь к звукам в доме. Она не ожидала, что в комнате будет так много вещей. Однако подавила желание поторопиться, поскольку не желала доставлять мистеру Холдсворту удовольствия счесть ее жалкой и слабой представительницей своего пола, склонной к истерике. Из дверного проема падало достаточно

света, чтобы прочесть большинство этикеток на коробках. Ей пришло в голову, что, возможно, она первая женщина, ступившая в эту комнату.

Наконец Элинор подошла к шкафам. Они не были заперты. В первом также стояли коробки, но во втором, к ее вящей радости, ряд за рядом висели связки ключей, аккуратно снабженные этикетками и разделенные в алфавитном порядке на подъезды, а затем и пронумерованные по комнатам.

Она повернулась к мистеру Холдсворту.

— В каких комнатах живет мистер Уичкот?

— Г4, — ответил он.

Она водила пальцем по рядам, пока не нашла подъезд «Г», сняла ключи от номера 4, закрыла дверцу и обернулась.

Холдсворт стоял ближе, чем она ожидала, не более чем в ярде, и пристально смотрел на нее. Машинально она протянула ключи, и он взял их; его рука коснулась ее ладони, как тогда, у садовой калитки. Несмотря на прохладный воздух, ей внезапно стало слишком жарко.

— Мадам...

Джон умолк, не сводя с нее глаз и оставив произнесенные слова висеть в воздухе, бесформенные, полные обещания и страха. Он медленно склонил к ней голову. Дюйм за дюймом их лица сближались. Простые черты? О нет, подумала она, совсем наоборот.

В уличную дверь постучали.

Они отпрянули друг от друга. Элинор ретировалась в безопасность прихожей.

— Скорее, — прошипела она. — Закройте дверь. Бен сейчас явится.

Для такого крупного мужчины Джон двигался быстро. Он мгновенно очутился снаружи и захлопнул дверь. Элинор выхватила у него ключи. Замки можно закрыть позже, когда он уйдет. Она взглянула на свои руки и фартук в поисках предательской грязи или пыли. Они были чистыми. А что насчет ее лица? Нет ли на нем какой-то отметины, ключа к вероломным желаниям ее сердца?

Шаги Бена приближались по коридору.

— Вы зашли справиться о здоровье директора, — пробормотала она Холдсворту. — А теперь уходите, и я спустилась проводить вас до двери.

Бен вышел в прихожую, замешкался, увидев хозяйку с Холдсвортом, и, повинувшись ее кивку, открыл дверь.

На пороге стоял мистер Ричардсон. Его глаза метнулись мимо слуги на Элинора и затем на Холдсворта, стоящего за ее спиной. Он снял шляпу и поклонился.

— Миссис Карбери, к вашим услугам, мадам. И мистер Холдсворт тоже! Как удобно — я убил двух зайцев одним выстрелом.

Ночью шел дождь, и берег реки раскис. В тридцати ярдах впереди сутулый Том Говнарь размеренно, но неожиданно быстро шагал по тропинке. На нем по-прежнему была рабочая одежда, и запахок тянулся следом, словно дурной сон.

Гарри тащился следом. Том ждал в конце Милл-лейн. Завидев юношу, он немедленно снялся с места. Аркдейл последовал за ним, поскольку не знал, как поступить. Теперь его ботинки и чулки были забрызганы грязью, одежда оказалась слишком тяжелой и изысканной: он наряжался с мыслью о мостовых, а не о прогулке по сельской местности. Но хуже всего — это чувство, будто он выставляет себя на посмешище. Однако он не мог повернуть назад, не выставив себя на посмешище еще больше.

Аркдейл остановился, чтобы достать носовой платок и утереть пот с лица. Когда он поднял глаза, Говнаря больше не было видно. Гарри выругался и снова зашагал по тропинке, быстрее, чем прежде. Все вокруг казалось незнакомым. Он привык видеть эти места с воды, а не с суши.

Тропинка привела к перелазу через густую живую изгородь. Аркдейл взобрался наверх и взгляделся в поле за ней. У тропинки паслось полдюжины коров — в том месте, где земля полого спускалась к воде. Две коровы пили из реки. Остальные, однако, грузно направлялись к нему.

Гарри не разбирался в привычках и темпераментах крупного рогатого скота. Но ему показалось, что в том, как эти коровы приближаются, набирая скорость и не скрывая своей заинтересованности, есть нечто особенно угрожающее. Он также не исключал возможности, что одна или несколько из них на самом деле не коровы, а молодые бычки, которые сочтут его опасным чужаком и попытаются затоптать до смерти.

Воистину, благоразумие — мать отваги. Гарри собирался спрыгнуть с перелаза и направить свои стопы обратно, когда кто-то окликнул его по имени. Он вздрогнул и на ужасное мгновение вообразил, что один из предполагаемых быков настолько умен, что даже наделен даром речи. Но затем он увидел Соресби — не далее, как

в пяти футах, у воды, в естественном укрытии под раскинутыми ветвями большой ивы, в обществе золотаря. В воде рядом с ними покачивалась гребная лодка.

— Соресби! Это что еще за шутки?

Гарри услышал знакомый треск, когда сайзар потянул себя за пальцы.

— Вы так добры, мистер Аркдейл, — скороговоркой пробормотал Соресби. — Так снисходительны. Вы не окажете мне честь ступить сюда, сэр, и далее в лодку?

Предложение оказалось неожиданно привлекательным. Спереди к Гарри приближались коровы. Позади лежало море грязи и уверенность, что если он пойдет обратно, то вспотеет и перепачкается еще больше. Аркдейл указал тростью на Тома Говнаря.

— А он?

Даже грязь и жара были предпочтительнее, чем сидеть в маленькой лодке с золотарем.

— Мой дядя сейчас нас покинет, мистер Аркдейл.

Том Говнарь кивнул и поклонился, совершив любопытное волнообразное движение, которое прокатилось от ладоней к плечам. Его жест совершенно недвусмысленно означал, что он будет безгранично счастлив выпить за здоровье мистера Аркдейла.

Гарри бросил шестипенсовик в подставленную ладонь и скатился к реке. Соресби присел на корточки, напоминая неуклюжего паука. Одной рукой он придерживал лодку у берега, другую протягивал Гарри. Лодка угрожающе закачалась, когда Аркдейл забрался на борт и устроился на корме. Соресби последовал за ним и оттолкнулся веслом. Коровы остановились и принялись щипать траву.

Весла опускались и поднимались. Гарри слушал скрип уключин и глядел, как зеленая река скользит мимо. Соресби направлялся к Грантчестеру. Лодка преобразила его: неуклюжесть и робость пропали. Он греб, как Малгрейв открывал бутылку вина или... тут Гарри покраснел... как Хлоя трахалась, с неприятельной уверенностью человека, который точно знает, что делает.

— Очень мило, ничего не скажешь, — произнес Гарри.

Его слова были грубее, чем тон. Приятно скользить по прохладной глади воды, и к тому же он от природы не способен долго злиться.

— Простите, мистер Аркдейл, я не знал, что делать... к кому еще обратиться. И я подумал, возможно...

— Я ничего не могу сделать. В любом случае, не понимаю, из-за чего столько шума. На вас ведь не подали в суд.

— Пока нет. Но могут в любое время. Возможно, их удерживает доктор Карбери?

— Джерри Карбери в настоящее время мало что делает. По слухам, он на пороге смерти.

Соресби налег на весла, и лодка заскользила в тишине.

— Этого я и боялся.

— Вы надеялись, что он выступит в вашу защиту? Но зачем ему это, даже будь он здоров? О да, я знаю, вы ему вроде как полюбились... но факт остается фактом, библиотечную книгу нашли в вашей комнате. Улики против вас весомы, очень весомы.

— Но я этого не делал. Если бы только я мог увидаться с доктором Карбери...

— Но вы не можете. В любом случае, какой с того прок?

Соресби поднял глаза.

— Мистер Аркдейл, можно вам кое-что рассказать по секрету?

— Рассказывайте, коли считаете нужным, — ответил Гарри.

Рот Соресби искривился, и на мгновение Гарри показалось, что собеседник разразится слезами.

— Я не нарочно, — начал сайзар. — Мне кое-что стало известно. Очень щекотливые сведения.

— Ничем не могу помочь, так что, прошу, замолчите. Я ничего не хочу знать.

— Доктор Карбери не хотел бы, чтобы это выплыло на свет.

— А! — Гарри уставился на него, наконец, уловив в происходящем проблеск некоего узора. — Хотите сказать, Карбери именно поэтому предложил вам Розингтон?

— Я... да. Но все было не так, клянусь... Я не пытался расположить его к себе... Мне просто надо было с ним поговорить; и, по-видимому, он неправильно истолковал мои намерения.

— Охотно верю, — сказал Гарри. — Но, перейдя в лагерь Карбери, вы отрезали себе все пути к примирению с Рикки, верно? А теперь, когда Карбери умирает, от Рикки добра не жди.

— Но мои сведения, мистер Аркдейл! Я просто не знаю, что с ними делать. Они тяготят мою совесть. Мой христианский долг — рассказать кому-нибудь. Или оставить все как есть? А может, разыскать мистера Ричардсона и выложить все начистоту?

Аркдейл вздохнул. На свежем воздухе у него разыгрался аппетит.

— Эти сведения, Соресби... они причинят ущерб колледжу, если выйдут на свет?

Тот кивнул.

— Несомненно, это важно для Рикки?

— Возможно, не в данном случае.

Замешательство Гарри росло. Рикки считает интересы колледжа своими. Если Карбери умрет и он станет следующим директором, это смещение интересов лишь усилится, а не ослабнет.

Разве только есть нечто, что Рикки считает большим благом... Или это вопрос не столько извлечения выгоды, сколько удовлетворения ненависти?

Аркдейл взглянул на бледное худое лицо Соресби с брызгами грязи, похожими на мелкий кишмиш. Выражение лица сайзара напомнило бродячего пса, который боится, что его пнут, но вопреки всему надеется на ласку. Он действительно одаренный ученый и хороший учитель; если Гарри намерен сколь-нибудь продвинуться в своих занятиях, помощь Соресби может оказаться ценной, хотя и незаменимой. Кроме того, Аркдейл ощутил, что невольно проникся своего рода ответственностью за Соресби. Как будто он погладил бродячего пса разок-другой, и животное в ответ избрало его своим хозяином на веки вечные.

— Черт побери, — вслух произнес он.

— Что случилось, мистер Аркдейл?

Гарри уже открыл рот, чтобы велеть парню убираться к дьяволу, как вдруг придумал способ решить проблему или, по крайней мере, переложить ее на чужие плечи.

— Послушайте, — сказал он. — Если Карбери слишком болен, чтобы увидеться с вами, а Рикки слишком ненавидит вас, есть только один человек, который может вам помочь. Только один человек, который может вас защитить. И это леди Анна Олдершоу.

— Но она в Лондоне, мистер Аркдейл, и я...

— Я и не говорю, что вы должны отправиться прямо к ней. Это не поможет. Но вы можете поговорить с ее посланником, мистером Холдсвортом. Вам известно, что он вернулся в Иерусалим с мистером Олдершоу? Можете быть уверены, мистер Холдсворт скажет вам, что делать, если ответ вообще существует.

— Добрый день, мистер Холдсворт, — поздоровалась Элиноор.

— Как поживает доктор Карбери, мадам?

— Он проснулся и чувствует себя лучше. Только что съел немного супа. Сьюзен и сиделка меняют его ночную рубашку. Он спрашивал о вас, когда проснулся. Я вызову Бена и отправлю его узнать, в состоянии ли мой муж принять вас.

— Позвонить в колокольчик? — Холдсворт направился к шнуру, который висел слева от камина.

— Нет... минутку, прошу вас. Я размышляла над... другим вопросом, который мы обсуждали, — Элиноор умолкла, и через открытое окно ее гостиной вплыл звон церковных часов, которые усердно отбивали три четверти второго, прежде чем добраться до двух. — Мне пришло в голову, что у вас могут возникнуть затруднения с тем, чтобы... избавиться от бумаг, о которых мы говорили.

Он поклонился, подумав, что за женщиной со столь быстрым умом порой непросто угнаться.

— В глубине нашего дворика есть жаровня, — продолжила она, понизив голос, что превратило их в заговорщиков. — Садовник часто использует ее в это время года, и Бен тоже, когда нужно избавиться от мусора. Иногда они оставляют ее тлеть на весь вечер.

— То есть, если что-то сжечь в темноте, никто не обратит на это особого внимания?

— Скорее всего, никто даже не заметит. В настоящее время слуги почти не выходят из дома. Когда они отправляются спать, жаровня не попадает на глаза... Сьюзен спит на чердаке с видом на передний двор, а Бен обитает в коттедже за пределами колледжа, — она нахмурилась. — Кроме того, даже если и возникнут какие-то сложности, они поступят, как я прикажу.

— А жаровня... ее видно из садов колледжа или каких-либо окон?

— Ее ниоткуда не видно. Она совершенно скрыта от глаз.

Холдсворт уже решил, что лучше всего будет приступить к делу, когда Уичкот отправится ужинать. Если все пройдет хорошо, саквояж следует унести из Нового здания, поскольку Уичкот вполне может заподозрить, что Холдсворт приложил руку к его исчезновению.

— Что скажете, сэр? Как по-вашему, это разумно?

— Во многих отношениях, мадам. Но есть одна сложность. Я не могу постучать в вашу дверь вечером и потребовать впустить меня без привлечения внимания. А чтобы попасть сюда, я должен пройти мимо профессорской или зала, и мистер Уичкот тоже может...

— Я подумала об этом. Я оставлю открытой калитку на мосту, а ключ положу на землю рядом со столбиком, тем, что ближе к восточному платану. Вам надо будет только перейти через мост, открыть калитку и проскользнуть в сад. Если вы запрете за собой калитку, вам никто не сможет помешать.

Он улыбнулся ей, радуясь предлогу.

— Полагаю, вы нашли идеальное решение.

Элино́р улыбнулась в ответ и повернулась к нему, показав лебединый изгиб шеи. На мгновение она показалась ему совсем непохожей на женщину, муж которой умирал в нескольких ярдах от них. Тот факт, что они стали заговорщиками, повлек за собой опасную сладость.

Против воли он шагнул к ней и поднял руку, касаясь ее руки. Ее лицо мгновенно изменилось. Она резко встала со стула и вызвала Бена.

Оба молчали. Холдсворт смотрел на эстамп на стене. Элино́р вернулась на стул и взяла книгу.

Когда Бен пришел, она осведомилась, готов ли директор принять мистера Холдсворта. Вскоре после этого слуга провел Джона по коридору в комнату больного.

Когда Бен постучал, дверь открыла Сьюзен. В руках у нее была стопка грязных простыней. Доктор Карбери лежал в постели, опершись о подушки, но вяло помахал, подзывая Холдсворта к себе. Его ночная рубашка была безупречно белой, как и ночной колпак, что подчеркивало серый цвет кожи, которая складками свисала со скул, как будто череп внутри нее съежился. Его челюсть была покрыта сальной щетиной, поскольку он не брился с тех пор, как был прикован к постели. Сиделка убирала пузырьки и коробочки для пилюль, захламлявшие тумбочку.

Джон приблизился к кровати. Занавеси были отдернуты, и он выглянул в окно на залитый солнцем двор внизу, где мистер Мискин и мистер Краули увлеченно беседовали. Люди живут и умирают, но Иерусалим остается неизменным — равнодушно-любезным. Холдсворт начал положенные расспросы о здоровье, но Карбери прервал его. Он потянул сиделку за рукав.

— Выйди, женщина.

— Но, сэр...

— Делай, что говорят. — Его рука дернулась на кровати, впившись желтыми ногтями в покрывало. — Ты тоже, девчонка. Закрой за собой дверь.

Сьюзен следом за сиделкой вышла из комнаты.

— Говорят, молодой Олдершоу вернулся, — с трудом произнес Карбери. — В здравом уме и твердой памяти?

— Да, сэр. Он кажется прежним.

Карбери поморщился.

— Отчего он заболел?

— Полагаю, на него дурным образом повлияли мистер Уичкот и клуб Святого Духа. Они подорвали его здоровье и подтолкнули к разнообразным глупостям и излишествам. А смерть миссис Уичкот в ту самую ночь, когда мистер Олдершоу присоединился к клубу, совершенно уничтожила его... это была последняя соломинка. Он считал, что в некотором роде ответственен за это.

— Чепуха. — Ногти Карбери царапали свежевыглаженную простыню. — Но я искренне рад слышать, что он снова здоров. А что леди Анна?

— Я написал ей, разумеется, равно как и Фрэнк и, конечно же, миссис Карбери. Она должна была получить наши письма сегодня.

— Мне не хотелось бы, чтобы ее светлость дурно о нас думала, особенно теперь, — Карбери уронил голову на грудь. Его веки закрылись.

Холдсворт не знал, уснул больной или впал в забытие.

— Сэр, я должен рассказать вам кое-что еще. Это касается миссис Уичкот.

Голова Карбери взлетела, как будто ее дернули за ниточку.

— Что? Что вы имеете в виду?

— На свет выплыло любопытное обстоятельство, — сказал Холдсворт. — Не представляю, как его толковать. В ночь своей смерти, находясь в Ламборн-хаусе, леди носила некие тапочки. Их цвет и узор ни с чем не спутаешь. Возможно, вы помните, что когда ее нашли в Длинном пруду на следующее утро, на ней были только платье и изорванные чулки... ее ступни были босыми.

— Ну? И что с того? Несомненно, она потеряла их по дороге, или их смыло в дренажную трубу пруда. К чему этот лепет, мистер Холдсворт? Я не вижу в нем смысла. Я нездоров, сэр, нездоров... вы не могли бы позвонить в колокольчик?

— Минутку, сэр, если позволите.

В дальнем уголке сознания Холдсворта подобно призраку забрезжила мысль: он что-то забыл? Задать вопрос? Но в тот же миг мысль испарилась. Времени гоняться за ней не было.

— Пожалуйста, выслушайте меня.

— Нет, сэр, я же сказал: колокольчик.

— Прошу прощения, сэр. Я быстро. Золотарь нашел тапочки через день или два. Они лежали у садовой двери Директорского дома. Он знал, что они, по-видимому, принадлежали миссис Уичкот. Он часто находит различные пустяки во время работы и извлекает из них пользу по мере возможности. Золотарь рассудил, что миссис Уичкот, владелице тапочек, они более не нужны, и потому почистил их, отдал в починку, поскольку они были сильно изорваны, и подарил своей жене.

Доктор Карбери упал на подушки и издал долгий шумный вздох.

— Да, возможно, это любопытно, но неудивительно. Лунатиков нельзя судить по общепринятым стандартам. Спящее сознание следует своим собственным алогичным путям. Но довольно, сэр, я устал.

— Однако у меня есть все причины полагать, что упомянутая леди не ходила во сне.

— А? — голова Карбери снова поникла. — Я не хочу, чтобы вы продолжали. Вы меня утомляете.

— Она была страшно расстроена. Мистер Уичкот жестоко избил ее в ту ночь. Вот что заставило ее бежать в Иерусалим. Я не верю, что она выбросила свои тапочки. С чего бы ей в голову пришла подобная мысль? Маловероятно также, что она их потеряла. Не на мощеной дорожке в месте, которое она так хорошо изучила при дневном свете.

Указательный палец доктора Карбери скреб покрывало, а подбородок его упал на грудь. Понимает ли он в подобном состоянии, на что намекает Холдсворт? Калитка на Иерусалим-лейн заперта. Весь колледж охранялся. Директорский дом и его сад заключены внутри колледжа. Калитка на мосту заперта. Это *hortus conclusus*, как с ноткой ученой снисходительности заметил Ричардсон в первый вечер Холдсворта в Кембридже, внутри *hortus conclusus*.

— Предположим, сэр, — продолжил Холдсворт. — Предположим, что миссис Уичкот в ужасе бежала по улицам, надеясь найти здесь укрытие. Она вошла через частную калитку на Иерусалим-лейн. А затем...

Клокотание в глубине горла доктора Карбери прервало Холдсворта посреди рассуждения. Голова дергалась вверх и вниз. Руки молотили. Тело извивалось под покрывалами. Правая рука откинулась в сторону, налетев на тумбочку, которая закачалась, и поднос с лекарствами соскользнул на пол.

Холдсворт дернул за шнурок колокольчика так сильно, что оборвал его. Он побежал к двери, открыл ее и позвал на помощь. На лестнице и в прихожей внизу загрохотали шаги. Доктор Карбери застонал и замер.

Холдсворт пересек комнату и подошел к кровати. Он склонился над лежащим мужчиной и взял его за запястье, чтобы нащупать пульс.

«Господь всемогущий, неужели я убил его?»

В этом деле с Сильвией Уичкот все непросто, подумал Холдсворт, все нереально. Оно как туман или дым. Протянешь руку, чтобы коснуться, — и ничего нет. Но пока рука движется, твои собственные действия оказывают таинственный эффект, меняя форму и вид того, что не удалось ухватить.

С одной стороны, утешало то, что это уже не его проблема. Леди Анна наняла его действовать от ее имени. Завтра, самое позднее, Джон получит от нее письмо, и она почти наверняка прикажет ему отвезти Фрэнка в Лондон. Ее интересуется сын, а не смерть женщины, которую она никогда не встречала.

Тем временем Холдсворт сознательно постарался занять себя другими делами. Он пообедал в колледже, где сидел между мистером Доу и мистером Краули и беседовал о библиотеке и ее изъянах с точки зрения их личных интересов. Но основной темой разговора за столом был доктор Карбери и его болезнь. Холдсворт, видевший его последним, был нарасхват как свидетель.

— Я узнал от слуги, что он едва не распрощался с жизнью, когда вы были с ним, — заметил мистер Ричардсон. — Вы действительно были в его спальне?

— Так вышло, что да... он пережил острый приступ боли, но, к счастью, кратковременный.

— Что его вызвало?

— Не могу сказать, сэр, — ответил Холдсворт. — Подобные вещи для меня загадка.

После он посетил библиотеку и поработал над своим исследованием ее содержимого и состояния. Холдсворту следовало подумать о собственном будущем — если собрание книг покойного епископа будет подарено колледжу, кто-то должен будет проследить за перевозкой, и почему бы этим кем-то не стать ему? Действительно, почему? Разве он не выполнил свою часть сделки с ее светлостью и не принес Фрэнку Олдершоу исцеление?

Он размеренно работал весь день и начало вечера, пока не услышал, как церковные часы пробили семь. Тогда он отложил заметки и пошел через двор в комнаты Фрэнка. Самого юноши не

было дома, но Малгрейв усердно готовился к тому, что называл элегантным скромным ужином.

— Вы поставили три прибора, — заметил Холдсворт, глядя на стол.

— Да, сэр. Мистер Фрэнк пригласил мистера Аркдейла присоединиться к вам.

Джон взял газету и устроился у окна. Через несколько минут он услышал осторожный стук в дверь гостиной, которую оставил незапертой. Малгрейв находился в комнате джипа и ничего не слышал. Дверь распахнулась.

За ней стоял мальчишка Уичкота. При виде Холдсворта он отпрянул.

— Прошу прощения, ваша честь, — пробормотал он. — Он собирается уйти нынче вечером.

Холдсворт отшвырнул газету и подошел к двери.

— Мистер Уичкот?

— Да, сэр. Нам придется подождать до заката, чтобы приставы его не схватили. Пойдем ужинать к миссис Фиар. Утром я принес от нее приглашение.

Холдсворт поманил мальчика в комнату.

— То есть, ты пойдешь с ним?

— Да, сэр, с фонарем, чтобы осветить обратную дорогу.

Холдсворт услышал легкое движение за спиной и обернулся. Малгрейв стоял в дверях.

— В чем дело? — рявкнул Холдсворт.

— Мне показалось, я слышал стук, сэр.

— Так и есть... как видите.

Малгрейв поклонился.

Огастес смотрел в ковер.

— Мне пора, сэр, — сказал он. — Хозяин послал меня за вином.

Холдсворт проводил Огастеса до двери. На лестничной площадке он произнес, понизив голос, чтобы, кроме мальчика, никто не расслышал:

— В остальном ничего не изменилось? Твой хозяин работает на прежнем месте? И хранит бумаги в том саквояже?

— Да, сэр. Но, ради Христа, если он меня раскроет, я покойник. Он не должен знать.

Огастес отпрянул и дернул головой, как нервный жеребец, и скользнул вниз по лестнице, держась близко к стене. Холдсворт вернулся в комнаты и закрыл дверь. Малгрейв протирал бокалы на столе.

— Вы не видели мальчика, — произнес Холдсворт.

— Не видел, сэр, — Малгрейв продолжил протирать бокал, который держал. — Мальчика мистера Уичкота.

Он поставил бокал и похромал к двери комнаты джипа.

— Вам-то что? — спросил Холдсворт.

Малгрейв обернулся.

— Ничего, сэр. Совсем ничего. Весьма многообещающий парнишка, как мне кажется.

— Я сегодня видел Соресби, — сказал Аркдейл. — Разговаривал с ним.

Фрэнк со звоном уронил вилку.

— Да ну? Выходит, он прячется у своего дядюшки Тома Говнаря?

— Возможно... не знаю. Он не сказал, — Гарри повернулся к Холдсворту: — Но он кое-что хочет рассказать вам, сэр. У него есть какие-то сведения... понятия не имею, какие... и они его беспокоят.

За столом никто не прислуживал — Малгрейва отослали. Ели все мало, хотя Фрэнк и Гарри Аркдейл налегали на вино.

— Это из-за них он очутился в столь затруднительном положении? — спросил Холдсворт.

— Не знаю. Но этот груз его тяготит. Я... взял на себя смелость предложить ему довериться вам, поскольку вы в некотором роде беспристрастный наблюдатель и... вы приехали по поручению ее светлости.

— При чем тут она? — спросил Фрэнк.

Гарри пожал плечами:

— Если кто и способен спасти Соресби, проследить, чтобы с бедолагой обошлись по справедливости, так это ее светлость.

— Я охотно встречаюсь с ним, — сказал Холдсворт. — Где?

— Он попросил меня осведомиться, не сообразовали ли вы заглянуть в кофейню мистера Терпина завтра. Это на Сейнт-Джонс-лейн, на том конце, где Круглая церковь. Он будет ждать в ней утром

между одиннадцатью и двенадцатью часами и будет бесконечно признателен, если вы выкроите время увидеться с ним.

— Ха! — фыркнул Фрэнк. — Тайное свидание!

Холдсворт пообещал посмотреть, что можно сделать. Опереточное выражение «тайное свидание» напомнило ему об Элинор, а не о Соресби. Он должен увидеться с ней до конца вечера.

За едой разговаривали мало. Фрэнк постоянно поглядывал на часы. Гарри, который ничего не знал о намеченной после ужина экспедиции, принес свои извинения и удалился, с добродетельным видом сообщив, что склонен немного почитать перед сном.

Его неуверенные шаги затихли на лестнице. Холдсворт положил на стол пять ключей. Они были связаны бечевкой.

— Нам подождать, сэр? — спросил Фрэнк шепотом, хотя услышать их было некому. — В смысле, пока не стемнеет.

— Слишком опасно. Мы не знаем, как долго Уичкот будет отсутствовать.

— В чем состоит ваш план?

— Мне лучше пойти одному. Но не могли бы вы оказать мне любезность немного прогуляться по галерее у часовни, как бы дыша свежим воздухом? Если Уичкот вернется, он пройдет мимо вас. Вы увидите, как он входит в главные ворота, и успеете предупредить меня. Я живу на той же лестнице, так что никто не удивится, застав меня там.

— А дальше?

— А дальше посмотрим, — Холдсворт встал и положил ключи в карман. — Это частично зависит от миссис Фиар, не так ли? Сколь надолго она задержит его.

— Под деревом? — спросила Элинор, когда Сьюзен убирала посуду после ужина.

— Прошу прощения, мадам?

— Вчера ты призналась, что Бен впервые воспользовался тобой в марте. «Под большим деревом». Каким именно?

Сьюзен, всегда розовощекая, стала пурпурной.

— О, мадам... под тем, что у пруда, под деревом Основателя. Он жестоко обманул меня, да, обманул, сказал, что хочет посмотреть мой новый плащ... помните, мадам? Вы только что подарили мне его, и я

вам очень благодарна, право слово. Значит, я выскользнула ночью, а он перебрался через стену из своего дома, попросил потрогать плащ и сказал, что он мягкий и теплый, как моя кожа, а потом начал гладить меня, целовать и говорить приятные слова, а потом...

— Хватит, — велела Элинон. — Но это случилось ночью. Как ты выбралась из дома?

На мгновение на лице девушки промелькнуло самодовольство и даже мнимое превосходство.

— О, мадам, — ответила Сьюзен, — он заставил меня спуститься по задней лестнице и выйти через садовую дверь. Он оставил калитку на мосту незапертой, когда работал по дому. И там ждал меня.

Элинон подумала, каким холодным, вероятно, был март и какой жаркой — их страсть.

— Но я получила хороший урок, мадам. На следующий раз я ужасно перепугалась. Понимаете, я пришла первой, и кто-то наткнулся на меня в темноте, — она взглянула на Элинон большими карими глазами. — Так что я больше не ходила туда.

«Нет, — подумала Элинон, — вместо этого вы с Беном использовали прачечную среди бела дня».

— Скажи мне, — попросила она. — Человек, на которого ты наткнулась в темноте, человек, который не был Беном... Полагаю, это был мистер Фрэнк Олдершоу?

После ужина миссис Фиар приготовила чай, напевая себе под нос. Уичкот откинулся на спинку стула. Занавеси на окне были задернуты, дверь закрыта. Он слушал, как напевает миссис Фиар, как ложки звенят о фарфор, как журчит вода, набираясь в чайник. Впервые за много дней Филипп испытывал умиротворение. Когда все это закончится, он переедет в Лондон и, возможно, проведет зиму за границей в сухом и солнечном климате, где деньги испаряются не так быстро. Хватит с него сырости Кембриджа с его болотными туманами и унылыми провинциальными обитателями.

Миссис Фиар передала ему чашку.

— Вы выглядите чуть лучше. Осмелюсь заметить, поначалу вы казались немного подавленным.

— Мне пришлось нелегко, дражайшая мадам. Я как крыса в норе. Если бы вы не оказались рядом и не протянули руку помощи, мог бы до сих пор гнить в предварительном заключении.

Она нахмурилась, отвергая его благодарность.

— Когда вы пошлете первые письма?

— Наверное, завтра. Для начала — пэру Англии, декану, заместителю военного министра и члену королевского двора.

— Потребуется время. Никто не любит расставаться с деньгами.

— У меня есть время, — ответил Уичкот. — Достаточно времени.

— Хотя, конечно, дело не только в деньгах. Если этот скандал с девчонкой выплывет на свет, вам понадобятся влиятельные друзья, которые будут сознавать, что услужить вам — в их собственных интересах.

Они провели вместе еще час, то разговаривая, то сидя в безмятежной тишине. Миссис Фиар взяла вышивание. В какой-то момент Уичкот чуть не задремал под ее негромкую песню; а когда рывком проснулся, то на мгновение смешался, сочтя себя снова мальчиком в доме отца, сидящим в маленькой гостиной с миссис Фиар и клюющим носом над книгой.

Он вышел из дома где-то в четверть двенадцатого, сопровождаемый Огастесом с фонарем. Они были вынуждены идти

медленно, поскольку Трампингтон-стрит была дурно замощена и дурно освещена. Пембрук-лейн выглядела еще темнее и грязнее.

— Ты должен вернуться к миссис Фиар на ночь, — приказал Уичкот Огастесу. — Жду тебя утром, как только откроют ворота. Я намерен приступить к делам пораньше.

Справа от них расстилалось темное открытое пространство Лиз. Впереди слева, на углу Скотного рынка, слабо мерцал огонь фонаря.

Внезапно Уичкот почувствовал опасность. Возможно, дело было в звуке или даже дуновении ветра. Что-то предупредило его, но слишком поздно.

За спиной раздавался быстрый топот. Фонарь полетел на землю, погас и с лязгом откатился. Кто-то схватил Уичкота за руку. Он обернулся, пытаясь орудовать тростью, но противник выкрутил ему запястье и заставил уронить трость. Другую его руку схватили и заломили за спину.

Филипп громко позвал на помощь. Рука закрыла его рот, придушив звук. В горле нарастала паника. Ему не хватало воздуха.

Это грабители, черт бы их побрал! Впрочем, они немного обнаружат в его кошельке. Сколько их? Уичкот видел только нечеткие силуэты на фоне ночного неба. Двое или трое, возможно, четверо.

Он сопротивлялся, но бесполезно. Они крепко держали его и тащили в поле. Откуда-то доносились другие шаги, но они удалялись, а не приближались. Этот чертов трусливый мальчишка бросил его.

Они намерены убить его?

Нападающие швырнули Филиппа на землю. Он лежал лицом в грязи и чувствовал во рту землистый привкус. Кто-то придавил его коленом, ударив по хребту. Множество рук вертело его во все стороны. В рот запихали грубую и отвратительную на вкус тряпку. Он давился, борясь с позывами к рвоте.

И тогда он понял, что это не грабители. Никто не произнес ни слова. Они не обыскивали его карманы и не срывали с пальцев кольца. Тогда какого черта им надо?

Они связали его запястья и лодыжки веревками, затянув их так сильно, что он завопил от боли. Схватили за ноги и плечи и подняли в воздух. Они уходили все глубже в темноту. С каждым их шагом на его теле от тряски появлялись новые синяки.

Время и расстояние потеряли всякий смысл. Уичкот не испытывал ничего, кроме боли и страха. Похитители резко остановились. Лязгнул засов. Скрипнули дверные петли. Его пронесли еще несколько ярдов и бросили. Филипп тяжело рухнул, и у него перехватило дыхание от удара. Он лежал на полу и хныкал.

Дверь закрылась. Снова лязгнул засов, возвращаясь на место, затем второй. Его нос был прижат к холодной земле. Пахло свиньями. Его никто не услышит, никто не спасет. Он не мог пошевелиться.

Слезы пробились сквозь сжатые веки. Что они намерены делать? У напавших должна быть какая-то цель. Они оставили его беззащитным, как спеленатый младенец.

Неприятное воспоминание возникло перед его мысленным взором: Табита Скиннер, вся в белом, с побледневшим лицом, привязана к кровати с раздвинутыми ногами и ждет, когда ее изнасилует Святой Дух.

Спальня Элинон Карбери располагалась рядом с ее гостиной. Женщина прижалась лицом к окну, чтобы не видеть отражений комнаты за спиной. Стекло запотело от дыхания. Днем, встав справа и вытянув шею, она могла бы увидеть стену служебного двора, а поднявшись на цыпочки — краешек частной калитки на Иерусалим-лейн. Сейчас Элинон ничего этого не видела, поскольку было темно.

Оранжевый свет мерцал и танцевал на стене двора. Она почти не сомневалась в этом. Источника света она не видела, только слабое, размытое отражение языков пламени.

Элинон до сих пор не разделась. Далее по коридору тихонько посапывал доктор Карбери, окруженный покоем, который мог ему даровать только опиум. Рядом с ним бдела сиделка. Здравомыслящая, опытная женщина, на которую можно смело положиться. Бена отослали домой. Сьюзен поднялась на чердак. Несколько драгоценных минут, даже часов, Элинон была свободна как воздух.

Она укутала плечи шалью и тихо спустилась вниз. Открыла засов и замок на садовой двери и вышла на улицу. Она ждала на дорожке, прислушиваясь, чувствуя, как вечерняя прохлада льнет к щекам. Ее дыхание было учащенным.

Элинон пошла по мощеной дорожке. Вход во двор располагался немного не доходя до калитки на Иерусалим-лейн; с севера его

ограждала крошащаяся, лишенная окон стена Ярмут-холла. Женщина услышала, как потрескивает пламя, пожирая топливо.

Огонь горел ярче, чем она ожидала, поразительно контрастируя с темнотой. Холдсворт стоял у жаровни. Должно быть, он услышал шаги, поскольку смотрел в ее сторону. Пламя изменило его лицо, сделав пылким и подвижным, превратив мужчину в сатанинского незнакомца. Внезапно она до смерти перепугалась.

«Что я делаю?»

Страх испарился так же быстро, как возник, когда Джон шагнул вперед и увидел ее.

— Я не знал, кто это, мадам, — тихо произнес он. — На мгновение я испугался, что меня обнаружили.

Элинор встала рядом с жаровней, протянув озябшие руки к огню. Обрывки бумаги ярко вспыхивали и почти сразу же съеживались в серые призраки самих себя. Холдсворт потыкал костер палкой, и призраки рассыпались в прах. Он бросил еще пригоршню листов на угли.

— Что доктор Карбери? — спросил он.

— Крепко спит.

— Его здоровье улучшилось?

— Между нами говоря, нет. Боюсь, доктор Милтон не питает надежд на этот счет.

— Весьма прискорбно. Я надеюсь, мой дневной визит не...

— Нет, не стоит беспокоиться. Никакие ваши слова или поступки не способны ухудшить положение.

Джон промолчал. Элинор наблюдала, как он кормит пламя. Груда бумаги постепенно таяла.

— Я кое-что должна вам рассказать о привидении, — сказала она. — Но сперва... все прошло хорошо?

— Проще некуда. Мистер Уичкот отправился ужинать к миссис Фиар. Никто меня не видел. Я нашел саквояж там, где сказал мальчик, и ушел, завернув его в плащ. Да, пока не забыл, вот, возьмите, — он достал связку ключей и протянул ей. — Вас не затруднит вернуть их на место?

Она покачала головой.

— Что вы нашли?

— Книгу, нечто вроде клубного реестра, в котором указаны настоящие имена членов клуба в соответствии с их апостольскими noms de guerre^[40]. И еще две или три книги, дневники или протоколы, полагаю, в которых записаны деяния клуба и его членов. В минувшие годы каждый президент, каждый Иисус Христос заполнял как протоколы, так и реестр. Одно не имеет ценности без другого. Но в совокупности они дают вполне четкую картину, кто что делал и с кем. Также я нашел черновики писем, которые мистер Уичкот намеревался послать ряду бывших членов клуба. Письма сформулированы очень осторожно, но их смысл совершенно ясен: он просит о дружеских услугах и, быть может, небольших ссудах, а в ответ обещает, что безрассудные поступки их юности никогда не смутят их покой.

— Снова призраки, — произнесла Элино́р. — Похоже, мы постоянно их производим. Мы — фабрики призраков.

— Эти призраки скоро утратят свою власть.

— Вы прочли бумаги, сэ́р? — Она отошла от жаровни и тем самым встала ближе к нему. — Несомненно, у вас не было времени?

— Я видел достаточно. Зашел в комнаты мистера Олдершоу, дабы убедиться, что взял правильный саквояж, и пролистал его содержимое. Это отвратительно.

Холдсворт уже вырвал страницы из книг, чтобы легче их сжечь. Элино́р присела на корточки и взяла пригоршню разрозненных листков. Она услышала, как Джон резко вдохнул, но промолчал и не попытался ее остановить. Элино́р приблизила пару-тройку листков к огню. Слова танцевали перед ней в изменчивом оранжевом свете.

— Боже праведный! Мистер Уичкот пишет Розингтонскому декану! Он обедал у нас в прошлом семестре, такой приятный мужчина, мы с ним пили чай после обеда. И лорду...

— Прошу вас, бросьте записи в огонь, мадам.

Элино́р швырнула бумаги на жаровню и выхватила наугад еще один листок.

— Вам не следует тревожить себя этой грязью, — произнес Холдсворт. — Это неприлично. И даже хуже того.

— Пусть я всего лишь женщина, сэ́р, но меня не так просто шокировать. — Она не поднимала глаз. — Это всего лишь свидетельство человеческой глупости, и в нем нет ничего из ряда вон выходящего. Женщины тоже глупые создания.

Джон не ответил. Только наклонился и швырнул бумаги в огонь.

— Кто такая эта Риченда? — спросила Элино́р.

— По-видимому, у Мортонa Фростуика, сотрапезника начальства из Иерусалима, который был президентом клуба лет двадцать или тридцать назад, служила девушка с таким именем. Пожалуйста, оставьте бумаги в покое.

— О боже, — воскликнула Элино́р.

Слишком поздно. Она перевернула листок и нашла на обратной стороне набросок: портрет девушки с правильными, приятными чертами лица, которая с кокетливой, манящей улыбкой глядела через плечо на художника. Она накручивала локон на пальчик. Внизу стояло единственное слово: «Риченда».

— Но она... она так похожа...

— Да, — Джон протянул руку за листком. — Вам, должно быть, становится жарко, мадам... позвольте мне бросить это в огонь.

По ту сторону жаровни языки пламени превратили мистера Холдсворта в незнакомца: наполовину темный силуэт, наполовину огонь, воплощенная тайна. «Риченда». Лицо и имя девушки слились в ее сознании с некими слухами о Мортоне Фростуике, которые вынудили его поспешно покинуть Иерусалим более двадцати лет назад. Она вспомнила, что в колледже до сих пор есть человек, которого слухи (и доктор Карбери) связывают с его именем. Как показала карьера Соресби, нищему и одинокому сайзару нелегко покрыть издержки университетского образования, а в те дни, вероятно, это было еще тяжелее.

— Знакомое лицо, — протянула Элино́р, изучая набросок. — Смотрите... разве вы не замечаете сходства?

— Отдайте его мне, мадам.

— Сейчас отдам. Это могла быть сестра или дочь мистера Ричардсона. Но я знаю, что у него нет ни сестры, ни дочери, поскольку он мне говорил как-то раз, что является единственным ребенком своих родителей, и, разумеется, не женат. Возможно ли, что это никакая не служанка, и вообще не девушка, а...

— Да, — произнес Холдсворт. — Пожалуйста, отдайте мне бумагу.

— Но, видите ли, это все объясняет.

— Что объясняет?

— О!.. многое. Например, из недавнего, почему мистер Ричардсон столь любезно позволил мистеру Уичкоту укрыться в колледже.

Холдсворт вынул из саквояжа очередную пригоршню бумаг.

— Это грязное дело, как ни посмотри. Я не стану усугублять положение.

Элино́р наблюдала, как он скармливает пламени последние листки. Затем взглянула на набросок. Он может пригодиться ей в ближайшем будущем для торговли с мистером Ричардсоном, ведь у него нет причин оказывать ей услуги. Возможно, это поможет уравновесить чаши весов.

Холдсворт отвернулся, чтобы выбросить последние бумаги в огонь. Элино́р показалось, что он упрекнул ее и даже отверг, хотя, господь видит, она ему ничего не предлагала. Джон достал карманный нож и принялся кромсать мягкую кожу саквояжа на мелкие кусочки.

— Я не знаю, что мне делать, — тихо сказала Элино́р.

Она стояла, опустив голову, с портретом Риченды в руке, и пыталась не думать о будущем. Разве настоящего не достаточно?

Холдсворт отложил нож и испорченную сумку. Подошел к Элино́р, почти бесшумно. Для крупного мужчины он двигался тихо. Она не знала, что собирается делать. Не знала и чего хочет.

Огонь умирал. Воздух наливался прохладой с наступлением ночи. Элино́р дрожала, хотя и не знала, от холода, от страха, от желания или от смеси всего этого.

— Позвольте мне бросить этот листок в огонь за вас, мадам. Так будет лучше.

Элино́р взглянула на него. «О чем на самом деле ты просишь? Что я выбираю?»

Джон подошел ближе. Она увидела его лицо, кожу, подсвеченную оранжевыми отблесками умирающего огня, и протянутую руку. Она не шевелилась. Его ладонь сомкнулась у нее на плече.

Долгое мгновение ничего не происходило. Затем Элино́р повернулась к нему — словно дверь замедленно качнулась на петлях. Другая его рука скользнула ей на талию. Хмурясь, она подняла голову. Он склонил лицо и поцеловал ее прямо в губы. Она знала, что это невозможно. Наверное, это постыдный сон.

Ее губы отвечали на его поцелуй. Она чувствовала незнакомую мягкость, тепло, которого не ожидала встретить, и еще его щетина

покалывала кожу. Во сне все возможно. Их губы разомкнулись. Она ощутила привкус дыма, вина и темноты. Потом отстранилась и бросила набросок в огонь. Риченда, хорошенькая девушка с кокетливой улыбкой, в последний раз возродилась к жизни: она сверкала яркими цветами, танцевала в языках пламени, грациозно извивалась и, наконец, почернела и рассыпалась в прах.

— Холодает, мадам, — произнес Холдсворт так тихо, что она с трудом расслышала. — Вам пора в дом. Простуда вам ни к чему.

Только позже, лежа в кровати, обхватив себя руками и думая о том, что случилось, думая о прикосновении его кожи и вкусе его губ, Элинор поняла, что забыла рассказать Джону Холдсворту о привидении.

Филипп Уичкот не спал. Долгие ночные часы уплывали в темноту, и он лежал в параличе неудобства, перемежаемом приступами боли, которые неуклонно становились все более частыми и острыми.

Он не знал, кто на него напал и почему. Они бросили его здесь умирать? Они хотели убить его?

Становилось все холоднее и холоднее. Полный мочевой пузырь причинял ему нестерпимую муку, пока он, наконец, не утратил контроль и к его несчастью не добавилась новая подробность. Вдалеке приглушенно звенели колокола Кембриджа, отмеряя часы его страданий. Филипп погрузился в подобие транса, не бодрствуя и не спя.

Его пробудил скрежет металла. Затем второй раз. Засовы отодвинулись. Уичкот открыл глаза. Светало. За спиной раздались шаги. Он знал, что людей больше одного, поскольку чувствовал прикосновения рук и слышал дыхание. Ему на голову накинута темная грубая ткань, натянули на плечи и перевязали на шее. Рывком подняли с пола. Но его ноги подогнулись, и он рухнул.

Похитители подхватили его под мышки, по одному с каждой стороны, и потащили на улицу. Он потерял сознание от боли.

Когда Уичкот очнулся, он снова лежал лицом вниз на чем-то громыхающем и тряском. Его руки и ноги больше не были связаны, а голова не покрыта. Кляп исчез. Его рот пересох, язык казался чужим и распухшим. Ноздри забивал дурной запах, а лицо было мокрым.

Обитые железом колеса громыхали по плитам мостовой. Его стошнило кислым. Филипп попытался перевернуться и сесть. Крикнул: «Стой!», но его рот разучился говорить и вместо слова изверг еще немного жидкой рвоты.

Он услышал голос и грохот других колес. Тележка налетела на бордюрный камень, покачнулась и замерла. В воздухе висели сварливые голоса, все до единого вульгарные и пронзительные, как у ссорящихся сорок.

Уичкот перекатился и сел. К его изумлению, раздался взрыв одобрительных возгласов.

— Дорогу милорду Засранцу на колеснице! — крикнул мужчина.

Возгласы сменились смехом и свистом. Уичкот огляделся по сторонам. Он понял, что сидит в тележке перед главным входом в колледж Иерусалима. На внешнем дворе толпились слуги колледжа, десятки слуг, мужчины и женщины, в ожидании, когда Мепал откроет ворота. Уичкот схватился за голову. Его парик и шляпа исчезли. Сюртук был порван и испачкан.

О боже! Он сидит в тележке золотаря, в луже экскрементов на виду у всего мира.

Внезапно свист поутих, хотя и не прекратился. Том Говнар с оглушительным грохотом откинул доску сбоку тележки, выставив Уичкота наподобие уroda на Стоурбриджской ярмарке.

— Только поглядите на его штаны! — взвизгнула женщина. — Милорд Засранец обмочился!

Толпа расступилась, пропуская двух крупных мужчин в черном, которые направлялись к тачке.

— Доброе утро, мистер Уичкот, — произнес мужчина постарше, с большим красным лицом и круглым животом, который нес перед собой наподобие здоровенной подушки. — Вот мы и встретились. Боюсь, у меня к вам четыре иска. Если только у вас в кармане не найдется больше двух тысяч фунтов, мне придется просить вас прогуляться обратно к мистеру Персеру.

Уичкот дико огляделся по сторонам, вопреки всему надеясь отыскать дружеское лицо в толпе. Он заметил Малгрейва всего в нескольких ярдах; тот стоял в обществе коренастого, почти квадратного человечка. Оба смотрели на Уичкота. Коренастый что-то прошептал Малгрейву на ухо. Джип улыбнулся и указал на красный рубец у себя на щеке.

Господи помилуй, подумал Уичкот, это же то место, куда я ударил этого скрюченного маленького жулика. И вот как он мне отомстил!

В нескольких шагах за Малгрейвом, у ворот стоял его собственный мальчишка-слуга и ждал, когда его впустят в колледж.

— Эй, парень, — окликнул Уичкот, внезапно обретя дар речи. — А ну иди сюда!

Огастес словно не расслышал.

— Сию секунду, я сказал! — крикнул Уичкот. — Быстро!

Малгрейв повернулся и положил руку Огастесу на плечо.

Мепал отпер ворота колледжа и распахнул их. Но никто не вошел. Все наблюдали за Уичкотом. Это была месть слуг, самая жестокая из всех возможных.

— Вы пойдете со мной, сэр, — сказал бейлиф. — Скоро все устроится как нельзя приятнее.

Песок на полу следовало бы поменять. В воздухе висел густой запах застарелого табачного дыма. Оконные стекла были покрыты бледным желтовато-зеленым налетом.

Подошел официант, вытирая руки о грязный фартук.

— Доброе утро, сэр.

— У меня назначена встреча, — Холдсворт оглядел комнату с низкими потолками. В помещении почти никого не было. — Пожалуйста, принесите пока что кофейник и две чашки.

Джон выбрал столик в кабинке с видом на дверь, и, коротая время, достал из кармана письмо. Грум в ливрее леди Анны прибыл с посланием, как раз когда Холдсворт покидал колледж. Он покрутил письмо в руках, но ломать печать не стал. Джон знал, что написала ее светлость: теперь, когда ее сын здоров, Холдсворт должен немедленно отвезти его в Лондон.

Почему бы и нет? Фрэнку больше нечего бояться Филиппа Уичкота. Записи клуба Святого Духа уничтожены. Благодаря Малгрейву, сам злоумышленник оказался в предварительном заключении, и вряд ли миссис Фиар в состоянии заплатить его долги. Если Уичкоту повезет, он сумеет сбежать на континент. Если нет, если с ним случится худшее, его может ожидать только перевод из предварительного заключения в долговую яму, где он состарится и умрет. Уж лучше катить тачку с потрепанными книгами по улицам Лондона, чем это.

В конце концов, какая разница, что случилось с Сильвией Уичкот? Несчастливая женщина мертва, и ее не вернуть. Но Фрэнк Олдершоу снова стал прежним. Это уже кое-чего стоит. Жизнь должна продолжаться, так или иначе. Мертвые не должны задерживать живущих.

Наконец Холдсворт сломал печать, но разворачивать письмо все же не стал. Он почти не спал прошлой ночью. Спутанные воспоминания о Марии и Джорджи боролись в его голове с более

свежими, но в некотором роде не менее спутанными — об Элинор Карбери, в особенности о том, как она появилась подле жаровни, освещенная пламенем подобно дьявольскому соблазну. Его собственное поведение, желания казались ему поистине омерзительными. Он вожделел женщину, муж которой лежал на смертном одре. И он не мог полностью выкинуть из головы подозрение, что и она, возможно, питает к нему склонность. Элинор отстранилась не сразу. И разве ее губы не разомкнулись на мгновение, когда он ее поцеловал?

Стало темнее. Джон поднял глаза. В дверях кофейни стоял Соресби. Он увидел Холдсворта и вздрогнул, как будто менее всего ожидал его найти. Лицо сайзара было еще более изможденным, чем обычно. Он выглядел не только нищим и грязным, но и больным. Холдсворт поманил его к себе и велел официанту поторопиться с кофе да принести тарелку с булочками.

— Мистер Холдсворт, не выразить словами, как я...

— Сперва поешьте и попейте, — посоветовал Джон. — Правильные слова поищите потом.

Официант, почуяв чаевые, заторопился. Соресби съел четыре булочки и выпил три чашки кофе. Холдсворт наблюдал, вспоминая, как менее месяца назад сам набросился подобно голодному волку на херес и печенье мистера Кросса в кофейне святого Павла. Нелегко быть мужчиной на голодный желудок.

— Мистер Аркдейл сказал, что вы желаете узнать мое мнение касательно того, что вам делать, — произнес он, когда Соресби утолил первый голод.

— Единственное, о чем я всегда мечтал, сэр, — заторопился Соресби, — это стать ученым. Почему они мне не дают? Я подошел совсем близко к исполнению мечты, как вдруг мои надежды навеки рухнули не по моей вине...

— При чем тут это, мистер Соресби?

Сайзар покраснел. Руки он прятал под столом, но, должно быть, потянул себя за пальцы, поскольку раздался знакомый треск.

— Прошу прощения, сэр... я... я не знаю, как поступить, я не в себе. С трудом понимаю, что говорю.

— Мистер Аркдейл сказал, что вы желаете со мной побеседовать. О чем?

Соресби отчаянно закивал, и его космы закачались по бокам от лица.

— Вы видели мою комнату, сэр.

Холдсворт недоуменно уставился на него.

— Да. Вам это прекрасно известно. Когда я сопровождал мистера Ричардсона.

Соресби кивнул.

— Почти все комнаты в Ярмут-холле выходят на переулок. Но моя мансарда выходит на другую сторону. Вы не смотрели случайно в окно, когда находились у меня?

Трое человек вошли в подъезд «Г» Нового здания. Мистер Ричардсон представлял колледж и шел первым. За ним — Огастес, поскольку он, теоретически, до сих пор находился в услужении у мистера Уичкота. Замыкал шествие Малгрейв, которому захотелось поразвлечься. Мистер Ричардсон не знал, что джип больше не связан с мистером Уичкотом.

На лестничной площадке Огастес отпер наружную дверь ключами, которые приставы забрали у Филиппа. Оказавшись внутри, Ричардсон встал посреди гостиной и огляделся.

— Мистер Уичкот пишет, чтобы вы собрали его коричневый чемодан. Смену белья, синий сюртук и туфли с серебряными пряжками... — тьютор умолк, чтобы свериться с письмом. — Также положите вино из шкафа в комнате джипа и чайницу. Малгрейв, соберите вино и чай, а мальчик займется одеждой. Мистеру Уичкоту также нужно кое-что из кабинета. Это я беру на себя.

Ричардсон достал ключи, открыл замок и вошел в кабинет. Дверь он закрыл за собой. Малгрейв взглянул на Огастеса и подмигнул. Рубец на его щеке искривился. Огастес отправился в спальню и выложил одежду на кровать. Он недоумевал, почему мистер Малгрейв подмигнул ему.

— Эй, парень!

Мальчик поднял глаза на Ричардсона в дверях спальни, за спиной которого маячил Малгрейв.

— Ты помнишь маленький черный саквояж своего хозяина? С тисненым гербом на коже?

— Да, ваша честь. Он стоял в кабинете.

— Его там нет.

Огастес тупо смотрел на него.

— Он должен быть где-то здесь, — резко сказал Ричардсон. — Твой хозяин особенно на этом настаивал. Он хотел, чтобы я взял его на хранение.

— Ну, я не знаю, сэр.

Тьютор прикусил губу.

— Это весьма досадно. И необъяснимо. Но, возможно, он убрал его в другое место. Под окно, например, где хранят уголь. Посмотри там.

Огастес не нашел ничего, кроме пустого ведерка для угля. Затем все трое обыскали комнаты, но тщетно. Когда они собрались уходить, Ричардсон завладел ключами и раздраженно обратился к Огастесу:

— Отнеси чемодан своему хозяину. К мистеру Персеру на Уолл-лейн.

— А что сказать о саквояже, сэр?

— А? Ничего. Оставь это мне... скажи, что я навещу его.

Ричардсон быстро направился прочь. Малгрейв последовал за ними по лестнице. Он глядел тьютору в спину, и рубец на его лице кривился от улыбки.

— Что ж, парень, — произнес Малгрейв.

— Да, сэр?

— Тебе, наверное, нужно новое место?

Огастес кивнул.

— Да, сэр. Еще как, сэр.

— Сообразительный парнишка мне пригодится. Если не будешь гнушаться тяжелым трудом, можешь сам однажды стать джипом. — Он достал из кармана полгиней и протянул на ладони. — Ну что? Скрепим сделку рукопожатием?

Огастес уставился на маленькую золотую монетку.

— Но, сэр... деньги?

Малгрейв снова улыбнулся, и рубец изменил форму.

— Ты помог мне, а я помогу тебе. Иди сюда... дай мне руку.

На обратном пути из кофейни Терпина Холдсворт укрылся от ливня в часовне Королевского колледжа. Высоко над его головой под

веерными сводами клубились тени. Казалось дурным предзнаменованием, что в середине лета так темно в полдень.

Он был не один, поскольку другие люди приходили, уходили и переговаривались. Нищий осторожно занимался своим ремеслом, но скрылся, когда Холдсворт сердито глянул на него.

Дождь, дождь, чертов дождь.

Дождь лил несколько дней перед тем, как Джорджи утонул на Козьей пристани. Однажды вечером мальчик сказал, что дождь — Божьи слезы и что Богу, наверное, очень грустно, если он так горько плачет. Джон ответил сыну, что нечего выдумывать глупости и что дождь — всего лишь сгустившиеся пары водяных облаков. Джорджи рассмеялся. Он не поверил отцу. Мария сказала, что Джорджи не следует играть на улице, поскольку от дождя мощенная булыжником Банксайд стала скользкой и опасной.

— Пф! — фыркнул Холдсворт. — Нечего с ним цацкаться.

Часовня наполнилась звуками — шагами, бессмысленными словами и неприкаянным эхом. Джон расхаживал взад и вперед, не обращая внимания на других людей и толкая тех, кто не желал убраться с его пути.

Неужели он до этого докатился? Даже Джорджи, даже Мария стали способом отвлечься от ужасных сведений, которые сообщил Соресби. Холдсворт засунул сжатые кулаки в карманы сюртука, сминая подкладку. Правая рука коснулась угла сложенного листка — непрочитанного письма леди Анны.

Письмо более не имело значения. Все померкло перед сведениями Соресби. Они терзали Джона каждый миг, как болезнь или яд. Но в его власти было скрыть их, поскольку Соресби не понимал их истинного значения. Кроме того, сайзар был уязвим, а значит, покладист, если Холдсворт решит отмахнуться от его слов как от злонравной попытки снискать благосклонность клеветнической выдумкой.

Но хватит ли этого? Ведь он, несомненно, никогда не сможет изгнать их из памяти. Подобное поведение в конечном итоге сделает лишь хуже... для него, несомненно, а может, и для Элинор. Во всем этом темном деле ясно одно: как бы он ни поступил со сведениями Соресби, несчастья не миновать.

Голова пульсировала. Казалось, свет вытек из часовни, оставив за собой серую мглу. Джон был совершенно один. Он не видел дороги.

Он был полон ужасного предчувствия непреходящей беспомощности.

Так вот к чему все рано или поздно приходит, подумал Холдсворт: будущее преследует человека точно так же, как прошлое.

— Благодарю вас, сэр, — сказала Элино́р, надеясь, что лицо не выдает ее чувств. — Моему мужу не лучше, но, по крайней мере, и не хуже. Большую часть времени он спит или дремлет. Во время бодрствования, однако, ум его беспокоен.

— Это не удивительно, — заметил Холдсворт.

— Да... но почему он хочет увидаться с мистером Соресби, да еще так безотлагательно? Или это опиум виноват? Кажется, он может породить странные фантазии?

— Несомненно, это связано с опиумом.

Элино́р резко взглянула, уловив в его тоне нечто странное.

— Я рада, что вы пришли... я хочу вам кое-что рассказать.

Однако в дверь постучали, и вошла Сьюзен с чайными принадлежностями.

— Вы уверены, что я не мешаю, мадам? — спросил Холдсворт.

— Ничуть, сэр.

Элино́р улыбнулась и на мгновение испытала чувство вины, не столько за улыбку, сколько за совершенно непростительную радость, которая ее вызвала. Джон не улыбнулся в ответ, и ее радость растаяла так же быстро, как возникла. Но вина осталась.

— Доктор Карбери спит, — более холодным тоном продолжила она. — Я уже велела принести себе чай. Достаточно поставить вторую чашку на поднос.

Оба молчали, пока служанка не оставила их наедине. Элино́р занялась чаем. Холдсворт встал и подошел к окну гостиной. С неба неустанно лил дождь, похожий на смазанные чернила. Сады были промокшими и безлюдными. Огромный платан заслонял половину неба. Элино́р собиралась нарушить неловкую тишину, рассказать ему о призраке, когда он повернулся к ней лицом.

— Я пришел попрощаться.

— А! Вам написала ее светлость. Мне тоже, — ее рука задрожала, пытаясь вставить ключ в скважину чайницы. — Она вызывает вас в Лондон... этого следовало ожидать. Все мы в ее власти. Когда вы с мистером Фрэнком уезжаете?

— Завтра, как можно раньше.

— Она писала, что вам лучше выехать сегодня.

— Мы не смогли найти экипаж за такой короткий срок, и к тому же мистер Олдершоу уже пригласил несколько ближайших друзей на скромный ужин сегодня вечером. Ему очень не хотелось им отказывать.

Элинор налила чай.

— Весьма гостеприимный молодой человек.

— Нет ли у вас поручений, которые мы могли бы исполнить для вас в городе? Возможно, вы хотите передать письмо ее светлости?

— Благодарю... я немедленно напишу ей и пошлю Бена к вам с письмом. — После того, что случилось прошлым вечером, она не могла понять перемены в его поведении, ныне столь чопорном и официальном. — А вы, сэр... что вы намерены делать?

— Это отчасти зависит от ее светлости. Она может послать меня обратно, чтобы продолжить работу над библиотекой. Я едва приступил к ее изучению. Или же останусь в Лондоне, и, возможно, она приставит меня к работе над библиотекой епископа на Голден-сквер.

— Выходит, мы оба обречены терзаться неизвестностью. Это неприятно, не правда ли?

Она протянула ему чай. С чашкой в руке Холдсворт вернулся к окну. В комнате воцарилась тишина. Элинор надеялась, что ее последняя реплика повлечет некие слова утешения, малейший намек, что после смерти мужа ее может ждать нечто иное, чем, в лучшем случае, впадение в зависимость от ненадежной щедрости леди Анны. Однако, далеко не в первый раз, Холдсворт застал ее совершенно врасплох, когда заговорил:

— Я видел мистера Соресби сегодня утром.

— Что? Он здесь?

— Нет, — ответил Холдсворт. — Он слишком напуган, чтобы вернуться, когда ему грозит подобное обвинение.

— Но где он? Я должна рассказать мужу. Это облегчит его...

— Нет, мадам. Вряд ли это будет мудро.

— Я не понимаю.

— Комната мистера Соресби в колледже находится на самом верху Ярмут-холла.

— Ради бога, какое это имеет значение?

— Такое, что одной февральской ночью он заболел и решил подышать свежим воздухом. Несмотря на холод, распахнул окно.

Элино́р промолчала.

— Его комната — единственная в здании, которая выходит на юг, — продолжил он суровой монотонной скороговоркой. — Это мансарда над служебным двором в глубине Директорского дома. Из окна даже виден кусочек сада.

— Но ведь не ночью? — резко спросила она. — Разве только в ясную погоду, когда светит луна, разумеется.

Джон поклонился, признавая ее правоту.

— Соресби не видел ничего интересного, мадам, но слышал достаточно. Он слышал шаги и голоса внизу, в саду.

— Вы сказали, он был нездоров. Возможно, у него была лихорадка. Возможно, он все вообразил.

— Я так не думаю. Как и доктор Карбери, полагаю. В конце концов, по вашему собственному признанию, доктор Карбери уже выговаривал вам за ночные прогулки по саду.

Элино́р выпрямила спину и сверкнула глазами.

— Если вы намерены меня в чем-то обвинить, сэ́р, пожалуйста, не надо ходить вокруг да около.

— Мистер Соресби говорил о ночи смерти миссис Уичкот, — сказал Холдсворт. — Постепенно он осознал возможную значимость того, что слышал. Около двух недель назад он изложил свою историю доктору Карбери, который сказал ему, что он, должно быть, ошибся. И тут же предложил мистеру Соресби Розингтонское членство.

Нечеловеческим усилием воли Элино́р поставила чашку на стол, не пролив ни капли.

— Мне вряд ли нужно говорить, что если мистер Соресби утверждает, будто я была на улице в ту ночь, это либо ужасная ошибка, либо чудовищная выдумка.

— Зачем ему лгать?

Она принужденно засмеялась.

— Чтобы добиться преимущества для себя. И ему это прекрасно удалось. Он беден и искал способа улучшить свое положение. Не могу винить его за это. Но могу — за клевету в мой адрес, пусть даже только подразумеваемую. И виню мужа за то, что он поверил ему.

— Мадам, я не верю, что это клевета. Он сказал, что сначала услышал вопль, от которого кровь стыла в жилах, а затем крик страдающей женщины. Казалось, он доносился от садовой двери в Директорский дом.

— И звон цепей, несомненно, и призрачные стоны... Это становится все более нелепым с каждым вашим словом.

Холдсворт отошел от окна и поставил чашку на письменный стол. Та опрокинулась, и чай вылился на кожаную столешницу. Он не обратил на это внимания. Элинор затаила дыхание. Ей пришлось в голову, что он напился.

Джон сел так резко, что стул накренился под его весом, и наклонился к ней.

— Я скажу вам, что, по моему мнению, случилось: Сильвия Уичкот пришла сюда той ночью, спасаясь от жестокости мужа. Она открыла своим ключом калитку на Иерусалим-лейн и прошла по мощеной дорожке от заднего двора к садовой двери. Разумеется, та была заперта и закрыта на засов. Но ваша спальня, мадам, расположена прямо над ней. Я думаю, она отчаянно пыталась привлечь ваше внимание... быть может, бросала комки земли и камешки в ваше окно? И, возможно, крик, который слышал Соресби, был криком страха и разочарования, когда миссис Уичкот сочла, что не сумела вас разбудить. Но она ошибалась.

— Похоже, не только мистер Соресби наделен живым воображением.

— Что еще ей оставалось делать? Она так часто у вас ночевала, что знала, где расположены спальни. Кроме того, у кого еще она могла надеяться найти прибежище, как не у вас? Вы были ее подругой.

«Моя подруга».

Эти два слова разъедали разум Элинор, как кислота — металлическую пластину. Она встала, двигаясь так неуклюже, что налетела на стол с чайными принадлежностями.

— Я думала, вы более проникательны, мистер Холдсворт.

Он тоже встал. Но ничего не говорил.

— Я любила ее — и презирала, — выпалила Элинор. — Сильвия была так импульсивна, чувствительна и тщеславна! Красивое лицо или пылкий комплимент могли вскружить ей голову в одно мгновение и

разжечь ее аппетит. Вот почему она вышла замуж за мистера Уичкота. И вот почему она набросилась на Фрэнка.

Женщина заплакала; жаркие слезы бесшумно катились по ее щекам.

— Она была такой легкомысленной, вечно в поисках новой забавы. Мне кажется, ей было на всех наплевать, несмотря на все ее обаяние. Но она всегда возвращалась ко мне. С тех самых пор, как мы были детьми. Потому что она знала, что я ее не брошу. Она знала меня, а я знала ее.

Элино́р отвернулась и промокнула глаза платочком. Холдсворт ничего не говорил. Его молчание — тупое орудие, подумала она, и этот отвратительный человек забьет им меня до смерти.

— Это все? — Она снова повернулась к нему. — Или юный глупец утверждает, будто слышал что-то еще?

— Мистер Соресби сказал, что услышал движение внизу... сейчас ему кажется, что это были звуки борьбы. А позже раздались другие шаги на гравийной дорожке, ведущей к пруду. Наутро в воде нашли тело миссис Уичкот. Но золотарь подобрал ее тапочки на плитах у вашего дома. Недалеко от садовой двери, собственно говоря.

— Ее тапочки? Какие еще тапочки?

— Вы, наверное, помните, что обуви на теле или рядом с ним не нашли. В среду мистер Аркдейл и мистер Фрэнк забрали тапочки миссис Уичкот у жены золотаря.

— Это какая-то нелепая мешанина. Как вы не понимаете?

Элино́р снова села, поскольку боялась, что у нее подкосятся ноги, и скомкала влажный платок в тугую, жесткий шарик.

— Для начала, почему никто из них не упомянул об этих любопытных... домыслах и открытиях в свое время?

— Соресби — робкий и одинокий молодой человек. Он предположил, будто это некое личное дело доктора Карбери...

— Личное дело? Чушь!

— Он беден и напуган, мадам. Он не смел заговорить и навлечь на себя гнев директора. И в любом случае, точно не знал, насколько важно то, что слышал. Что до золотаря, тот посчитал, что леди больше не нужны ее тапочки, и к тому же их никто не искал — так почему бы не одарить свою жену? Он убежден, что подобные находки принадлежат ему по праву.

— Поверить не могу, что вы обвиняете меня на основании таких шатких доказательств и из таких источников.

— Разумеется, я вас не обвиняю, — Джон шагнул к ней, и на мгновение ей показалось, что он собирается взять ее за руки. — Но от имеющихся улик нельзя так просто отмахнуться, и другие могут обвинить вас на их основании, даже если я не рискну. Сами посудите, мадам... это место по ночам — крепость. Окно вашей служанки выходит на двор по другую сторону дома, как и окно доктора Карбери. Ваше — единственное, которое смотрит на сад. Если кто-то вышел к миссис Уичкот, скажут они, кто это мог быть, как не вы?

— А вы, сэр? Что вы скажете?

Холдсворт мрачно глядел на нее.

— Я не знаю.

— Что ж, сэр, теперь мне известно мое положение. Вы осудили меня и нашли очень легкой^[41]. Но теперь ваша очередь, так окажите любезность обдумать вот что... — Самообладание незаметно покинуло Элинора, и она отчаянно разозлилась. — Похоже, и другие покидают этот дом по ночам. В марте моя служанка ускользала через садовую дверь — по меньшей мере, дважды, — чтобы встретиться со своим любовником, слугой доктора Карбери. Их рандеву проходили под платаном у пруда. В первый раз он овладел ею. Во второй она явилась раньше времени и встретила на рандеву кого-то другого. Вернее, он наткнулся на нее. Фрэнк Олдершоу.

— Боже праведный! Привидение? Но плащ... застежка?

— Садовник нашел плащ наутро после смерти Сильвии и принес его мне. Плащ никому не был нужен, и он был совсем новый. Сильвия носила его всего день или два. В конце концов, я отдала его служанке. Глупая девчонка без ума от него. А застежка была в форме буквы «S», если помните. Мою служанку зовут Сьюзен, так что, в некотором роде, это судьба.

— Плащ? — Глаза Холдсворта расширились. — Плащ? Мадам, я был таким идиотом...

Снаружи раздался внезапный грохот, по коридору застучали торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появилась сама Сьюзен.

— О, мадам, вам лучше поторопиться.

Профессорская комната превратилась в ученый улей и гудела от догадок и скрытого оживления. Все знали, что доктор Милтон явился к директору и что в Директорский дом призвали священника, дабы прочесть чин посещения больного, включая отходную молитву.

Мистер Ричардсон с вытянутым скорбным лицом председательствовал за ужином. Позже, за вином, тьютор сел рядом с Холдсвортом.

— Я хотел бы воспользоваться возможностью и пожелать вам счастливого пути. Вы с мистером Фрэнком уедете слишком рано, чтобы я успел попрощаться утром. Вы не окажете мне честь выпить со мной по бокалу вина до отъезда?

Ричардсон сопровождал вино любезными комплиментами о выгодах, которые визит Холдсворта принес как Фрэнку, так и колледжу. Постепенно он перевел разговор на леди Анну.

— Я знаю, что ее светлость очень беспокоится о здоровье доктора Карбери... она принимает такое участие в делах колледжа! И разве не разумно предупредить ее заблаговременно? Боюсь, весьма вероятно, что молитвы друзей доктора Карбери не будут услышаны и печальное событие вскоре наступит... возможно, именно вы принесете весть о нем ее светлости. В каком случае совет ее светлости будет поистине бесценным. Она обладает опытом, необходимым нам для направления размышлений в должное русло... знанием мира... и материнским всеобъемлющим пониманием того, что лучше для Иерусалима... вполне естественно, разумеется, для прямого потомка нашего Основателя.

Холдсворт сказал, что, несомненно, она сделает все необходимое.

— Если вам представится возможность, дражайший сэръ, — продолжил Ричардсон, — я был бы весьма признателен, если бы вы особо подчеркнули в ее присутствии важность недопущения длительного междувластия в Директорском доме. Боюсь, доктор Карбери несколько ослабил поводья во время болезни, и братству нужен директор, который знает колледж и на твердость руки которого можно рассчитывать. Друзья говорят, что я должен позволить им назвать мое имя, но полагаю, что лучше всего положиться на

благоволение ее светлости. Если дело дойдет до кризиса, которого мы опасаемся, уверен, мы можем уповать на то, что она счастливо проведет нас сквозь тернии.

Холдсворт поклонился, признавая правоту Ричардсона, но ничего не обещая.

— Какое скорбное время для Иерусалима! — Ричардсон набожно воздел очи горе. — Конечно, не нам оспаривать пути Провидения! Как говорится, беда не приходит одна. Надвигающаяся кончина бедного доктора Карбери — тяжелейший удар из всех. Но злключения мистера Уичкота также окажут влияние на колледж. Да что там, весь университет судачит о скандальной сцене сегодня утром. И где — у наших собственных ворот!

— Полагаю, несчастный мистер Соресби также занимает ваши думы, сэр? — предположил Холдсворт.

— А! Этот мерзавец! Что ж, он ничего не приобрел своим вероломством. И если бедный доктор Карбери умрет, он утратит своего единственного сторонника. *Номо proponit, sed Deus disponit*^[42].

— Пути Господни неисповедимы, сэр, — возразил Холдсворт. — А значит, Господу угодно, чтобы мы делали все возможное, учитывая обстоятельства. Обвинение против мистера Соресби до сих пор не выдвинуто. Возможно, факт воровства не так очевиден, как кажется?

— Я всем сердцем хотел бы в это верить, — ответил Ричардсон. — Но... помилуйте, сэр, вы сами присутствовали при раскрытии его преступления.

— Да, но доказательства были, так сказать, косвенными. Я не могу отделаться от мысли, что возможны иные объяснения. Например, что, если доказательства были сфабрикованы с целью дискредитировать его? — Холдсворт сделал паузу, глядя Ричардсону в лицо. — К примеру, злокозненным слугой.

Ричардсон отвернулся.

— Я не могу в это поверить. Прошу прощения, сэр, но это всего лишь ничем не подкрепленные домыслы.

— Однако элемент сомнения остается, сэр, вы должны это признать. Как жаль, если карьера человека рухнет из-за простого подозрения. Особенно такого человека, как мистер Соресби, у которого нет средств и очень мало друзей. Если случившееся будет

забыто, если ему будет дозволено возобновить свои занятия, уверен, это послужит во благо всем.

Ричардсон изучал его.

— Я не вполне вас понимаю.

— Никакой скандал не замарают колледж. Подобный жест сочтут мудрым и милосердным. Разумеется, Розингтонское членство — совсем другое дело... если доктор Карбери умрет, новый директор вполне может предпочесть иного кандидата, когда придет время. Никто не станет ему за это пенять.

Ричардсон медленно покачал головой.

— Сомневаюсь, мистер Холдсворт. Сомневаюсь, что это хорошая мысль.

Джон наклонился ближе, почти касаясь губами уха Ричардсона.

— Риченда, — прошептал он.

Тьютор повернул голову и взглянул на Холдсворта. Он молчал. Лицо его выглядело странно неподвижным, лишенным обычной живости.

— Уверен, что столь милосердный жест заслужит одобрение ее светлости, — продолжил Холдсворт.

— Но мы даже не знаем, где Соресби.

— Полагаю, мы без особого труда сумеем найти его, сэр, когда понадобится.

Его губы безмолвно повторили: «Риченда».

— Возможно... в таком случае мы сможем что-нибудь сделать.

Ричардсон наклонился ближе.

— Скажите мне, сэр, — прошептал он. — Черный саквояж с гербом. Это вам о чем-нибудь говорит?

Холдсворт покачал головой.

— Ни о чем, сэр. Совершенно ни о чем.

Холдсворт не стал задерживаться в профессорской. Он вышел на улицу, где дождь прекратился, а воздух был прохладным и свежим и пахнул мокрой землей. Оказавшись на Церковном дворе, он взглянул на незанавешенный эркер профессорской. Все собрались за столом Ричардсона и жадно внимали словам тьютора.

С дальней стороны двора доносилось пение. Джон направился в его сторону. Шумели в комнатах Фрэнка. Он не разобрал слова, но

узнал мелодию, которую слышал в тот первый вечер, когда прогуливался с мистером Ричардсоном по саду в Иерусалиме.

Джерри Карбери вовсю веселится —
Решил до зеленых чертей он напиться.
Велите слуге, чтоб со шляпой пришел,
Не то он извергнет свой ужин под стол!

Раздался взрыв одобрительных возгласов и смеха. Холдсворт помедлил в тени галереи, где единственный фонарь горел над дверью часовни. Он услышал шаги, и два молодых человека вышли во двор и неуверенно направились в соседний подъезд. Ужин подходил к концу. Холдсворт мгновение подождал и поднялся в комнаты Фрэнка. Аркдейл и остальные уже ушли, и Фрэнк в одиночестве сидел у окна в одной рубашке и пил бренди.

— Холдсворт, друг мой, — запинаясь, выговорил он. — Мой милый, милый друг. Гост, сэр. Я настаиваю.

— Уже поздно, мистер Олдершоу. Экипаж прибудет в...

— Нет-нет. Поднимите бокал. Черт побери, вы отличный парень. Подождите, вот вернемся в Лондон, и я вас отблагодарю.

— Я нашел ваше привидение.

Фрэнк вскочил на ноги.

— Вы что... вы рехнулись?

— Нет, сэр. Если вкратце, вы наткнулись на молоденькую служанку, которая ждала любовника под деревом, а она слишком опасалась последствий, чтобы открыть всему миру, что случилось. Она была вашим привидением. Она была вашей Сильвией.

— Нет, нет... вы меня обманываете. Я вам не верю. Плащ, застежка...

— Принадлежали Сильвии. По крайней мере, в этом вы не ошиблись, — Холдсворт не отрывал взгляда от своего темного отражения в оконном стекле рядом с головой Фрэнка. — Плащ нашли в саду наутро после смерти миссис Уичкот. Миссис Карбери отдала его своей служанке. В этом нет ничего таинственного, кроме как в вашем воображении.

Фрэнк сел.

— Но я был совершенно уверен...

— Возможно, потому что вас терзало чувство вины.

— Ну конечно... сначала та девушка в клубе, а потом бедная Сильвия, которую избил ее чудовище-муж...

— Я этого не говорил.

Фрэнк налил себе еще бренди и выпил.

— Что ж, теперь все позади. И завтра мы будем в Лондоне. Знаете, вряд ли я вернусь в университет... он не подходит мне, а я не подхожу ему.

Холдсворту казалось, что он стоит на перекрестке дорог. За спиной лежало прошлое, а впереди таились бесконечные вариации будущего, в основном мрачные и непривлекательные. Он был полон усталости, злости и сожалений.

— В ночь, когда Сильвия умерла, кое-кто слышал звуки борьбы на заднем дворе Директорского дома. Ее тапочки позже нашли поблизости. Она была с кем-то. Я думаю, это были вы, мистер Олдершоу.

— Что? Да вы рехнулись. Точно рехнулись.

— Откуда еще вам знать, какой плащ на ней был? И даже форму застешки на плаще? Никто другой о них не упоминал. И, разумеется, она хотела бы, чтобы вы проводили ее по улицам. Кто может быть лучшим спутником, чем любовник?

Фрэнк уставился на него.

— Вы глупец, Холдсворт, глупец и безумец. Вам это известно? Разве вы не понимаете, что я вас уничтожу?

— Свидетель слышал вопль. Она собиралась перебудить весь колледж, мистер Олдершоу, и устроить скандал из-за своего мужа. И, несомненно, вас тревожило, что скажет ее светлость. Она снисходительная мать, но даже ее снисходительность должна иметь свои пределы. Возможно, вы пытались утихомирить миссис Уичкот и несколько перестарались. Я не верю, что вы хотели ее убить.

— Это... это чепуха. Я уже не припомню, кто мне рассказал о плаще... возможно, доктор Карбери или один из слуг колледжа. Но кто-то рассказал. Иначе и быть не может.

У двери Холдсворт обернулся. Ему нечего было предъявить магистрату, кроме вороха подозрений.

— Вы сохранили хладнокровие, — сказал он. — Очевидно, вы заперли Директорскую калитку за собой и выбросили ключ Сильвии, когда бежали обратно в Ламборн-хаус.

Фрэнк глядел на него с красным лицом и пустым бокалом в руке. Он снова казался ребенком, на грани слез.

— Чтоб вас черти взяли, — выдохнул он. — Она заявила, что я должен заставить Уичкота развестись с ней, что я должен жениться на ней.

— И?

— Но это было совершенно невозможно. Ее светлость не допустила бы этого. И к тому же...

— Что к тому же? — тихо спросил Холдсворт.

Фрэнк пожал плечами:

— В конце концов, она была всего лишь женщиной. Старше меня... у нее не было ни состояния, ни связей. Нет-нет... совершенно исключено. Да вы и сами понимаете.

— И вы убили ее?

— Но я... я не хотел.

— Вы набросились на нее.

Холдсворт подумал, каким же он был дураком, ведь доказательства с самого начала были у него под носом. Как это доктор Джермин назвал? *Mania furibunda*.

— Точно так же, как набросились на меня и мистера Уичкота на мельнице, и доктора Джермина в Барнуэлле, и бедного мистера Кросса. При встрече с трудностями вы склонны прибегать к насилию.

— Не забывайте, вы ничего не докажете. Я упеку вас за клевету. Я...

— Вы отправитесь завтра домой в одиночестве, мистер Олдершоу, — Холдсворт задержался в дверях. — И запомните вот что: вам от нее не избавиться. Сильвия останется с вами навсегда.

Церковный двор был пустым. Ночное небо затянуло облаками. Звезд почти не видно. Холдсворт прошел сквозь галерею в темноту. Он пересек мокрую траву, направляясь к восточному платану и Длинному пруду. В данном расследовании не было ничего научного, подумал он, ничего, что можно вставить в памфлет и предложить миру. Сплетение теней и оттенков, видимых, слышимых и понятых лишь наполовину.

Сплетение призраков?

Под деревом было темно. Вытянув руки, Холдсворт медленно двигался под его пологом, пока не ступил на берег Длинного пруда, недалеко от того места, где в воде нашли Сильвию Уичкот. Он взгляделся сквозь ветви. Огни горели в окнах второго этажа Директорского дома. Цвета поблекли, и формы стали текучими, их очертания растворились в сгущающейся ночи.

Мария. Джорджи. Сплетение призраков.

Имена возникли у Холдсворта в голове. Вместе с ними явились воспоминания и привычное чувство опустошенности. Он касался их осторожно и тщательно, подобно тому, как язык ощупывает больной зуб, чтобы оценить его состояние. Что-то изменилось за недели, проведенные в Кембридже. Что-то сместилось. Дорогие сердцу мертвецы чуть отступили от него.

Слева, на самом краю поля зрения что-то мелькнуло. Джон быстро повернул голову. Мостик, перекинутый к Директорскому саду, был едва различим — серая запятая над водой. На мгновение Холдсворту показалось, что он видит нечто бледное на вершине пологой арки... не очертания, а, скорее, просвет среди мрака, частично заслоненный перилами. Но чем больше он вглядывался, тем меньше видел. Зрение подшутило над ним.

Элино́р?

Что ему делать? Он ошибся в ней. Он повел себя глупо и жестоко. И все же он не мог сдержать ликования. Она невиновна. Станет ли она его слушать?

Пока Холдсворт стоял в темноте, засунув руки в карманы и думая об Элино́р, тишину нарушили звуки. Вдалеке открылась и закрылась дверь. Кто-то побежал по Церковному двору.

Надо идти к ней, подумал он, как можно скорее, умолять о прощении, броситься к ее ногам.

Джон по-прежнему не сводил взгляда с моста. На мгновение он уверился, что на нем кто-то есть, кто-то движется.

Элино́р? Его сердце забилося быстрее. Чепуха, сказал он себе... что ей делать на улице в такое время? Это, должно быть, игра света, игра тени. И все же его сердце колотилось, и возможность ее появления оставалась.

Был только один способ убедиться. Холдсворт медленно пошел вдоль берега к мосту.

И тогда колокол колледжа начал бить. Он звучал непривычно: как будто дальше, чем обычно, сквозь туман. Холдсворт остановился и прислушался. Колокол бил, приглушенно, торжественно и мрачно. Двери и окна распахивались. Все в Иерусалиме возрождались к неестественной жизни, как будто на дворе стоял день, а не ночь.

Нет, не все.

Приглушенный колокол звонил по мертвецу: итак, доктор Карбери наконец умер. Элинор свободна.

Холдсворт бросил взгляд на мост. Просвет во мраке ускользнул прочь.

От автора

Восемнадцатый век не был периодом расцвета для английских университетов (в общем и целом, шотландские справлялись лучше). В Оксфорде и Кембридже отдельные колледжи следовали своеобразными путями, и мало что побуждало их отклоняться от уставов, которые устарели по меньшей мере на два столетия, как и программы, которые университеты предписывали изучать своим студентам. По стандартам 1780-х годов колледж Иерусалима могли считать консервативным, а некоторых членов его совета даже несколько эксцентричными; но ничего необычного в этом не было.

Те, кто знаком с современным Кембриджем, могут заметить разительное сходство между вымышленным колледжем Иерусалима и совершенно реальным колледжем Эммануила. Я хотел бы подчеркнуть, что данное сходство распространяется только на его планировку и аспекты ранней истории. Также должен поблагодарить за оказанное мне содействие доктора Сару Бендалл, члена совета Эммануила, и Аманду Гуд, хранителя архива колледжа. Доктор Бендалл в соавторстве с профессором Питером Бруком и профессором Патриком Коллинсоном является автором «Истории колледжа Эммануила» («Бойделл пресс», 1999), которая проливает свет на развитие и устройство колледжа средних размеров в течение более чем четырех столетий.

Клуб Святого Духа, разумеется, вымышлен. О существовании сатанинских клубов при университетах ходят слухи, не подкрепленные вескими доказательствами. Но подобные общества нелегко проследить в силу самой их природы. Имеется достаточно доказательств их существования в других социальных кругах, хотя к 1780 году большинство из них несколько присмирело и стало осмотрительнее.

Я использовал названия улиц Лондона и Кембриджа, которые были в ходу в восемнадцатом веке, и они необязательно совпадают с современными.

Благодарю Роджера Краули, Мартина Доу, Алика Мискина и Кристофера Трилло за то, что они одолжили мне свои имена; Элизабет Мэннерс за то, что она снабдила Иерусалим патентной грамотой королевы Елизаветы I; моего агента, Вивьен Грин, и издателей из

«Майкл Джозеф» за терпение, энтузиазм и педантичное редактирование; и свою супругу, Каролину, за все остальное.

Эндрю Тейлор

---

notes

Примечания

1

Паттены — кожаные или деревянные сандалии, надевавшиеся поверх обычной обуви для ходьбы по грязи и снегу (*здесь и далее — прим. перев.*).

2

Лихтер — грузовое несамоходное морское судно.

3

День середины лета — 24 июня, Рождество Иоанна Предтечи.

4

Наставник студента, организатор учебного процесса.

5

Студенты, которые вносят увеличенную плату и во время обедов восседают за профессорским столом.

6

Только слова (*фр.*).

7

Сладко мудрость забыть порой (Гораций, «Оды», пер. Н. Гинцбурга).

8

Речь идет о священном платане, которому, согласно Геродоту, поклонялся персидский царь Ксеркс.

9

Шекспир «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (пер.
М. Лозинского).

10

Пенис (*лат.*).

11

В числе прочего (*лат.*).

12

Короче говоря (*лат.*).

Болотистая местность в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк.

14

Неожиданная развязка, сенсация, трюк (*фр.*).

15

Разрешение студенту не посещать ранних богослужений;
дословно «пусть он спит» (*лат.*).

Чичероне (*ит.* *сісегоне*, по имени оратора Цицерона), в прежние времена ученый, умевший объяснять всевозможные древности и редкости; теперь — переводчик, показывающий иностранцам местные достопримечательности.

17

Без забот (*фр.*).

Что и требовалось доказать (*лат.*).

19

Декоративная остроконечная башенка.

Список выпускников, ранжированный по академическим заслугам.

21

Выпускник Кембриджа, особо отличившийся на экзамене по математике.

Мальчик, состоящий в половой связи с взрослым мужчиной.

Зобная и поджелудочная железы, употребляемые в пищу.

Десерт из сливок или молока с вином.

25

Отступить, чтобы дальше прыгнуть; уступить, чтобы добиться большего (*фр.*).

«В защиту царя Деиотара» (*лат.*).

Молитва Богородице.

Кочерга, каминные щипцы, совок.

29

Город, известный своими скачками.

30

Твердая почва (*лат.*).

Пиво высшего качества, первоначально варилось ко дню ревизии отчетности колледжа.

На неопределенный срок (*лат.*).

Колин Маклорен (1698–1746) — выдающийся английский математик.

Здесь — последователи философии Платона, который общался со своими учениками в оливковой роще, названной в честь героя Академа.

На первый взгляд; при отсутствии доказательств в пользу
противного (*лат.*).

Эдуард Юнг. «Ночные размышления».

Водовод в Кембридже.

Произведение Ксенофонта о походе Кира Младшего против Артаксеркса.

Гуго Гроций (1583–1645) — голландский юрист, философ, драматург и поэт, заложивший основы международного права.

Псевдонимы (*фр.*).

Аллюзия на цитату из Библии: «Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:27).

Человек предполагает, а Бог располагает (*лат.*).

Table of Contents

[Эндрю Тейлор Анатомия призраков](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[46](#)

[47](#)

[48](#)

[От автора](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)